

На правах рукописи

РАСУЛОВ СУХАЙЛИ МИРКОЗИЕВИЧ

**ИМЕННЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ В ТАДЖИКСКОЙ
ПОЭЗИИ КОНЦА XIX И НАЧАЛА XX ВВ.**

(структурно-семантический анализ)

Специальность: 10.02.22 – языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (таджикский язык)

Диссертация

на соискание ученой степени доктора филологических наук

Научный консультант:

доктор филологических наук

Мухторов Зайнидин Мухторович

Душанбе – 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЛОВСОЧЕТАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ	18
1.1. Исторические предпосылки теории словосочетания	18
1.2. Развитие теории словосочетания в таджикском языкознании.....	28
ГЛАВА 2. СУБСТАНТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ	69
2.1. Изафетные субстантивные словосочетания имен существительных	69
2.2. Примыкающие субстантивные словосочетания имен существительных.....	118
2.3. Предложная и послеложная конструкции субстантивных словосочетаний имен существительных	121
ГЛАВА 3. СУБСТАНТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО И ИМЕННЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ	138
3.1. Изафетные субстантивные словосочетания модели «имя существительное +имя прилагательное» - N+Adj.....	138
3.2. Изафетные субстантивные словосочетания модели «Имя существительное +имя числительное» – N+Nu.	165
3.3. Изафетные субстантивные словосочетания модели «Имя существительное +местоимение» – N+Pr.	175
3.4. Изафетные субстантивные словосочетания модели «Имя существительное +причастие» – N+Pa	223
3.5. Изафетные субстантивные словосочетания модели «Имя существительное +инфинитив» – N+In	227
3.6. Примыкающие субстантивные словосочетания.....	229
ГЛАВА 4. АДЪЕКТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ	251
4.1. Предложные и предложно-послеложные конструкции адъективных словосочетаний	253
4.2. Изафетные адъективные словосочетания с предложной конструкцией	302
4.3. Примыкающие адъективные словосочетания.....	309
ГЛАВА 5. СЛОВСОЧЕТАНИЯ ИМЕН ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ И МЕСТОИМЕННЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ	319
5.1. Словосочетания имен числительных	320
5.2. Местоименные словосочетания.....	344
5.2.1. Изафетные местоименные словосочетания.....	345
5.2.2. Предложные местоименные словосочетания	360
5.2.3. Примыкающие местоименные словосочетания	365
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	378
БИБЛИОГРАФИЯ	390

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистической литературе анализ и интерпретация такой сложной языковой единицы как словосочетание занимает особое место и относится к основным и ключевым аспектам науки о языке. Наряду с этим при исследовании различных аспектов человеческого языка, а также при лингвистическом анализе отдельных языковых единиц многие ученые обращаются к вопросам словосочетания, при этом показывая зависимость многих вопросов языка к различным особенностям словосочетаний, в том числе словосочетаний в контексте поэтического слова. Несмотря на то, что словосочетания обладают целым рядом грамматических характеристик и рассматриваются в рамках различных лингвистических исследований, тем не менее, они до сих пор не изучены в должной степени. Уже имеющиеся исследования видов и структур словосочетаний нельзя признать полностью раскрывающими все лингвистические и лингвопоэтические особенности данной языковой единицы.

Актуальность темы исследования. Общеизвестно, что проблемы словосочетания в современной лингвистике считаются наиболее актуальными вопросами, так как данная языковая конструкция считается ключевой единицей такой сложной системы как язык. Проведенные исследования по различным аспектам словосочетаний, показывают, что словосочетание является важным срединным и ключевым компонентом языкового строя и посредством всестороннего изучения словосочетаний можно выявлять лексико-семантические, стилистические, функциональные и структурные особенности других единиц языка как слово, предложение, сверхфразовая единица и даже текст и речь.

Хотя в современной лингвистике рассмотрены различные аспекты словосочетаний, однако не в достаточной степени рассмотрены отличительные структурно-семантические особенности словосочетаний в

контексте различных стилей речи как проза, поэзия, публицистика и научный текст. Словосочетание будучи в современном таджикском языкознании малоизученной единицей, вовсе не рассмотрено в монографическом плане в контексте отдельного стиля речи и особенно поэзии. Другой немаловажный вопрос является то, что словосочетание будучи одной из ключевых единиц языка еще находится в пространстве размытой границы слова и предложения, а точнее морфологии и синтаксиса, не имея свой отдельный ярус языковых единиц. Несомненно, все эти вопросы определяют актуальность выбранной нами темы диссертационного исследования. Таким образом, в современной лингвистике вопросы языковых особенностей словосочетания являются краеугольными камнями, на которые опирается основная часть научных изысканий и научных открытий.

Цель и задачи исследования. Основной целью диссертационного исследования является разработка общенаучной концепции словосочетания, выявление лингвистической характеристики именных словосочетаний, как важной и ключевой единицы языка, особенно в контексте поэзии конца XIX и начала XX вв.. Исходя из намеченной цели диссертационного исследования, поставлены и решены следующие задачи:

- обобщение лингвистических идей и взглядов в современном таджикском языкознании относительно структуры, семантики и других грамматических особенностей именных словосочетаний;
- определение и классификация основных лингвистических разновидностей словосочетаний;
- определение языковых атрибутов именных словосочетаний как ключевой языковой единицы в контексте поэтического слова;
- выявление структурных особенностей и основ развертывания и развития формы именных словосочетаний;

- определение отличительных особенностей словосочетаний от таких понятий, как составные конструкции и предложения;
- выявление и анализ схожих и отличительных особенностей словосочетаний различной модели и структуры;
- выявление лексико-семантических и стилистических особенностей словосочетания в контексте поэзии;
- определение способов и средств связи в словосочетаниях в контексте поэзии в отличие от художественной прозы;
- классификация моделей именных словосочетаний в таджикской поэзии конца XIX и начала XX вв.;
- выявление стилистических особенностей именных словосочетаний в таджикской поэзии;
- описание лексико-семантических особенностей с учетом их соотношений в именных словосочетаниях при их употреблении в поэзии;
- сравнительный анализ именных словосочетаний таджикского литературного языка конца XIX и начала XX вв. с подобными конструкциями современного таджикского литературного языка.

Степень изученности проблемы. Языковые особенности словосочетаний привлекали внимание ученых из самых древних времен. В современной лингвистике принято считать основателем синтаксиса Аполлона Дискола, который жил в Греции во 2 веке нашей эры, который впервые представил свою точку зрения о своеобразных языковых особенностях словосочетаний [96].

В трудах российских ученых и исследователей как М.В. Ломоносов «Российская грамматика» [151], А.Х. Востоков «Русская грамматика» [151] в необходимой степени рассматривали закономерности образования и употребления словосочетаний как одной из языковых единиц в языке, хотя

постановка вопроса словосочетаний не говорит о том, что они считали словосочетание как особая синтаксическая единица наряду со словом и предложением.

В трудах других известных ученых лингвистов XIX века как А.А. Потебня «Из записок по русской грамматике», Ф.И. Буслаев «Историческая грамматика» вопросы словосочетания не рассмотрены в достаточной степени. Словосочетание занимает значимое место в трудах Ф.Ф. Фортунатова и он в своем фундаментальном труде дает полное лингвистическое описание словосочетания с учетом структуры и грамматических особенностей [255].

Взгляды Ф.Ф. Фортунатова в последующие годы всестороннее развиваются в трудах другого российского ученого М.Н. Петерсона «Очерки синтаксиса русского языка». Развивая идеи Ф.Ф. Фортунатова М.Н. Петерсон считает, что синтаксис изначально рассматривался в значении взаимосвязи звуков в составе слова и в значении взаимосвязи слов в составе более сложных единиц языка [200].

Одним из первых исследователей синтаксиса русского языка, который выделяет в синтаксисе отдельное учение о словосочетании в отдельном разделе своей книги является А.М. Пешковский, который считает, что не всякие два слова, прозвучавшие в нашей речи в непосредственном соседстве, образуют словосочетание, а только те взаимосвязанные слова, которые соединены в мысли и в значениях [255].

Особый интерес представляет в современной лингвистике представляет освещение вопроса о словосочетании А. А. Шахматовым, который считает, что словосочетанием следует называть лишь непредикативные объединения слов - главного и зависимого [281].

Таким образом, основатели концепции словосочетания Ф.Ф. Фортунатов, А.И. Пешковский, М.Н. Петерсон и А.А. Шахматов

рассматривали словосочетание в широком смысле и в настоящее время такие научные идеи развиваются современными учеными как А.Н. Гвоздев, Е.С. Скобликова, и В.П. Сухотин, Н.С. Валгина. Наряду с этим, мнение о разграничении словосочетания и предложения высказывалось многими другими лингвистами и наиболее логически последовательно и аргументированно данная идея приведена в научных трудах В. В. Виноградова, Н. Н. Прокоповича, Н. Ю. Шведовой.

Понимание словосочетания приводится в трудах В.В. Виноградова в принципиально ином порядке, где ученый разграничивает понятия словосочетания и предложения и идеи о разграничении словосочетания и предложения нашла всестороннее и плодотворное развитие в его научных трудах [54], [58, 9-45]. Научно обоснованное рассмотрение словосочетания В.В. Виноградовым получило дальнейшее развитие в научных трудах его учеников и многочисленных его последователей, особенно в трудах Н.Н. Прокоповича [210, 35] и Н.Ю. Шведовой [283, 42].

Таким образом, основу взглядов большинство ученых по вопросам словосочетания составляет идея о том, что словосочетание является конструкцией, которая возникает в результате взаимосвязи самостоятельных слов в рамках подчинительных связей. В таком случае грамматическое значение словосочетания содержит отношения, возникающие между главным и зависимым компонентами. В таком же порядке по различным аспектам синтаксических единиц как словосочетание мы также замечаем ценные идеи в трудах наших классиков как Абуали ибн Сина, Носири Хусрав и Насируддини Туси. В последующие века о структуре и семантических особенностях словосочетания были изложены интересные идеи в трудах Шамси Кайси Рази, Ходжа Хасани Нисори Мухаммад Гиясуддини Ромпури и Воджидалии Муджмали. Относительно научным трудам каждого из вышеперечисленных ученых и исследователей к счастью мы имеем

определенные научные изыскания со стороны современных таджикских ученых лингвистов и особенно в трудах известного таджикского лингвиста Д. Ходжаева под названием «Афкори забоншиносии тоҷик дар асрҳои X–XVI» (Таджикская лингвистическая мысль X–XVI вв.) и его учеников Ф. Мирзоёрова, Н. Курбонова и О. Додарова [264; 171; 135].

В изучении и исследовании грамматического строя таджикского языка значимый вклад внесли такие известные ученые как Н. Низмухаммедов, Н. Маъсуми, Д. Таджиев, Ш. Ниёзи, Ш. Рустамов, Х. Каримов, А. Мирзоев, С. Абдурахимов, С. Атобуллоев, А. Мирзоев, М.Н. Касимова, Б. Камолиддинов, Д. Ходжаев, Л.С. Пейсиков, Р. Гаффаров, А. Халилов. В своих трудах эти ученые непосредственно касались вопросов словосочетания. Относительно данных исследований мы подробно будем останавливаться в первой главе нашего диссертационного исследования.

Весьма ценный вклад в развитии теории словосочетания в современном таджикском языкознании внесла известная таджикская лингвистка С.В.Хушенова и она в частности в отношении словосочетаний отмечает, что данная единица является отдельно оформленным комплексом, обычно обозначающим несколько понятий и свободно образуется при помощи синтаксической частицы *изафета* из семантически и грамматически полноправных лексических единиц [265].

В современном таджикском языкознании А. Мирзоев в своем фундаментальном труде «Масъалаҳои ибора дар забони тоҷики» (Проблемы словосочетания в таджикском языке. Душанбе, 2002) дает наиболее полное грамматическое описание таджикских словосочетаний [169]. Можно сказать, что наиболее полные сведения о словосочетании в таджикском языке приводит А. Мирзоев, который дает словосочетанию следующее определение: «словосочетание - это грамматическое единство двух или более самостоятельных слов, лишенное всех основных свойств предложения», и

также наиболее всестороннее выявляет отличия словосочетаний от предложений, от однородных членов и фразеологизмов [168]. В своих трудах, посвященных проблемам словосочетаний таджикского языка, А. Мирзоев отмечает, что наряду с предложениями в сферу синтаксиса также и относятся описания разновидностей словосочетаний с учетом способов связи их составных компонентов и одним словом синтаксис охватывает и вопросы предложений и проблемы словосочетаний.

Таким образом, основные концепции и научные постулаты относительно структуре и семантике словосочетания в таджикском языке мы находим в трудах известного таджикского лингвиста и специалиста в области синтаксических особенностей словосочетаний А. Мирзоева [169].

Весьма ценным и значимым представляется диссертационное исследование М. Акрамова об адъективных словосочетаниях таджикского языка, [9] которое посвящено проблемам структуры и семантики адъективных словосочетаний. Данные вопросы ученый в более подробном виде рассматривает в своем диссертационном исследовании [9].

Начиная с 80-х годов XX века в научной среде таджикского языка появились новые работы молодых ученых, вклад которых в развитии концепций словосочетания весьма значим.

В этом плане одной из значимых диссертационных исследований является работа А. Солиева на тему «Предложно-именные словосочетания в современном таджикском литературном языке (на материале художественной прозы С. Айни)» [238]. В работе другого таджикского исследователя А.О. Гаффорова под названием «Глагольные словосочетания с первичными предлогами в «Бадоеъ-ул-вакоеъ» Зайниддина Восифи» [73] рассмотрены структурно-семантические особенности глагольных словосочетаний с первичными предлогами на материале «Бадоеъ-ул-вакоеъ» Зайниддина Махмуди Восифи.

Исследование таджикского ученого С.Х. Курбонова было посвящено проблемам субстантивных словосочетаний в говорах таджикского языка, что представляет весьма интересный материал для выявления языковых особенностей словосочетания [136]. Вопросы изафетных словосочетаний, которые являются наиболее актуальными в таджикском языкознании рассматривались в диссертационном исследовании таджикского ученого Х.М. Камолова под названием «Изафетные словосочетания в "Та'рихи Табари" Бал'ами» [127].

Одной из последних работ по вопросам словосочетаний на материале современной таджикской литературы принадлежит М. Темуровой [249]. Диссертационное исследование автора посвящено вопросам структурно-семантических особенностей причастных словосочетаний. Наряду с тем, что вопросы словосочетаний в контексте поэзии являются актуальными, исследование поэтического языка таджикской литературы представляет также особую значимость, и несомненно может пролить свет на различные аспекты истории становления и развития таджикского литературного языка. Здесь необходимо отметить, что поэтическое произведение относится к художественному стилю речи и в свою очередь определенными языковыми и функциональными особенностями отличается от других стилей речи. Именно поэтому в настоящее время анализ и интерпретация лингвистических и стилистических особенностей языка поэзии особенно для таджикского литературного языка, имеющего неповторимые литературные шедевры мирового значения стали наиболее актуальными вопросами. В связи с этим в настоящее время в таджикском языкознании некоторыми учеными лингвистами прилагаются определенные усилия в целях выявления своеобразных языковых особенностей именно поэтического контекста. В этом плане можно перечислить научные статьи и труды таджикского языковеда М.К. Саломова относительно вопросов лингвопоэтики на

материалах ведущих представителей таджикской классической поэзии как Хафиз, Камоли Худжанди, Джалалиддин Руми, Абдурахман Джами и других известных мастеров художественного слова [231; 232; 233].

Как показывают исследования язык поэзии в определенной степени отличается своими особенностями от языка прозы и именно поэтому, многие исследователи при рассмотрении различных вопросов языкознания уделяют особое внимание поэтическим текстам, придерживаясь точки зрения о том, что неповторимые и редчайшие особенности языка больше всего проявляются в поэзии, а язык прозы больше всего является языком нормы и языком грамматических правил. Анализ лексико-семантических особенностей словосочетаний на материалах поэтического слова способствует выявлению семантико-стилистических возможностей данной языковой единицы в поэзии, чем можно также определить талант и мастерство поэтов в использовании языковых средств и в употреблении различных значений и неповторимых оттенков слов и словосочетаний. Наряду с вышеназванными направлениями исследования в области словосочетаний, некоторыми учеными проводятся весьма значимые научные изыскания в области сопоставительного, сравнительно-исторического и типологического языкознания, к числу которых можно отнести труды Е.А. Джафаровой, М. Бобоходжаевой, С.О. Ходжаевой, К.А. Асоевой и Х.П. Махмадалиевой, работы которых посвящены выявлению структурно-семантических и стилистических особенностей словосочетания в сравнении с другими языками как русский и английские языки. Определенные аспекты данных исследований будут вкратце проанализированы в первой главе настоящего диссертационного исследования.

Основными методами исследования послужили методы структурно-семантического, компонентного и синтаксического анализов, как для подтверждения имеющих мест закономерностей, так и для их выявления.

Наряду с этим в работе использовались различные взаимодополняющие методы исследования: описательно-аналитический метод, элементы методов трансформации лингвистического эксперимента и количественной оценки, а также фрагментарно использованы в работе понятия и подходы иных научных направлений – лингвопоэтики и лингвофольклористики и в ряде случаев к материалу применялся комплексный филологический подход.

Объект исследования. Поскольку структурные и семантические особенности именных словосочетаний были избраны темой настоящего исследования, в качестве объекта исследования были выбраны материалы относительно именных словосочетаний в научных изысканиях, а также именные словосочетания в контексте таджикской поэзии второй половины XIX и начала XX вв. На этой базе вопросы структурной, семантической и стилистической особенностей в поэзии стали объектом настоящего исследования. Наряду с этим вопросы поэтического текста как объект лингвистического исследования в настоящем исследовании представляет собой систему, которая представляет комплексную организацию и достаточно сложную структуру, что указывает на необходимость всестороннего анализа как атрибут стихотворного текста в таджикской поэзии.

Материалы исследования. В основу диссертационной работы положены материалы, собранные из произведений поэтов второй половины XIX и начала XX вв. как Шамсиддини Шохин, Накибхони Туграл, Ходжи Хусайни Кангурти, Мухаммадсиддики Хайрат и основоположник современной таджикской литературы Садриддин Айни (Айнӣ С. Куллиёт. Чилди 8. – Душанбе: Ирфон, 1981. – 521 с.; Туграли Ахрорӣ. Навоӣ кибриё. Куллиёти ашъор. – Душанбе: Адиб, 2014. - 440 с.; Ҳайрат. Ашъори мунтахаб. – Душанбе, 1964. – 252 с.; Ҳочӣ Хусайни Кангуртӣ. Куллиёт. - Душанбе:

Ирфон, 1998. - 524 с.; Шамсиддини Шоҳин. Мунтахабот. – Душанбе: Адиб, 2016. – 320 с.), а также выбранные примеры из словарей и других источников, касающихся тематики исследования. В качестве дополнительных материалов нами были привлечены некоторые примеры из поэзии других поэтов исследуемого периода, творчества которых по настоящее время полностью не исследованы и из их творчества изданы всего лишь некоторые отрывки и ограниченная часть их поэзии в специальном литературном сборнике (Гулшани адаб. Намунаҳои назми тоҷики асрҳои XVIII – XX. Ҷилди V. – Душанбе: Ирфон, 1980. - 461 с.).

Теоретическую и методологическую базу данного исследования составляют научно-теоретические произведения ученых языковедов, которые провели ценные исследования по проблемам структуры и семантики словосочетаний, а также по вопросам языковых особенностей поэтических произведений. Следовательно, теоретической и методологической основой исследования послужили труды российских и других зарубежных ученых в области семантики, синтаксиса и стилистики, таких как А.В. Добиаш, А.Х. Востоков, Ф.Ф. Фортунатов, М.Н. Петерсон, А.М. Пешковский, А.А. Шахматов, А.А. Потебня, В.В. Виноградов, Р. Якобсон, Н.Н. Прокопович, Н.Ю. Шведова, О.В. Александрова, Р. Барт, М. М. Бахтин, А. В. Бондарко, Н.С. Валгина, В.В. Виноградов, Б.М. Гаспаров, Г.А. Золотова, В.В. Иванов, Е.С. Кубрякова, Ю.М. Лотман, М.И. Откупщикова, Н.В. Алефиренко, И.В. Арнольд, С.А. Андреева, Л.Г. Бабенко, Г.О. Винокур, С.В. Воронин, А.П. Журавлев, Н.М. Шанский, Е.А. Юрина, Н.С. Валгина, Ф. де Соссюр, В. фон Гумбольдт, Дж. Лайонз, Дж. Лакофф, М. Джонсон, П. Лоренс.

В целях выявления атрибутивных особенностей таджикского словосочетания и особенно именных словосочетаний мы опирались на труды ведущих специалистов и таджикских ученых лингвистов как Н. Маъсуми, Д.Т. Таджиев, М.Н. Касимова, Б. Камолетдинов, А. Мирзоев, Ш. Ниёзи, Д.

Ходжаев, С. Сабзаев, Л.С. Пейсиков, Д.М. Искандарова, М. Акрамов, С. Абдурахимов, С. Халимов, О.Х. Касимов, А.А. Хасанов, Т. Шокиров, С.В. Хушенова, С. Атобуллоев, Ш. Кабиров, С. Анвари, Ш. Каримов, Ф.Х. Шарифова, М. Саломов, З. Мухторов, Ш. Хаитова, К. Мухтори, Х.М. Камолов, С. Курбонов, Ж. Гулназарова, А. Солиев, А.О. Гаффоров, М. Темурова, М. Бобоходжаева. При рассмотрении данного вопроса нами использованы произведения иранских исследователей относительно поэтического слова как Маликушшуаро Бахор, Бахоуддин Хуррамшохи, Джалолуддин Хумои, Хусрав Фаршедвард, Сирус Шамисо, Мухаммадризо Шафъ Кадкани, Зиё Косими, Ризо Косими, Мустафо Алипур и Парвиз Албурзи.

Научная новизна диссертационного исследования. Следует особо отметить, что проблемы анализа и интерпретации словосочетания в поэзии и по настоящее время остается актуальным и малоизученным аспектом таджикского литературного языка и при этом как структурные, так и содержательные и функциональные особенности словосочетания имеет своеобразные отличия от тех словосочетаний, которые применяются в прозаическом тексте. Именно поэтому проблемы семантики и структуры словосочетания в поэтическом контексте становятся актуальными и значимыми, которые еще не рассматривались в монографическом плане в таджикском языкознании. Другой аспект научной новизны диссертационной работы заключается в том, что в ней впервые рассматриваются структурно-семантические особенности словосочетаний в поэтическом контексте, проводится классификация моделей именных словосочетаний с учетом морфологических особенностей составных компонентов, введены в научный обиход новые понятия и термины как «редупликативный компонент словосочетания», «эксплицитная форма словосочетания», «имплицитная форма словосочетания» выявлены особенности связей составных

компонентов словосочетаний, средств и способов связи именных словосочетаний, проведена классификация разновидностей связи именных словосочетаний. С другой стороны, тогда, когда исследование вопросов словосочетания в таджикском языке на примерах прозаического текста проводится в последние годы очень продуктивно, но вопросы структуры и семантики словосочетания в поэзии временами ускользают от наблюдения и остаются за рамкой лингвистических исследований. В настоящей диссертационной работе впервые рассмотрены особенности такой сложной единицы языка как словосочетание в поэтическом контексте.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что анализ и интерпретация структурно-семантических и коммуникативных особенностей словосочетания способствует выявить дифференциальные признаки и атрибутивные особенности именных словосочетаний, определить принципы образования словосочетаний и провести классификацию моделей именных словосочетаний в таджикском литературном языке. Научно-теоретические положения данного исследования могут лечь в основу научных изысканий в области синтаксиса и структуры языка.

Практическая значимость исследования заключается в том, что ее результаты могут быть использованы в процессе исследований структурно-семантических особенностей наиболее сложных единиц и синтаксических единиц языка, при изучении и исследовании состояния языка, литературы и культуры, при чтении лекций по синтаксису, структурной лингвистике, стилистике, функциональной лингвистике и истории лингвистических учений на филологических факультетах. Так же результаты исследования могут быть использованы при написании учебников и составлении учебных пособий по синтаксису и структуре словосочетаний и истории литературного языка. Отдельные главы работы можно использовать для проведения спецкурсов и элективных курсов на филологических факультетах по анализу структуры и

семантики словосочетаний, стилистике и синтаксису таджикского литературного языка.

На защиту выносятся следующие положения:

- словосочетание как структурно-семантический феномен и самобытное лингвистическое понятие, обозначающее и фиксирующее средство выражения сложных понятий, является разноаспектной и полифункциональной языковой единицей;

- словосочетание является отдельной единицей языка, которой свойственны атрибутивные структурно-семантические и другие грамматические особенности, отличающие различных моделей этой языковой единицы друг от друга;

- отличительные структурно-семантические особенности именных словосочетаний разных моделей в таджикском литературном языке, прежде всего, связаны с семантическими и структурными особенностями составных компонентов целого словосочетания;

- словосочетания субстантивной природы в современном таджикском языке сравнительно больше образуются при помощи изафетных конструкций и в этом плане в образовании словосочетаний важна роль изафетной связки;

- основу структурно-семантической модели именных словосочетаний в таджикском литературном языке составляет взаимосвязь всех составляющих компонентов и составных частей словосочетания и между ними всегда существует структурно-семантическая и стилистическая соотнесенность и взаимосвязь, которые устроены такими способами, как примыкающая и подчинительная связи;

- наиболее актуальными вопросами как функционального, так и теоретического характера словосочетаний являются вопросы внутреннего строения словосочетаний и соотношения его составных компонентов;

- словосочетание всегда отличается своими атрибутивными свойствами от предложения, так как словосочетаниям не свойственна предикативная характеристика оно всегда свободно от таких синтаксических характеристик, как время, вид, лицо, модальность, которые в целом являются основными признаками предложения и образуют его предикативную характеристику;

- анализ и интерпретация структурных и семантических особенностей именных словосочетаний способствует раскрытию грамматических свойств других синтаксических единиц языка, так как данная конструкция является наиболее продуктивным средством образования и путем обогащения всего языкового конструкта.

Апробация работы. Основное содержание диссертационного исследования отражено в 17 публикациях, изданных в журналах, признанных ВАК Российской Федерации. Различные аспекты работы обсуждались на международных конференциях (Душанбе, 2016 - 2017), а также республиканских и ежегодных традиционных научных и научно-практических конференциях профессорско-преподавательского состава Таджикского национального университета и Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни (2014 – 2017 гг.). Диссертация прошла апробацию на кафедре истории языка и типологии Таджикского национального университета, обсуждена и рекомендована к защите на расширенном заседании данной кафедры (протокол №9, от 26 января 2018 г.).

Структура диссертационного исследования. Работа состоит из введения, 5 глав, заключения и библиографии. Каждая глава согласно содержанию, состоит из соответствующих разделов, где исследуемые проблемы изучаются последовательно и согласно логической системе осмысления аргументов с учетом научных достижений.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЛОВСОЧЕТАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопросы словосочетания относятся к наиболее актуальным проблемам современного языкознания и наряду с этим само словосочетание является малоизученной единицей, особенно в контексте поэзии. Общеизвестно, что данная языковая единица представляет наиболее важную и основополагающую структуры в системе всех языковых единиц. Анализируя и сопоставляя различные аспекты словосочетания со словом, предложением и текстом можно сделать вывод о том, что словосочетание является важным срединным компонентом языкового строя и посредством анализа и интерпретации словосочетаний можно выйти на содержательные, функциональные и структурные особенности других единиц языка как слово, предложение и даже текст.

1.1. Исторические предпосылки теории словосочетания

О структуре, семантики и других особенностях словосочетаний в течении последних десятилетий было представлено достаточно большое количество концепций, гипотез и различных мнений как в нашей отечественной, так и в зарубежной лингвистике. По мере необходимости, мы приводим представленные и наиболее известные теории и взгляды о словосочетаниях в современном языкознании в процессе анализа и интерпретации нашей исследовательской темы.

Здесь считаем необходимым вкратце останавливаться на некоторые вопросы словосочетания, рассмотренные в трудах исследователей и ученых лингвистов. Вопросы словосочетания в основном из самых древних времен рассматривались вместе с другими вопросами синтаксиса и особенно предложения, так как когда в древности высказывали о синтаксисе

соответственно имели ввиду проблемы связи слов, которые прослеживались как в составе предложения, так и в составе словосочетаний.

Многие известные ученые лингвисты, как зарубежные, так и отечественные исследователи считают основателем синтаксиса Аполлона Дискола, который жил в Греции во 2 веке нашей эры. Филолог-эллинист, профессор Антон Вячеславович Добиаш (1846 - 1911) в 1882 году издал книжку под названием «Синтаксис Аполлония Дискола» в которой продолжая идеи Аполлона Дискола о словосочетании приводит еще и свою концепцию о словосочетании [96]. Синтаксическая модель словосочетания по мнению А.В. Добиаша представлена на основе семасиологии и функциональных форм частей речи и относительно данному вопросу таджикский лингвист А. Мирзоев в своей монографии «Масъалаҳои ибора дар забони тоҷикӣ» (Вопросы словосочетания в таджикском языке) представляет следующее мнение: «А.В. Добиаш кайд мекунад: «калимаи тафсилшаванда ва тафсилкунанда (ин он чизест, ки ибораро ташкил мекунад) на ҳама вақт аз пайвасти ду калима иборат мебошад» - А.В. Добиаш отмечает, что разъясняемое и разъясняющее слова (это то, что образует словосочетание) не всегда могут быть представлены в совокупности двух слов или совокупностью двух слов» [169, 25], чем и ученый не согласен и считает, что словосочетание всегда представляет совокупность двух и более слов. Далее А. Мирзоев отмечает, что несмотря на то, что А.В. Добиашу не удалось до конца раскрывать все особенности словосочетания сама заинтересованность ученого утверждает тот факт, что основателем теории о словосочетании в русском языкознании можно сказать, что является именно А.В. Добиаш [169, 25].

По поводу концепции А.В. Добиаша о словосочетании Валгина Н.С. в своей работе «Синтаксис современного русского языка» отмечает: «Эта грамматическая организованность возникает в результате появления у слова

семантического распространителя, который в зависимости от своих лексико-грамматических возможностей приспосабливается к этому господствующему слову. Еще А.В. Добиаш обратил внимание на «способность разных разрядов слов распространять свой смысл разными формами сочетаний с другими словами» и строил свою синтаксическую концепцию именно на семасиологии частей речи и их форм» [50, 23].

В трудах классиков русского языкознания М.В. Ломоносова «Российская грамматика» [151] и А.Х. Востокова «Русская грамматика» [67] важной частью синтаксиса считалось учение о таких закономерностях, в рамках которых слова и другие языковые единицы входили в систему синтаксической структуры и в единое связное целое. Исходя из данной теории в центре внимания исследования синтаксиса того времени находилось взаимоотношение слов структуры словосочетания. Однако, несмотря на подобную постановку вопроса словосочетание как особая синтаксическая единица в трудах этих ученых не занимала отдельное место наряду с другими структурными единицами языка, как слово и предложение.

В трудах других известных ученых лингвистов XIX века как А.А. Потебня «Из записок по русской грамматике» и Ф.И. Буслаев «Историческая грамматика» отдельные разделы по вопросам словосочетания отсутствуют.

Словосочетание занимает значимое место в трудах Ф.Ф. Фортунатова, где ученый определяет словосочетание следующим образом: «Словосочетанием в речи я называю то целое по значению, которое образуется сочетанием одного полного слова (не частицы) с другим полным словом, будет ли это выражение целого психологического суждения, или выражение его части. Во всяком словосочетании различаются по значению две части: зависимая, несамостоятельная и независимая, самостоятельная, причем именно предмет мысли в одной из этих двух частей обозначается в словосочетании как находящийся в известном отношении к предмету мысли в

другой части словосочетания. В тех случаях, когда словосочетание является полным предложением в речи, отношение одного предмета мысли к другому открывается в психологическом суждении, выражающемся в этом словосочетании, как в полном предложении» [255, 451].

Взгляды Ф.Ф. Фортунатова в последующие годы всестороннее развиваются в трудах другого российского ученого М.Н. Петерсона «Очерки синтаксиса русского языка». М.Н. Петерсон попытался разработать свою гипотезу о синтаксисе без участия отдельной концепции о предложении и представил свою теорию, таким образом, что любое соединение и взаимосвязь слова является словосочетанием или простым предложением, а соединение и взаимосвязь словосочетаний образует сложное предложение. М.Н. Петерсон в своей работе по вопросам синтаксиса русского языка выдвигает свою гипотезу о том, что синтаксис, в основном является наукой о взаимосвязи слов в языке, следовательно, синтаксис считался изначально наукой о словосочетаниях. По мнению ученого синтаксис в грамматике античного периода рассматривался в двух значениях в отношении единиц языка: во-первых, в значении взаимосвязи звуков в составе слова и во-вторых в значении взаимосвязи слов [200, 5-6].

Одним из первых исследователей синтаксиса русского языка, который выделяет в синтаксисе отдельное учение о словосочетании в отдельном разделе своей книги является А.М. Пешковский. Как отмечает ученый в своем предисловии к первому изданию «Русский синтаксис в научном освещении» еще в 1914 году научным фундаментом данной книги послужили прежде всего университетские курсы профессора Ф. Фортунатова, В.К. Поржезинского, труды А. Потебни и других ученых лингвистов XIX века и естественно при изложении своей научной концепции о словосочетании А.М. Пешковский опирался на идеи вышеназванных ученых и он дает следующее описание словосочетания в начале отдельного раздела под названием

«Понятие о форме словосочетания»: «Прежде всего условимся о том, что мы будем понимать под «словосочетанием» так как термин этот, отнюдь не равняется простому «сочетанию слов». Есть в языке такие сочетания слов, которые не являются словосочетаниями, и, наоборот, некоторые наши «словосочетания» окажутся фактически не сочетаниями слов, а простыми словами. Стало быть, не всякие два слова, прозвучавшие в нашей речи в непосредственном соседстве, образуют словосочетание, а только такие, которые соединены в мысли» [201, 34].

Вслед за Ф.Ф. Фортунатовым другой его ученик А.А. Шахматов следуя идеям своего учителя представляет свою научную концепцию. При этом особый интерес представляет освещение вопроса о словосочетании А. А. Шахматовым, который считает, что «Словосочетанием называется такое соединение слов, которое образует грамматическое единство, обнаруживаемое зависимостью одних из этих слов от других» [281].

Таким образом, А.А. Шахматов существенно уточняет концепцию своего учителя - Ф.Ф. Фортунатова, доказывая, что словосочетанием следует называть лишь непредикативные объединения слов - главного и зависимого. В целом, основоположники теории словосочетания Ф.Ф. Фортунатов, А.И. Пешковский, М.Н. Петерсон и А.А. Шахматов рассматривали словосочетание в широком смысле. Эти ученые в определенной степени в своих научных изложениях допускали идею о том, что словосочетание является основной единицей синтаксиса, представляющей собой предикативные и непредикативные объединения словоформ. В наше время такие научные идеи развиваются такими учеными как А.Н. Гвоздев, Е.С. Скобликова и В.П. Сухотин.

Таким образом, во всех научных трактовках вышеназванных ученых словосочетания объединяющим является понимание словосочетания как такого синтаксического единства, которое вычленяется из предложения и

существует только в предложении. В связи с этим российский языковед Н.С. Валгина считает, что «из этого общего понимания словосочетания вытекает и признание предикативных словосочетаний и словосочетаний сочинительных, отношения между компонентами которых складываются в предложении» [50, 21].

Следует отметить, что мнение о разграничении словосочетания и предложения высказывалось многими другими лингвистами и наиболее логически последовательно и аргументированно данная идея приведена в научных работах В. В. Виноградова, Н. Н. Прокоповича, Н. Ю. Шведовой.

Понимание словосочетания приводится в трудах В.В. Виноградова в принципиально ином порядке, где ученый разграничивает понятия словосочетания и предложения. Разграничение проводится прежде всего на функциональной основе этих единиц, так как предложение — единица коммуникативная, единица сообщения, а словосочетание является номинативная или же назывной единицей. По этому поводу В.В. Виноградов считает, что «словосочетание и предложение — понятия разных семантических рядов и разных стилистических плоскостей. Они соответствуют разным формам мышления. Предложение — вовсе не разновидность словосочетания, так как существуют и слова-предложения. Но оно и по внутреннему существу своему, по своим конструктивным признакам непосредственно не выводимо из словосочетания. Понятие словосочетания в своем содержании не включает никаких грамматических признаков, которые указывали бы на законченность сообщения. Словосочетание только в составе предложения и через предложение входит в систему коммуникативных категорий речи, средств сообщения. Но оно относится так же, как слово, и к области «номинативных» средств языка, средств обозначения. Оно так же, как и слово, представляет собой строительный материал, используемый в процессе языкового общения. Предложение же -

произведение из этого материала, содержащее сообщение о действительности» [66, 123].

Таким образом, идеи о разграничении словосочетания и предложения нашла всестороннее и плодотворное развитие в научных работах академика В.В. Виноградова и основу данной теории ученого составляют следующие положения, что словосочетание образует знаменательные слова, находящиеся между собой в подчинительной связи и выражающие определенные синтаксические отношения и данная назывная единица как и слово служит средством номинации, но лишено интонации сообщения и модально-временного плана, и наряду с этим в систему коммуникативных средств языка словосочетание входит только в составе предложения [53, 102; 54, 112; 55, 3-24; 58, 9-45].

Весьма обоснованное и своеобразное понимание словосочетания исходит из его идей о том, что «словосочетание как единица языка обладает меньшей самостоятельностью и определенностью, чем слово и предложение. Кроме того, понятие словосочетания не соотносительно с понятием предложения. Целые разряды словосочетаний, ставших устойчивыми фразеологическими единицами, структурно сближаются со словами (ср.: вверх дном, спустя рукава, бить баклуши и т.п.). Напротив, в свободных фразах основным конструктивным элементом оказывается то же слово с его разнообразными грамматическими формами и лексическими значениями» [58, 22].

В другой своей научной статье академик В.В.Виноградов рассматривает словосочетание как конструктивная синтаксическая единица, служащая средством номинации. По мнению ученого лексико-грамматические типы словосочетаний являются исторически сложившимися в языке формами грамматического объединения двух и более

знаменательных слов, лишённые основных признаков предложения, но создающие расчленённые значения единого понятия [55,5].

Рассматривая различные аспекты, отличительные свойства и атрибуты данной составной конструкции академик В.В. Виноградов приходит к такому выводу, что «словосочетание - это сложное именование. Оно несёт ту же номинативную функцию, что и слово. Оно так же, как и слово, может иметь целую систему форм. В области лексики этому понятию соответствует понятие о фразеологической единице языка» [58, 23].

В центре синтаксического учения В.В. Виноградова стоит теория предложения и словосочетания, предикативности и модальности, а также теория синтагмы.

Главные положения грамматической концепции В.В. Виноградова, в рамках которых словосочетание и предложение рассмотрены формально и функционально, оказали большое и плодотворное влияние на все последующее развитие грамматической науки и на систему его учений в значительной степени ориентируется современное обучение и исследование как русской, так и таджикской грамматики.

Научно-обоснованное В.В. Виноградовым понимание словосочетания получило дальнейшее развитие в научных трудах его учеников и многочисленных его последователей, особенно в трудах Н.Н. Прокоповича и Н.Ю. Шведовой.

Еще в 1966 году Н.Н. Прокопович в своем исследовании, посвященном вопросам словосочетания в русском литературном языке рассматривая теоретические и практические вопросы словосочетания отмечает, что: «специфика этой синтаксической категории требует углубленного изучения различных разрядов и групп словосочетаний в различных языках как необходимой основы для разработки общей теории словосочетания» [210, 35].

Языковед Н.Ю. Шведова в своей статье под названием «Об основных синтаксических единицах и аспектах их изучения» считая словосочетание как синтаксическая единица отмечает следующее: «словосочетание – единица, возникающая на уровне синтаксиса слова как единица построения. Оно имеет формальную организацию, представленную связью главенствующего члена (слова) и зависимого члена (формы слова). Грамматическое значение словосочетания – это то отношение, которое возникает между его членами. Словосочетание является единицей строения, участвующей в распространении простого предложения и в организации формантов разных единиц сложного текста. Словосочетание может также осуществлять функцию замещения позиций в составе текста, а также функцию называющую» [283, 42].

Как видим, наиболее полное определение словосочетанию приведено в вышеприведенном изложении Н.Ю.Шведовой.

Исходя из вышеприведенных идей известных ученых мы пришли к такому мнению, что как слово, так и словосочетание являются подсистемными элементами синтаксиса, при помощи которых образуется постепенное и последовательное распространение синтаксических единиц более высокого порядка. В связи с этим, можно сослаться на идеи Н.Ю. Шведовой, которая рассматривая своеобразные универсальные аспекты словосочетаний в индоевропейских языках, отмечает, что «в сфере синтаксиса слова единицами строения являются слово и форма слова, а единицей построения – словосочетание. Синтаксический потенциал слова заключен в его категориальных свойствах, которые представлены в неоднозначных для синтаксиса соотношениях общего значения слова как части речи, его частной грамматической и/или словообразовательной семантики и его лексической семантики. Категориальными свойствами слова предопределены его валентные свойства, т.е. выбор формы или форм,

вступающих со словом в подчинительную связь. На основе этой связи возникает словосочетание как единица построения, имеющая свое значение и свои функции» [282, 126].

В целом под словосочетанием рассматривается существующая в языке независимо от предложения структурная единица некоммуникативного характера, которая образуется путем соединения двух и более знаменательных и самостоятельных слов на основе подчинительной связи. При этом данная единица имеет специфическое значение, которое образуется характером подчинительной связи и лексико-семантической общностью данных сочетающихся слов.

Еще в 1963 О.С. Ахманова и Г.Б. Микоян в книге «Современные синтаксические теории» приводят следующее определение словосочетания: «словосочетание представляет собой особую лингвистическую категорию, принципиально отличную от предложения, синтагмы и далее от таких уже более неопределенных с синтаксической точки зрения понятий как "сочетание слов", "ритмическая группа" и др. Одной из важных его особенностей является то, что оно . так же, как и слово, представляет собой строительный материал, используемый в процессе языкового общения» [28, 34].

В соответствии с вышеприведенным определением О.С.Ахманова, Г.Б. Микоян считают, что словосочетание, в отличие от предложения, является предметом «малого синтаксиса» (minor syntax). Однако, через несколько лет в своем «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахманова дает иное определение, где отмечает, что словосочетание представляет «соединения двух или более знаменательных слов, вместе с относящимися к ним служебными словами или без них, служащее для выражения единого, но расчлененного понятия или представления», где в определениях слова

"единое", "расчлененное" звучат до определенной степени противоречивое выражение [332, 173].

Научные достижения в области словосочетания в российской языковедческой науке в последние годы обобщены в трудах известных ученых Е.С. Скобликовой [236] и В.А. Белошапковой [38].

Таким образом, основу взглядов большинство ученых по вопросам словосочетания составляет идея о том, что словосочетание является конструкцией, которая возникает в результате взаимосвязи самостоятельных слов в рамках подчинительных связей. В таком случае грамматическое значение словосочетания содержит отношения, возникающие между главным и зависимым компонентами. В структуре простого предложения словосочетание выступает как единица строения, распространяющая и организующая простое предложение. Наряду с этим, словосочетание так же, как и слово, реализует свою называющую и замещающую функции.

В процессе коммуникации словосочетание относится, как и слово к единицам сообщения как компонент коммуникативного процесса, и наряду с этим словосочетание может использоваться вне сообщения как номинативная единица, может употребляться в названиях и надписях. В этой связи можно сказать, что основное назначение словосочетания заключается в том, что оно является «строительной конструкцией» как для простых, так и для сложных предложений.

1.2. Развитие теории словосочетания в таджикском языкознании

Об особенностях словосочетания мы можем проследить ценные замечания в трудах представителей персидско-таджикской научной литературы классического периода. Однако в большинстве работ не приводятся классификация данных синтаксических единиц и вопросы взаимосвязи слов рассматриваются в рамках общих филологических наук. В

отличии от многих других ученых первым из исследователей таджикского литературного языка классического периода можно считать Абуали ибн Сина, который в своей книге провел достаточно интересный анализ структуры предложения, словосочетания и слова. Например, Абуали Сино в своем трактате о логике отмечает следующее: «Бояд ки дониста ояд, ки лафз ду гуна бувад: якеро муфрад хонанд, чунон ки гӯй: «Зайд» ва «Муҳаммад» ва чунонки гӯй: «мардум» ва «доно» ва якеро мураккаб ва муаллаф хонанд, чунонки гӯй: «Мардум доност», ё «мардуми доно». Ва то ҳоли лафзҳои муфрад дониста наёяд, ҳоли лафзҳои мураккаб дониста наёяд» [8, 30] - Необходимо знать, что выражение бывает двух разновидностей: первую разновидность называют простым выражением, например, когда говоришь: «Зайд» и «Мухаммад» или же когда говоришь: «люди» и «разумный» и вторую разновидность называют сложным и усложненным изложением, например, когда говоришь: «Люди бывают разумными», или же «разумные люди». До тех пор, пока не познаем значение простых выражений, нам не удастся познать и сложные разновидности выражений. По нашему мнению ученый очень тонко выделяет вторую разновидность выражений еще на два типа как сложное (мураккаб) на примере «мардуми доно» (разумные люди) и усложненное (муаллаф) на примере «Мардум доност» (Люди бывают разумными), которым можно отнести словосочетание и предложение.

В таком же порядке по различным аспектам синтаксических единиц как словосочетание мы также замечаем ценные идеи в трудах Носири Хусрава и Насируддини Туси. В последующие века о структуре и семантических особенностях словосочетания были изложены интересные идеи в трудах Шамси Кайси Рази, Ходжа Хасани Нисори Мухаммад Гиясуддини Ромпури и Воджидалии Муджмали.

Относительно научных трудов вышеперечисленных ученых и исследователей к счастью мы имеем определенные научные изыскания со стороны современных таджикских ученых лингвистов. Основные вопросы формирования лингвистической мысли, которой отнесены вопросы структуры и семантики словосочетания в таджикском языкознании рассмотрены в трудах известного таджикского лингвиста Д. Ходжаева под названием «Таджикская лингвистическая мысль X-XVI вв.» [264] и его учеников Ф. Мирзоёрова – «Грамматическая интерпретация в толковых словарях XVI - XIX вв.», Н. Курбонова - «Лингвистические взгляды Шамса Кайса Рази» и О. Додарова - «Лингвистические взгляды Воджидалии Муджмали» [171; 135; 97] относятся к данной группе исследований. К данной группе исследований можно также отнести и диссертационное исследование Ф. Джалоловой под названием «Лингвистические взгляды в «Гияс-ул-лугот» Мохаммад Гиясиддина Ромпури» [91, 23].

Как показывает анализ и интерпретация вышеперечисленных исследований, в том числе трактаты ученых классической словесности, в трудах наших ученых классического периода хотя в практическом плане как сложная форма выражения и усложненная форма слова выделена структура словосочетания в реальных языковых примерах, но понятие словосочетания в настоящей структурно-функциональной форме отдельным термином ими не было названо, и научная дефиниция словосочетания не была представлена в соответствии с современной научной трактовкой.

В рамках рассмотрения проблем словосочетаний вопросы изафета в персидско-таджикском языке классического периода и периода средневековья были подробно рассмотрены в различных научных источниках известными учеными филологами. Достаточно ценную и более обобщающую информацию и можно сказать подытоживающую классификацию функции изафета и изафетных словосочетаний мы можем

обнаружить и в некоторых словарях и учебниках данной эпохи. Например, в словаре «Гияс-ул-лугат» мы можем находить очень ценную, достоверную и подробную классификацию изфета как основное средство связи словосочетания в таджикском языке. В том числе автор словаря говорит, что «изофат нисбат кардан чизеро ба сӯи чизе ва махфӣ намонад, ки изофат ба истилоҳи наҳвиён нисбатест, ки миёни ду исм воқеъ шавад бар вачҳи тақйид. Исми аввалро музоф ва исми сониро музофилайҳ гӯянд. Ва дар форсӣ ҳарфи охири музофро бинобар аломати изофат касра медиҳанд дар талаффуз ва ин изофат даҳ қисм аст: аввал тамликӣ ва он изофати милк (билкаср) аст ва сӯи молик, чун: аспи Зайд, ганчи Қорун, қасри султон, ва ҳамчунин изофати молик ба мулк, чун Худованди хона ва султони Рум ва молики динор ва инро изофати ҳақиқӣ низ гӯянд» [336, 67] - Изафет означает отнести чего либо к чему либо и следует отметить, что у синтаксистов изафет является средством синтаксического соотношения между двумя именными частями речи. Первая (подчиненная/относительная) часть названа термином «музоф» (подчиненная часть, относительная часть) и вторую часть называют «музофилайҳ» (основная часть, подчинительная часть, и это означает, что определенное понятие относится к ней). И в персидском языке в случаях применения изафета к последней буквы «музофа» т.е. подчинительного слова приписывают нижнюю огласовку, означающую изафет-связку «-и», и изафет состоит из десяти разновидностей. Первый вид изафета называется «тамликӣ» (владеющие) и это означает, что определенный субъект владеет чем-либо типа «конь Зайда», «богатство Каруна», и наоборот компонент со значением владыки чего-либо пишется с изафетом типа «султан Византии» и «владеющий динарами» и такую конструкцию можно назвать правильной конструкцией изафетных словосочетаний.

Далее мы по каждому из видов изафетных конструкций о которых в своем словаре пишет Мухаммад Гиясуддин приводим примеры из творчества поэтов исследуемого периода.

О втором виде изафетных словосочетаний Мухаммад Гиясуддин пишет, что «дуввум тахсисӣ ва он изофати мухассас аст (ба фатҳи сод) ба сӯи мухассис (ба касри сод) ба дафъи иштироки хосаи ӯ, чун оинаи пил ва занги шутур ва пӯсти анор ва дуккони аттор ва аз ҳамин қабил аст изофати мусаббиб ба сӯи сабаб чун куштаи ғам ва изофати сабаб ба сӯи мусаббиб чун теғи интиқом... ва аз ҳамин қабил аст изофати ибни ва они изофати писар бошад ба сӯи падар ба хазфи лафзи ибн, чунонки Абулфазли Муборак ва Бӯалии Сино...» [336, 68] - ко второму виду относится так называемые «специальные», «свойственные» можно сказать они подобны определенным фразеологизмам и указывают на общепринятые свойства как колокол для верблюдов, лавка парфюмерий, также словосочетания означающие причинно-следственных отношений типа умерший от горя, мечь (лезвия) мести... а также из этой группы изафет, образующий фамильные отношения как Абулфазли Муборак (Абулфазл сын Мубарака) и Бӯалии Сино (Абуали сын Сины).

О третьем виде изафетных словосочетаний Мухаммад Гиясуддин пишет следующее: «савум тавзеҳӣ ва он изофати муваззаҳ аст (ба фатҳи зоди муъчама) ба сӯи муваззеҳ (ба касри зод), чун шаҳри Басра ва хиттаи Бухоро ва боди шимол ва инро изофати ом ба сӯи хос низ гӯянд» [336, 68.] - Третий вид называют интерпретирующим видом, примером которого является «город Басра», «регион Бухары», «северный ветер» и это также называют изафет «от общего к частному».

О четвертом виде изафетных словосочетаний Мухаммад Гиясуддин пишет следующее: «чащорум табийинь ва инро баёни низ гӯянд ва дар ин баён карда мешавад ҳақиқат ва моддаи музоф бар музофилайш чун девори гил ва чун хотами тилло ва косаи булӯр ва чомаи дебо ва қаламдони чӯб. Бидон ки фарқ дар тавзеҳи ва баёни он аст, ки тавзеҳӣ ба чое бошад, ки музоф бидуни музофилайҳ ҳам ёфта шавад ва музофилайҳ бидуни музоф ёфта нашавад, яъне вучуди музофилайҳро вучуди музоф лозим бошад. Ва баёни он бошад, ки гоҳе музоф бидуни музофилайҳ ҳам ёфта шавад ва гоҳе музофилайҳ бидуни музоф ҳам ёфта шавад, яъне вучуди ҳар якеро вучуди дигаре лозим набошад» [336, 68.] - Четвертый вид называют выражаемым видом изафета, при помощи которого определение приводится с определяемым, например «глиняная стена», «золотое кольцо», «хрустальная чаша», «деревянный пенал». Знай, что выражаемый изафет отличается от интерпретирующего изафета тем, что в интерпретирующем изафете как определяемое, так и определение не могут быть познаны друг без друга и они должны употребляться обязательно вместе, когда в другом виде словосочетаний составные компоненты друг без друга могут указать на то же понятие.

К пятому виду изафетных словосочетаний Мухаммад Гиясуддин относит так называемые словосочетания «ташбеҳӣ» (уподобляющие словосочетания) или «маҷозӣ» (метафорические) на примере «душмани нафс» (враг страсти), «гулшани давлат» (цветник государства), «баҳори иқбол» (весна счастья), «сунбули зулф» (гиацинт локонов // локоны как гиацинт), «нарғиси чашм» (нарциссы глаз // глаза как нарциссы).

Шестой вид изафетных словосочетаний по мнению Мухаммада Гиясуддина является словосочетания, обозначающие основное, главное качество или атрибут какого-либо объекта или понятия типа «шамшери тез»

(острый меч), «корди кунд» (неострый // тупой нож), «марди шучоъ» (смелый мужчина) [336, 68.].

О седьмом виде изафетных словосочетаний Мухаммад Гиясуддин отмечает, что в таких изафетных словосочетаниях используется аллегория или условное переносное значение слова, которое употребляется в достаточно узком контексте типа «қадами фикр» (шаги мысли), «дасти ақл» (рука разума) [336, 68.].

О восьмом виде изафетных словосочетаний Мухаммад Гиясуддин отмечает, что такие изафетные словосочетания обозначают емкостное отношение или отношение конкретного предмета или понятия к чему-либо, например «оби дарё» (вода реки – вода которая относится к реке), «обу ҳавои сахро» (погода степи) и иногда обратное отношение определяемого к определению типа «шишаи гулоб» (бутылка экстракта розы), «сандуқи китоб» (сундук/ларь книг) [336, 68].

Девятый вид изафетных словосочетаний у Мухаммада Гиясуддина описан словосочетанием, которое означает внутреннюю близость составных компонентов и наряду с этим определяет внутреннее качество определяемого, например, «номаи иноят» (письмо благосклонности) [336, 68.].

О десятом виде изафетных словосочетаний Мухаммад Гиясуддин пишет следующее: «дахум изофати бааднии мулосабат, яъне нисбат кардан якеро ба дигаре ба камтар муносабате, ки байнахумо вокеъ аст, мисоли он Эрони мо беҳ аз Тӯрони шумост» - десятое изафет, который образует взаимоотношения на основе сравнения, соотношения и сопоставления двух объектов и понятий типа «Эрони мо беҳ аз Тӯрони шумост» (Наш Иран лучше чем ваш Туран), где автор скорее всего имеет ввиду конструкцию

«Эрони беҳ аз Тӯрон» (Иран, который лучше чем Туран), так как в первом случае мы имеем дело с целым предложением, а не словосочетанием [336, 68.].

В творчестве поэтов исследуемой нами эпохи применяются все разнообразие вышеприведенных примеров и конструкций, о которых подробно будем останавливаться в соответствующих главах и разделах диссертационного исследования.

Изафет и изафетная конструкция является не только синтаксическим средством образования грамматических единиц, но и изафет и изафетные конструкции также играют немаловажную роль в образовании еще других грамматических единиц на уровне словообразования. Как раз в своем словаре Мухаммад Гиясуддин рассматривает другие грамматические конструкции на уровне словообразования, имеющие как прямые, так и опосредованные отношения с изафетной конструкцией. Автор отмечает, что некоторые сложные слова были образованы на основе изафетных конструкций путем обратной перестановки составных компонентов изафетных словосочетаний и данный способ Мухаммад Гиясуддин называет «изофати мақлубӣ/изофати билқалб (обратная изафетная конструкция) и приводит следующие примеры как «аврангзеб» (тронуокрошающий), от изафетной конструкции «зеби авранг» (укрошающий трон), «некмард» (добрый мужчина) от изафетной конструкции «марди нек» (добрый мужчина).

Подобно вышеприведенной конструкции Мухаммад Гиясуддин также приводит ценное сообщение о другой немного отличительной конструкции, которая также образована на основе изафетной связки и позже на основе данной конструкции образовалось сложное слово типа «саргурух» (староста группы) от изафетной конструкции «сари гурӯҳ», «сохибдил» (душевный человек // человек с добрым сердцем) от формы «сохиби дил» (владеющий

(добрым) сердцем) или «ошиқсухан» (любящий слово и словесность) синтетическая форма изафетной конструкции «ошиқи сухан» (любящий слово)» [336, 69].

Новый период исследования как языка в целом, так и других лингвистических единиц, в том числе словосочетание относится к периоду становления и развития современной теоретической и прикладной таджикской лингвистики, который начинается после образования Республики Таджикистан в составе бывшего Советского Союза начиная с начала XX века.

Поэтому можно сказать, что современная концепция о словосочетании в таджикском языке в основном разработана на основе теоретической и методологической базы советского языкознания. Данная идея основывается на то, что словосочетание как синтаксическая единица, как правило организуется вокруг одной отдельной лексемы, семантической единицы и одного отдельного слова, которое может принадлежит морфологически к самостоятельной части речи. Можно сказать, что центральной осью словосочетания, как в содержательном, так и в структурном планах является только то слово, которое может относиться к самостоятельной части речи и такой постулат в принципе может быть универсальной почти для каждого языка.

В целом, в изучении и исследовании грамматического строя таджикского языка значимый вклад внесли такие известные ученые как Н. Низмухаммедов, Н. Маъсуми, Д. Таджиев, Ш. Ниёзи, Ш. Рустамов, Х. Каримов, А. Мирзоев, С. Хушенова, С. Абдурахимов, С. Атобуллоев, М.Н. Касимова, Б. Камолетдинов, М. Акрамов, А. Халилов, труды которых также и непосредственно касались вопросов словосочетания. Здесь и далее нам бы хотелось остановиться на некоторые аспекты формирования теоретической и методологической базы изучения и исследования словосочетаний в

таджикском языке. В современном таджикском языкознании исследование и изучение словосочетаний практически началось в 60-е годы XX века. Внимание исследователей больше всего в данном направлении привлекли общие вопросы о частях речи и взаимоотношения частей речи, средства связи слов и типы их связи. Наряду с этим вопросы относительно грамматических признаков частей речи и других синтаксических единиц, морфологические и лексические формы их выражения мн. числа, а также классификация этих единиц считались актуальными вопросами таджикского языкознания.

В этом плане проблемы изучения и исследования словосочетаний считались одним из самых актуальных и нерешенных вопросов таджикского языкознания и в этой связи планомерное исследование словосочетаний в таджикском языкознании начинается можно сказать с того периода, когда была издана книга академика Б. Ниязмухаммедова и Ш. Ниёзи в 1954 году, где речь идет о важности изучения словосочетания наряду с другими синтаксическими единицами [181]. В таком порядке развиваются идеи о том, что составные компоненты словосочетания находятся в соответствующей структурной подчиненности и эти компоненты всегда представляют своеобразную принадлежность к определенной морфологической группе, к части речи. Структурные и семантические особенности частей словосочетания определяются в зависимости от основного члена, а также своеобразных синтаксических отношений между составными компонентами словосочетания.

В 1955 году был опубликован ценный в научном плане труд известного таджикского лингвиста профессора Д.Т. Таджиева под названием «Способы связи определения с определяемым в современном таджикском литературном языке», который был посвящен вопросам соотношений и взаимосвязи составных компонентов словосочетаний, способы их связи и классификация составных компонентов словосочетания в роли определяемого и

определения. Ученый в данной работе отмечает, что словосочетание является средством построения предложения: «словосочетания, состоящие из определения и определяемого, могут выступать в предложении не только в качестве главных или второстепенных членов предложения, но и в качестве слов, синтаксически не связанных с членами предложения» [250, 6]. По мнению ученого необходимо обратить внимание на роль и места слов и словосочетаний при членении предложений и соответственно необходимо выделить отдельный раздел в синтаксисе об учении словосочетания: «поскольку синтаксис является учением о строе предложения, о сочетании слов в предложениях, то нужно в основу членения предложения положить слова и словосочетания как члены предложения. Вопрос о структуре словосочетаний, анализ основных типов синтаксической связи слов в словосочетаниях должен послужить предметом исследования особого раздела синтаксиса как грамматического учения о словосочетании» [247, 6]. Хотя профессором Д.Т. Таджиевым начиная с начала 50-х годов были опубликованы несколько статей, [246, 195-199] издание данного труда в качестве обобщающего исследования по вопросам соотношения составных компонентов словосочетаний, несомненно стало важным моментом в истории исследования таджикского словосочетания.

В последующие годы вопросы словосочетания также широко освещались в трудах и статьях другого лингвиста А. Халилова. Представляя свое определение словосочетания, ученый определяет предикативные (между подлежащим и сказуемым), атрибутивные (между определением и определяемым), релятивные и примыкающие виды связи между обстоятельством и сказуемым в словосочетаниях таджикского языка. Наряду с этим, ученый в своей монографии под названием «Ибораҳои изофӣ дар забони адабии тоҷик» (Изафетные словосочетания в таджикском литературном языке) дает ценные сведения о способах соединении слов при

помощи изафета, а также определяет их отношения, выявляет возможности и вариативности изафетной связи с предлогами и послелогоми [259, 191]. Именно в этом плане труды А. Халилова считаются ценными источниками по проблемам изучения и исследования таджикского словосочетания и в настоящее время.

В другой своей работе А. Халилов определяет словосочетание, как единицу, которая состоит из самостоятельных слов, имеющих тесную семантико-лексическую грамматическую связь, где изафетная связь будучи подчинительной связью, сохраняет значение составных компонентов словосочетания [258, 101].

Другому типу таджикских словосочетаний посвящена статья известного таджикского ученого М.Н. Касымовой под названием «Ибораҳои изофии масдарӣ» (Изафетные инфинитивные словосочетания), где выявлена отличительные особенности словосочетания от предложения, а также от слова и сложного слова. В статье также описан характер отношений между членами изафетного инфинитивного словосочетания в современном таджикском литературном языке [137, 62].

Наряду с этим, вопросы связи компонентов словосочетаний посредством изафетной связки очень подробно рассмотрены в значимом для современного таджикского языкознания труде профессора М.Н. Касымовой под названием «Мухтасар оид ба ибораҳои изофии номӣ» (Вкратце о именных изафетных словосочетаниях). Она отмечает «Яке аз сермахсултарин алоқаи синтаксисии ибораҳо дар забони тоҷикӣ алоқаи изофӣ ба шумор меравад. Ибораҳои, ки ҷузъҳои онҳо байни ҳам ба воситаи бандаки изофӣ алоқаи синтаксисӣ пайдо мекунанд, ибораҳои изофӣ ном доранд» - Одним из продуктивных способов синтаксической связи словосочетаний в

современном таджикском языке считается связь при помощи изафетной связки. Словосочетания, составных компонентов которых связаны между собой при помощи изафета называются изафетными словосочетаниями» [140, 46]. Действительно, в структуре словосочетаний мы больше всего встречаем словосочетаний с изафетной конструкцией и данная конструкция становится еще продуктивной как в современном таджикском литературном, так и в разговорном языке.

В области исследования иранских языков на современном этапе следует особо отметить о трудах Л.С. Пейсикова, который определяет словосочетание в следующем содержании: «Наличие по крайней мере двух знаменательных слов, из которых одно принадлежит к определенной части речи и грамматически и по смыслу занимает господствующее положение. Такая субординация слов определяется объективными дистрибутивными свойствами господствующего слова - представителя той или иной части речи - и специальной формой связи между этим словом и зависимым. Форма связи закрепляет одно из трех характерных для словосочетания отношений - атрибутивных, объектных и обстоятельственных» [199, 38]. Несомненно, дефиниция Л.С. Пейсикова весьма широкое и углубленное определение, которое затрагивает вопрос о синтаксических отношениях в словосочетании, однако при этом прослеживается определенная неточность, когда говорится, что одно слово принадлежит к определенной части речи. Говоря «одно слово» автор не упоминает, что может ли не относиться другое (второе, третье) слово состава словосочетания к части речи, когда можно сказать, что и другое также принадлежит к определенной части речи.

По поводу сомнительного вопроса о том, что встречаются ли в языке словосочетания сочинительной конструкции, Л.С. Пейсиков дает весьма адекватный и научно-обоснованный ответ в следующем содержании: «Сущность словосочетания в наличии одного стержневого слова с

распространяющим зависимым (или нескольких распространяющих в сложных словосочетаниях, состоящих из трех и более слов). Сочинительное же словосочетание в традиционной трактовке предполагает наличие двух или нескольких стержневых и независимых слов, что противоречит указанному выше пониманию сущности словосочетания» [199, 28].

Во второй половине двадцатого века таджикские лингвисты уделяли большое внимание на вопросы изучения и исследования словосочетаний. Например, таджикский языковед С. Абдурахимов посвятил свое целое монографическое исследование вопросам словосочетаний имен существительных, определяя их способы образования и семантические особенности данной языковой единицы [5, 22].

Продолжая свои исследования в области словосочетаний имен существительных С. Абдурахимов в своей монографии дает следующее определение словосочетания: «синтаксическая единица, состоящая из двух или более самостоятельных слов, одно - главное, другое - подчиненное, поэтому в его состав входят самостоятельные части речи. Они делятся на именные и глагольные компоненты. Связь слов в словосочетаниях не только изафетная, но и предложная и послеложная» [6, 63].

В последующие годы на базе этих трудов появились еще и новые исследования, где происходит постепенное и поступательное обогащение общей теоретической и методологической базы словосочетания в современном таджикском языкознании.

Другой таджикский языковед Р. Гаффоров рассматривая общие особенности словосочетания представляет свою концепцию и дает следующую дефиницию словосочетания: «Словосочетанием называются два или более самостоятельных слова, которые по правилам и историческим законам языка связаны грамматически и выражают составное понятие, делимое на части» [89, 12].

Известно, что ученый отграничивает словосочетание от слова и от предложения. В своей работе Р. Гаффаров рассматривает 3 вида связи составных компонентов словосочетания как изафетная связь, предложная связь и примыкающая связь. Основа теории Р. Гаффарова заключается в том, что словосочетание, как и слово, обладает номинативной функцией, но свою коммуникативную функцию выполняет в составе предложении и при помощи предложения. Весьма ценный вклад в развитии теории словосочетания в современном таджикском языкознании внесла известный таджикский лингвист С.В. Хушенова. В автореферате диссертации языковедом представлено более соответствующее и полное определение для изафетных словосочетаний в отличии от фразеологических единиц в следующем содержании: «Свободное словосочетание – отдельно оформленный комплекс, обычно обозначающий несколько понятий, свободно организующийся при помощи синтаксической частицы изафета из семантически и грамматически полноправных лексических единиц (слов) с самостоятельным ударением на каждой из них» [265, 6].

Действительно определение, представленное С.В. Хушеновой охватывает все особенности таджикских свободных словосочетаний и данное определение в последующие годы во многих научно-исследовательских трудах рассматривалась как наиболее совершенное описание данной синтаксической единицы [265, 22].

Хотя уже был признан тот факт, что предикативная и сочинительная связи вовсе не относятся к уровню словосочетания, И.К. Овчинникова считала, что: «совершенно очевидно, что структурные признаки словосочетания не могут быть выбраны произвольно или механически перенесены из теории другого языка. Они должны соответствовать объективным данным каждого конкретного языка с тем, чтобы единства, обладающие этими признаками (словосочетания) и

лишенные их (не являющиеся словосочетаниями), непременно различались в чем-то существенно важном с точки зрения строя этого языка» [191, 16-36].

На основе таких выводов И.К. Овчинникова утверждает, что копулятивные конструкции также можно отнести к разряду словосочетаний и считает, что словосочетанием можно назвать такие синтаксические единства, которые включают в себя не менее двух знаменательных слов, выполняющих в речи номинативную функцию и выступающих в роли расчлененного или суммарного наименования предметов, явлений, качеств, признаков и состояний. И поэтому И.К.Овчинникова считает целесообразным применить смешанную, формально-семантическую классификацию [190, 37-53].

Несоответствующие особенностям таджикского словосочетаниям гипотезы И.К. Овчинниковой чуть позже подверглись резкой критике известного таджикского ученого исследователя в области словосочетаний А. Мирзоева, который представил свои весьма обоснованные доводы по тем спорным аспектам словосочетаний, которые имели место в полемике ученых 70-х годов XX века.

В определенной степени похожую позицию как у И.Н. Овчинниковой по некоторым вопросам в конце 90-х годов можно заметить в трудах таджикского лингвиста М. Бобоходжаевой. При этом, весьма спорным представляется предложение таджикского лингвиста М. Бобоходжаевой о том, что совокупность слов в форме «шабу рӯз» можно рассмотреть, как одной из разновидностей словосочетаний в качестве фразеологических словосочетаний. В своем диссертационном исследовании она отмечает, что «В.В.Виноградов, говоря о сочинительном словосочетании также указывал, что понятие сочинительных словосочетаний возникает на почве смешения словосочетаний и так называемых однородных членов предложения, на почве общего не разграничения словосочетания и предложения. Однако он считает возможным сохранить такие стабильные лексико-семантические с

номинативной функцией сочетания, как «отец и мать», «день и ночь» и т.д. В таджикском языке есть аналогичные словосочетания, например, «шабу рӯз» - сутки, «обу хаво» - погода, но мы рассматриваем их как фразеологизмы. Итак, мы можем сделать вывод, что предикативная и сочинительная связи не относятся к уровню словосочетаний» [43, 105]. Следует особо отметить, что академик В.В. Виноградов об этих спорных вопросах словосочетаний писал в своих предыдущих трудах [54], а в последующих работах ученый дает новые более основательные определения словосочетания, которые и по настоящее время являются теоретической основой в изучении и исследовании словосочетаний.

Общеизвестно, что вопросы словосочетания в современном таджикском литературном языке рассмотрены во многих научных трудах и в теоретическом плане решены проблемы их классификации и идентификации. В академической грамматике современного таджикского литературного языка проведена доскональная и всесторонняя классификация и атрибуция таджикских словосочетаний, где такие конструкции как «шабу рӯз» не включены в категорию словосочетаний. В современном русском языкознании также определены категории словосочетаний и их структурно-семантические особенности, даны критерии классификации всех типов и видов словосочетаний. Наряду с этим, в опубликованной своей статье на страницах научного журнала «Вопросы языкознания» в 1954 году под названием «Вопросы изучения словосочетаний (на материале русского языка)» [55, 12-14] академик В.В. Виноградов отмечает, что однородные члены предложения не связаны грамматическими средствами связи, употребляемые между частями речи и однородность членов предложения тесно связаны со структурой и семантико-стилистическими особенностями предложений. Еще в 1972 году таджикский языковед А. Мирзоев на основе убедительных

доводов доказывает, что однородные члены предложения не могут быть словосочетаниями и как раз он в этом ссылается на вышеприведенные мнения академика В.В. Виноградова. На основе анализа одного предложения из творчества С. Айни, в котором приводятся однородные члены предложения как «занон (женщины), духтарон (девушки), канизон (служанки), ятимон (сироты)» он пишет, что «пайвасти занон, духтарон, канизон, ятимон метавонад боз хам тафсил ёбад: дархақиқат худуди он дар ҷумла фақат дар ҳар як мавриди муайян муқаррар карда мешавад. Ба фикри мо низ, пайвастҳои чидаро ба таълимоти ибора дохил намудан ба мақсад мувофиқ нест» - последовательно применяемые однородные слова типа **занон (женщины), духтарон (девушки), канизон (служанки), ятимон (сироты)** могут подлежать еще более широкому разворачиванию и к ним можно присоединить в такой же последовательности еще много других слов, и конечно все это определяется в рамках закономерностей предложений. Такой порядок и закономерность однородных слов по нашему мнению мы не можем отнести к словосочетаниям» [169].

Далее А. Мирзоев подвергает резкой критике идеи И.К. Овчинниковой, которая в своей статье «К вопросу о грамматической сущности и принципах выявления словосочетаний в персидском языке», отмечает: «совершенно очевидно, что структурные признаки словосочетания не могут быть выбраны произвольно или механически перенесены из теории другого языка. Они должны соответствовать объективным данным каждого конкретного языка с тем, чтобы единства, обладающие этими признаками (словосочетания) и лишенные их (не являющиеся словосочетаниями), непременно различались в чем-то существенно важным с точки зрения строя этого языка» [191, 16-42]. По мнению исследователя, структура и закономерности образования словосочетаний, тесно связаны с

грамматическими особенностями каждого отдельно взятого языка. Утверждая свои предыдущие идеи автор статьи далее отмечает, что копулятивные конструкции также можно отнести к разряду словосочетаний, хотя копулятивные виды связи относятся к однородным членам предложения. В этом плане автор дает новую интерпретацию словосочетания в персидском языке в следующем содержании: «Словосочетанием в персидском языке мы предлагаем называть такие синтаксические единства, включающие не менее двух знаменательных слов, которые выполняют в речи номинативную функцию, т.е. выступают в роли расчлененного или суммарного наименования предметов, явлений, качеств или других признаков, процессов и состояний» [190, 43-53].

В другой своей статье под названием «Именные словосочетания в персидском языке и возможные принципы их классификации» рассматривая категории словосочетаний отмечает о категории суммарных словосочетаний, к которым она относит такие конструкции как «каргаран-о дехканан, коргарон ва дехконон» (рабочие и трудящихся) и при этом не определяя стержневого, главного слова. Далее опираясь на логические и смысловые отношения между компонентами, автор предлагает следующие типы словосочетаний: раздельно-понятийные словосочетания типа «коргарон ва дехконон» (рабочие и трудящихся); цельно-понятийные словосочетания типа «духтари зебо» (красивая девушка), «рӯз ба рӯз» (день за днем), дифференцируя их на более мелкие виды и подвиды [190, 43-53]. Наряду с этим автор статьи далее отмечает, что «недостаток логико-семантической классификации, особенно если стремиться довести ее до большей детализации, заключается в том, что она не всегда имеет в своей основе надежный объективный критерий и в какой-то степени представляется субъективной, и поэтому спорной. Смысловая гамма, объективно существующая в языке, намного сложнее и разнообразнее, чем ее может

представить даже самый тонкий и виртуозный в подборе формулировок исследователь» [190, 40].

С некоторыми предложениями И.К. Овчинниковой также и не соглашается М. Бобоходжаева, которая отмечает, что «И.К.Овчинникова считает целесообразным применить смешанную, формально-семантическую классификацию, в совершенстве которой мы не совсем уверены и не согласны с некоторыми ее положениями» [43, 108].

В современном таджикском языкознании А. Мирзоев в своем фундаментальном труде «Масъалаҳои ибора дар забони тоҷикӣ» (Проблемы словосочетания в таджикском языке. Душанбе, 2002) по поводу вышеназванных спорных статей И.К. Овчинниковой отмечает: «вале ноғуфта намонад, ки бисёр масоили ибораи синтаксисии забони форсӣ дар асарҳои ин олимони ҳанӯз мавриди баррасии ҷамъониба қарор нагирифтааст. Ва як идда масъалаҳои ибораи синтаксисии забони форсӣ, ки аз ҷониби забоншиносон ба риштаи таҳқиқ қашида шудааст, баҳсталабанд. Намунаи намоёни ин фикр асарҳои И.К. Овчинникова мебошад» [169, 66] - следует отметить, что многие вопросы словосочетания в персидском языке не рассмотрены в трудах ученых и исследователей иранистики. Ко всему этому по вопросам словосочетания персидского языка встречаются еще такие работы, в которых представлены весьма спорные идеи. Примерами таких работ являются научные труды И.К. Овчинниковой.

Весьма ценным и значимым представляется диссертационное исследование М. Акрамова об адъективных словосочетаниях таджикского языка об особенностях которых ученый отмечает следующее: «адъективные словосочетания занимают особое место в ряду других словосочетаний. Современный таджикский литературный язык богат такими словосочетаниями. Они и по своей структуре и по выраженным ими значениям

отличаются от других типов словосочетаний. Адъективными мы называем также словосочетания, в которых основным компонентом является прилагательное, которое каким-либо способом подчинительной связи сочетается с другим словом (прежде всего знаменательным словом), выступающим в качестве поясняющего компонента. Одна из специфических особенностей адъективных словосочетаний состоит в том, что они всей своей структурой всегда входят в словосочетание с существительным или глаголом» [9, 5].

Труды М. Акрамова, в основном посвящены проблемам адъективных словосочетаний и данные вопросы ученый в более подробном виде рассматривает в своей монографии «Ибораҳои сифатии забони адабии ҳозираи тоҷик» [9], которая была издана в 1977 году. При анализе и интерпретации адъективных словосочетаний мы в основном опирались на теоретические концепции М. Акрамова, о которых речь идет в отдельной главы диссертационного исследования.

Наиболее полные сведения о словосочетании в таджикском языке приводит А. Мирзоев, который дает словосочетанию следующее определение: «словосочетание - это грамматическое единство двух или более самостоятельных слов, лишенное всех основных свойств предложения», и также наиболее всестороннее выявляет отличия словосочетаний от предложений, от однородных членов и фразеологизмов [168, 21-22]. В своих трудах, посвященных проблемам словосочетаний таджикского языка, А. Мирзоев отмечает, что наряду с предложениями в сферу синтаксиса также и относятся описания разновидностей словосочетаний с учетом способов связи их составных компонентов. Одним словом синтаксис охватывает и вопросы предложений и проблемы словосочетаний.

Таким образом, основные концепции и научные постулаты относительно структуре и семантике словосочетания в таджикском языке мы

находим в трудах известного таджикского языковеда и специалиста в области синтаксических особенностей словосочетаний А. Мирзоева. Ученый в своей монографии, изданной в 2002 году, дает полный обзор исследовательских работ по словосочетанию таджикского языка [169, 308]. Следует отметить, что критические взгляды ученого относительно идей таджикских языковедов, полное научное описание научных гипотез о словосочетании в работе А.А. Мирзоева представляет для современного таджикского языкознания несомненно важный научный клад, где мы можем найти ценные ответы на возникшие вопросы по проблемам словосочетаний. Работа А.А. Мирзоева посвящена в основном вопросам словосочетания, которые вошли в научный обиход начиная со второй половины XX века и при этом своеобразные особенности словосочетаний в контексте поэзии, а также аспекты исторического развития структуры словосочетания и взгляды о теории словосочетания не охвачены в данном исследовании.

Таким образом, в соответствии современной концепции синтаксиса любое словосочетание состоит в основном из двух частей, и первая часть является основной частью, а вторая часть, можно сказать, является зависимой и подчинительной частью структуры словосочетания. Основная, присоединяющая часть словосочетания в соответствии своей лексико-семантической особенностью и морфолого-структурной функцией присоединяет к себе другие зависимые части, компоненты или слова. Также и по мнению таджикского лингвиста А. Мирзоева зависимая и присоединительная часть словосочетания находясь в состоянии подчинения и зависимости посредством определенных грамматических и синтаксических средств может быть присоединена к основной части словосочетания [169, 241]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что образование основной конструкции словосочетаний в современном таджикском литературном

языке происходит именно по этим правилам. Если рассмотреть исторические аспекты данного вопроса в современный исторический период таджикского языка, который охватывает более тысячи лет, то можно дискутировать о различных аспектах становления и формировании данной закономерности и по мере возможности в необходимых моментах, о чем, и мы попытаемся изложить свои идеи и концепции.

Таким образом, основу грамматической конструкции словосочетания таджикского языка составляют минимум два и более слов, которые как грамматически, так и семантико-стилистически взаимосвязаны между собой, имеющие одну основную и центральную, присоединяющую единицу с зависимыми и присоединительными грамматическими компонентами. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что словосочетание является совокупностью двух и более между собой грамматически и семантически взаимосвязанных слов, которые связаны между собой различными грамматическими средствами подчинительной связи и составляют составную часть предложений.

Исходя из вышеизложенных теорий и концепций можно сделать вывод о том, что принципиальные вопросы теории словосочетания заключаются в следующих обобщениях: 1) существует ли словосочетание абсолютно вне предложения или же все-таки словосочетание вычленяется из структуры предложения? 2) существуют ли словосочетания «предикативной конструкции», где составные компоненты словосочетания выступают в роли подлежащего и сказуемого? 3) существуют ли так называемые «сочинительные словосочетания», в составе которых приводится группа однородных членов, образуя открытые ряды сочетания? Эти вопросы и по настоящее время еще не нашли своего однозначного ответа. На основе анализа и интерпретации большого объема материалов как теоретического, так и прикладного характера нам удалось выявить некоторые особенности

словосочетаний и пришли к такому выводу, что словосочетание представляет своеобразную грамматическую и стилистико-семантическую конструкцию при помощи которых отличается от предложения и от слова. О некоторых отличительных особенностях словосочетания и предложения нам бы хотелось отметить следующее:

1. Словосочетание - это два взаимосвязанные слова, из которых одно слово является главным, а другое зависимым. Слова в словосочетании по-разному связаны между собой, и прежде всего тремя способами связи: согласованием, управлением и примыканием.

2. Словосочетание не имеет законченной мысли.

3. Словосочетание не может быть грамматической основой.

В свою очередь, предложение отличается от словосочетания следующими свойствами и особенностями:

1. Предложение – это совокупность нескольких слов или одно слово, обозначающие законченную мысль и имеющие коммуникативную функцию.

2. Предложение, кроме главных членов предложений, может иметь одно или несколько словосочетаний, второстепенных членов, а может обойтись и без них.

3. Предложение и по структуре и по содержанию никогда не может быть словосочетанием.

Наряду с этим, следует отличить словосочетания от других языковых конструкций следующих типов:

1) сочетание – конструкции сочетаний составляют самостоятельное слово и служебные, вспомогательные части речи: «**назди бино**» (около здания), «**аз кор**» (с работы), «**дар шахр**» (в городе), «**ба деҳа**» (в село), к сочетаниям также можно отнести составные конструкции глаголов, например, «**бигзор равад**» (пусть уходит);

2) фразеологические единицы - сочетания слов в составе фразеологизмов: «аз шодӣ шукуфтан» (расцветать от радости), «ба гардани худ гирифтан» (брать на себя), «домани касеро гирифтан» (хвататься за чей-либо подол), «гули сари сабад» (лучше из лучших);

3) двусоставные простые предложения - подлежащее и сказуемое: «борон борид» (шел дождь), «шаб расид» (наступила ночь);

4) составные словоформы: «нисбатан сурхтар» (более красный), «хоҳад гашт» (будет ходить), «кор кардан» (работать);

5) группы слов, объединенных разновидностями сочинительной связью: «ё ман ё ту» (или я или ты), «падарон ва писарон» (отцы и дети), «ҳам дӯст, ҳам душман» (и друг и враг).

Об отличительных особенностях словосочетаний таджикского языка от других языковых единицах весьма подробную и достоверную информацию в своем монографическом труде приводит таджикский лингвист А. Мирзоев [169, 246 - 264].

Таким образом, словосочетание является своеобразной языковой и грамматической конструкцией, состоящей из двух и более самостоятельных слов, которые взаимосвязаны между собой подчинительной связью и реализуемы в рамках синтаксических закономерностей. Следует отметить, что при образовании словосочетания необходимы три основные грамматические закономерности, а именно а) наличие не менее двух самостоятельных слов; б) наличие определенного подчинительного вида и способа связи между самостоятельными словами; в) составные компоненты и их взаимосвязь должны представить определенное синтаксическое отношение. Данной теории и принципу строения словосочетаний также и придерживается таджикский лингвист А. Мирзоев [169, 141-142].

В современной лингвистике проводятся различного варианта классификации словосочетаний исходя из различных особенностей этих синтаксических единиц.

Наиболее простая и первостепенная классификация словосочетаний является классификация в зависимости от составных компонентов и синтаксической структуры словосочетаний. Следовательно, по своей синтаксической структуре и наличию составных компонентов словосочетание делится на простые (двухкомпонентные) и сложные (монокомпонентные). Как обычно, простые словосочетания, состоящие из двух самостоятельных слов по своей синтаксической структуре, составляют одну синтаксическую целостность с обозначением особенности предмета, действия и явления. Например, «китоби аџиб» (интересная книга), «духтараки доно» (умная девчонка), «саволи мушкил» (сложный вопрос).

В творчестве поэтов конца 19 и начала 20 века можно проследить различные варианты и разновидности простых словосочетаний, связанные разными видами связи как изафетная, предложно-послеложная и примыкающая, о которых речь пойдет в соответствующих разделах диссертационного исследования. Наряду с этим, по синтаксической структуре сложные словосочетания состоят из более двух компонентов, которые представляют самостоятельные слова, взаимосвязанные между собой различными способами и средствами синтаксической связи. В творчестве поэтов исследуемой нами эпохи можно обнаружить различные варианты и разновидности простых словосочетаний, связанные разными видами связи. При этом, если в простых словосочетаниях чаще всего употребляется один вид подчинительной связи, то в сложных словосочетаниях мы можем заметить смешанные способы связи составных компонентов словосочетания, где применяется как изафетная, так и предложная или примыкающая связи.

Разновидности связи и средства связи слов в именных словосочетаниях на примере творчества поэтов рассматриваемого периода является одним из важнейших задач нашего исследования. Здесь нам бы хотелось остановиться на вопросы разновидностей связи словосочетаний в таджикском литературном языке конца 19 и начала двадцатого века на материалах поэтического творчества данного периода. В этом плане основная и первостепенная задача заключается в выявлении особенностей поэтического контекста и неповторимость применяемых средств и способов в образовании словосочетаний мастерами слова данного периода. Общеизвестно, что в предложениях как таджикского, так и большинство других языков применяются большое количество грамматических связей, которые обычно делятся на две большие группы как подчинительные и сочинительные способы связи. Однако словосочетание отличается тем, что в нем не применим сочинительный способ связи, и все словосочетания образуются посредством подчинительной связи. В словосочетаниях также мы не можем обнаружить так называемый вид связи как предикативная связь (согласование), которая встречается при связи подлежащего и сказуемого, и также относится к подчинительному способу связи слов в предложении. В зависимости от участия средств связи, в образовании словосочетаний можно выделить наряду с изафетной, так и предложную конструкцию словосочетаний таджикского литературного языка. Как в именных, так и в других разновидностях словосочетаний таджикского литературного языка самым продуктивным и часто встречаемым видом связи словосочетаний считается изафетная связь слов в составе словосочетаний современного таджикского литературного языка. Следовательно, из семи разновидностей связи словосочетаний в таджикском языке два вида относятся к изафетным и изафетно-предложным видам связи. В свою очередь изафетный вид связи делится еще на несколько разновидностей в зависимости от участия

составных компонентов в структуре словосочетаний таджикского языка. О продуктивности и других особенностях изафетной связи профессор Д.Т. Таджиев в своем исследовании отмечает следующее: «В современном таджикском литературном языке наиболее многозначным по роли и характеру типом связи определения с определяемым является группа изафетных атрибутивных словосочетаний. Связь между определением и определяемым осуществляется в этих словосочетаниях при помощи безударного «-и», которым соединяется определяемое с определением или приложением. При этом определяемое обязательно должно предшествовать определению или приложению. В изафетных словосочетаниях определения могут выражаться прилагательными, существительными, порядковыми числительными, местоимениями и причастиями, а приложение выражается только именами существительными или личными местоимениями» [247, 11].

В поэзии исследуемого нами периода также основную массу именных словосочетаний составляют изафетные словосочетания, об особенностях и разновидностях речь пойдет в соответствующих частях исследования.

Другим по значимости видом связи в словосочетаниях таджикского литературного языка, является примыкающая связь, которая также продуктивно употребляется в именных словосочетаниях. О продуктивности данного словосочетания профессор Таджиев Д.Т. отмечает следующее: «вторым типом связи определения с определяемым, широко употребляемым в таджикском языке, является примыкание. Связь между определяемым и определением в этих словосочетаниях осуществляется, как было указано выше, путем примыкания определения в препозиции к определяемому слову. В этих словосочетаниях примыкающее определение выражается указательными, определительными, неопределенными и вопросительными местоимениями, числительными, а также другими категориями слов в роли

приложения. Определенный тип приложения сочетается с определяемым также постпозитивным примыканием» [250, 12].

Таким образом, изафет может образовать словосочетания самой сложной и разнообразной конструкции многокомпонентного строя по тем же правилам формированию простых двукомпонентных словосочетаний, в таком случае изафет может повторяться несколько раз последовательно.

Наряду с этим при участии предлогов можно выделить конструкцию сложного состава изафетно-предложной конструкции, которая может состоять из двух-, трех- и многокомпонентной сложности. Об изафетно-предложной конструкции таджикский лингвист А. Мирзоев отмечает, что «алоқай изофию пешояндӣ ба воситаи бандаки изофӣ ва пешоянд ифода мегардад» - изафетно-предложная связь словосочетаний при помощи изафетной связи и предлогов таджикского языка образует такие конструкции как «рафтуомади ба хонаи дустон» (посещение друзей им домой), «ошхӯрии аз хонаи қарздорон» (поесть дома у должников), «антенаи болои бом» (антенна, находящаяся над домом), «дарахти лаби ҷӯй» (дерево у ручейки) [169, 36].

Другой вид связи в составе именных словосочетаний таджикского литературного языка является предложная конструкция связи, которая образовывается посредством предлогов, типа «муҳаббат ба Ватан» (любовь к родине), «бо санг сохтан» (строит камнями), «дар маърака вохӯрдан» (встречаться на мероприятии) [238].

Другое средство связи словосочетаний таджикского языка является применение послелогов таджикского языка, из которых наиболее продуктивным является послелог «-ро». Например, «Рустамро дидан» (увидеть Рустама), «рохро тай кардан» (пройти путь) и к данной конструкции

можно отнести еще такие словосочетания как «Рустам ном коргар» (рабочий по имени Рустам), «баромадан ҳамоно дидан» (увидеть сразу после выхода) [169, 141-143]..

Другая разновидность связи в конструкции словосочетаний таджикского литературного языка является предложно-послеложная связь между компонентами. В данной конструкции мы можем заметить участие как предлогов, так и послелогов типа «барои ту шуда омадан» (приходить из-за тебя), «аз бародар дида наздиктар» (ближе чем родной брат) [169, 141-143].

В своем исследовании таджикский лингвист А. Мирзоев анализируя разновидности связи и средства связи словосочетаний таджикского языка и опираясь на предыдущие исследования таджикских лингвистов, особенно на труды профессора Д.Т. Таджиева [246] выделяет еще одну разновидность связной конструкции словосочетаний под названием связь послелогов с местоименными окончаниями в структуре словосочетаний [169]. Для этого он приводит такие примеры как «Хуршеда падараш» (отец Хуршеда), «мурға тухмаш» (яйцо курицы), «анора ширинаш» (сладкий из гранат) и по структуре нельзя их рассмотреть или перевести в форме Хуршеда отец, куриное яйцо и сладкий гранат, хотя по содержанию они соответствуют. По мнению ученого такая конструкция имеет свою историческую прогрессию из конструкции «Сухробро падар» (отец Сухроба), «хонаро сақф» (потолок комнаты).

В последние годы многие исследователи в своих научных изысканиях анализируя определенные особенности и аспекты современного таджикского языка, также рассматривают связанные с их темой проблем словосочетаний. Так в своем диссертационном исследовании С.М. Носиров под названием «Системный анализ говора бухарских иранцев» рассматривает особенности словосочетания исследуемого диалектологического материала по следующим

типам: субстантивные, адъективные, числительные, местоименные, глагольные и наречные. Автор отмечает, что в исследуемом говоре продуктивными типами словосочетаний являются субстантивные и глагольные словосочетания [187].

В последние годы в современном таджикском языкознании появилось достаточно значимое количество научных трудов, статей и монографий по вопросам структуры, семантики и классификации разновидностей словосочетания в таджикском языке. Особенно начиная с 80-х годов XX века в научной среде таджикского языка появились новые работы молодых ученых, вклад которых в развитии концепций словосочетания весьма значим.

В этом плане одним из значимых диссертационных исследований является работа А. Солиева на тему «Предложно-именные словосочетания в современном таджикском литературном языке (на материале художественной прозы С. Айни)», которая была защищена в 1984 году [238]. Основная цель данной диссертационной работы заключалась в анализе и интерпретации структуры и семантики предложно-именных словосочетаний в современном таджикском литературном языке и автору данной научной работы удалось выявить грамматические особенности данной категории словосочетаний. Отличие данного диссертационного исследования заключается в том, что ученому удалось доказать роль не только первичных предлогов, но и показать значимость составных отыменных предлогов в образовании предложно-именных словосочетаний, о чем отмечается им в работе: «Именные словосочетания в современном таджикском литературном языке кроме таких способов синтаксической связи как: изафет, артикль, послелог и примыкание образуются также при помощи предлогов. Однако в современном таджикском литературном языке, в основном, исследованы предложно-именные словосочетания с простыми первичными предлогами, в то время как исследование предложно-именных словосочетаний

произведений С. Айни выявило, что в образовании предложно-именных словосочетаний кроме первичных предлогов используется много простых и составных отыменных предлогов» [238].

В работе также представлена классификация предложно-именных словосочетаний на материале творчества Садриддина Айни с учетом их конструкции и составных компонентов.

В работе другого таджикского исследователя А.О. Гаффорова под названием «Глагольные словосочетания с первичными предлогами в «Бадоеъ-ул-вакоеъ» Зайниддина Восифи» [73] были выявлены структурно-семантические особенности глагольных словосочетаний, образованные первичными предлогами. Автору удалось определить теоретическое основание роли предлогов первичного типа в образовании словосочетаний в таджикском языке и охарактеризовать структурно-семантических особенностей словосочетаний с первичными предлогами и установить частоту употребления первичных предлогов в образовании глагольных словосочетаний на материале «Бадоеъ-ул-вакоеъ» Зайниддина Махмуди Восифи.

Исследование таджикского ученого С.Х. Курбонова было посвящено проблемам субстантивных словосочетаний в говорах таджикского языка, что представляет весьма интересный материал для выявления прикладных аспектов таджикского словосочетания. Ученому удалось на основании материала отдельно взятого говора таджикского языка, а именно бойсунского говора выявить степени употребления различных видов субстантивных словосочетаний в говорах Бойсунского региона Республики Узбекистан и выявить возможностей лексических групп в образовании субстантивных словосочетаний, определить порядка составных частей субстантивных словосочетаний с учетом их структурно-семантических особенностей, а также анализировать влияние ареальной среды на

образование словосочетаний рассматриваемой группы как экстралингвистический фактор. Другой важный аспект данного исследования заключается в том, что ученым проведен всесторонний анализ по сравнению субстантивных словосочетаний бойсунских говоров с их аналогами в таджикском литературном языке и при этом выявить историческое формирование определенных форм, структур и средств образования данной группы словосочетаний [136].

Вопросы изафетных словосочетаний, которые являются наиболее актуальными в таджикском языкознании были рассмотрены в диссертационном исследовании таджикского ученого Х.М. Камолова под названием «Изафетные словосочетания в "Та'рихи Табари" Бал'ами» [127]. Весьма важным и ценным в данной работе является то, что изучение и анализ изафетных словосочетаний проводится на большом фактическом материале исторической значимости как «Та'рихи Табари» Бал'ами и на основе проведенного исследования также удалось выявить тенденцию исторического развития изафетных словосочетаний в таджикском литературном языке. Следует особо отметить, что в историко-диахронном и синхронном планах проводится исследование изафетных словосочетаний как актуальное направление на языковых материалах конкретного исторического периода становления и развития таджикского литературного языка. Наряду с этим ученым проведена классификация основных разновидностей изафетных словосочетаний с учетом определения их семантических значений, закономерности образования этих словосочетаний.

Одной из последних работ по вопросам словосочетаний на материале современной таджикской литературе принадлежит М. Темуровой [249]. Диссертационное исследование М. Темуровой посвящено вопросам структурно-семантических особенностей причастных словосочетаний на материале творчества Садриддина Айни. В данной работе определено

структурные типы и модели причастных словосочетаний, выявлено лексико-грамматические особенности рассматриваемых словосочетаний и определено закономерности возникновения синтаксических связей между компонентами причастных словосочетаний в современном таджикском литературном языке.

Другой аспект исследования словосочетаний в современном таджикском языке в последние годы больше и больше составляют исследования в области сопоставительного, сравнительно-исторического и типологического языкознания, к числу которых можно отнести труды Е.А. Джафаровой, М. Бобоходжаевой, С.О. Ходжаевой, К.А. Асоевой и Х.П. Махмадалиевой. В трудах этих исследователей теоретическую основу изыскания словосочетаний составляют взгляды В.В. Бурлаковой, исследование которой было посвящено выявлению основ структуры словосочетания в современном английском языке. По мнению В. В. Бурлаковой, известной своим значительным вкладом в теорию словосочетания, понимается «любая синтаксически организованная группа, состоящая либо из комбинации знаменательных слов, либо служебного и знаменательного слов, связанных любым из существующих типов синтаксической связи» [48].

В работе Е.А. Джафаровой рассматривается вопрос атрибутивных словосочетаний в таджикском и английском языках с указанием того факта, что для этих словосочетаний общим свойством является их бинарный характер [93].

Весьма интересным в научном плане представлена диссертационная работа М. Бобоходжаевой, где в сопоставительном плане проанализированы структурные и семантические особенности именных словосочетаний в таджикском и английском языках, а также проведена классификация словосочетаний в исследуемых языках в соответствии соотношений составных компонентов. В своей работе М. Бобоходжаева дает краткое

определение словосочетания и представляет своеобразную классификацию в таджикском и английском языках и об этом отмечает следующее: «Классификация словосочетания и их отношений различна у многих лингвистов. Исходя из вышеизложенного, можно дать следующее определение: свободным словосочетанием называется синтаксическое бинарное единство двух или более полнозначных слов, из которых одно является ядром, а другое - зависимым. Прочитав и проанализировав работы по синтаксическим связям внутри словосочетания, мы приходим к выводу, что в английском и таджикском словосочетании могут быть следующие типы связей или отношений: 1. атрибутивная; 2. объектная; 3. вторично-предикатная (для комплексов с неличными формами)» [43].

Следует отметить, что в настоящее время контрастивное или сопоставительное, типологическое и сравнительно-историческое исследование все больше привлекает внимание лингвистов, так как сравнение одного и того же явления языковой системы в разных языках позволяет наглядно вскрыть сущности изучаемых явлений и процессов, обнаружить их специфики как в отдельном языке, так и в системном плане. Именно в таком ракурсе представлены исследования К.А. Асоевой под названием «Типы подчинительной связи слов в словосочетаниях и простом предложении в русском и таджикском языках» [26] и Х.П. Махмадалиевой под названием «Сопоставительный анализ адъективных словосочетаний в таджикском, английском и русском языках» [158].

Поэтический контекст, будучи важным аспектом литературного языка, одновременно является результатом особой языковой базы и особых языковых навыков и способностей и наряду с этим реализуется с особыми целями, которые направлены на действенность и выразительность художественного слова. Поэтический контекст, скорее всего, направлен на действенность и эффективность речи, нежели чем на точность и

фактологичность и поэтому цели на применения языковых единиц как средства предоставляющие возможности выразительной и окрашенной, пафосной речи отличаются от той цели, которая ставится при изложении прозаического текста. Следовательно, среди всех языковых единиц в поэтическом контексте словосочетания занимают особое место.

Таджикская художественная литература, несомненно в истории культуры и искусства занимает особо важное место в течении всей истории своего существования. Она, прежде всего, отличается своим несравнимым богатством неповторимых шедевров, своим искусным, мелодичным языком, неповторимыми образами, неповторимыми формами выражения мысли и неповторимыми художественными и словесными приемами и разнообразием методов и способов выражения мысли. Поэтому исследование поэтического языка таджикской литературы представляет особую значимость, и несомненно может пролить свет на различные аспекты истории становления и развития таджикского литературного языка, а также на основе подобных исследований можно выявить особенности традиции формирования и развития литературного языка. Здесь необходимо отметить о значимости языка поэзии, как об этом говорит известный лингвист Г.О. Винокур, что «под поэтическим языком можно понимать прежде всего язык, употребляемый в поэтических произведениях. В этом случае имеется в виду не какое-нибудь внутреннее качество языка, не какая-нибудь особая его функция в сравнении с его функцией как средства обычного социального общения, а только особая традиция языкового употребления. Поэтический язык в этом смысле представляет собой особый стиль речи в ряду других: языка официального, научного, дипломатического, военного и т. д. Точно так же, как есть формы, слова, обороты речи, которые принято или не принято употреблять в языке науки или дипломатии, есть формы, слова, обороты речи, которые принято или не принято употреблять в поэтических

произведениях. История того, как и почему изменялся состав языковых средств, принятых в употреблении в этой традиции, и есть, с этой точки зрения, история поэтического языка» [60].

Проблемы анализа и интерпретации словосочетания в поэзии и по настоящее время остается актуальным и малоизученным аспектом таджикского литературного языка. Здесь необходимо отметить, что как структурные, так и содержательные и функциональные особенности словосочетания имеет своеобразные отличия от тех словосочетаний, которые применяются в прозаическом тексте. Именно поэтому проблемы семантики и структуры словосочетания в поэтическом контексте становятся актуальными и значимыми. С другой стороны, тогда, когда исследование вопросов словосочетания в таджикском языке на примерах прозаического текста проводится в последние годы очень продуктивно и при этом вопросы структуры и семантики словосочетания в поэзии временами ускользают от наблюдения и остаются за рамкой этих исследований.

Следует особо отметить, что вопросами анализа и интерпретации языковых единиц поэзии в настоящее время занимаются ученые в рамках отдельной научной области как лингвопоэтика. По данному вопросу в современном таджикском языкознании можно перечислить монографии и научные статьи М.К. Саломова, где ученый рассматривает своеобразные особенности языка поэзии, который местами полностью отличается от языка прозы и быденного литературного языка и отмечает, что в настоящее время возникает особая необходимость анализа и интерпретации языка поэзии в специфических научных и методологических рамках [231; 232; 233; 234]. Термин «лингвопоэтика» или «лингвистическая поэтика» был введен в научный обиход В.П. Григорьевым еще в 70-е годы XX века [79]. Данное направление является синтезом нескольких научных подходов и направлений по исследованию языка художественной литературы, в том числе поэзии.

Каждый из этих научных направлений рассматривает вопросы эстетического воздействия художественного слова или отдельной единицы языка художественной литературы. Интересным представляется тот факт, что основным компонентом анализа поэтического текста, и в целом объектом лингвопоэтики является словосочетание. Наряду с этим лингвопоэтика свободно проецируется на другие науки – литературоведение, историю, философию, психологию, культурологию, когнитивистику. Такая универсальная проекция открывает новые возможности в изучении слова и словосочетания в тексте художественных произведений и, в свою очередь, требует синтетического подхода к осознанию эстетических функций слова [212, 11-20].

Здесь необходимо отметить, что лингвопоэтические исследования языка художественной литературы проводятся по трем научным направлениям. Во всех этих трех направлениях важным компонентом исследования является словосочетание, как в формальном, так и в содержательном планах. Первое направление связано с исследованием отдельного художественного текста и выявлением роли формальных языковых элементов, в том числе словосочетание, в передаче идейно-художественного содержания и создании определенного эстетического эффекта. По данному направлению проведены исследования многих ученых как Г.О. Винокур, И.Р. Гальперин, В.П. Григорьев, А.И. Ефимов, К.В. Кожевникова, М.Н. Касимова, Ш. Каримов, М.К. Саломов, Ш. Хаитова, Ф. Негмат-заде, К. Мухтори, А.А. Готбизаде, С.С. Абров [60; 79; 231; 129; 256; 178; 172; 75; 7]. Главной целью второго научного направления считается исследование отдельных компонентов и частей текста, их тематико-стилистических характеристик, а также конкретного художественного приема в том или ином произведении или в группе произведений. Данное

направление представлено в исследованиях таких ученых как М.Л. Гаспаров, А.Д. Григорьева, З.Ю. Петрова, В.А. Плунгян, Ю.К. Щеглов [72; 79; 205].

Целью третьего направления является исследование и опыт отражения идеостилей, где главной единицей исследования и интерпретации является также словосочетание в поэтическом контексте. Это направление представлено в трудах таких исследователей как Е.В. Красильникова, М.Ю. Михеев, О.Г. Ревзина, Н.А. Фатеева [212].

Исходя из анализа большинство вышеприведенных исследований можно сделать такой вывод, что «поэтический язык в этом смысле есть то, что обычно называют **образным** языком. Художественное слово образно вовсе не в том только отношении, будто оно непременно метафорично. Сколько угодно можно привести неметафорических поэтических слов, выражений и даже целых произведений. Но действительный смысл художественного слова никогда не замыкается в его буквальном смысле» [60, 390].

Выбранная тема диссертационной работы рассматривает особенности такой сложной единицы языка как словосочетание в поэтическом контексте, так как поэзия всегда требует особого и скрупулезного подхода применения языковых единиц исходя из рифмы, цели и других художественных особенностей, тонкостей словесного искусства. Как форма, так и семантико-стилистические особенности словосочетания в поэтическом контексте имеют своеобразные способы применения и понимания, которые отличаются от простого прозаического или процедурного текста.

Следовательно, необходимость изучения и исследования особенности языка поэзии заключается в ее неразработанности в таджикском языкознании с привлечением материалов поэтического наследия конца XIX и начала XX вв. Здесь важно отметить об отличительных особенностях поэзии конца XIX и начала XX вв., которые заключаются в неповторимости значений и структуры образования словесных оборотов. Наряду с этим

применение разнообразных форм и содержаний словосочетания представляет несравнимо обильную и всестороннюю совокупность речевых возможностей словосочетаний, чем достаточно богаты поэтические творчества мастеров слова исследуемого периода. Именно поэтому исследование данной группы языковых единиц как словосочетание, представляет весьма значимый научный интерес.

Следует отметить, что изучение и исследование лингвистических особенностей художественной литературы XIX и начала XX века и в настоящее время представляется весьма важным и актуальным, так как таджикский литературный язык данного периода еще не подвергался основательной и научно-обоснованной интерпретации. С другой стороны, художественная литература данного периода в значительной степени отличается от литератур других эпох своим богатством и обширным охватом поэтов и литературных жанров, безграничным распространением по всей Центральной Азии, Афганистану, Ирану и Индии. По сведениям известного таджикского ученого литературоведа Р. Хадизаде количество известных поэтов и литераторов XIX века достигало 395 человек. Как отмечают составители летописной книги «Ганчи Зарафшон» (Кладез Зерафшана) к данному числу можно прибавить еще 23 новых поэтов, которые также жили и творили в этот период [334, 12.]. Другая сторона актуальности изучения и исследования художественной литературы XIX – XX вв., а поэзии именно заключается в том, что определенные закономерности грамматики современного таджикского литературного языка начали формироваться и развивать свое основание именно в этот период. В творчестве поэтов данного периода мы можем наблюдать лексические и другие грамматические единицы, которые в современном таджикском языке употребляются очень продуктивно, хотя в языке художественной литературы классического периода встречаются сравнительно редко и не относятся к норме того

периода, о чем речь идет в соответствующих частях настоящего исследования. Таким образом, конец XIX и начала XX века является переходным этапом для таджикского языка от классического периода развития к современному состоянию литературного языка. Следовательно, анализ и интерпретация структуры и семантики словосочетания в художественной литературе является актуальной проблемой, решение которой несомненно может пролить свет на многие нераскрытые аспекты словосочетаний современного таджикского языка.

В результате анализа и интерпретации большого объема научной литературы, а также материалов прикладного характера, сопоставляя и сравнивая разнообразные теории и концепции ученых различных исторических периодов мы пришли к такому выводу, что в связи разноаспектностью и многофункциональностью словосочетание и в настоящее время остается одной из самых актуальных проблем современного языкознания. По поводу определения словосочетания мы пришли к такому выводу, что *словосочетание – совокупность двух и более морфологически самостоятельных единиц, которые связаны между собой подчинительной связью и является единицей построения сложного порядка предикативных единиц.*

Другими наиболее актуальными вопросами как практического, так и теоретического характера словосочетаний являются вопросы классификации и вопросы внутреннего строения словосочетаний.

ГЛАВА 2. СУБСТАНТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Субстантивные словосочетания или словосочетания имен существительных в современном таджикском литературном языке являются наиболее распространенным видом словосочетаний и во многих источниках отмечается, что в структуре таджикского словосочетания имя существительное занимает ключевое место, как об этом отмечается в академической грамматике таджикского языка «Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик»: «Исм дар ибора ҳамчун меҳвар воқеъ шуда, ҳамаи ҳиссаҳои мустақили нутқро тобеъ менамояд. Чузъҳои тобеъ ба исм бо бандаки изофӣ, пешоянду пасоянд ва алоқои ҳамроҳӣ вобаста мешаванд. Ибораҳои исмӣ муносибаҳои муайянкунандагӣ, ҳолӣ, пуркунандагӣ ва субъектиро мефаҳмонанд» - Имя существительное в структуре словосочетания является ключевым компонентом и подчиняет себе все остальные самостоятельные части речи. Зависимые компоненты в таких словосочетаниях подчиняются имени существительному при помощи изафета, предлогов, послелогов и посредством примыкания. Словосочетания имен существительных означают определительные, обстоятельственные, дополнительные и субъектные отношения в речи [77, 29].

2.1. Изафетные субстантивные словосочетания имен существительных

Изафетные субстантивные словосочетания являются наиболее продуктивным видом субстантивных словосочетаний. В свою очередь данная группа словосочетаний классифицируются на нескольких подгрупп, которые имеют по составу и компонентам своеобразные грамматические модели. Необходимо отметить, что словосочетания субстантивной природы в современном таджикском языке сравнительно больше образуются при помощи изафетных конструкций и в этом плане в образовании словосочетаний важна роль изафетной связки. Если сравнить все

разновидности словосочетаний по конструкциям, то опять-таки словосочетания изафетной конструкции сравнительно чаще встречаются, чем других моделей строения данной языковой единицы в современном таджикском языке. Именно поэтому анализ и интерпретация изафетных словосочетаний становится намного важнее и актуальнее, так как данная конструкция является наиболее продуктивным способом образования и путем обогащения всего языкового конструкта.

Состав изафетных субстантивных словосочетаний состоит из имени существительного в качестве главного компонента и различных частей речи в качестве зависимого компонента и соответственно в зависимости от составных компонентов данной категории субстантивных словосочетаний можно делить на следующие модели и для каждой модели мы применяем соответствующую формулу из заглавных букв частей речи английского аналога, которые являются составными компонентами субстантивных словосочетаний (имя существительное – Noun – N; имя прилагательное – Adjective – Ad; имя числительное – Numeral – Nu; местоимение – Pronoun – Pr; причастие – Participle – Pa; инфинитив – Infinitive – In; наречие – Adverb – Adv; звукоподражательное слово – Onomatopoeic words – Onw; Предлоги – Preposition – prp; Послелог – Postposition – psp).

1. Имя существительное +имя существительное –N+N.
2. Имя существительное +имя прилагательное – N+Adj.
3. Имя существительное +имя числительное – N+Nu.
4. Имя существительное +местоимение – N+Pr.
5. Имя существительное +причастие – N+Pa.
6. Имя существительное +инфинитив – N+In.
7. Имя существительное +наречие – N+Adv.
8. Имя существительное +звукоподражательное слово – N+Onw¹.

¹ Onomatopoeic word – таклидвожа

Данная классификация приводятся во многих научных и академических источниках по современному таджикскому литературному языку, в том числе в академической грамматике таджикского языка «Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик» изафетные словосочетания имен существительных классифицированы именно на шесть групп [77, 29-50]. Однако в грамматической классификации в подгруппе изафетных субстантивных словосочетаниях не выделены две группы словосочетаний, которые нами выделены как отдельные модели изафетных субстантивных словосочетаний (Имя существительное+ наречие; Имя существительное+ звукоподражательное слово), но в своей статье известный таджикский лингвист профессор М.Н. Касимова выделяет эти модели изафетных субстантивных словосочетаний в образовании которых участвуют наречия и звукоподражательные слова и при этом свою позицию доказывает основательными фактами и удачными примерами. Именно исходя из этого мы также сочли уместным использовать данную классификацию в своем исследовании. М.Н. Касимова по поводу этих моделей изафетных субстантивных словосочетаний отмечает, что такие словосочетания немногочисленны и встречаются реже чем другие виды изафетных субстантивных словосочетаний. Изафетные субстантивные словосочетания модели «N+Adv» могут быть образованы из наречий времени и имен существительных абстрактного значения и в основном они означают время типа «*ғами фардо*» (грусть//хлопоты завтрашних дней). Также изафетные субстантивные словосочетания модели «N+Onw» (Имя существительное+ звукоподражательное слово) также встречаются сравнительно реже чем все другие разновидности словосочетаний данной группы. Словосочетание «*хандаҳои қоҳ-қоҳ*» (заливистый смех, громкий раскатистый смех, хохотать) является примером изафетных субстантивных словосочетаний модели имя существительное с звукоподражательными словами [143, 104-125]. В

творчестве Садриддина Айни мы видим словосочетание «мунтазири тақар-тақар» (ожидаящий грохот) в следующем бейте:

Боз о, ки чу ҳалқа гӯш хобонда ба дар

Ман **мунтазири тақар-тақар** мебошам.

О, приди и я приложив уши свои к двери,

Жду, чтобы услышать звуки твоих шагов. [331, 271]

У Накибхана Туграла:

Пеши миной тараб бо **сози қул-қул** ҳар нафас

Аз забони бода арзи муддао дорад қадах. [338, 64]

У графина веселя со звоном плеска вина

Бокал играет языком хмельного зелья.

В другом бейте:

Аз табассум лаъли ӯ то нашъа аз мул мекашад,

Чехраи мино арақ аз **шарми қул-қул** мекашад. [338, 32]

Красивой ее улыбкой, опьяняющей как зелье,

Бокал в смущении, что так красиво плескает вино.

Или:

Шӯри тараб фазояд аз хандаи даҳонат,

Васфи туро намояд мино ба **бонги қул-қул**. [338, 284]

Твои улыбки в нас усиливает веселые смятения,

Восхваляет тебя бокал звоном и плеском вина.

Также звуки песен птиц применяются в качестве зависимого компонента словосочетаний данной модели. Например, звук песнопения горлинки приводится в следующем бейте:

Аз қомати баландат қумрӣ ба **лаҳни ку-ку**,

Дар печутоб сунбул з-он ҳалқаи ду гесӯ. [338, 256]

Горлинка в изумлении красотой твоей поет ку-ку,

И гиацинт свивается у твоих скрученных кудрей.

В своей работе профессор М.Н. Касимова выделяет еще одну разновидность словосочетаний и их также включает в группу изафетных словосочетаний имен существительных и она отмечает: «В таджикском языке встречаются также такие изафетные словосочетания, в которых главным компонентом выступают звукоподражательные слова и их по определенным особенностям можно отнести к изафетным субстантивным словосочетаниям» [143, 110-111]. К своей гипотезе профессор Касимова приводит в качестве примера следующее словосочетание: *Шилиқ-шилиқи кафши дарида* (шлёп-шлёп, повторяющиеся звуки порванных башмаков). В творчестве Шамсиддина Шохина, Накибхана Туграла, Ходжи Хусайна Кангурти и их современников встречаются весьма интересные примеры по употреблению звукоподражательных слов, как в следующих бейтах:

Аз он қул-қулли миноро шунидам,

Дилам вақти қиёмаш дар намоз аст [338, 100].

Услышав бульканья вина как разливают,

Кажется, что бутылка молится у бокала.

Или у Шамсиддина Шохина:

Фалак гирифт зи суру ба мотамам афканд,

Ба вой-вой қарин кард ҳой-ҳойи маро [343, 16].

Судьба превратила мои радости в печали,

Теперь я дружу с воплей и скорьби.

Опираясь на эти ценные научные разработки нам также удалось выделить еще одну группу словосочетаний, которая отличается от других видов изафетных субстантивных словосочетаний и составляет отдельную группу своеобразными атрибутивными особенностями и к данной группе мы включили словосочетания модели имя существительное+редупликативные

слова, которые могут относиться как к имени существительного, так и к другим именным частям речи. Такие словосочетания, которые имеют редупликативные компоненты, также образованы при помощи примыкания, предложно-последлеложной и других разновидностей синтаксической связи, например, в газелях Садриддина Айни и других поэтов исследуемой эпохи можно заметить. Например:

Зи хоки мақдами он шӯхи гульизор бирӯид

Чаман-чаман гули насрини обдор ба сахро [331, 12].

Из-под ног той красавицы расцветали

Лужайками расцвел шиповник в полях.

В творчестве Накибхона Туграла также можно встретить интересные факты редупликативных словосочетаний, например:

Баски гулзори хаёлам дорад **аз гул ранг-ранг**,

Гар ҳавас дорӣ, тамошо кун гулистони маро! [338, 48]

Поскольку мое воображение украшено разными цветами,

Если пожелаешь, то посмотри на этот цветник.

Или в другом бейте:

Нест ҷуз шаҳди маонӣ баски сомони дилам,

Мебарад табъам гарав аз **банд-банди найшакар** [338, 216].

Не сравнить мое сердце с другим источником сладости,

Не сравнить сладости моих слов с сахарным тростником.

Или у Шамсиддина Шохина:

Соидатро сим мехонанду аз ин ғофиланд,

Кӯҳ-кӯҳи сим пинҳон дар тахи домони туст [343, 23].

Твои руки и предплечья будто серебро в блески и в красе,

Все твое прекрасное тело как серебро скрытое в платье.

В творческом контексте поэтов исследуемой нами периода мы можем обнаружить все вышеназванные виды субстантивных словосочетаний с различными синтаксическими, стилистическими и другими структурно-семантическими и функциональными особенностями.

Следует отметить, что во всех случаях изафет в словосочетаниях таджикского языка обозначает релятивные значения, которые также в свою очередь можно классифицировать на соответствующие структурно-семантические группы. Данный вопрос подробно рассмотрен в фундаментальном труде известного таджикского лингвиста XX века, профессора Д.Т. Таджиева, где он отмечает, что релятивное значение изафета отчетливо прослеживается в современном таджикском литературном языке и к наиболее многозначным по роли и характеру типам связи определения с определяемым можно отнести группу изафетных атрибутивных словосочетаний. Связь в таких словосочетаниях осуществляется при помощи безударного «-и», где определяемое предшествует определению [250, 158]. Наряду с этим изафетные словосочетания данной категории определения могут выражаться различными частями речи, и обозначать различные значения. По поводу значений изафетных конструкций профессор Д.Т. Таджиев устанавливает две группы определений, где к первой группе он относит определения качественные, относительные, причастно-атрибутивные, а ко второй группе, по мнению ученого, относятся притяжательные и субъектно-объектные или обстоятельственно-атрибутивные определения и приложения, которые выражаются только именами существительными, личными и возвратными местоимениями [250, 160]. При анализе и интерпретации каждой категории и разновидности субстантивных словосочетаний мы попытаемся также рассмотреть особенности их определений. Далее в данном разделе мы попытаемся рассмотреть изафетные словосочетания модели «**имя существительное+имя**

существительное» (N+N) в творчестве поэтов конца XIX и начала XX века с их семантических, синтаксических, стилистических и функциональных особенностей.

Следует особо отметить, что по количеству **изафетные** субстантивные словосочетания, составных компонентов которых составляют только имена существительные превышают всех других разновидностей субстантивных словосочетаний. Модель **изафетных** словосочетаний «**имя существительное+имя существительное**» (N+N) представляет совокупность и взаимоотношений определения и определяемого, которые являются именами существительными и следует отметить, что как **двухкомпонентные**, так и **многокомпонентные** субстантивные словосочетания данной группы состоят только из имен существительных. Обратим внимания на следующие строки **Накибхана Туграла** как самого яркого представителя поэзии исследуемой нами эпохи поэта:

Агар хуршед дар пешат занад лоф аз дами хубӣ,

Ба **гӯши мурғи анқо** ҳамчу **овози магас** бодо! [338, 31]

Если солнце хвалится перед тобой о красоте,

Да будет голосом мухи ушам сказочной птицы.

Как мы видим, словосочетания **гӯши мурғи анқо** (уши сказочной птицы **анқо**), **овози магас** (голос мухи) обозначают различные притяжательные значения.

В академической грамматике таджикского литературного языка субстантивные словосочетания анализируемой модели (N+N) в свою очередь делятся на тематические группы и подгруппы. Количество разновидностей субстантивных словосочетаний данной модели в академической грамматике достигает 16 основных разновидностей словосочетаний, часть из которых также подразделены на несколько подгрупп [77, 30-34]. Хотя в различных работах, в зависимости от исследуемого материала мы можем обнаружить

сравнительно различающиеся друг от друга подходы. Например, в своей научной работе профессор М.Н. Касимова выделяет также 16 разновидностей данной модели словосочетаний [140, 46 – 54].

Основополагающими источниками для дифференциации субстантивных словосочетаний модели N+N можно считать именно данную академическую классификацию и тех классификаций, которые проводились на основе этой грамматики. Мы также опирались на вышеприведенные источники и попытались подвергнуть соответствующей дифференциации субстантивные словосочетания, которые были использованы в творчестве поэтов исследуемого периода.

Общеизвестно, что субстантивные словосочетания в таджикском литературном языке относятся к числу многочисленных словосочетаний. Следовательно, разновидность данной группы словосочетаний в таджикском языке представляет достаточно разнообразную классификацию и о некоторых видах субстантивных словосочетаний мы попытаемся представить свои выводы по результатам анализа и научной интерпретации. В различных научных источниках данный вопрос рассмотрен в плане структурной классификации и в основном на примере материалов прозы [140 46 – 54], [169, 308],[73], [127, 22].

В поэтическом контексте исследуемых поэтов мы можем обнаружить достаточно большое количество разновидностей субстантивных словосочетаний данной модели, которые были классифицированы на следующие группы и подгруппы:

1. Словосочетания, означающие взаимоотношения определяемого с определяемым, составляют отдельную тематическую группу и в свою очередь данная группа делится на две подгруппы:

а) субстантивные изафетные словосочетания, означающие отношения принадлежности и соотносительности одного предмета или понятия какому-либо субъекту. Например:

Дар ғами ū аз вучудам устухоне беш нест,

Кунд созад чисми ман сад **ханчари Бахромо** [338, 44].

Боли любви превратили мое тело в кости

Притупляет сотни отни ножей Бахрама мое тело.

Или в другом бейте:

Ҳеч нахле нест андар боғи имкон бесамар,

Шухрати Рустам намояд зинда **рӯҳи Сомро** [338, 44].

Ни одно дерево в этом саду возможностей не будет без плодов,

Имя Рустама вознесет и оживит дух Сомы и его предков.

В газелях Шамсиддина Шохина также можно заметить употребление данной модели словосочетаний как в следующем бейте:

Шеъри Шоҳин шӯхра з-он рӯ дар малоҳат гаштааст,

К-аз намакпарвардағони суфраи эҳсони туст [343, 23].

Поэзия Шохина потому так прекрасна и приятна,

Что обогащена изобилием твоей щедрости.

В творчестве Ходжи Хусайна Кангурти также встречаются такие конструкции именных словосочетаний:

Муқобил гар шавад ҳар кас бар абрӯи ғазабнокаш,

Агар Рустам бувад, чун **ханчари Сӯхроб** меларзад. [342, 111].

Кто если будет противостоять стрелам ее ресниц,

Если даже он Рустам, будет дрожат как кинжал Сухроба.

б) субстантивные изафетные словосочетания, означающие родственные отношения и генетическую принадлежность. Например, в

следующем бейте определяется генетическая принадлежность в субстантивном изафетном словосочетании «писари Бойқаро» (сын Байкаро).

Ҳазрати шоҳаншаҳи мулки Бухор,

Қадр-ш фузун аз писари Бойқарост! [338,43].

Его величества шах Бухары,

Величие его превыше чем сын Байкары.

Или в поэзии Ходжи Хусайна Кангурти можно заметить примеры следующего типа:

Миннат аз дӯст мақаш, пеши адӯ сар мафикан,

Гарчи ӯ Холами Тай ё писари Дастон аст [342, 60].

Не жди милости от друга и склоняй голову перед врагом,

Если даже он Хотам Тай или сын богатыря Рустама.

Такие субстантивные словосочетания обычно состоят из слов, обозначающих родственные отношения и понятия и в качестве второго компонента приводятся имя или фамилия человека, фамильные имена. В данной модели субстантивных словосочетаний мы также можем обнаружить заимствованные слова в качестве главного компонента, например, в следующем бейте заимствованное с арабского языка слова «ибн» (сын) применяется в качестве определяемого компонента:

Шеваи ибни Халил сохта худ қурбон кард,

Нақди ҷон сохт гарав, рӯ ба сӯи ҷонон кард [338, 63].

Следуя традициям пророка Ибрагима, пожертвовал собой,

Душу свою оставляя, обратился творцу - к истинной цели.

2. Анализ и интерпретация структурных особенностей языковых единиц и особенно словосочетаний в таджикском языке является одним из актуальных проблем науки о языке. Место и роль словосочетаний в поэтическом контексте является весьма важным и значимым. Поэтому на

примере одной конструкции субстантивных словосочетаний мы попытались рассмотреть лингвистические особенности словосочетаний в языке поэзии, так как в научно-исследовательском плане рассмотрении данного вопроса также считается актуальным и своевременным.

Словосочетания, означающие взаимоотношения предмета с его именем составляют достаточно большую группу субстантивных словосочетаний модели «имя существительное+имя существительное» и данная категория словосочетаний делится на две подгруппы:

а) к первой подгруппе относятся словосочетания, в которых качество предмета постепенно становится его именем, например, мадрасаи Кукалтош (Медресе имени Кукалтош), Пули Сангин (Каменный мост), Рохи Кахкашон (Млечный Путь) [77, 32-33]. В творчестве поэтов исследуемого периода можно выявить такие словосочетания, в которых зависимые компоненты, выражающие качества главного компонента постепенно превратились в имена этих же субъектов, и они по определенным особенностям очень схожи со словосочетаниями, выражающими значения места и пространства, куда относится основной компонент – определяемое, однако они составляют неотъемлемую часть имени конкретного субъекта. Например, в творчестве Ахмада Дониш мы можем заметить такие конструкции субстантивных словосочетаний как «билоди Рус» (страна Руси) или «давлати Рус» (государство Руси), которых поэт использует в качестве названия Российской империи XVIII - XIX вв.:

Ман гарчи **билоди Рус** дидам лекин,
Кайфияти Рум монд нодониста. [335, 223].

Хоть я увидел страну Русь, однако,
Не смог узнать хмель и красоту Византии.

В творчестве Тошходжа Асири можем заметить следующие бейты:

Ба хукми бонуфузи **давлати Рус**,

Ба саъю техникаи миллати рус. [335, 414].

Сильным влиянием государства Руси,
И старанием, и техникой народа Руси.

В других бейтах, которые приводится ниже слово «хасрат» в составе нескольких словосочетаний применяется в разных значениях, где в прямом смысле данное слово означает тоска, печаль, скорбь, а во втором случае употребляется как литературный псевдоним поэта как «чоми Ҳасрат» (вино для Хасрата // бокал с вином, которое вызывает тоску), «қиссаи Ҳасрат» (легенда о Хасрате // сказание о тоске и печали), «сӯзи Хасрат» (горе Хасрата // горе от тоски), «оҳи Ҳасрат» (вздых Хасрата // вздох тоски и печали), «хуноби Хасрат» (красные слезы Хасрата // слезы от тоски и печали).

Дило то кай бисозам аз гами у **чоми Ҳасрат** нӯш,

Дамад аз шоми яъс охир дами рӯзи сафед ин чо. [335, 284].

О, душа, до каких пор я пью вина от ее тоски и печали,

После тьмы безнадежности восходят и светлые дни.

Агар хоҳад касе дар назди он маҳ **қиссаи Ҳасрат**,

Гаҳ аз Мачнун сухан гӯяд, гаҳе аз Кӯҳкан пурсад. [335, 286].

Если кто захочет узнать у той красавицы о Хасрате,

То речь идет о Меджнуне, то осведомляться о Фархаде.

Хушкмағз аст сарам, гарчи зи **сӯзи Ҳасрат**,

Лабам аз чӯшиши бодоми сухан равған бод. [335, 287].

Несмотря на то, что мои мысли полны печалью Хасрата,

Мои губы как зрелые миндали будто речью истекают.

Хостам дар дил ки аз гирди сарат гардам мудом,

Оҳи Ҳасрат аз дилам садчоки булбул мечакад. [335, 290].

Хотелось бы вращаться вокруг тебя днем и ночью,

От горечи тоски к тебе Хасрат страдает и плачет.

Ба чуз-аш аз чабинам гарди мазлумӣ кӣ мешӯяд?

Ба чуз **хуноби Хасрат** чашми гирёнро ки мепурсад? [335, 291].

Никто не втирает мой лик от горести, кроме моих слез,

Никто не посещает мои глаза, кроме горьких слез.

Таким образом, в вышеприведенных бейтах указанные словосочетания употреблены так, что в них очень ярко прослеживается приближение качество предмета к самому предмету и при этом особенно ярко проявляется во втором значении словосочетания «**сӯзи Хасрат**» (1. горе и печаль Хасрата) «**сӯзи ҳасрат**» (2. горе от тоски), где семантически оба компонента словосочетания становятся крайне близко, так как слова «горе» и «тоска» указывают на общее психическое состояние человека.

Данную конструкцию словосочетания мы можем заметить в поэзии другого поэта данной эпохи Абдуллобокиходжа Нозим, который пишет свои стихи литературным псевдонимом «Бебок» и он отмечает:

К-аш инони рахши ыавр, эй чарх бедоди макун,

Оҳи Бебоке занад оташ, ки гардӣ чун шарор. [335, 296].

О, свод небес, удержи узды коня угнетения и не твори беззакония,

Стони и вопли Бебока сожгут все, и превратят тебя в пламя.

В приведенном бейте двухкомпонентное словосочетание «**Охи Бебок**» имеет две значения, где первое значение как «тяжелый вздох Бебока», а во втором случае данное словосочетание означает «тяжелый, бесстрашный и дерзкий вздох», которое при выдохе все сожжет и уничтожить. таким образом, во втором случае можно сказать, что слово «Бебок» (бесстрашный, смелый), будучи псевдонимом поэта, может применяться как определение и как атрибут слова «вздох».

Другой поэт Мулло Абдулкарим Сипандии Самарканди (1829 – 1909)

употребляет словосочетание «чини́и фағфур» (фарфор китайского производства).

Аз шикасти соғари дил нолае омад ба гӯш,

Чинии Фағфур ҳам натвонад ин овоз кард. [335, 363].

Будто разбился сосуд сердца и издал тонкий звон,

Царский фарфор не способен издать такое звучание.

Следует отметить, что слово «чини́и» образовано от слова «Чин» (Китай) и суффикс «-и», посредством которого от имени существительных образуются имена прилагательные и в данном случае слово «чини́и» могло бы использоваться в правильной конструкции «зарфи чинӣ» (китайский фарфор). Слово «фағфур» означает титул китайских королей и во многих персидско-таджикских источниках классического периода употребляется со значением «король», «царь» и в данном словосочетании (чини́и фағфур) означает фарфор высокого качества, царский фарфор, и скорее всего само слово «фарфор» этимологически может исходить от слова «фағфур». Поэтому можно сделать вывод, что качество предмета постепенно заменило название самого предмета и как видим в русском языке «фарфор» и в современном таджикском языке означает разновидность посуды, которую ранее в таджикском языке называли «чини́и фағфур», где слово «фағфур» означало сначала качество предмета.

Таким образом, мы можем заметить и другие словосочетания с такой особенностью, где качество переходит в дальнейшем как название самого предмета, явления или понятия, как в следующем бейте Тошходжа Асири:

Навои «Дилхарошаш» дил кунад чоку чигар пора,

Мақоми «Чоргоҳ»-и гирияпардозии грааммофун. [335, 405].

Мелодия «Дилхарош» разбивает сердца,

Мелодия «Чоргох» граммофона вызывает плачь.

Навои «Дилхарош» (Мелодия «Дилхарош»), Мақоми «Чоргох» (Мелодия «Чоргох») относятся к различным мелодиям таджикской классической музыки «Шашмаком» и эти виды мелодий можно назвать качествами этих мелодий как «Дилхарош» (раздирающая сердца), «Чоргох» (четыре мелодии).

Также можно заметить у Аджзи следующий бейт, где в составе словосочетание само название может указать на предмет или понятие.

Чу бар наздики **наҳри Оби Раҳмат**,

Расад карда бино бо илму ҳикмат. [335, 431].

Как у реки Оби Рахмат – «Река Милосердия»,

Построил обсерваторию знания и науки.

б) ко второй подгруппе относятся словосочетания, в которых имя предмета употребляется с оттенком принадлежности к месту добычи данного предмета, как в следующих бейтах Накибхана Туграла словосочетание «дурри Адан» указывает на принадлежность предмета, а точнее жемчуга (дурр) к месту его добычи – Адан.

Даҳони ғунчааш чун ҳуққаи сарбаста мебинам,

Ки ҳангоми такаллум лаъли **ӯ дурри Адан** дорад [338, 149].

Рот и губы подобно бутонам и как закрытый клад,

Как изрекает из рубиновых губ видны жемчуг Адана.

Дар пеши хандаи **ӯ дурри Адан** чӣ бошад?

Лаълаш кашида ёқут аз ахгари табассум [338, 307].

Когда она улыбается ни к чему жемчуги Адана,

Рубиновые губы прекрасны яхонтами улыбок.

Мешиканад чун хазаф қимати **дурри Адан**

Ҳамчу суханҳои ман лаъли шакарҳои ӯ [338, 339].

Обесценивают будто жемчуг Адана керамику

И ее источающие сладость уста обесценивают мои слова.

Дар кишвари мулки бадан чуз май набошад таҳмтан

Ҳар қатрааш **дурри Адан**, сад ранги алвон парварад! [338, 364].

В нашем телесном владении нет ничего сильнее вина,

Каждая капля - жемчуг Адана излучает сотни цветов.

Как мы видим, в данной разновидности словосочетаний учитывается принадлежность предмета к месту добычи и выработки, как «дурри Адан» со значением жемчуга, который добывается в местности под названием «Адан», как об этом отмечено в словаре «Фарҳанги забони тоҷикӣ», что Адан название местности в Йемене у берегов моря, где добывают жемчуг высокого качества [339, 39].

Такие формы словосочетания мы можем заметить очень часто в поэзии исследуемой эпохи, и такие словосочетания чаще всего применяются, когда поэт хочет описать и показать красоту или какие-либо качества красавицы, тогда прибегает к приему сравнения с такими ценными и приятными вещами и предметами. Например, в следующем бейте Накибхон Туграл сравнивает черные и благоухающие локоны красавицы с мускусом, который производится в Китае, называя его «мушки Чин», а сладости губ красавицы сравнивает с сахаром:

Сиях шуд **мушки Чин** аз накҳати зулфи сумансояш,

Хичил гардид қанд аз лаззати лаъли шакархояш [338, 427].

Очернился китайский мускус от благоуханья ее локонов,

Сахар обесценен от сладости ее рубиновых губ.

Или в другом бейте поэт применяет словосочетание «лаъли Бадахшон» (бадахшанский рубин – высший сорт рубина) и данное словосочетание также

относится к вышеназванной группе словосочетаний:

Кадат сарви гулистони назокат,

Лабат **лаъли Бадахшони** назокат [338, 363].

Твой кипарисовый стан символ красоты садов и цветников,

Твои губы как бадахшанский рубин символ изящества и нежности.

В такой же конструкции можно встретить в поэзии поэтов исследуемого периода словосочетания «мушки Хито» у Шамсиддина Шохина и у Ходжи Хусайна Кангурти, «мушки Хутан» у Накибхона Туграла и Садриддина Айни, означающее «мускус из Хотана», «хотанский мускус» как в следующих бейтах названных поэтов как у Ходжи Хусайна Кангурти:

Мушки Хито зи накхати зулфат ба вом рафт,

Дар кисаи сабо шуду додаш савоб рух [342, 101].

Обесценен хотанский мускус ароматом твоих локонов,

Теперь аромат локонов разносит благоухающий ветер.

Или у Шамсиддина Шохина:

Ҳаргиз зи ман мабод, ки з-инсон хато равад,

К-аз зулфи ӯ киноя ба **мушки Хито** равад [343, 57].

Никогда не позволю себе ошибаться в том,

Что сравнить ее локоны с хотанским мускусом.

У Накибхона Туграла:

Аз хичолат сар ба зер афканд сарву ёсуман,

Аз саводи наргисат бепарда шуд **мушки Хутан** [338, 405].

От стыда свои головы склоняли кипарис и жасмин,

Хотанский мускус обесценен из-за твоих черных глаз.

в) можно здесь выделить еще одну отдельную подгруппу, где определяется принадлежность человека к месту его обитания или к месту рождения:

Монии Чин нақши матбуи ту дар Чин оварад,

Чини зулфат чини ғам бар ҷабҳаи Чин оварад [338, 87].

Китайский живописец Мани рисует твою красоту в Китае,

Складки твоих локонов наводит морщины печали воинам Китая.

Как мы видим, в данном бейте слова «Чин» (Китай), «чин» (морщина) и «чин» (складка, например, «чини зулф» - складка локонов) применены в качестве омонимов и из всех названных омонимов ему удалось образовать отдельные словосочетания. Таким образом, словосочетание «Монии Чин» указывает, на то место где живет, родился и хочет жить определенное лицо.

У Ходжи Хусайна Кангурти можно заметить также такие примеры как в следующем бейте:

Ин ҳама бодияе ҳаст, ки гум гашт дар ӯ

Қорани пилфикан, **Золи Зари Систонӣ** [342, 328].

Этот тот бескрайний степ, в котором потерялись,

Коран могущественный и Золи Зар из Систана.

В следующем бейте Шамсиддина Шохина также мы видим, что поэт указывает на то место, где человек жил долгое время:

Чашми ман баччаи нилӣ шуда аз гиря чаро

Гузар, эй **Юсуфи мисрӣ**, накунӣ ҷониби Нил? [343, 73]

Я ослеп от плача как дитя в ожидании,

Взгляни Иосиф Египта как протекает Нил.

Или у Накибхона Туграла:

Юсуфи Мисри малоҳат чини абруи ту дид,

Чин ба абру зад, ки ин абру ба Мочин оварад [338, 82].

Иосиф из Египта как увидел красоту твоих бровей,

Сморщился, что эти брови могут уводить куда угодно.

Или в такой же форме можно заметить в одном бейте Ходжи Хусайна

Кангурти:

Кучо Ҳочӣ зиё аз чилваи мижғони ман гирад,

Чу мижғони сафед аз **Юсуфи Мисри Ҳичоз** астам [342, 232].

Никто не сможет заметить сияние моих ресниц,

Мои ресницы седые от разлуки Иосифа в Египте.

Таким образом, в творчестве Ходжи Хусайна Кангурти, Накибхона Туграла и их современников мы можем проследить бесконечное разнообразие моделей субстантивных словосочетаний модели «имя существительное + имя существительное» и данные модели в современном таджикском языке применяются также продуктивно. Наряду с этим можно заметить тот факт, что применение таких моделей субстантивных словосочетаний способствует действенности и образности поэтического слова.

3. Словосочетания, которые означают взаимоотношения основного компонента к роду занятия, ремеслу или профессии. Данная группа словосочетаний относится к наиболее частоупотребляемым словосочетаниям современного таджикского языка. В своей поэзии Накибхон Туграл называет творца миров как «машшотаи сунъ» (гребешок сотворения или наряжающий// причесывающий природу или наряжающий мир) и данное словосочетание приобретает метафорическое значение, но процесс образования данной модели вполне соответствует с грамматической конструкцией субстантивных словосочетаний:

Кардаст гӯё **машшотаи сунъ**,

Иқди Сурайё дар гардани шаб [338, 51].

Будто гребешок сотворения,

Повесил пляяду звезд над ночами.

В другом бейте Накибхон Туграл употребляет словосочетание

«мутриби базм» (музыкант//певец пиршеств или празднеств), где прослеживается взаимоотношение основного компонента к роду занятия, ремеслу или профессии:

Ахтари фоли муродат Муштарӣ,

Мутриби базми хушат Ноҳид бод! [338, 78]

Предзнаменованием твоих целей пусть будет Юпитер,

Музыкантом твоих пиршеств пусть будет Венера.

Или у Ходжи Хусайна Кангурти можно заметить словосочетание «табиби набзбин» (лекарь, определяющий болезни по пульсу) в следующем бейте:

Зи набзаш то тапиш махсус мегашт,

Табиби набзбин маъюс мегашт [342, 467].

Прощупав его пульс убедился лекарь,

В том, что его болезнь вылечить не легко.

Таким образом, субстантивные словосочетания, которые означают взаимоотношения основного компонента к роду занятия, ремеслу или профессии в творчестве Накибхона туграла и его современников встречаются в различных видах с различными семантико-стилистическими оттенками и художественными окрасками. Данная группа словосочетаний употребляется в целях поэтической и художественной окраски, образности и семантико-стилистической действенности.

4. Словосочетания, которые означают взаимоотношения частного к общему типу «панчай дастон» (пальцы рук), «зулфи Зулайхо» (локоны Зулейха). например в следующем словосочетании применяется словосочетание «зулфи чонон» (локоны любимой):

Бувад Туғрал асири **зулфи чонон**,

Ба Туғрал ҳар чӣ ояд, ё насиб аст [338, 94].

Туграл всегда пленник локонов любимой,
Все что случится с Тугралом, то все от судьбы.

В одном бейте Садриддина Айни употребляется словосочетание «тори мижгон» (струна // нить // волосинка ресниц), где слово «тор» в единственном числе и «мижгон» (от мижга – единственное число и мижагон – множественное число) вместе означают взаимоотношения частного к общему:

Шакли абрӯят камон, аммо камонат чонфазост,
Тори мижгонат синон, аммо синонат дилкаш аст [331, 43].

Форма твоей брови как дуга, но и дуга уносящая душу,
Струна твоих ресниц как стрела, но заманивающая нас.

Словосочетание «шохи Тубо» (ветки райского дерева) указывает на религиозное понятие «дарахти Тубо» (райское дерево), которое упоминается в священном Коране. В этом словосочетании слово «шох» (ветвь) будучи частью «дарахт» (дерево) указывает на дерево, а слово «тубо» (райское дерево) будучи частью рая указывает на целый рай.

Гар хиромад сарви озодат ба гулгашти чаман,
Шохи тубо бишканад, аз по дарояд норван [338, 400].

Если твой стан как кипарис войдет в цветник и сад
Сломаются ветки райского дерева, сбивается с ног карагач.

В творчестве Ходжи Хусайни Кангурти также можем обнаружить достаточно большое количество данной модели словосочетания как в следующем бейте:

Ҳар касеро **тоқи абрӯйи** ту бошад дар назар,
Оқибат гардан шавад назри хами меҳроби теғ. [342, 213]
У каждого перед глазами твои дугообразные брови,
Впоследствии станут жертвами изогнутого мехраба меча.
Или в другом бейте:

Хун шавад мушк аз хатат дар **нофи охуи** Хутан,
Гул дарад аз оразат чайби қабову пирахан [338, 400].
Превратится в крови мускус в пупке газели Хотана,
Цветы сорвут от зависти к тебе свои воротники и платья.

В вышеприведенных бейтах словосочетания «нофи оху» (пупок газели), «чайби қабову пирахан» (карман одежды и платья) и данное словосочетание является осложненной формой двух по структуре простых словосочетаний как «чайби қабо» (карман длинной одежды), «чайби перахан» (карман платья) непосредственно относятся к группе словосочетаний, в которых определение означает того объекта или свойства, которые являются составными компонентами определяемого. Такое словесное оформление проводится во всех поэтических жанрах и видах творчества поэтов исследуемой эпохи, как и в нижеследующих бейтах:

Эй нохудо, ту **лангари киштӣ** зи сабр кун,
Бахри мухити ишқ ачаб бекарона аст.
Набвад ба **сози пардаи** ушшоқ зеру бам,
Оҳанги сози нағмаи мо з-ин тарона аст [338, 116].
О, кормчий, якорь корабля закаляй терпением,
Так как море любви слишком обширное.
Нельзя расписать ноту по мелодии любви,
Мотив нашей мелодии взят из этой песни.

Словосочетания «**лангари киштӣ**» (якорь корабля), «**сози парда**» (мотив тона) означают взаимоотношения частного к общему, например, слово «якорь» является составным компонентом корабля и таким образом является частью общего. Таким образом, данная группа словосочетаний также составляют значительную часть субстантивных словосочетаний в поэзии Накибхона Туграла, Ходжи Хусайна Кангурти, Шамсиддина Шохина

и их современников. Также можно рассмотреть такие конструкции словосочетаний в стихах различного жанра и разной тематики. Например, словосочетания «турраи Лайлї» (локоны и волосы Лайни) и «рухсорай Лайлї» (лик Лейли) также означают взаимоотношения частного к общему, как у Шамсиддина Шохина:

Меғуфт, ки ин каманди ҷон аст

В-аз **турраи Лайлиям** нишон аст [343, 231].

Он сказал, что это ниты моей жизни

И напоминают мне волосы Лейли.

Или у Накибхона Туграла заметим:

Агар хонї хате аз мусҳафи **рухсорай Лайлї** [338, 38],

Нисори равзаи Мачнун намо нақди савобашро.

Если сможешь рассмотреть строки красоты в лице Лейли,

Молись во имя Маджнуна, посвящай ему все воздаяния.

В следующем бейте словосочетание «чашми соқї» также образовано на основе взаимоотношения частного «чашм» (глаза) к общему «соқї» (виночерпий).

Надонам, соғари ишрат киро саршор мегардад,

Ки имшаб **чашми соқї** чун қадаҳ бедор мегардад! [338, 146].

Не знаю чей бокал счастья будет полон до краев,

Этой ночью виночерпий раскроет очи как бокал.

В других бейтах словосочетание «дасти Сулаймон» (руки Саломона) также образовано на основе вышеназванных взаимоотношений компонентов словосочетания.

Кай шавад бе лутфи ӯ ҷамъияти деғу парї?

Хосият танҳо на дар **дасти Сулаймон** асту бас! [338, 233].

Не быть сообществу дивов и ангелов без воли творца,

Не думайте, что достоинство в руках Соломона.

Также в такой модели словосочетаний мы можем заметить в поэзии Ходжи Хусайна Кангурти имя или псевдоним самого поэта или автора, где взаимоотношения частного к общему рассматривается с применением слов, обозначающих части тела. Например:

Чй сон мурғи **дили Хочй** халосй орзу дорад,

Ки натвонад ба мурдан ҳам шудан озод аз дастат [342, 86].

Сердце Ходжи как птица желает улетет и освободиться,

Но если даже помрет не освободится от твоих рук.

Таким образом, словосочетания данной группе как в поэзии Ходжи Хусайна Кангурти, Накибхона Туграла, так и в творчестве их современников применяются в различных структурных и семантико-стилистических разновидностях.

5. Словосочетания, которые означают отношения признака к владельцу качества и признака типа «тезии бод» (скорость ветра), «сафедии шир» (белизна молока), «торикии шаб» (темнота ночи). В творчестве Накибхона Туграла, а также и его современников данная группа словосочетаний встречаются сравнительно чаще, чем предыдущая форма словосочетаний, обозначающих взаимоотношение частного к общему.

В словосочетании «сурхии лаъли лаб» (красный цвет алых губ) слово «сурхй» будучи образованной формой от слова «сурх» (красный) и суффикса «-й» означает красноту рубиновых губ любимой. Данное слово является образованным именем существительным от имени прилагательного «сурх» при помощи суффикса «-й». Например:

То дами рӯзи қиёмат сад ақиқ андар Яман

Хуни ҳасрат мехурад аз **сурхии лаъли лабаш** [338, 243].

До наступления судного дня яхонты в Йемени,
Обливают кровью сердца, увидев ее алые губы.

Или в другом бейте словосочетание «сурхии бираи танбули лаб» (покраснение губ - алые окружностью губы) относится к данной группе словосочетаний и структуру данного словосочетания можно рассмотреть также как «лаби сурх», «лаби бираи танбули сурх»:

Сурхии бираи танбули лабатро дида,
Хуни ҳасрат хёрад аз рашк ақиқи яманӣ! [338, 349].
Увидев твои алые губы яхонты Йемена,
Обливают сердца кровью от ревности и зависти

Например, слово «гармӣ» (тепло, теплота) является образованным словом от простой формы имени прилагательного «гарм» (теплый) при помощи суффикса «-ӣ», которое образует от имени прилагательного имена существительные. В поэзии Ходжи Хусайна Кангурти можно заметить такие примеры как в следующем бейте:

Гармии дилро либоси шухрати осор нест,
Барфро аз шиддати сармо бувад чодар сафед [342, 133].
Теплота сердца не определить по внешности и одежде,
Как наоборот от морозов снег одет все в белом.

Или у Накибхона Туграла можно заметить следующий пример:

Надонам **гармии хуне**, ки дорад ранги таъсираш,
Ки чавҳар гул кунад ойинасон аз оби шамшераш [338, 248].
Может быть, теплота крови излучает цвет красоты,
Отцветает эссенция как зеркало от блеска меча.

Таким образом, в творчестве Ходжи Хусайна Кангурти, Накибхона Туграла и их современников мы можем обнаружить субстантивные словосочетания разной формы с различными значениями. Исходя из этого, можно сделать вывод, что поэтическое наследство мастеров слова

исследуемого периода и предыдущих поэтов богато различными формами субстантивных словосочетаний, и их анализ и исследование вполне способствует в развитии и обогащении современного литературного языка и предоставляет возможности применять данные структурные единицы в современном обиходе как в разговорной, так и в письменной речи.

6. Словосочетания, которые означают взаимоотношения субъекта с организацией или сферы деятельности типа «коркуни завод» (сотрудник завода), «сарвари муассиса» (руководитель учреждения) [77, 35 - 36]. В следующем бейте мы видим, что словосочетания типа «ғуломи даргах» (придворные слуги) означает взаимоотношения субъекта со сферой деятельности:

Азбас ғуломи даргахаш гаштанд яксар содиқон,

Туғрал ғуломи содиқ аст, гулшан бувад маъвои ў [338, 339].

Из-за того, что придворными слугами стали все преданные,

Туграл преданный ей слуга и цветник является его обиталищем.

В следующем бейте Ходжи Хусайна Кангурти словосочетание «сарвари олам» (руководитель земли//мира) является титулом пророка Мухаммеда:

Дар муҳаррам хонаводи сарвари олам асир,

Дар баҳор афсурдағони қаҳри дай озодавор [342, 378]

В месяце мухаррам семья пророка невольные,

Весной увядшие от морозов будут в радости.

Таким образом, в поэзии исследуемого периода мы можем обнаружить такие словосочетания, которые относятся к терминам-словосочетаниям отдельных отраслей и сфер культуры и социальной жизни.

В следуеющем бейте Шамсиддина Шохина мҷ видим словосочетание «шайхи хонақаҳ» (шейх, наставник обиталища дервишей, пристанища суфий и отшельников), где прослеживается взаимоотношения субъекта с организацией, заведением:

К-ӯ занад бар риштаи ҷони мани маҳзун гирех,

Гар ҳамехоҳад, ки **шайхи хонақаҳ** бандад тибит [343, 53].

От ее любви запутана моя жизнь и столько узелков,

Хочет, чтобы я как шейх смог плести ниты своего халата.

7. Словосочетания, которые означают взаимоотношения составных компонентов с учетом общей относительности к чему-либо, например, «муносибати байни Тоҷикистон ва Туркманистон» (отношение между Таджикистаном и Туркменистаном), «мочарои байни Садаф ва модараш» (споры между Садаф и ее матери), «мулокоти Шамшод ва Наргис» (общение между Шамшод и Наргис) [77, 35]. Следует особо отметить, что предлог «байни» достаточно редко встречается в поэзии исследуемого периода, и единственный случай по результатам поиска в творчестве Шамсиддина Шохина, Ходжи Хусайна Кангурти, Накибхона Туграла и Садриддина Айни нам удалось обнаружить несколько случаев употребления данного предлога и только в одном бейте Накибхона Туграла в предложении «Шӯрест байни боди сабо, байни сарсаро» (Спорят ветер и деревья цветника) можно рассмотреть форму словосочетания «шӯри байни боди сабо, байни сарсаро» (споры между ветром и деревьями цветника) как в следующем бейте:

Туғрал, ба касби накҳати гесӯи ӯ магар

Шӯрест байни боди сабо, байни сарсаро?! [338, 38].

О, Туграл, чтобы стяжать аромат ее локонов,

Споры идут между ветром и деревьями цветника.

Других примеров в соответствии с рассматриваемой моделью субстантивного словосочетания нам не удалось обнаружить в поэзии исследуемого периода, кроме таких случаев, где в соответствии с метрикой структура словосочетания изменена, например словосочетание «гуфтори миёни ошиқу маъшук» (разговор между влюбленной и возлюбленной) приводится в форме «миёни ошиқу маъшук гуфтор»:

Ба фатвой мухаббат дар сулуки ишқ кай бошад

Миёни ошиқу маъшук гуфтори забониро [338, 58].

С позволением пристрастия в пути любви

Нет нужды в общении между влюбленными.

В следующем бейте Ходжи Хусайна Кангурти словосочетание «миёни марду зан» (среди женщин и мужчин – среди всех людей) образованы именно в такой модели:

Банда Ҳочӣ, ки дар диёри сухан,

Шухра дорад **миёни марду зан** [342, 368].

Ходжи с такой покорностью в мире словесности,

Стал известным среди всех мужчин и женщин.

Как мы видим в данной конструкции субстантивных словосочетаний, в основном слова «байни» и «миёни» в значении «между», «среди» в качестве предлога выступают, где иногда их можно заменить предлогом «бо» (с), но не всегда данный предлог способен заменить эти слова, особенно в поэтическом контексте. Например, в следующем бейте слово «миён» невозможно заменить предлогом «бо», так как если заменить данным предлогом меняется конструкция данного словосочетания и оно не будет тогда отнесено к изафетным словосочетаниям, а особенно меняется значение данного словосочетания и здесь предлог «бо» не может выполнять такую структурно-семантическую и стилистическую функцию, которую выполняет предлог

«миёни» (между) в словосочетание «тарҷумони миёни ошиқу маъшук» (переводчик между влюбленной и аозлюбленной):

Бувад кунун зи сафои замири анвари худ

Миёни ошиқу маъшук тарҷумон коғаз [338, 202].

И вот теперь из-за прозрачности плоти своей,

Бумага стала переводчиком между влюбленными.

8. Словосочетания, выражающие временные отношения составных компонентов со значением времени. В таких словосочетаниях чаще применяются имена существительные со значениями времени, сезона и периода, такие как рӯзи сешанбе (в день вторника), нисфи шаб (полночи), вақти хоб (время сна). В следующих бейтах Накибхон Туграл применяет слова «рӯз» (день), «дам» (пора, момент, время) и данные слова в составе почти всех словосочетаниях означают время, как в следующих бейтах:

Рӯзи ид аст, нишин дар бари ман як соат,

Вақфи наззора кунам дидаи қурбониرو [338, 57].

Сегодня праздник и сядь рядом со мной хоть на час,

Чтобы, обращая к тебе свой взор, успокоил душу свою.

В другом примере:

То дами **рӯзи қиёмат** модари айёмро

Чун ту фарзанде набошад хоназоди офтоб [338, 83].

До судного дня природа наша мать не сможет

Иметь еще рожденного солнцем дитя как ты.

Словосочетание «рӯзи қиёмат» (день суда) является религиозным и суфийским термином и во многих текстах как прозаического, так и поэтического содержания употребляется в таком же значении, хотя в некоторых случаях поэтического изложения данное словосочетание может

выполнять некоторые другие семантико-стилистические значения.

9. Словосочетания, которые означают пространственные взаимоотношения или отношение составных компонентов в пространстве и со значением пространства и места, например, «мизи мехмонхона» (стол гостинной), «лои кӯча» (грязь улицы), «сафари Душанбе» (поездка в Душанбе). Интересным представляется тот факт, что пространственные отношения, которые представлены в газелях Накибхона Туграла и его современников, прежде всего описаны посредством образов и воображений, так как большинство из них являются символическими понятиями в форме метафорических выражений, типа «бустони хусн» (цветник красоты), «ишратободи чаман» (место пиршества в цветнике), «сачҷодаи чаман» (молитвенный ковер цветника – красиво расцветающий цветник). В следующем бейте словосочетание «гулгашти чаман» означает самую расцветающую часть цветника, где можно рассмотреть обилие цветов, но наряду с этим поэт имеет ввиду место, где много красавиц и среди которых любимая поэта лучше всех других красавиц и многие другие с завистью смотрят на нее и даже горлинка поразила красотой любимой поэта:

Дӣ ба гулгашти чаман нахлаш хиром овард бор,

Қумрӣ бо ёди қадаш имрӯз ку-ку мезанад [338, 178].

Вчера в цветнике стан красавицы нес плоды изыщества,

И сегодня поет горлинка, восхваляя стан красавицы.

В составе большинство словосочетаний данной модели в поэзии Туграла и его современников можно заметить слово «чаман» (лужайка, цветник), как означаемое определенное пространство. В таких словосочетаниях слово «чаман» выступает в качестве главного компонента, а второстепенный компонент в роли определяющего выступают слова, которые также имеют значение места и пространства или же часть

пространства. Таким образом, если определяемое слово «чаман» выступает в роли обозначения целого пространства, то определяющее слово означает определенную атрибуцию или часть определяемого слова и к таким словам можно отнести такие как «саҳн» (поверхность, сцена, видимая часть пространства), «гулгашт» (аллея, бульвар), «канор» (часть, край). В нижеследующих бейтах можно заметить подобные словосочетания:

Ёсуману настанан руста ба **саҳни чаман**,

Карда ба сахро ватан лолаи дил доғдор [338, 360].

Жасмин и сирен расцвели в цветнике так красиво,

Тюлпан расцветает на поле обливая сердце кровью.

Или в другом примере:

Гар хиромад сарви озодат ба **гулгашти чаман**,

Шохи тўбо бишканад, аз по дарояд норван [338, 400].

Если украсит цветник твоя любимая грациозной походкой,

Ломают стебли райского дерева и сбивается с ног карагач.

Таким образом, субстантивные словосочетания с пространственными отношениями рассмотренной модели в поэзии Накибхона Туграла и его современников употребляются продуктивно, и семантическая классификация данной группы словосочетаний показывает, что тематика содержания субстантивных словосочетаний сравнительно широка, чем другие группы словосочетаний в поэтическом контексте.

10. Словосочетания, которые выражают назначение определенного понятия, объекта или предмета и данная группа словосочетаний состоит из двух подгрупп:

а) главное слово называет понятия, предмет или объект, зависимое слово указывает для чего назначено главное слово данного словосочетания, например, «биной вокзал» (здание вокзала), «бозори либос» (базар тканей и

одежды). Данная модель словосочетаний встречается в газелях Накибхона Туграла, Ходжи Хусайна Кангурти и их современников встречаются сравнительно реже, чем другие модели рассматриваемой подгруппы словосочетаний и к ним можно отнести такие словосочетания как «**тори рубоб**» (струны музыкального инструмента) и «**доми сайёд**» (сеть охотника) как в следующих примерах у Ходжи Хусайни Кангурти:

Баҳри вуқуфи нолаи пасту баланди ман,

Як лаҳзае чу гӯш ба **тори рубоб** печ [342, 96].

Чтобы познать мелодию моей вопли,

Хоть на миг прислушайся струнам рубаба.

Или в другом бейте:

Баҳори нотавонӣ рангу бӯи иманӣ дорад,

Ҳалоки **доми сайёд** аст хирсиву гурузиҳо [342, 22].

В немогности есть своя безопасность,

Крупные хищники не просколзнут ловушку охотников.

б) главное слово называет понятия, предмет или объект, зависимое слово указывает назначение действия или противодействия главного слова, такие как «доруи исхол» (лекарство от болезней желудочно-кишечного тракта), «дуои дарди сар» (молитва для устранения головной боли) [77, 33 - 35]. При назначении противодействия применяются слова и предлоги типа «зидди» (против), «барои» (для).

Маризи интизораширо саломат гар ҳавас бошад,

Бувад **доруи дарди ишқ** набзи чашми бемораш [338, 246].

Больному от ее ожиданий если нужно здоровье,

Всего лишь взгляд станет лекарством боли любви.

В следующем бейте словосочетание «**тавқир барои дафъи ғам**» (виқор

барои дафъи ғам – честь // гордость, изгоняющая печаль) в зависимости от требований метрики приводится в форме «барои дафъи ғам тавқир»:

Ман аз соқӣ **барои дафъи ғам тавқир** мехоҳам,

Зи чӯши қул-қули мино чу май ташҳир мехоҳам [338, 320].

Я желаю у виночерпия средства для утешения боли печали

И хочу познать суть кипения и бульканья вина в бутыли.

К другим примерам данной модели субстантивных словосочетаний можно отнести такие словосочетания, в структуре которых в роли основного компонента данной модели словосочетаний выступает слово «**марҳам**» (бальзам, целебная смесь), как в следующем бейте Садриддина Айни:

Мӯниси ҷони беқарор шудӣ,

Марҳами синаи фиғор шудӣ [331, 157].

Ты стала утешителем беспокойной души,

Ты стала как бальзам раны больного сердца.

11. Словосочетания, выражающие численный состав или совокупность однообразных единиц, отношение к собирательной единице, типа дастаи коргарон (группа рабочих), селай кабутарон (стая голубей), тудай одамон (толпа народа). В творчестве поэтов исследуемой эпохи чаще всего можно встретить словосочетания данной модели, в составе которых в качестве собирательного значения употребляется слово «**аҳл**», заимствованное с арабского языка слово со значением сообщество, множество, все, род, порода. В словаре «Фарҳанги забони тоҷикӣ» данное слово приводится в следующих значениях: «**Аҳл** 1. зан, аёл (женщина, жена, семья); аҳлу авлод зану фарзанд, аъзоёни хонавода, хешу табор (семья, род, семейство, жена и дети, члены семьи, род, родственники). 2. халқ, мардум, сокинон, бошандагон (народ, люди, жители, обитатели). 3. сазовор, лоиқ; кордон, мутахассис

(достойный, стоящий); воқиф, бохабар (знающий, осведомленный)» [339, 118].

В творчестве Накибхона Туграла можно проследить словосочетания данной модели с компонентом «аҳл», как в следующих примерах:

Ба аҳли хароботи риндони маст,

Ба махмури хушёри соғарпараст [338, 391].

Всем гулякам, которые бытуют в пристанище суфиев,

И тем бодрым опьяневшим, почитающим бокал вина.

Таким образом, данная группа словосочетаний с компонентом множественности «аҳл» (все, все в совокупности, совокупность) встречаются в различных вариантах как «аҳли фақр» (из числа бедных, бедные, нуждающиеся), «аҳли хирад»// «аҳли ҳикмат» (все мудрецы, все мудрые люди), «аҳли имон» (все верующие), «аҳли олам»// «аҳли даврон» (все человечество, все люди), «аҳли маънӣ» (все смышленные), «аҳли сухан» (поэты и писатели), «аҳли калом» (поэты и писатели), «аҳли ҳунар» (все мастера, мастера слова, все ремесленники), «аҳли дин» (религиозные деятели) встречаются в творчестве всех поэтов исследуемого периода.

В поэзии Садриддина Айни словосочетания данной модели с употреблением компонента «аҳл» встречается в следующем примере:

Аз шакарханде ба базм он шӯхи ширинкоми ман

Ин ҳама аҳли тамошоро ба шӯр овардааст [331, 58].

От улыбки моей веселой и шутиливой любимой,

Все увидевшие ее люди остались в смятение.

В такой же форме можем заметить словосочетания как «аҳли ҷаҳон» (все люди), «аҳли олам» (живущие в мире), «аҳли карам» (щедрый люди), «аҳли илм» (ученые), «аҳли замона» (современники), «аҳли ниёз» (нуждающиеся).

Другое слово, которое в составе данной модели словосочетаний означает категорию множественности и общности является слово «**чамъият**» и в поэзии Накибхона Туграла данное слово образует такие субстантивные словосочетания как в следующих бейтах поэта:

Кай шавад бе лутфи **ӯ чамъияти деу парӣ**?

Хосият танҳо на дар дасти Сулаймон асту бас! [338, 233]

Не быть сообществу дивов и ангелов без воли творца,

Не думайте, что все только в руках Соломона.

В творчестве Садриддина Айни мы встречаем словосочетания данной модели также и с компонентом «чамъ» (сбор, собранное, в сборе) как в следующем бейте:

Ё раб, ин ишқ аст ё оташзани **чамъи милал**,

Ё раб, ин хусн аст ё сарфитнаи хайли умам [331, 123].

О боже, это любовь или истребляющая сила всей твари,

О боже, это красота или интрига для всех верующих.

В одном словосочетании Садриддин Айни употребляет слово «чамъият»:

Падару хешу бародар – хама шодон кардӣ,

Зуд **чамъияти ин силсила** вайрон кардӣ [331, 142].

Санчала обрадовал всех своих родных и близких,

И так быстро разрушил такое радостное сообщество.

Словосочетания рассматриваемой модели с компонентом «хайл» в поэзии Садриддина Айни встречается в следующих примерах:

Аз раҳи ибрат нигар: шуданд хунарвар

Хайли вуҳушу давоб аз дари мактаб [331, 26].

Смотри глазами поучения: стали мастерами,

Сообщества невежеств и невежливых в школе.

В другом бейте:

Ё раб, ин ишқ аст ё оташзани чамъи милал,
Ё раб, ин ҳусн аст ё сарфитнаи **хайли умам** [331, 123].
О боже, это любовь или истребляющая сила всей твари,
О боже, это красота или интрига для всех верующих.
В другом бейте:
Фарёд, чарх роҳи чафову ситам гирифт,
Иклими шодиям хама **хайли алам** гирифт [331, 61].
О боже, и небеса стали угнетающими и притесняющими,
Вся среда моей радости охвачена сообществом бед и печали.

В другом бейте:
Хайли алам зи хар тарафам бастааст саф,
Таъни рақиб як тарафу ҳаҷр як тараф [331, 71].
Сообщество печали окружило меня со всех сторон,
Укоры врагов с одной стороны и боли разлуки с другой.

В некоторых бейтах Накибхона Туграла мы можем встретить такие словосочетания, в составе которых в роли собирательной единицы выступает заимствованное с арабского языка слово «силсила» (цеп, цепочка, ожерелье), как в следующих бейтах:

Боди сабо мебарад қофила бар қофила
Силсилаи мушкро, зулфи парешони кист? [338, 120].
Утренний ветерок уносит караваном
Запахи мускуса как ожерелья из чьих локонов?
В другом бейте:
Даври сухан омада акнун ба ман,
Силсилаи ҳалқай ин **маҳфилам!** [338, 313].
Черед словесности достался мне,
Я как колцо ожерелья этого кружка.

Также мы можем заметить слово «силсила» в составе других

словосочетаний в значении цепочки в роли уподобления как в следующем бейте:

Даври маҳи оразаш **силсилаи зулфи** ӯ,

Карда ба ҳам иҷтимоъ меҳр ба лайлу наҳор [338, 361].

Вокруг лица луноликой цепочик ее локонов,

Будто вместе собрались темнота и свет.

В составе словосочетания «силсилаи зулф» (цепочка локонов или локоны как цепочки) рассматривается один объект (локоны красавицы), который подобен цепочке, или:

Давраи мо ҳамчунон **силсилаи кокулаш**,

Лозими бутлон магар ҳеч надорад қарор?! [338, 361]

Наш кружок как закрученные ее локоны,

Кружится и кружится не останавливаясь.

Таким образом, в словосочетаниях модели «дастай коргарон» (группа рабочих), которые выражают численный состав или совокупность однообразных единиц и означает собирательное отношение понятий, объектов и предметов в роли основного компонента в поэзии исследуемого периода выступают такие слова как «**чамъ**», «**чамъият**», «хайл», «силсила», «аҳл», «**чумла**» и изредка «**корвон**» с определенным семантическим сдвигом.

12. Словосочетания, выражающие отношения объектов к материалам, из которых они изготовлены, типа зарфи тунукаи сафед (посуда, изготовленная из жести белого цвета), ангуштарини тилло (золотое кольцо), табаки мисин (медное блюдо, блюдо, изготовленное из меди) составляют определенную часть субстантивных словосочетаний в творчестве Накибхона Туграла и его современников. Данная модель словосочетаний в поэзии исследуемого периода по сравнению с другими моделями еще подвергаются метафоризации как в следующих бейтах:

Оби ангур, ки тамкини Таҳамтан бибарад,

Кас набошад, ки бувад дар қадаҳи мул густох! [338, 144]

Силу воды виноградной лозы не выдержит и Рустам,
Каждый не сможет измерять свою смелость бокалом вина.

Или в другом бейте:

Раҳм н-омад бо ту ҳеч аз нолаҳои зори ман,

Аз дилат таълими сахтӣ **пишайи хоро** гирифт [338, 123].

Мои вопли не смогли вызвать у тебя жалости и милосердия,
Уроки жесткости брали у тебя стекла из гранита.

В других примерах можно заметить также весьма интересные случаи по применению рассматриваемой модели субстантивных словосочетаний у Шамсиддина Шохин:

Ба ҳеч қисватам аз тан нарафт урӯнӣ,

Фурӯғи моҳаму дар **пардаи катон** шудаам [343, 143].

Обнаженность никак не покидает меня,
Будто я одет в льняное платье и излучаю лунный свет.

Или в друго случае:

Мезанад меҳри дилам гар баҳя дар ҷайби саҳар,

Чоки **домони катон** лекин зи маҳтоби ман аст [338, 112].

Будто в кармашке утра сердцем пришиваю заплатки,
А вырезка луны видна в подоли моей льняной одежды.

В другом бейте:

Додаст зинат хайёти қудрат

Аз **тугмай зар** пирохани шаб [338, 86].

Творец вселенной как умелый кройщик украсил
Платье ночных небес золотистыми пуговицами.

Специфическая особенность данной модели словосочетаний заключается в том, что в поэтическом контексте больше всего они применяются в целях обозначения метафорических значений и, следовательно, они больше всего раскрываются именно в творческом контексте, представляя при этом индивидуальную стилистику самого поэта. Данная категория словосочетаний придает своеобразную стилистическую окраску всему поэтическому контексту и в них содержится основная смысл творческого продукта и в них заложена основная цель выражения поэтической идеи.

13. К другой категории субстантивных словосочетаний изафетной конструкции «имя существительное+имя существительное» (N+N) можно отнести словосочетания, выражающие породу, семейства или вид предметов и понятий, например, дарахти себ (яблоня), ниhoли шафтолу (рассадка абрикоса). Данная разновидность словосочетаний в поэзии исследуемого периода встречается значительно чаще по сравнению с другими моделями, особенно предыдущих моделей субстантивных словосочетаний. Отличительная особенность данной модели заключается в том, что частота конкретного вида данной модели словосочетаний сравнительно больше, но их разновидность сравнительно меньше по сравнению с разновидностями других моделей. Например, словосочетание с компонентом «нахл» в составе таких словосочетаний как нахли шамшод (дерево самшит), нахли санавбар (дерево кипарис) можно встретить в поэзии всех поэтов со значительной частотой в значении красивого стана любимой, но их разновидность по сравнению с другими моделями изафетных субстантивных словосочетаний можно встретить сравнительно реже. Например, в творчестве поэтов исследуемого периода мы часто встречаемся со словосочетанием «нахли шамшод», но нет таких случаев, чтобы слово «нахл» было заменено словом «дарахт» (дерево) и это скорее всего потому что слово «нахл» указывает на

красоту и молодость, слово «нахл» прежде всего означает «деревце», а не дерево и не саженец, именно поэтому употребление данного слова является более приемлемым. Например, у Накибхона Туграла можно заметить словосочетание «нахли шамшод»:

Аз он замон, ки ба зулфи ту шона махрам шуд,

Гизоли дашти Хутан зери **нахли шамшод** аст [338, 94].

С тех пор как расчески стали твоим локонам как приближенный друг,

Газели равнин Хотана остановились под деревцом самшита.

Или в другом бейте:

Мешавад огах сари мӯе зи рамзи зулфи ӯ,

Хешро ҳар кас ба зери **нахли шамшод** оварад [338, 152].

Осознает хоть частичкой секреты ее локонов,

Кто остановится под красивым деревцом самшита.

В другом бейте:

Нахли шамшод хироми қади ӯро бинад,

Беибо сачдаи меҳроби ду абрӯш кунад [338, 180].

Если деревце самшит увидит грацию ее стана,

Поклоняется несомненно дугам ее бровей.

Или у Шамсиддина Шохин также употребляется словосочетание «нахли шамшод» как в следующем бейте:

Шавқ он ҳама тунд гашт чун бод,

К-афтод ду сӯ ду **нахли шамшод** [343, 238].

От страсти подобны сильной бури,

Будто свалились их станы как самшит.

В некоторых бейтах поэтов исследуемого периода можно заметить употребление слова «нахл» в составе субстантивных изафетных словосочетаний со словом «санавбар» (сосна) также в значении красивого

стана любимой или красавицы. В определенных случаях если поэт уподобляет красивый стан красавицы деревцу самшита, то для сравнения к нему приводится также красивый стан дерева сосны как «нахли санавбар». Например, у Накибхона Турала приводятся две словосочетания для сравнения и сопоставления и это можно рассмотреть в следующем бейте:

Қомати шамшоди зебои туро бинад агар,

Бар сари **нахли санавбар** боғбон санг оварад [338, 154].

Твой красивый самшитовый стан если увидет садовник,

Может срубить с корни красивого дерева сосны.

В творчестве Шамсиддина Шохина можно наблюдать данную модель словосочетания в форме «нахли рутаб»:

Ин **нахли рутаб**, ки бор бастаст,

Гар даст расост, шох бастаст [343, 249].

Как финиковое дерево полно плодами,

Изъящно раскинуло по сторонам ветки.

Следует отметить, что слово «нахл» (пальма) в таджикской классической поэзии употребляется достаточно продуктивно в различных значениях и особенно в газелях поэтов классической поэзии и именно поэтому в творчестве Накибхона Туграла, Ходжи Хусайна Кангурти, Шамсиддина Шохина и их современников данное слово активно участвует в образовании словосочетаний и других языковых конструкций. Например, в поэзии Накибхона Туграла всего 45 случаев употребления слова «нахл» и из этого количества в 39 случаев слово «нахл» употребляется с изафетом в составе изафетных конструкций. В творчестве Ходжи Хусайна Кангурти слово «нахл» встречается 28 раз и из этого количества в 22 случаях слово «нахл» употребляется в изафетной конструкции, а в поэзии Садриддина Айни из 9 случаев употребления слова «нахл» в 8 случаях данное слово употребляется в изафетной конструкции в качестве основного компонента, с

изафетом как в изафетных словосочетаниях, так и в метафорических выражениях и фразеологических конструкциях.

14. Словосочетания, выражающие емкостные и объемно-имущественные отношения и обладания. Разновидность данной модели субстантивных изафетных словосочетаний составляют небольшое количество и больше всего среди данной модели высока частота таких словосочетаний в составе которых употребляются слова типа бокал, кубок, кувшин, бутылка, которые связаны с суфийским понятием вина – символ божественной любви и применяются для содержания вина. Например, слова «мино» (стеклянный сосуд синего цвета) и «шиша» (стеклянный сосуд) означают бутылку либо любую емкость, в которой содержится и хранится, а также с этой емкости разливается вино, эти слова также можно передать как графин, но условно мы при переводе поэтических строк в качестве переводного эквивалента используем слово «бутыль» или «бутылка». Слова «мино» и «шиша», обычно в составе данной модели словосочетаний выступают в роли определяемого и употребляются в форме «миной май», «миной шароб», «шишай шароб», «шишай май» как в следующих примерах:

Дар гудози қалби худ з-оташ кучо миннат кашем,

Баски чун **миной май** бе шуъла дар чӯшем мо [338, 63].

Наши сердца горят не из чужого пламени,

Как вино в бутылке, без огня кипит наша натура.

В другом бейте:

Дам ба дам аз шавқ чу **миной май**

Сачдаи таъзим ба соғар кунам [338, 316].

Временами от пристрастия как бутылка вина,

Делает молитвенный поклон перед бокалом.

Следует отметить, что по сравнению с другими вариантами данной

группы словосочетаний частота встречаемости словосочетаний «миной май» сравнительно высока, так как в поэтической метрике данная форма словосочетаний просодически лучше подходит и одно из просодических соответствий является тот факт, что и слова «мино» и слово «май» начинаются сонорным звуком «м». Например, в следующем бейте:

Биё, соқӣ, **миной майро** барор,

Ки бурда шуури ҳарифон хумор! [338, 382].

О приди, виночерпий и неси бутылъ вина,

У наших соперников не осталось терпения.

В творчестве Садриддина Айни слово «май» в данном виде словосочетаний заменено словом «шароб»:

Дил парешон кай кунам дар фикри **миной шароб**?

Ёди чашми шӯхи махмураш хузур овардааст [331, 30].

Мне не стоит страдать от того, что я вином не опьянен,

Я думаю об опьяневших красивых глазах любимой.

Другое слово, при помощи которого образованы словосочетания данной модели является слово «ҷом» и данной словосочетание встречается в творчестве всех поэтов исследуемого периода. Следует отметить, что в некоторых случаях вполне возможно употребление данного словосочетания в своем прямом значении. В творчестве Накибхона Туграла данное словосочетание употребляется достаточно часто, например:

Ҷоми май бо ғайр менӯшӣ, ту, эй раъно, чаро

3-оташи ҳасрат дилу ҷони маро созӣ кабоб! [338, 78].

С другими ты пьеш вина, о красавица почему,

Из-за этого страдают мое сердце и моя душа.

Или в другом бейте:

Ҷоми май бе ёди лаъли ӯ насиби ман мабод,

Ҳамдами базмам агарчанде ки меҳру моҳ шуд [338, 168].

Не желаю без ее рубиновых губ бокала вина,

Если даже со мной пиршествуют солнце и луна.

Данной формы словосочетания мы можем заметить и в поэтическом творчестве Садриддина Айни:

Магар ба оламиён рози \bar{u} бурун афтод,

Фақеҳи шаҳр кунун **чоми май** шабона занад [331, 63].

Разве всем людям мира раскрыли ее скрытые дела

Законодатель теперь по ночам скрываясь пьет вино.

В другом примере:

Якбора фаромӯш кунам ҳастии худро,

Як бор агар **чоми май** аз дасти ту гирам [331, 121].

Забываю совсем о том, что существую,

Если возьму бокал вина из твоих рук.

Иногда в данной модели словосочетаний слово «май» заменено синонимом «шароб»:

Он қадар мастам, ки нашносам ҷунунро аз хирад,

Нашъаи **чоми шароби** ман зи ангури дил аст [338, 106].

Настолько я опьянен, что не различаю что бредь и что разумно,

Сила моего бокала вина из выжимки сердечного сока.

В другом примере:

Шарбати васлат агар дар коми махмуре расад,

Нашъаи **чоми шароб** аз чашми махмур афканад [338, 182].

Прелести дружбы с тобой если узнает какой-то пьяный,

Сразу откажется от наслаждений бокала вина.

В поэзии Садриддина Айни также употреблена данная форма словосочетания:

Лаъли лабат, ки нашъаи мо шуд баланд аз ӯ,
Чоми шароб чист, ки пешаш даҳан занад [331, 69].
От твоих рубиновых губ мы опьянены,
И не стоит теперь говорит о бокале вина.

В таких случаях уже можно говорить о синонимичности субстантивных изафетных словосочетаний, когда как по структуре, так и по значению и составных компонентов одно словосочетание полностью может заменить другого, как например в словосочетаниях «**чоми май**» (бокал вина), «**чоми шароб**» (бокал вина) и «**қадаҳи мул**», то вполне их можно назвать словосочетаниями синонимами, так как слова «**чом**» - «**қадах**» и слова «**май**» - «**мул**» будучи синонимами составляют одинаковую модель субстантивных изафетных словосочетаний. В следующем бейте мы видим, как употреблено словосочетание «**қадаҳи мул**» со значением того понятия, которое приводится в предыдущих примерах:

Оби ангур, ки тамкини Таҳамтан бибарад,
Кас набошад, ки бувад дар **қадаҳи мул** густох! [338, 143].
Силу воды виноградной лозы не выдержит и Рустам,
Каждый не сможет измерять свою смелость бокалом вина.

В творчестве поэтов исследуемой эпохи также можно встретить другие субстантивные изафетные словосочетания, которые выражают емкостные и объемно-имущественные отношения и обладания. Например, в творчестве Накибхона Туграла приводится словосочетание «**ҷӯи шир**»:

Сафед аз интизори Кӯҳкан шуд чашми навмедӣ,
Ки **ҷӯи шир** кай гардад зи Ширин коми Фарҳодаш [338, 245].
Фархад рыл канавы, чтобы поступала вода к Ширину,
Но изначально был в отчаянии, что этого не дождется.

Таким образом, данная модель словосочетаний в творчестве поэтов исследуемого нами периода употреблена продуктивно, с учетом лексико-семантических и синтаксических всех составных компонентов.

15. Словосочетания, выражающие субъектные отношения, составляют значительную часть субстантивных изафетных словосочетаний модели N+N, так как в поэзии таджикской литературы несомненно субъектные отношения занимают особое место. Как отмечается в современной академической грамматике таджикского литературного языка «Грамматикаи забони адабии хозираи тоҷик» «Дар ин гуна ибораҳо калимаи асосӣ амал, ҳолат ва ҳодисаеро мефаҳмонад, ки аз тарафи калимаи тобеъ ба вучуд омадааст» - в таких словосочетаниях основной компонент словосочетания означает те действия, состояния и явления, которые исходят от зависимого компонента данного словосочетания, например, «хурсандии дӯстон» (радость друзей), «нафаскашии бемор» (дыхание больного) [77, 33]. В связи с тем, что в поэзии исследуемого периода, как и во всей классической поэзии больше всего выражено субъективное отношение самого поэта, автора к происходящим явлениям и процессам, а также выражено душевное состояние поэта, его отношение к определенному лицу, например, к любимой, к другу, к своему наставнику или к другому поэту. Например, Накибхон Туграл говорит:

Суҳбати равшандилон ҳар ҷо намебахшад асар,

Сангро аз тобиши меҳри ҷаҳоноро чӣ ҳаз?! [338, 258].

Слова мудрых людей всем не повлияют,

Какова польза от лучей солнца камням.

В другом примере:

Пардаи мизроби ғам дорад баму зери дигар,

Нолаи ушшоқ дар оҳанги мусиқор нест [338, 125].

Медиатор печали играет по другим струнам,

Рыдание влюбленных имеет свою мелодию.

Особую подгруппу можно выделить среди словосочетаний данной модели, где основной компонент образован из числа производных имен существительных или субстантивированных слов, означающие действия и состояния. Данные слова при помощи словообразовательного суффикса имен существительных «-иш», например, «равиш» (ход, процесс), «гардиш» (поворот, изменение), «хониш» (чтение, зов), «хохиш» (желание) перешли к числу имен существительных и означают состояние и определенное явление, как в следующих бейтах:

Роҳест зи тақлид, ки дар боғи ҳақиқат,

Ёд аз **равиши кабк** диҳад чилваи зоғаш [338, 250].

Путь подражания держат, чтобы достичь истину,

Иногда ворона может подражать походкам куропатки.

В другом примере:

Нест туро аз қазо хатти амонӣ ба умр,

Гардиши гардуни дун ҳаст басе бемадор! [338, 360].

Нет у нас теперь спасения от смерти в этой жизни,

Вращение небес мы не в силах изменить.

16. Словосочетания, выражающие объектные отношения, типа ороиши толор (украшение зала), ичрои чазо (исполнение наказания). Данная группа словосочетаний указывает на то, что действие, состояние или явление, которое проявляются объектом, но они выполнены другим субъектом, которого мы не можем определить в самом словосочетании. Если в предыдущих словосочетаниях действие, явление или состояние проявились самым субъектом, то в данной модели словосочетаний они обозначены определенным объектом. В современной академической грамматике таджикского литературного языка «Грамматикаи забони адабии хозираи

точик» к данной модели словосочетаний отнесены и другая подгруппа, о которой отмечается «Ҳамчунин ибораҳои **окибати чанг, зарбаи калтак, шиддати ғазаб, сабақи воқеаҳо**, ки тобиши сабаби доранд ба ғайр аз муносибати объектӣ ба сарчашмаи предмет низ ишора мекунанд» - также словосочетания **окибати чанг (последствия войны), зарбаи калтак (удар пальки), шиддати ғазаб (сила ярости), сабақи воқеаҳо (уроки событий)**, имеющие причинно-следственное значение, также и могут указать на источник действий [77, 34]. В поэзии исследуемой эпохи можно заметить определенное количество данной модели субстантивных изафетных словосочетаний с различными лексико-семантическими и стилистическими особенностями. Например, в творчестве Накибхона Туграла можно заметить такие словосочетания, выражающие объектные отношения:

Манъи карами хеш кунӣ чанд зи ибром?!

Эй ҷабҳагиреҳкарда, ту аз дасти дуо пурс! [338, 234].

Не запретишь от своей щедрости просьбу,

О, разгневанный, лучше ты проси мольбу.

И в другом бейте:

Пурсиши бемор бояд кард, гар худ душман аст,

Ҳеч нашнидӣ, Сикандар чун сари Доро гирифт?! [338, 131].

Спросить нужно больного, если даже он враг,

Ты не слышал, как Александр казнил царя Дарий?!

О разновидностях данной модели субстантивного изафетного словосочетания можно привести большое количество примеров с различными лексико-семантическими, стилистическими и синтаксическими особенностями, но мы попытались дать основные характеристики словосочетаний с выражением объектных отношений в поэтическом контексте таджикской литературы XIX и начала XX столетия.

2.2. Примыкающие субстантивные словосочетания имен существительных

Как известно, примыкание в современном таджикском литературном языке, как и во многих других языках индоевропейской семьи в образовании словосочетаний и других синтаксических конструкций играет немаловажную роль. По сравнению с изафтной связкой примыкание сравнительно в меньшей степени встречается в составе субстантивных и в целом именных словосочетаний. В современном таджикском языке, а также в творчестве поэтов исследуемого нами периода нам удалось выявить следующие разновидности примыкающих субстантивных словосочетаний:

«имя существительное+имя существительное» – N+N;

«имя существительное+имя прилагательное» – N+Adj;

«имя существительное+имя числительное» – N+Nu;

«имя существительное+местоимение» – N+Pr;

«имя существительное+причастие» – N+Pa;

«имя существительное+наречие» – N+Adv.

Из всех вышеприведенных шести моделей примыкающих словосочетаний с главным компонентом имени существительного четыре модели относятся к общей модели примыкающих словосочетаний именных частей речи, а две остальные модели можно отнести к отдельной группе с компонентами именных и предикативных частей речи. Здесь необходимо отметить, что модели, представляющие совокупность именных и предикативных частей речи в составе именных словосочетаний также в современном таджикском языке, занимает особое место и требует своего специального научного рассмотрения в объеме монографического исследования.

В данной части работы мы попытаемся привести некоторые соответствующие примеры примыкающих субстантивных словосочетаний «имя существительное+имя существительное» (N+N). Остальные

представленные модели примыкающих субстантивных словосочетаний с учетом их научно-теоретической интерпретации будут рассмотрены в соответствующих разделах и глав настоящего диссертационного исследования.

Примыкающие словосочетания модели «имя существительное+имя существительное» (N+N). Следует отметить, что из всех перечисленных моделей в творчестве поэтов исследуемого периода сравнительно реже встречаются примыкающие словосочетания модели «имя существительное+имя существительное». В творчестве Накибхона Туграла нам удалось заметить следующие примеры примыкающих словосочетаний рассматриваемой модели:

Хоча Камол аст агар муддаї,

Даъвии ӯ дур аз ин муддаъост [338, 355].

У Ходжа Камол есть намерения,

Но его намерения совсем иные.

В другом бейте:

Шайх Абӯтолиби Аттор ҳам

Субҳи сухан аз нафасаш атрҳост [338, 357].

И шейх Абутолиб Аттор также,

Поэзии придал аромат своих слов.

Также и в творчестве Ходжи Хусайни Кангурти встречаются почти такие разновидности, как по структуре, так и по семантике примыкающие субстантивные словосочетания как в следующих примерах:

Он амир Абдулахад ибналамир ибналамир,

Волии мулки Бухору соҳиби тоҷу нишон [342, 359].

Тот эмир Абдулахад сын эмира, из рода эмиров,

Правитель Бухары, владыка венца и знамени.

Или:

Мадад ҷустам зи арвоҳи Низомӣ,

Ионат аз равони **шайх Ҷомӣ** [342, 422].

Просил душевную помощь у покойного Низами,

Наставление у души покойного шейха Джами.

В другом бейте поэт говорит:

Халиф нури чашми **мир Остонқули**,

Вазири амири Бухорозамин [342, 342].

Хелиф свет очей мира Останкули,

Везир правителя владений Бухары.

В творчестве Садриддина Айни можно заметить словосочетание «Улугбек мирзо» (Улугбек писарь, общепринятая форма «Мирзо Улугбек» - правитель Самарканда, ученый астроном XV века):

Ин Самарқанд ҳамон аст, **Улугбек Мирзо**

Зад аз ин хитта ба дониш алами истиқлол [331, 223].

Это тот Самарканд, где Улугбек Мирзо,

Возвышал знамя независимой науки.

В поэзии Мухаммадсиддика Хайрат можно заметить следующие примеры:

Эй **рофизӣ дилбар**, агар сози ато

Як бўсае, ёрат шавад шоҳи Начаф [341, 178].

О, красавица, если ты сможешь дарить поцелуй,

Тогда твоим возлюбленным станет царь Наджафа.

Таким образом, в таджикской поэзии XIX и начала XX столетия как достойное и традиционное продолжение классической литературы сохранились определенные лексико-семантические, стилистические и грамматические особенности языковых единиц, в том числе и субстантивных

изафетных и примыкающих словосочетаний различной модели, что и до сих пор продуктивно употребляются в современном таджикском литературном языке.

2.3. Предложная и послеложная конструкции субстантивных словосочетаний имен существительных

Наряду с изафетной конструкцией и примыканием в образовании словосочетаний имен существительных мы также можем выделить отдельную группу конструкций субстантивных словосочетаний, образованные при помощи предлогов и послелогов таджикского языка.

Предлоги и послелогов таджикского языка в структуре субстантивных словосочетаний выполняя определенную конструктивную роль, наряду с этим употребляются в целях обозначения различных грамматических и структурно-семантических отношений, типа объектные, субъектные, объектно-субъектные, а также значения направления, охвата и совокупности, взаимоотношения частного к общему. Предложную конструкцию субстантивных словосочетаний имен существительных при помощи предлога «аз» можно рассмотреть в следующих примерах из творчества поэтов исследуемого нами периода, например, у Накибхона Туграла:

Ба рӯи шоҳиди гул **ғоза аз машшотаи** қудрат,

Ба ибрат чашм бикшо, гар ҳавас дорӣ тамошоро [338, 34].

Лик красавицы разукрашен румяной и ароматом,

Взгляни очами страсти если желанно тебе зрелище.

В составе фразеологических словосочетаний в поэзии Ходжи Хусайна Кангурти достаточно часто встречается предлог «аз» в различных вариантах предложной конструкции субстантивных словосочетаний как в следующем бейте:

Шиква аз даврон надорам, гила аз афлок

Мерасад зишту наку аз нақши пешонӣ маро [342, 24]

Не жалуясь на судьбу и не жалуясь на небеса,
И добро и зло, все мне предначертано извечно.

В поэзии Садриддина Айни также продуктивно употреблен предлог «аз» в образовании предложной конструкции субстантивных словосочетаний. Например:

Даст аз тарбияти сарву санавбар во кунад,

Боғбон бинад агар сарви хиромони туро [331, 7].

Перестанет ухаживать садовник за кипарисом и сосной,
Как заметить грациозное сияние твоего красивого стана.

В другом бейте Мухаммадсиддики Хайрат предлог «аз» употребляется в следующей конструкции как «ҳазар аз мавчи балохез» (опасение от опасности волн):

Ҳазар аз мавчи балохези муҳаббат, ки дар ӯ

Уфтодем дар ин баҳр на киштӣ, на пул аст [341, 45].

Следует избегать от опасности волн любви,

Мы попали в море любви и нет в нем спасения.

Таким образом, предлог «аз» в образовании субстантивных словосочетаний предложной конструкции играет важную роль и по сравнению с некоторыми другими простыми предлогами употребляется более продуктивно.

Другой предлог, выступающий в роли связующего элемента составных компонентов субстантивных словосочетаний является предлог «дар» (на, в), который больше всего указывает на значение места, пространства и отношение частного к общему. В поэзии Накибхона Туграла можно заметить следующие способы употребления данного предлога в предложной конструкции субстантивных словосочетаний:

Агар ҳушам кунад чун **шона дар зулфаш** шабехунро,

Ба як мӯ баста гардам сарнавишти бахти вожунро [338, 51].

Если мои раздумя вдруг касаются ее локонов как расчески,

Тогда на одном волоске будет висеть моя неудачная судьба.

Предлог «дар» также и как предлог «аз» в определенных случаях употребляется вместе с неопределенным артиклем «-е» в образовании предложной конструкции субстантивных словосочетаний как в следующем примере:

Ба таври курби дил касро набошад махрами розе,

Ки натвонад **касе дар водии Айман** шубониро [338, 60].

Нет кроме сердца душевный и близкий друг,

Не каждый сможет пасти овец в степи Айман.

Или в другом бейте:

Рахравони ишкро зоди дигар даркор нест,

Тӯшае дар роҳаш аз хуни чигар дорем мо [338, 62].

Идущим путем любви не нужны дорожные провианты,

В пути любви нам достаточны страдания и боли.

Другой вариант предлога «дар» в форме «андар» чаще встречается именно в поэзии как классического, так и современного периодов развития таджикской художественной литературы. Например, в следующем бейте:

Сарв андар боғ сар дар пои шамшод афканад,

Гар бибинад турраи гесӯи вожуни туро [338, 54].

Кипарис от стыда скроется за самшитом,

Если заметить твой красивый стан и локоны.

Как видим в первой строке приведенного бейта предлог «дар» употребляется подряд два раза, образуя при этом две отдельные конструкции субстантивных словосочетаний «**сарв андар боғ**» (кипарис в саду) и «**сар дар**

по» (досл.: голова к ногам, поклоняться), которых также можно рассмотреть в одной целой конструкции как «сарв андар боғ сар дар по» (кипарис в саду головой к ногам - поклоняться), которая представляет весьма интересную структуру таджикских субстантивных словосочетаний предложной конструкции.

В академической грамматике современного таджикского языка отмечается, что «ибораҳои исми бо пешоянди «дар» муносибати макони роифода мекунанд. Калимаи асосӣ дар ин ибораҳо аз исмҳои амал, калимаи тобеъ аз исми конкрете, ки бо мафҳуми макон алоқаманд аст, иборат мебошад» [77, 47] - Субстантивные словосочетания с предлогом «дар» употребляются для обозначения места и пространства. Главное слово в этих словосочетаниях относится к именам существительным со значением действия и в роли второстепенных компонентов употребляются конкретные имена существительных со значением места и пространства.

Интересным фактом является то, что в определенных случаях можно заметить одновременное употребление нескольких предлогов. Например, в следующих строках Ходжи Хусайна Кангурти можно заметить одновременное употребление предлога «аз» и предлога «дар» в составе одной предложной конструкции субстантивных словосочетаний:

Аз ин вазъи хамидан қоматамро сахт ҳайронам,

Магар торе фитад аз абруяш дар пай камонамро [342, 24]

Я удивлен тем, что так сильно я сгибаюсь день за днем,

Или от ее локонов один волосок заплетен в натяжки лука.

Как видим, в большинстве примеров субстантивные словосочетания предложной конструкции обозначают также и объектные значения, как об этом упоминается в академической грамматике современного таджикского языка: «Ибораҳои бо пешоянди «дар» муносибати объектиро низ

мефаҳмонанд. Дар ин ҳол ба вазифаи ҷузъи асосӣ исмҳои амалу протсесс меоянд» [77, 47.] - Субстантивные словосочетания, образованные при помощи предлога «дар» (на, над, в) могут обозначать объектные отношения и в таком случае в роли главного компонента словосочетания выступают имена существительные со значением действия и процесса. Например, в следующем бейте Мухаммадсиддика Хайрат приводится словосочетание «чилва дар чаман» (грациозное появление в цветнике), в котором слово «чилва» означает процесс:

Набуд, он ки кунад **чилва дар чаман** бути ман,

Накард лола ба сар хок, сарв об нашуд [341, 42].

Не стало так, чтобы грациозно вышла любимая в цветник,

Тюлпан не смог не сест в прах и кипарис не смог не стыдиться.

В творчестве Садриддина Айни также можно заметить, интересные моменты употребления предлога «дар» в составе субстантивных словосочетаний предложной конструкции:

Ҷон дар раҳат исор шуд, тан дар ҳавоят зор шуд,

Эй бемурувват, кор шуд, боз о, агар дорӣ маро [331, 18].

Моя душа во имя твоей любви страдает и тело стало немощным,

О, угнетатель моей души, приди и жалея своего раба ничтожного.

Наряду с этим, словосочетания данной конструкции в определенных случаях приближаются к фразеологическим словосочетаниям и об этом уместно отмечается в академической грамматике современного таджикского литературного языка: «Як қисми ин гуна ибораҳои исмӣ муносибати ҳолӣ ва муайянқунандагиро бо тобиши дорӣ мефаҳмонанд. Ҷузъи тобеи ин ибораҳо бо исмҳои шахс, узви инсон ва предметҳои гуногун, калимаи асосӣ ҳамеша бо исмҳои конкрет ифода меёбанд. Ин

ибораҳо воҳидҳои устувори синтаксисиро ба хотир меоваранд» [77, 47] - Некоторые субстантивные словосочетания данной конструкции указывают на обстоятельственные и определительные значения, а также значения собственности и обладания. В таких случаях зависимые компоненты словосочетаний относятся к именам существительным со значением частей тела человека и других предметов с конкретными значениями. В определенных случаях данные словосочетания как в функциональном плане, так и в плане значения приближаются к фразеологическим единицам. Такие особенности можно проследить в поэтических строках Мухаммадсиддика Хайрата и других его современников. Например:

Яке ба шавқи талаб маст бўсад аз лаби чом,

Яке зи рӯи тараб даст дар чағона шавад [341, 50].

Один страстью целует губы бокала,

Другой от радости играет на музах.

Или в другом бейте Хайрата:

Лаъл дар хун мефитад гар лаб намоён мекунад,

Мушк резад ҳар тараф гар шона бо мӯ мезанад [341, 48].

Рубин оболется кровью, когда она показывает губы,

Как расчесывает локоны, распространяется аромат мускуса.

В данной конструкции словосочетаний также можно заметить обособленное употребление некоторых компонентов, как в следующем бейте:

Чи хуш, ки мутрибу соқӣ маро ба хона шавад,

Чи хуш, ки чангу наю бода дар миёна шавад [341, 50].

О, как прекрасно, когда музыкант и виночерпий у нас дома,

О, как прекрасно, когда музыка и бокал вина в беседе друзей.

Таким образом, предлог «дар» в образовании субстантивных словосочетаний предложной конструкции занимает важную роль и означает различные грамматические значения.

Другой предлог, который продуктивно употребляется в образовании предложных конструкций субстантивной формы, является предлог «бо» (с, вместе), который встречается в творчестве поэтов исследуемой эпохи.

Туграл, азбас **муътариф бо ачзи** хичлат гаштаам,
Аз насими субҳи алтофат иноят кун маро [338, 46].

Туграл стал известным своей покорностью,
Благоволением своим радуй ты наших душ.

В поэзии Ходжи Хусайна Кангурти также предлог «бо» продуктивно употребляется в образовании субстантивных словосочетаний предложной конструкции:

Бетамизонро **мурувват бо газанд** олуда аст,
Дар лаби домони шаб барбастаанд кофурро [342, 27].

Великодушия легкомысленных всегда ущербны,
Белизна камфоры видна всегда по ночам.

Ил в другом бейте:

Расонам то ба кӯят **нола бо уммеди** таъсире.

Губорам сурма шуд дар рахрави фарёд аз дастат [342, 86].

Мои вопли с надеждой, доходят ли до тебя,
Страданием твоей любви превращаюсь я в прах.

Также можно обнаружить и такие случаи, где неопределенный артикль «-е» употребляется с предлогом «бо» в конструкции рассматриваемых словосочетаний, например:

Ҳама шаб суҳбати ағёр дидӣ, як **даме бо мо**,

Агар будӣ, дили мо ҳам ризо мешуд, чиҳо мешуд? [342, 106].

Всегда ты с другими радуешься, и хоть с нами,
Общались бы разок, и что в этом сложного?

В академической грамматике современного таджикского литературного языка отмечается следующее: «Ибораҳои исми бо пешоянди бо, махусан, дар матбуот серистеъмол шудаанд. Дар ин гуна ибораҳо муносибати байни чузъҳо муносибати объектӣ-ҳамроҳӣ буда, калимаи асосиашон бештар бо исми амал, тобеашон бо исмҳои шахс ва предмет ифода мегарданд» [77, 48] - субстантивные словосочетания, образованные предлогом «бо» (с, вместе, рядом) чаще стали употребляться в языке средств массовой информации. В таких словосочетаниях прежде всего можно рассмотреть значения объектно-совместных отношений и главные компоненты данной группы словосочетаний составляют имена существительные, означающие действие и процесс, а второстепенные компоненты в основном состоят из имен существительных со значением лиц и иных предметов.

В поэзии Садриддина Айни предлог «бо» встречается в составе ограниченного количества субстантивных словосочетаний с объектно-совместным значением, а также значением принадлежности, например:

Ў ба ағёру ба ў ағёр пинҳон дошт чашм,

Зоҳиран маъҳуд бо ағёр ўро кор буд [331, 46].

Она с незнакомцем глядят друг другу,

Будто вдвоем сговорились в любви.

Иногда в составе субстантивных словосочетаний данной модели также можно обнаружить послелог «-ро», который употребляется вместе с предлогом «бо» и в таком случае еще больше конкретизируется объект рассуждения. Подобное субстантивное словосочетание встречается и в творчестве Мухаммадсиддика Хайрата, например:

Суи худ ағёрро бо васл ишорат мекунӣ,

Бо манат лутфи қазой нест чун, эй симбар? [341, 56].

Привлекаешь незнакомцев к себе подружиться,

О, красавица, почему ко мне такое равнодушие.

В поэзии Мухаммадсиддика Хайрат можно заметить и другие разновидности субстантивных словосочетаний предложной конструкции с предлогом «бо», как в следующем бейте:

Аҳд бо куфри сари зулфи ту баст аз тозагӣ,

Гарчи Ҳайрат чанд рӯ бо сабҳаву сачҷода кард [341, 41].

Обет верности опять с твоим локоном дает,

Хотя Хайрат обращен к молитвам и к вере.

Анализ и интерпретация собранного материала показывает, что в поэтическом контексте исследуемых поэтов при помощи предлога «ба» (к, в, на) образовано значительное количество субстантивных словосочетаний предложной конструкции. Следует отметить, что предлог «ба» в определенных случаях может употребляться в одинаковом значении с другим предлогом таджикского языка «бар» (к, на, в), хотя в определенных случаях эти предлоги имеют своеобразное отличие и выполняют специфические грамматические и стилистические функции. Об этом в академической грамматике современного таджикского языка отмечается следующее: «ибораҳои исмии бо пешоянди ба ва бар серистеъмол буда, муносибатҳои гуногуни синтаксисиро ифода мекунанд» [77, 47] - субстантивные словосочетания с предлогами «ба» и «бар» будучи многоупотребительными обозначают различные синтаксические отношения. В данной группе словосочетаний в основном можно рассмотреть объектные, обстоятельственные и пространственные отношения.

Например, предлог «ба» в поэзии Накибхона Туграла употребляется

со такими грамматическими особенностями как обозначение объектных отношений, а также обозначение направления и обстоятельства:

Кӯҳкан **чон ба абас** мебозад,

Кандани кӯҳи ғамаш ночор аст [338, 95].

Фархад зря старается и зря тратит свои силы,

Хотя он вынужден преодолеть горы скорбей.

Или в следующем бейте можно заметить употребление сразу двух субстантивных словосочетаний предложной конструкции с предлогом «ба» в одной строке:

Ҳар кас кунад аз машраби худ пеши ту изҳор,

Соғар ба тамошову суроҳӣ ба намоз аст [338, 99].

Каждый перед тобою расскажет о своем

Бокал развлекается, а бутылка молится вином.

Почти с такими особенностями можно рассмотреть предлог «бар» в поэтических строках Накибхона Туграла:

Дар талоши ҷустуҷӯи ҳалқаи гесӯи ӯ

Мавҷ дорад **обила бар пой** ҳар дам аз хубоб [338, 84].

В поисках завиток ее красивых локонов,

Волны пузырями натирают мозоли в ногах.

Данная конструкция иногда может быть образована с предлогом «ба» в форме «обила ба пой» (мозоли в ногах), а иногда при помощи предлога «дар» (на, над, в) в форме «обила дар пой» с теми же синтаксическими и семантическими особенностями, о чем может свидетельствовать синонимичность предлогов «ба» и «дар».

В другом бейте также можно рассмотреть такой случай, где предлог «бар» употребляется с такими же функциями и синтаксическими особенностями, с которыми может употребляться и предлог «ба»:

Аз **нигаҳ бар рӯи** \bar{y} сози бами худ зер кун,

То надаррад аз **тамошо бар рухаш** тарфи ниқоб [338, 84].

Взглянув на ее лик замени тон и лад своей мелодии,

Чтобы не причинять корявость ее лику лицезрением.

Очевидно, что в словосочетаниях типа «нигаҳ бар рӯй» (смотреть в лицо) можно употреблять и предлог «ба» в форме «нигаҳ ба рӯй», где вовсе не нарушается ни значение и ни структура словосочетания. Однако во втором случае в составе словосочетания «тамошо бар рух» (лицезреть возлюбленной) предлог «ба» не может заменить все семантико-стилистические и грамматические особенности и функции предлога «бар», который проявляет своеобразные языковые и стилистические особенности, так как предлог «бар» в этом случае указывает на всеобъемлющий охват все красоты возлюбленной.

В таком же содержании и с такими же значениями предлоги «ба» и «бар» продуктивно употреблены в поэзии Ходжи Хусайна Кангурти и примеры можно рассмотреть в следующих бейтах:

Бигардад халқа чун мори сияҳ **гесӯ ба рӯи** \bar{y} ,

Ки мӯ дар оташ афтад, бо ҳазорон тоб меларзад [342, 111].

Превращаются в кружевы как змея ее локоны на лице,

Будто волосы в огне кружатся в сотни петель.

Или:

Бар хеш танидем чу кирмони қазӣ тор,

Ойна ба сайқал накашидем зи зангор [342, 117].

В себя свивались как шелковичный червь,

Зеркало наше теряло блеск и осталось в пыли.

В таком же порядке употребляется и предлог «бар»:

Хоки мо з-афсурдагиҳо қобили таъмир нест,
Хона бар бод аст охир мулки бибунёдро [342, 35].

Наш прах невозможно впредь воскреснуть
Во временной собственности ни к чему строит жильё.

Или:

Вомондагони чодаи дашти залолатем,
Эй раҳнамо, **ҳидоате бар корвони** мо [342, 12].

Мы оставшиеся в степи заблуждения,
О, наставник, направ наш караван в добрый путь.

В творчестве Садриддина Айни также можно обнаружить интересные моменты употребления предлога «ба» в конструкции субстантивных словосочетаний, как в следующем бейте:

Ин замон ўро сӯи ағёри зардор аст майл,
Рафт, айёме ки аз **эхсон ба Айни** ёр буд [331, 31].

Теперь она склонна к богатым недругам,
Прошло время, когда она дружила с Айни.

В творчестве Садриддина Айни также можно обнаружить употребления предлога «бар» с теми значениями и синтаксическими функциями в составе субстантивных словосочетаний предложной конструкции как в следующих примерах:

То ки нагардӣ **залил бар** дили мардум,
Рӯи талаб барматоб аз дари мактаб [331, 26].

Чтобы не стать призренным перед людьми,
Не отвернись от школы, учись и учись.

Или:

Субҳ, ки бахшид **сафо бар** ҷаҳон,
Партаве аз чоки гиребони ўст [331, 190].

Заря дает миру свет и прозрачность,

Отблеск из разрезов ее воротничка.

В поэзии Мухаммадсиддики Хайрат также прослеживается продуктивное употребление предлога «ба» как в следующих строках:

Мар маро **сабр ба чон** нест, туро **рахм ба дил**,

Чй кашам чоми тараб - шишаам омад бар санг [341, 88].

У меня нет терпения, а у тебя нет милости в сердце,

Будто стекла моего сердца находятся под камнями.

Чафо ба сӯи ману лутфу меҳр чоғиби агёр,

Ба қадри **нола ба чоғам** ситам фузуд, чӣ созам?

Жестокость ко мне, а милость к недругам,

Гнет и горе моей душе, что делать кроме рыданий.

Предлог «бар» также употребляется очень уместно в конструкциях предложных субстантивных словосочетаний в поэзии Мухаммадсиддики Хайрат, например:

Бувад, ки бо ту ба як хона андар, эй гулчехр,

Шавам ба шарт, ки **агёр бар карона** шавад [341, 50].

Хотелось бы с тобой в одном жилище оставаться,

Таким бы способом оттолкнуть от тебя незнакомца.

Или:

Ба сар карда шақоик тоҷи наврузӣ,

Ниҳода качкулах **бар сар сабо** хуррам [341, 127].

Мак красиво одел корону весны,

Ветром веет аромат венца красоты.

В составе субстантивных словосочетаний предложной конструкции также продуктивно употребляется предлог «барои» (для, ради, из-за, в целях) со значениями указания, намерения, цели и причины. В академической

грамматике современного таджикского языка отмечается, что «Ибораҳои исмии бо пешоянди «барои» асосан муносибати таъинот, мақсад ва сабабро ифода мекунанд ва тобиши пуркунандагӣ доранд. Калимаи асосӣ ва тобеи ин ибораҳо бештар аз исмҳои абстракт, инчунин конкрет иборат мебошад» [77, 48] - субстантивные словосочетания с предлогом «барои» в основном употребляются в целях обозначения намерения, указания, цели и причины. Основной компонент в составе данной группы словосочетаний относится к абстрактным, а также конкретным именам существительным.

В поэзии Накибхона Туграла можно обнаружить различные варианты употребления предлога «барои» при помощи которого образованы предложные конструкции субстантивных словосочетаний, например:

Ҳусни Юсуфро агар **Парвин барои имтиҳон**

Бо тарозу баркашад, кай бо ту ҳамсангӣ кунад?! [338, 185].

Красоту Иосифа Плеяды для испытания,

Если измерят, не сравнить с твоей красотой.

Или:

Шӯхи бебоке, ки карда хонаи мардум хароб,

Теғи абрӯяш барои қатли ман дорад шитоб [338, 80].

Озорная и дерзкая разрушила жизни людей,

Хочет лезвиями бровей теперь казнить меня.

В творчестве Ходжи Хусайни Кангурти предлог «барои» употребляется в следующих конструкциях:

Ёр **таъвизе барои мо** ба ин мазмун навишт,

К-эй, туро бар кардаҳои худ раҳин бинходаанд [342, 154].

Любимая мне написала тилисман, в котором,

Мне не избежать от того, что от судьбы.

И в следующих строках:

Бегумон омад вучудаш андар ин охирзамон,

Ояти раҳмат барои нотавонон аҷмаин [342, 340].

Его появление в этом мире как знак конца света,

Он как милости творца всем нуждающимся и бедным.

Также можно заметить случаи употребления послеложно-предложной конструкции субстантивных словосочетаний:

Зи нурафшонии маҳ фитна дар даври сагон афтад,

Абас худро барои ҳосидон лавҳи нишон кардам [342, 256].

Когда светит луна, то лай собак везде слышен,

Я зря завистливым выставил себя как мишень.

В творчестве Садриддина Айни предлог «барои» выполняет различные грамматические и структурно-стилистические функции как в следующем бейте:

Дидаам берун шуд, эй боди сабо, имшаб, Худоро,

Гарде аз кӯяш расон, **гарде барои дидаи** ман [331, 43].

Мучительно я ждал, о боже, приятным ветерком,

Достанутся ли моим очам пылинки ног любимой.

Как видим в предыдущем бейте в составе словосочетания «**гарде барои дида**» также наряду с предлогом «барои» употребляется неопределенности «-е» и выступает в роли вспомогательного компонента связи составных элементов данного словосочетания. Наряду с этим основная задача данного артикля заключается в обозначении неопределенности пылинки ног любимой, и имеется ввиду хотя какие-то пылинки.

Следует отметить, что предлог «барои» употребляется намного реже чем все другие простые предлоги в именных словосочетаниях, чаще

употребляется вместе с предлогом «аз» (из) в форме «аз барои» (для, для того чтобы, в целях) в газелях Садриддина Айни как в следующих примерах:

Он ситамгар чун ба ислоҳи шумо розӣ нашуд,

Эй рафиқон, **аз барои чанг як ғайрат** кунед [331, 75].

Та жестокий правитель не согласен с вашей реформой,

О, друзья, теперь старайтесь для борьбы против него.

Иногда в зависимости требований метрики и рифмовки структуру именных словосочетаний предложной конструкции могут употреблять в немного измененной форме как уже заметили в предыдущем бейте в словосочетании «**аз барои чанг як ғайрат**» (одно старание для борьбы), когда обычная структура данной формы в соответствии с грамматической нормой рассматривается «**як ғайрат аз барои чанг**», а также в более синтетических формах можно рассмотреть как «**ғайрат барои чанг**» (старание для борьбы). Такие примеры можно обнаружить и в творчестве других поэтов исследуемого периода, в том числе и Мухаммадсиддики Хайрат как в следующем примере:

Ишвапирое, ки саргарми давои ӯ шудам,

Шухраи олам ба расвоӣ барои ӯ шудам [341, 218].

Кокетливая красавица, которой я так увлечен,

Из-за нее я опозорен в мире и обесславлен.

Хотя в приведенном примере не все составные компоненты данного словосочетания являются именами существительными, но данная модель как показывают примеры свойственна субстантивным словосочетаниям предложной конструкции.

Таким образом, предлоги и послелогои в образовании субстантивных словосочетаний играют важную роль. Анализ и исследование примеров из собранного нами материала, показали, что простые предлоги таджикского

литературного языка в образовании данной группы словосочетаний играют наиважную роль и проявляют своеобразные структурно-грамматические и стилистические возможности. Из всех послелогов как показали проанализированные примеры в основном употреблен послелог «-ро» в ограниченном количестве, а употребление таких послелогов как «барин» (подобно, похоже, например: «ту барин мусофир» – путник наподобие тебя, как ты путник), «ном» (имя, по имени, например: «Саид ном чавон» – молодой человек по имени Саид) [77, 49] в поэзии исследуемого периода нам выявить не удалось.

Несмотря на то, что некоторые грамматические средства связи словосочетаний как послелог «барин» встречаются сравнительно реже или вовсе не встречаются, мастерам поэтического слова, удалось применять другие языковые средства в целях создания бесконечных и неповторимых моделей именных словосочетаний. Следовательно, можно сделать вывод о том, что поэзия исследуемого в данном диссертационном исследовании периода достаточно богата различными и интересными примерами языковых конструкций, особенно словосочетаний, которые представляют своеобразные структурно-семантические особенности таджикского литературного языка.

ГЛАВА 3. СУБСТАНТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО И ИМЕННЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Наряду со субстантивными словосочетаниями имен существительных в таджикском литературном языке употребляются и другие разновидности субстантивных словосочетаний, составные компоненты которых состоят и из других именных частей речи как имя прилагательное, имя числительное и местоимение. Общеизвестно, что в составе субстантивных словосочетаний всегда в роли основного, главного компонента выступает имя существительное и наряду с этим роль других именных частей речи в образовании данной модели словосочетания велика.

3.1. Изафетные субстантивные словосочетания модели «имя существительное +имя прилагательное» - N+Adj.

Субстантивные изафетные словосочетания модели “имя существительное +имя прилагательное” (N+Adj) как в современном таджикском языке, так и в творчестве поэтов исследуемого нами периода употребляются продуктивно и по структурно-функциональным особенностям достаточно разнообразны. Словосочетания модели “имя существительное +имя прилагательное” (N+Adj) в соответствии с академической нормативной грамматики таджикского литературного языка подразделяются на две группы и соответственно на различные подгруппы. К первой группе относятся субстантивные изафетные словосочетания имени существительного с качественными прилагательными, а ко второй группе можно отнести субстантивные изафетные словосочетания имени существительного с относительными прилагательными [77, 371].

3.1.1. Субстантивные словосочетания с качественными прилагательными

Первая группа субстантивных изафетных словосочетаний модели «N+Adj» в свою очередь делятся на следующие подгруппы:

а) **субстантивные изафетные словосочетания с качественными прилагательными**, определяющими внешний облик и внешние качества предметов, объектов и людей, типа «бинои сафед» (белое здание), «девори баланд» (высокая стена), «шахри зебо» (красивый город).

В творчестве поэтов исследуемого периода можно обнаружить достаточно большое количество разнообразных как по форме, так и по семантико-стилистическим особенностям субстантивные изафетные словосочетания с качественными прилагательными. Следует отметить, что качественные прилагательные в поэтическом контексте выполняют важную семантико-стилистическую задачу, придавая неповторимые окраски понятиям и объектам, явлениям и процессам, при этом качественные прилагательные употребляются как средства сравнения и сопоставления качеств вещей и понятий. Например:

Зи ораз бурқаъ афкандӣ, кушудӣ **рӯи зеборо**,

Зи барқи рух задӣ оташ бисоти хирмани моро [338, 33].

Скинула чадру и открыла красивое лицо,

Горящей яркостью лица сожгла все наше бытие.

Следует отметить, что качественное прилагательное «зебо» (красивое) употребляется сравнительно чаще чем другие качественные прилагательные и в большинстве случаев данное прилагательное употребляется как определение внешности и внешнего вида любимой или какого-либо предмета, а также частей тела любимой, а чаще всего применяется для обозначения красивого лица и внешности любимой, как в следующих бейтах:

Монӣ аз баҳри ҳавои **сурати зебои** ӯ,

Чун фалак саргашта афтодаст то явмулҳисоб [338, 80].

Мани в чаяниях и мечтах о красивом лике любимой,

Как небеса растерянно вращается до судного дня.

Или в другом бейте:

Туғрало, дорӣ талаб матлубро, хушёр бош,

Кай бувад манзури ғофил **чехраи зебои** мавҷ?! [338, 138].

Туграл будь осторежен, если ты нуждаешься в любимой,
А несведущим как понять где волны и где берег счастья?!

Или в другом бейте:

Ҳайрати ойина аз акси **рухи зебои** туст,

Аз арақ ҳар дам ба рӯи хеш ҷавҳар бишканад [338, 181].

Зеркало настолько удивлен твоим красивым ликом,

Что больше теряет свою ясность отражая твою красоту.

В поэзии Накибхона Туграла нам удалось обнаружить 14 случаев употребления качественного прилагательного «зебо» в составе изафетных словосочетаний, из которых в 10 случаев данное слово употребляется в роли определения со словами рух (лик), рухсор (лик), руй (лицо), чехра (лицо), сурат (внешний облик, внешность, лицо), комат (стан), кад (стан).

В творчестве других поэтов исследуемой эпохи, также можно встретить сравнительно большую частоту употребления данного качественного прилагательного в составе субстантивных изафетных словосочетаний. Например, в поэзии Садриддина Айни можно заметить следующие случаи употребления данного слова:

Ќуз **қаду орази зебои** ту дар боғи ҷаҳон,

Кас надидаст сар оварда санавбар гули сурх [331, 46].

Кроме твоих красивых стани и лика в цветнике мира,

Еще не видели, как сосна расцвела красными цветами.

Как видим в данном бейте словосочетание «**қаду орази зебо**» представляет собой специфическую модель, где одно определение подчиняется двум определяющим и в отдельности данное словосочетание

можно рассмотреть в следующих конструкциях как «**қади зебо**» (красивый стан) и «**орази зебо**» (красивый, приятный лик).

Слово «зебо» в поэзии Садриддина Айни также употребляется в составе других отдельных словосочетаний, например,

Ҳар кучо он **қомати зебо** хиромонӣ кунад,
Оташи ғайрат ба ҷони сарви бустонӣ кунад [331, 48].
И когда она с красивым станом выступает грациозно,
В сердце кипариса вторгнется зависть и ревность.

Весьма продуктивно употребляется слово “баланд” (высокий) в составе субстантивных словосочетаний рассматриваемой модели, как в следующих примерах из творчества Накибхона Туграла:

Эй омада бо **қади баландат**
Шамшод ғулому сарв чокар! [338, 219].
Твоему красивому и высокому стану
Стали самшит как раб, а кипарис слуга.
Также и в следующих строках:
Эй **қомати баланди** ту сармашқи дилбарӣ,
Ҷонам фидои қомати болобаланди ту! [338, 347].
О твой высокий стан образец красавицам,
Пожертвую душу свою твоему стройному стану.
Или:
Аз **қомати баландат** қумрӣ ба лаҳни ку-ку,
Дар печутоб сунбул з-он ҳалқаи ду гесӯ [338, 349].
Горлинка в изумлении от твоего стройного стана,
И гиацинт свивается от твоих скрученных кудрей.

В творчестве Садриддина Айни также встречается словосочетание

данной модели в следующих бейтах:

Чашми сиёҳат, тарзи нигоҳат – яғмогари дин, ғоратгари чон,
Қадди баландат, лаъли чу қандат – ҳам рӯҳафзо, ҳам рӯхпарвар
[331, 92].

Твои черные очи, чудные взгляды – уводят веру, забирают душу,
Высокий стан и сладкие губы – воодушевляет и придают силу.

Со словом «қад» также употребляются и другие качественные имена прилагательных, которые определяют внешнее качество и вид определяемого в следующих строках:

Ба хандидани лаъли майгуни ту,
Ба рақсидани **қадди мавзуни** ту [338, 397].
Во имени улыбок твоих и рубиновых губ,
И грациозности твоего красивого стана.

К данной группе можно отнести и такие словосочетания, которые указывают на внешний цвет определяемого. В поэзии исследуемого периода поэтов можно встретить такие словосочетания, определение которых являются название цветов как «зулфи сияҳ», «чашми сияҳ», «лаби сурх», «рухи зард», «ранги зард», «ранги сабз», «ранги сурх», «рӯзи сафед», которые могут употребляться в метафорическом значении и этим образуют терминологические и фразеологические обороты.

Зулфи сияҳ, ки гирди рухи ёр дидаед,
Он печутоби ҳалқаи дуди шарори мост [338, 112].
Черные локоны, которые окружили лик красавицы,
Являются завитками дыма, от огня, которой горю я.
Или другой пример:

Бедоду ситам ба ҳоли Маҳмуд
Зулфи сияҳи Аёз карда [338, 350].

Царю Махмуду также достались страдания,
От того что черные локоны у Айяза.

В следующих бейтах употребляются словосочетания «ранги зард» (желтый цвет//соломенный цвет) и «рухи зард» (желтый лик, лицо соломенного цвета, бледное лицо, болезненный вид лица) в переносном значении обозначают страдание, болезнь, слабость, нужда и бедствование возлюбленного, который страдает от того, что любимая не обращает никакого внимания на него.

Ба мизроби фано чун косаи танбӯр гардидам,

Ба **ранги зарди** ушшоқона оҳанги садо кардам! [338, 417].

Я как тамбур, а медиатор судьбы играет по моим струнам,
Болезненным видом и с болью выражаю звуки страдания.

Или в другом бейте Накибхона Туграла встречается словосочетание «рухи зард» (бледное, пожелтевшее от боли и страдания лицо):

Қади нуну дили доғу **рухи зарду** сиришки хун,

Ба майдони ситамгорӣ аҷоиб шӯхшанг омад! [338, 432].

Согнут как «нун», в сердце рубцов, пожелтевший лик, кровавые слезы,
Все это из-за той озорной, которая вышла угнетать и баловаться.

Такие словосочетания можно встретить в качестве метафорических выражений, например, словосочетание «мори сиях» (черная змея) метафорически означает черные локоны красавицы, как в следующем бейте:

Фусуни ҳалқаи **мори сиях** бувад найранг,

Хаёли гардиши зулфаш куну парешон бош [338, 245].

Завитки черной змеи только заклинание и колдовство,

Как подумаешь о черных локонах, становишься рассеянным.

Также можно встретить такие словосочетания, которые постепенно превратились в фразеологические обороты как в следующих бейтах

Накибхона Туграла, например, словосочетание «рӯзи сафед» (досл.: белый день – светлый день, яркий//добрый день) или словосочетание «мӯи сафед» (седые волосы – старость), «бахти сиях» (черная//темная судьба, несчастье):

Тулуи орази ту бар дилам чу **рӯзи сафед**,

Хаёли зулфи ту бар хотирам шаби дайчур [338, 220].

Как появишься ты для меня наступит светлый день,

Когда думаю о твоих локонах вспомню долгие ночи.

В другом бейте:

Бунафш рози ғамат шуд натиҷа **мӯи сафед**,

Нарафта аз даҳани ӯ ҳанӯз бӯи шир [338, 223].

Печалю я скрывал боли разлуки, и волосы стали седые,

Но она же оставалась такой же красивой и молодой.

Также встречаются заимствованные с арабского языка слова, которые обозначают цвета, как, например, метафорическое выражение «яди байзо» (белые и светящие руки) и в таджикской классической литературе, особенно в классической поэзии данный терминологический оборот указывает на белые светящие руки пророка Моисея, которые даже были видны из-под рукава [340, 627]:

Шаб, ки дар дил акси хуршеди рухи ӯ чо гирифт,

Зулмати ҳар зарраам боҷ аз **яди байзо** гирифт [338, 133].

Сердце как ночь растворилось в солнцеподобном лике красавицы,

Темноте крупницы сердца приносят дань от светящих рук Моисея.

Отличительная черта употребления данной модели словосочетаний как в поэзии исследуемого периода, так и во всей классической поэзии заключается в том, что название цветов, а также другие качественные имена прилагательные в бейтах чаще употребляются в противоположном друг от

друга значений и в роли антонимов типа «лаби сурхи ёр» (красные губы любимой) и «руи зарди ошик» (желтое// соломенное// бледное лицо влюбленного), где противопоставляется «сурх – зард» (красный//рубиновый – желтый// соломенный), и в таком порядке «сафед - сиях» (белый – черный), «баланд - паст» (высокий – низкий).

У Садриддина Айни можно заметить противопоставление синонимического ряда одного понятия, которое имеет противопоставляемый цвет с другим цветом, например, синонимический ряд «чехра» (лик, лицо) и «моҳ» (луна) по цвету противопоставляется темному облаку (абри хат, который обозначает темные линии бровей красавицы) и красным (крававым) слезам, как в следующем бейте:

Абри хат бебок чун бар рӯи моҳе меравад,

Ашки сурхам з-ин алам бар чехра гоҳе меравад [331, 193].

Как линия облака временами прикрывают часть луны

Мои кровавые слезы от боли протекают по моему лицу.

Следует особо отметить, что лексика цветообозначения в составе субстантивных словосочетаний и компонентом имен прилагательных занимает весьма важное место и выполняет значимую роль. Следует отметить, что языковая система восприятия разных цветов отличается от научной системы определения цвета тем, что языковая является антропоцентричной и это можно рассмотреть так, что мы можем описать цвет конкретного объекта нашими словами, подобно физическим и психологическим законам восприятия. «С древних времен у каждого народа одним из средств осмысления мира являлся именно цвет. Он был обозначением наиболее важного в природе и наиболее ценного в человеке, но цветовые образы со временем потеряли свои познавательные значения и вместо них, приобретая духовное и эстетическое значение, цвет стал выражать внутренний мир человека. Символика цвета имеет давнюю

историю. С древнейших времен людьми придавалось особое значение языку красок, которое нашло свое отражение в древних мифах, сказках, народных преданиях, различных мистических и религиозных учениях. Так, цветам в восточном представлении покровительствуют планеты. Это отражено в русском переводе стихов всемирно известного поэта XIII века Амира Хусрава Дехлави:

Правитель, в любом понимающий деле,
Цвета эти связал с днями недели
Субботному куполу зодчий придал
Цвет черный Сатурна – планеты Зухал,
Воскресный окрасил по воле Нумана
В цвет солнца, в тона золотые шафрана,
А маковка третья была зелена,
Поскольку царит в понедельник луна,
Багряным был купол четвертой из башен
В цвет вторника, в плащ Бахрама окрашен,
К среде приурочен сиреневый тон,
Поскольку планетою Тир порожден,
Четверг соответствовал цвету синдала,
Звезда Муштари этим цветом сияла,
А связанный с пятницей – купол седьмой
Под знаком Зухры отливал белизной» [115, 56].

Такая же традиция продуктивного и разнообразного применения слов, обозначающие цвет в составе различных моделей субстантивных словосочетаний продолжается и в поэзии конца XIX и начала XX века. Далее мы можем рассмотреть еще другие интересные примеры по данной модели словосочетаний, где слова, обозначающие цвет, выступают в роли составных компонентов и придают своеобразные стилистико-семантические окраски

целому поэтическому контексту. Например, как в поэзии всего классического периода Садриддина Айни ассоциирует черный цвет с такими понятиями как «чашм» (глаза), «хол» (состояние, жизнь), «хол» (родинка), например:

Эй **чашмсиях**, рӯзсиёхам кардӣ,
Аз **чашми сиях** холи табоҳам кардӣ [331, 270].
О черноокая, превратила ты мои дни во мрак,
Из-за твоих черных глаз моя жизнь нерадостна.

Или в другом бейте:

Он **холи сиях**, ки бар рухат чо дорад,
Ҳиндуст, вале ба хулд маъво дорад [331, 271].

Та черная родинка, которая у тебя в лице,
Как безбожный индус, но сидит в раю.

Или в других случаях мы видим, что другой цвет, например, «сафед» (белый) в тексте ассоциирован с таким понятием как счастье:

Мавсими ид аст, ба **бахти сафед**
Хона аз он рӯй мунаввар кунам [331, 103].

Время праздника и от светлой судьбы,
Становится и мой дом ярким и светлым.

Другой цвет как «сабз» (зеленный) ассоциируется с весной, цветником и лужайкой как в следующем примере:

Барги сабзе булбулуро аз гулистонест, ё
Нурибинишрафтаеро бӯи як пирохон аст? [331, 29].
Зеленый лепесток для соловья знак лужайки и цветника,
А для потерявшего свет очей как запах одежды родного.

Красный цвет в составе рассматриваемой модели словосочетаний также ассоциирует определенные понятия и значения и на примере поэзии исследуемого периода прежде всего означает радость, здоровье, веселья и красоту. Например, в одной газели Садриддина Айни можно заметить слово

«сурх» (красный) в составе словосочетания «гули сурх» с такими ассоциациями как праздник, красота, красный тюльпан, красный цветок, как в следующих строках:

Эй ба гулгун рухи ту бандаву чокар гули сурх,
Чехра бинмо, ки ба пои ту ниҳад сар гули сурх.
Ба латофат лаби лаъли ту бад-он мемонад,
Ки даромехта бошанд ба шаккар гули сурх.
Нест дар бўй ба мӯи ту мусовӣ сунбул,
Нест дар ранг ба рӯи ту баробар гули сурх.
Қуз қаду орази зебои ту дар боғи ҷаҳон,
Қас надидаст сар оварда санавбар гули сурх [331, 46].
Перед твоими розовыми щеками раб и слуга красный цветок,
Покажи свой лик, к твоим ногам приклонится красный цветок.
Твои яхонтовые губы подобны своим изяществом,
Будто сахаром перемешали красный цветок.
Невозможно сравнить гиацинт с твоими локонами,
Цветом твоих щек не сравнить красный цветок.
Увидев твой красивый стан в саду мирских благ,
Не видел никто, над кипарисом расцвел красный цветок.

Таким образом, в творчестве многих поэтов исследуемого периода можно рассмотреть такие интересные примеры. В поэзии Мухаммад Сиддики Хайрат цвет «зард» (желтый) ассоциируется с такими понятиями как страдание, боль, разлука, а цвет «сиях» (черный) ассоциируется с понятиями агрессии, вониственности и безжалости, например:

Лутфе бинамо маро ба ҳар ҳол,
Пурс аз рухи зарди ман ба ҳар ранг.
Чашми сияҳи ту моили сулҳ

Тарзи ниғаҳи ту роғиби ҷанг [341, 206].

Будь милостив ко мне хот на время,

Спроси о моем бледном лице.

Твои глаза склонны к дружбе,

А твой взгляд настроен к сражению.

Даже в узбекоязычной поэзии Хайрата можно заметить, такие факты, что словосочетание таджикского языка данной модели «рухсори зард» (желтый лик, лицо соломенного цвета, бледное лицо, болезненный вид лица) без каких-либо изменений и единственно с примыканием агглютинативного окончания узбекского языка употребляется в контексте узбекского языка, как в следующем бейте:

Зар ҳасрати билон **рухсори зардини**,

«Кӯр» дедилар, эй ёронлар, кӯрмайн-му? [341, 216].

На бледное его лицо, опечаленное в тоске к золоту,

Сказали «взгляни», о друзья как не взглянуть?

Следует отметить, что как большинство словосочетаний, так и определенные модели таджикских словосочетаний целиком заимствованы узбекским языком и все это достаточно ярко просматривается в узбекской поэзии, но так как данный вопрос является объемным и многоаспектным и соответственно требует отдельного монографического исследования мы в данном диссертационном исследовании не можем более подробно рассматривать эту проблему. Здесь также можно выделить отдельную подгруппу субстантивных словосочетаний с качественными прилагательными, которые определяют качества понятий посредством вкуса и в составе таких словосочетаний в большом количестве можно встретить словосочетания с определением «ширин» (сладкий, вкусный), которые приобретая метафорические значения постепенно переходят во фразеологические единицы, как в следующих бейтах:

Чони ширин меканад дар Бесутун,

Қисмати Фарҳод кӯҳсор асту бас! [338, 233].

Тратит свою сладкую жизнь у Бесутуна

Судьба Фархада привязана к горам.

Как видим, словосочетание «ҷони ширин» (дорогая//сладкая душа//жизнь) употребляется двузачно, так как в данном словосочетании слово «ширин» наряду со своим исконным значением «сладкий//вкусный//приятный» одновременно означает в качестве намека имя красавицы «Ширин» и ей был влюблен Фархад. Наряду со словосочетанием «ҷони ширин» также можно встретить «лафзи ширин» (сладоуст, красивые//приятные слова), «лаби ширин» (сладоуст//сладкие губы//губы, источающие сладостью) и данные словосочетания также намеком означают имя красавицы «Ширин». В таких случаях при помощи намека можно перевести метафорическое словосочетание в синтаксическое словосочетание, как в следующем бейте:

Например, как видим в следующем бейте Накибхона Туграла:

Кӯҳканваш кӯҳи дил кан, **лафзи ширин** боядат,

Шоҳиди маънӣ наёяд бо ту осон дар бағал! [338, 280].

Чтобы как Фархад владеть высотами сердец, нужна сладкая речь,

Подлинных значений и смыслов не достичь простыми мыслями.

Как видим, словосочетание «лафзи ширин» (приятная речь, дословно – сладкая речь, сладкое слово) будучи метафорическим выражением также в контексте поэтических строк рассматривается как «лафзи Ширин» (речь Ширин – имя красавицы из одноименных поэм поэтов таджикской классической литературы).

Или в другом его бейте видим следующее:

Лабҳои ғунча во нашавад, гар равӣ ба боғ,

Аз шарми хандаи **лаби ширин** зи қанди ту [338, 347].

Губы бутонов в саду на раскрываются как увидят тебя,

Они стыдятся от насмешек сладких как сахар твоих губ.

В нижеследующем бейте Накибхона Туграла мы видим, что поэт употребляет словосочетание «лаъли ширин» (сладкие рубиновые губы) одновременно указывая на имя красавицы и любимой Фархада – Ширин и в одном бейте употребляет одновременно два словосочетаний как «ҷони ширин» и «лаъли ширин»:

Кӯҳқан бо ёди лаълат **ҷони ширин** биспарад,

З-он ки бошад **лаъли ширини** ту ширин аз шакар! [338, 413].

За твои рубиновые губы отдаст свою сладкую жизнь Фархад,

Так как твои сладкие рубиновые губы слаще сахара.

Таким образом, слово «ширин» (вкусный) в поэзии исследуемого периода занимает особое место и играет специфическую роль окраски поэтического текста и в описании определенных качеств как лирического героя, так и любимой и возлюбленной, а также при выражении внутренних ощущений и душевного состояния поэтов данной эпохи.

В составе словосочетаний модели имя существительное+имя прилагательное в поэзии исследуемого периода также можно заметить и другие группы имен прилагательных, которые означают вкус, зрелость, вред и пользу фруктов, овощей, лекарств и других средств, например:

Пухтағони меҳр бар гиранд аз нахли мурод,

Лаззате набвад ба дандон **меваҳои хомро**! [338, 44].

Зрелые в любви соберут плоды из пальмы надежд,

Нет никакого вкуса, если собрать их незрелыми.

Или в другом бейте Накибхона Туграла видим, что поэт употребляет словосочетание «захри ҳалоҳил» (смертельный яд):

Наям гар махрами васлаш, ба ҳаҷраш шукр месозам,

Ба ҷои шаҳд нӯшам дар ғамаш **захри ҳалоҳилро** [338, 43].

Если мне не удалось быть с ней вместе, то страдаю от разлуки,

Не сладости я пью, нет, я пью смертельный яд расставания.

Таким образом, в творчестве поэтов исследуемого периода мы можем наблюдать интересные факты употребления, а также образования субстантивных словосочетаний, особенности которых представляются весьма неповторимы и бесконечны.

б) ко второй разновидности субстантивных словосочетаний модели **«имен существительных + имен прилагательных» с качественными именами прилагательных** можно отнести такие словосочетания, которые означают нравственные и другие качества субъекта, предмета и процессов, как в следующих примерах из творчества Накибхона Туграла и его современников:

Муаммой маро ҳар кас нафаҳмад,

Ки ман ин бешаро **шери ҳарунам** [338, 324].

Непонятны каждому мои мысли и мои поведения,

Я будто в этом лесу как лев бунтующий и непокорный.

Или в другом бейте словосочетание «камони расо» метафорически означает красивые дугообразные брови и в исконном значении означает лук, стреляющий очень точно и качественно:

Ҳайронам аз хаданги **камони расои** ӯ,

Ҳар ҷо дилест, тири ғамашро нишона аст [338, 118].

Я удивлен тем, что настолько красивы ее ресницы и брови,

Тому, кто сердцем предан ей, не страшны упреки и капризы.

В творчестве Садриддина Айни можно заметить такие варианты употребления данной модели субстантивных словосочетаний, как в следующем бейте:

Лаби лаълаш зи қанд ширин аст,
Рӯи хубаш зи моҳ накӯяст [331, 37].

Рубиновые губы слаще чем сахар,
Ее красивый лик краше чем луна.

В творчестве Ходжи Хусайна Кангурти можно заметить такие варианты употребления данной модели субстантивных словосочетаний, как в следующих бейтах:

Бар ғуборам домани нози кӣ шӯр афкандааст,
Сурфаи оромро бастаст бар дӯши ҳаво [342, 30].

Чьей любовью так обеспокоено мое сердце,
Колит так незаметно и страдает бесконечно.

Надорад сурфае ғайр аз тапидан **мурғи ором**ам,

Чу бисмил набзи бетобист ҳар мӯ андар ин қолаб [342, 46].

Мое сердце как жертва бесконечно страдает,
Каждое волокно моего тела пульсирует от боли.

Также можно встретить обособленную форму употребления имен прилагательных в составе данной модели субстантивных словосочетаний как в следующем бейте Ходжи Хусайна Кангурти:

Каломи нарму мавзуну муқаффо,
Кунад дил равшану хотир мусаффо [342, 420].

Доброе, умеренное и ритмичное слово,
Очищает душу, освещает разум и мысли.

В творчестве Мухаммадсиддики Хайрат можно заметить такие варианты употребления данной модели субстантивных словосочетаний, как в следующих бейтах:

Қаду бастат чӣ дилнишин сарв аст,
Рӯи хубат чӣ нозанин вард аст? [341, 141].

Твой стан как кипарис настолько красив,

Твое лицо красивое как изящные цветы.

Дар шаб ту чй донй, ки ба Ҳайрат чй гузашта,

Бе рӯи ту, эй рӯи ту мақсуди беҳинам [341, 93].

О, любимая тебе не знать, что со мной происходит

Без твоего лица, которое для меня как символ счастья.

в) к третьей разновидности субстантивных словосочетаний модели **«имен существительных + имен прилагательных»** с качественными именами **прилагательных** можно отнести такие словосочетания, которые означают качества состояния субъекта, предмета или процесса. В данной модели субстантивных словосочетаний также можно заметить, что больше всего имена прилагательные употребляются в метафорическом значении, например, как в словосочетании «бахти вожун» (перевернутая судьба, несчастье), как в следующих примерах:

Агар хушам кунад чун шона дар зулфаш шабехунро,

Ба як мӯ баста гардам сарнавишти **бахти вожунро** [338, 51].

Если вдруг подумать о локонах любимой, тогда

Лишь на одной волоске будет висеть мое сердце.

В нижеследующем бейте Накибхона Туграла можно заметить, что поэт употребляет подряд два субстантивные словосочетания одной и той же модели, о которой речь идет в данной части работы, например:

Қуръаи фоли тараб ҳаргиз наёмад аз қазо

Аз хучуми **бахти бад ушшоқи маҳзуни** туро [338, 54].

Никогда нам не пришла весть радости и счастья,

От нападок несчастья твоим влюбленным.

Как видим, в приведенном примере словосочетания **«бахти бад»** (неблагоугодная судьба), **«ушшоқи маҳзун»** (опечаленные влюбленные)

приводятся в одной строке и относятся к одной модели субстантивных словосочетаний. Скорее всего применение данной модели словосочетаний в таком порядке способствует усилению стилистической окраски и действенности поэтического слова.

В творчестве Садриддина Айни также можем обнаружить такие примеры как в следующих бейтах:

Чашми бад дур зи гулзори чамолаш, ё раб,

Ки саропо бишукуфтасту нигахбонаш нест [331, 27].

Дурные глаза пусть будут далеки от красивого лика, о боже,

Любимая так расцвела как цветы, и никто не посмеет служить ей.

Рафтан ба дари хонаи ҳар сифла чӣ хочат?

Аз **кулбаи вайронаи** мо ор чӣ лозим? [331, 113].

Не стоит ходить к двери каждого недостойного,

Почему стыдиться от нашей разрушенной лочуги?

Таким образом, субстантивных словосочетаний модели «имен существительных + имен прилагательных» с качественными именами прилагательных в творчестве поэтов конца XIX и начала XX века употреблены сравнительно чаще чем другие разновидности субстантивных словосочетаний рассматриваемой модели.

г) к четвертой разновидности субстантивных словосочетаний модели «имен существительных + имен прилагательных» относятся субстантивные словосочетания с именами прилагательными, которые обозначают качества пространств и емкостей типа «кӯчай танг» (узкий переулок), «роҳи дароз» (дальняя дорога). В творчестве Накибхона Туграла можно заметить весьма интересные моменты употребления данной модели словосочетаний, как в прямом значении, так и в метафорическом и переносном значениях, например, в следующих бейтах:

Ҳадиси кӯтаҳи зулфаш дароз аст,
Шаби мо рӯз аз афсонаи кист? [338, 124].

Краткое сказание о ее локонах долго рассказать,
Мои ночи превращаются в день рассказами о ней.

Как видим в следующем бейте словосочетание «ҳадиси кӯтаҳ» (краткое сказание, краткий рассказ) в приведенном бейте употребляется в метафорическом значении.

В творчестве Ходжи Хусайна Кангурти также встречаются интересные случаи употребления имен прилагательных, как в следующем бейте:

Ҳочӣ бошад боғи дунё бе ҷамоли дилбарон,
Гӯшаи танге, ки дар вай ранги уқбо рехтанд [342, 338].

О, Хдожи, мирские сады без лика красавиц,
Подобно узкому угольку, в котором нет разнообразия.

У Мухаммадсиддики Хайрат можно заметить такие же примеры как в следующих бейтах:

Қад барафроз, нишон оташам аз тарзи хиром,
Рух барафрӯз, нишин - кулбаи аҳқар, дили танг [341, 88].

Покажи свой красивый стан и успокой меня своей походкой,
Покажи лик красивый, чтобы я сидел в тесном келье - сердце.

Или в другом бейте:

Баски аз хӯрдани ғамҳои замон гашта захим,
Зиндагӣ дар бари ӯ ҷомаи танг омадааст [341, 43].

Из-за того, что видел все тяготы жизни в страдании,
Жизнь стала для него как тугая одежда в его теле.

Как мы видим, словосочетания «кулбаи аҳқар» (тесное // скучное келье), «ҷомаи танг» (несоответствующая/ тугая одежда, и в таком же

порядке фразеологическое словосочетание «дили танг» (тесное сердце, нестерпимое/ бушующее сердце) употреблены в роли субстантивных словосочетаний модели «имен существительных + имен прилагательных», которые относятся к субстантивным словосочетаниям с именами прилагательными, которые обозначают качества пространств и емкостей.

Таким образом, субстантивные словосочетания модели «имен существительных + имен прилагательных», которые обозначают качества пространств и емкостей продуктивно употребляются в творчестве поэтов исследуемого периода.

3.1.2. Субстантивные словосочетания с относительными прилагательными

В отдельной группе можно рассмотреть субстантивные словосочетания в составе которых употреблены относительные прилагательные со следующими грамматическими и лексико-семантическими особенностями в соответствии с академической грамматикой современного таджикского литературного языка [См.: 77]:

а) субстантивные словосочетания с относительными прилагательными назначения:

Мапурсед аз ману афсонаи ман,
Хароби он ду **чашми пурфусунам!** [338, 324].
Не спросите про меня и моих приключениях,
Я поражен теми очаровательными глазами.

Как видим, в приведенном бейте словосочетание «чашми пурфусун» (очаровательные глаза), будучи субстантивным словосочетанием состоит из имени существительного и относительного имени прилагательного. Относительное имя прилагательное «пурфусун» является сложным по структуре и образовано из слов «пур» (полный - имя прилагательное) и «фусун» (чародей, колдовство). Данное слово как относительное

прилагательное указывает на определенное назначение красивых глаз и данное словосочетание можно интерпретировать как глаза, предназначенные для колдовства.

В поэзии Шамсиддина Шохина также можно встретить весьма интересные примеры субстантивных словосочетаний с относительными прилагательными назначения как в следующем бейте:

Лаби шаккарнисору зулфи мушкафшони \bar{u} бинад,

Наёрад корвон дигар шакар аз Мисру мушк аз Чин [343, 87].

Если заметят ее сахароисточащие губы и мускусные локоны,

Караваны перестанут нести сахар из Египта и мускус из Инда.

Как видим, первое словосочетание (лаби шаккарнисор - сахароисточащие губы) рассматриваемой модели употребляется в форме метафорических выражений, а второе словосочетание (зулфи мушкафшон – мускусные локоны) может употребляться как в метафорическом значении, так и в прямом значении как синтаксическая конструкция субстантивных словосочетаний с относительными прилагательными.

Таким образом, субстантивные словосочетания с относительными прилагательными назначения занимают значительное место в поэзии исследуемого нами периода и играют весьма важную роль в обозначении поэтических и художественных образов.

б) субстантивные словосочетания с относительными прилагательными значения места и пространства. К данной подгруппе субстантивных словосочетаний можно отнести своеобразную группу словосочетаний, которые предназначены для описания особенности определенного места или пространства. В творчестве поэтов конца девятнадцатого и начала двадцатого веков можно обнаружить разнообразные варианты данной модели субстантивных словосочетаний как в следующих бейтах:

Шикаст равнақи бозори нақши тасвират

Нигорхонаи чинию коргоҳи Фаранг [338, 275].

Творение твоей красоты не сравнить с трудами

Мастеров китайских и европейских шедевров.

Или в другом примере:

Нақди дуккони хамӯшон марҳами захми дил аст,

Дар шикасти **мӯи чинӣ** мӯмиё даркор нест [338, 127].

Для раненных сердец и без слов понятны боли любви,

Для гибкости кистей китайских мастеров не нужен бальзам.

Как видим в приведенном бейте словосочетание «мӯи чинӣ» означает кист при помощи которого так красиво пишут и рисуют китайские мастера, поэтому данный термин в таджикской классической литературе рассматривается в двух вариантах в зависимости от контекста поэтических строк – локоны и кист. В том же значении можем заметить словосочетание «мӯи чинӣ» (кист) в следующем бейте Накибхона Туграла:

Ба ёди сурати чашмаш шудам чун сурма аз ҳайрат,

Магар шуд **мӯи чинӣ** хомаи ангушти Беҳзодаш?! [338, 248].

Я настолько поражен красотой глаз ее как сурьма,

Может Беҳзод нарисовал ее глаза китайским кистем.

В такой же конструкции в поэзии исследуемого нами периода можно заметить такие словосочетания как «косаи чинӣ» (китайская чаша), «мушки хутанӣ» (Хотанский мускус), «ақиқи яманӣ» (яхонт из Йемена), «дурри аданӣ» (жемчун из Адана), как в следующих бейтах:

Шикасти дил ба санги яъс пайғомест чамшедӣ,

Садои **косаи чинӣ** диҳад Фағфурро ёдам [338, 296].

Отчаяние сердца дает вести о поражении царя Джемшеда,

Звуки китайского фарфора свидетельствуют о царе Фағфур.

В таком же порядке в следующих поэтических строках:

Сунбули зулфи туро бод парешон созад,

Бишканад анбари сороию **мушки хутанӣ** [338, 356].

Когде ветерок рассеивает твои локоны,

Их аромат обесценят амбру и хотанский мускус.

Или в следующем бейте:

Даҳанат вақти сухан гар гуҳарафшон гардад,

Нархи хармухра шавад қимати **дурри аданӣ!** [338, 356].

Когда из твоих уст услышат слова,

Обесценится жемчуг из Адана.

Следует отметить, что данная модель словосочетаний имеет определенную схожесть со словосочетаниями модели «имя существительное+имя существительное», означающие взаимоотношения предмета с его именем, где имя предмета употребляется с оттенком принадлежности, как например словосочетание «дурри Адан» указывает на принадлежность предмета, а точнее жемчуга (дурр) к месту добычи – Адан. Основное отличие данных моделей «имя существительное+имя существительное» и «имя существительное+имя прилагательное» заключается в том, что в первой модели слова типа «Адан», «Яман», «Хутан», «Чин» употребляются в форме имени существительного и указывают на местность как топоним. Во втором случае слова «аданӣ», «яманӣ», «хутанӣ», «чинӣ» выступают в роли относительного имени прилагательного и образованы из собственного имени существительного при помощи суффикса «-ӣ». По нашему мнению, вторую модель словосочетания - «дурри аданӣ», можно рассмотреть второй валентностью употребления субстантивных словосочетаний, где к первой валентности можно отнести словосочетание «дурри Адан». При этом также возникает вопрос о том, что

какое из этих словосочетаний образовано первым в языке или эти словосочетания образованы независимо друг от друга в рамках других закономерностей, но данный вопрос пока еще остается открытым.

Таким образом, данная подгруппа словосочетаний являются аналогами изафетных субстантивных словосочетаний, в которых имя предмета употребляется с оттенком принадлежности как «дурри Адан», «мушки Хутан», о которых речь шла в предыдущих частях исследования субстантивных словосочетаний модели «имя существительное+имя существительное (N+N)». Наряду с этим, необходимо учитывать тот факт, что если второй компонент употребляется в форме топонима, то в таких случаях данную модель словосочетания следует отнести к модели «имя существительное+имя существительное (N+N)», а в противном случае, если второй компонент употребляется в форме «хиндуї», «хиндї» (индийский), «хутанї» (хотанский), тогда следует отнести к модели «имя существительное+имя прилагательное (N+Adj)».

В этом плане словосочетания второй валентности, образованные при помощи относительных имен прилагательных продуктивно употребляются в творчестве поэтов исследуемого нами периода. Например, в творчестве Шамсиддина Шохина также можно заметить такие интересные примеры, как в следующем бейте:

Дунболаи ў маҳи ҳисорї,

Баршуд зи ҳисор бар иморї [343, 218].

Следуя за ним красавица замка,

Вышла из замка и села в паланкин.

В приведенном бейте словосочетание «маҳи ҳисорї» означает красавицу, которая живет в замке и образовано из имени существительного и относительного имени прилагательного.

К отдельной подгруппе можно отнести определенную категорию таких словосочетаний, которые не имея суффикс имени прилагательного употребляются в роли имен прилагательных и можно сказать происходит своеобразная адъективизация имен существительных в рамках определенных закономерностей как поэтический стиль, рифм и метрические особенности поэтического жанра. В поэзии Накибхона Туграла и его современников мы часто можем встретить словосочетание типа «тўтии Ҳиндустон» иногда в форме «тўтии ҳинду» или «тўтии ҳиндуй» «тўтии ҳиндӣ» и в обеих случаях данные словосочетания являются изафетными субстантивными словосочетаниями с компонентами адъективной особенности. В творчестве поэтов исследуемого периода можно рассмотреть разнообразные варианты употребления данной модели словосочетаний, например:

Ром созад холи ҳиндуи ту ҳиндууро ба дин,

Ин ачаб ҳинду, ки дини хеш бар дин оварад [338, 156].

Непослушного инда приручит твоя индийская родинка,

Из-за твоей родинки инд без раздумья изменит свою веру.

Или:

Ҳаст Кайвон ғуломи ҳиндуят,

Гарчи дар чархи ҳафтумин бошад [338, 161].

Небеса как индийский раб к твоим ногам,

Если даже они так высоки на семь ступеней.

Или в другом бейте:

То команди зулфи ӯ сад дил ба як мӯ мекашад,

Бори миннат мурғи дил аз холи ҳинду мекашад [338, 166].

Ниточкой своих локонов притягивает сотни сердец,

И сердце привязано так сильно к индийским родинкам.

Или в следующем бейте:

Сўхтам дар оташи ҳасрат чу ҳинду борҳо,

Холи ҳиндуи бутон аз бахти бад ромам нашуд [338, 168].

Я горел в огне как индийский огнепоклонник,

Но никак не смог приручить индийские родинки.

Таким образом, субстантивные словосочетания с относительными прилагательными значения места и пространства в творчестве исследуемых поэтов употребляются продуктивно и представляют особую семантико-стилистическую подгруппу субстантивных словосочетаний.

в) субстантивные словосочетания с относительными прилагательными, обозначающими состав материала или предмета:

К данной группе словосочетаний общей модели «имя существительное + имя прилагательное» (N+Adj) относятся такие конструкции в составе которых употребляются имена существительные и прилагательные, которые определяют из какого материала изготовлен или из чего состоит предмет, а также какой материал или сырье содержится в данном предмете. Например:

Хайёти азал карда чу аз **бахяи рангин**

Шерозаи домони чаман оби равонро [338, 50].

Рисовальщик день бытия разноцветными заплатками,

В подоле цветника сшил вышивку водой, бегущей ручейки.

Или:

Мо, шаҳидонро бувад ин **хирқай хунин** алам,

Зоҳидонро гарчи бошад аз таассуб ор сурх [338, 143].

Для нас жертв твоей любви кровавые одеяния как флаг,

И всегда отшельники от стыда краснеют и горят в крови.

Или в следующих строках:

Бароти сарнавишти мост аз эъҷози ёқутӣ,

Ки ҳамчун ҷомаи хунин шаҳидатро ба кор ояд [338, 201].

Раскрипт нашей свободы украшен красным яхонтом,

И жертвам твоей любви нужно наше кровавое одеяние.

Таким образом, словосочетания общей модели «имя существительное + имя прилагательное» (N+Adj) в творчестве поэтов исследуемой эпохи употребляется достаточно продуктивно и с различными структурными и семантико-стилистическими особенностями. Исходя из анализа большого объема и разнообразных особенностей этой группы словосочетаний можно прийти к такому выводу, что анализ и интерпретация лингвистических особенностей данной модели словосочетаний можно рассмотреть с учетом сравнения материалов из творчества поэтов разных исторических периодов в отдельном монографическом исследовании.

г) **субстантивные словосочетания с относительными прилагательными, обозначающими сравнения и сопоставления** как «чаши бодомӣ» (миндаловые глаза), составляют своеобразную подгруппу субстантивных словосочетаний. Например, в творчестве Шамсиддина Шохина можно обнаружить такую форму данной модели словосочетания как «лаълии ҳалвоӣ» (поднос с халвой) полная форма данного словосочетания «лаълӣ барои ҳалво» а также можно рассмотреть, как «ҳалвои ба лаълӣ монанд», «ҳалвои мудаввар ва лаълишакл» (халва округленное, халва подобно круглому подносу), которого школьники брали с собой в медресе или в школу.

Бурд завки лаби ширини ту аз хотири ман,

Фикри дарсу тамаи лаълии халвоиро. [343, 17].

Стерли с моей памяти твои сладкие губы,

Мысли об учебе и халву из подноса учителя.

Следует отметить, что подгруппу субстантивных словосочетаний с относительными прилагательными можно дифференцировать на достаточно большое количество семантико-стилистических разновидностей как субстантивные словосочетания с относительными прилагательными, обозначающими образа и способа действия, субстантивные словосочетания с относительными прилагательными, обозначающими ёмкость и величины, субстантивные словосочетания с относительными прилагательными, обозначающими время и период.

Как уже было отмечено в системе субстантивных словосочетаний по количеству основную массу составляют субстантивные словосочетания целой модели «имя существительное+имя существительное» и после данной группы по количеству на втором месте можно назвать группу субстантивных словосочетаний целой модели «имя существительное+ имя прилагательное». Исходя из этого можно сделать вывод о том, что имя прилагательное в образовании субстантивных словосочетаний играет значимую роль как в плане структуры, так и в плане обогащения лексико-семантического разнообразия поэтического контекста и в целом языка поэзии.

3.2. Изафетные субстантивные словосочетания модели «Имя существительное +имя числительное» – N+Nu.

Словосочетания модели имя существительное+ имя числительное являются сравнительно редковстречаемыми и соответственно в творчестве поэтов исследуемого периода нам удалось выявить данную модель в нескольких случаях. Например, в творчестве Ходжи Хусайна Кангурти, Накибхона Туграла и большинство их современников по доступным нам источникам отсутствуют такие виды словосочетаний. В творчестве Садриддина Айни нам удалось обнаружить в одном бейте словосочетания «мохи чордах» (луна четырнадцатого дня вращения // полнолуние -

четырнадцатый день каждого месяца лунного календаря) и «рӯи чордах» (полнолуние – после четырнадцатого дня вращения луны вокруг земли, круглое и красивое лицо, старше четырнадцати лет – о возрасте):

Карда зор холи ман зулфу хатту холи ту,
Моҳи чордах рӯят, рӯи чордах солат [331, 140].

Я стал унылым от твоих локонов и родинки,
Твой лик - полная луна, ты красивая, молодая.

У Ходжи Хусайна Кангурти также употребляется данная конструкция в следующем бейте:

То руйи ту **моҳи чордах** дид,
Ниме чу турунч пора гардид [342, 358].

Заметив твой лик полная луна,
Разбилась как оранж пополам.

Образование словосочетания «моҳи чордах» и процесс формирования метафорического значения в данном словосочетании тесно связано когниции и когнитивной лингвистики, так, что синтаксически оформленная конструкция сталкивается с определенным семантическим сдвигом в результате продуктивного употребления особенно в контексте поэзии и художественного слова в целом. Как об этом отмечает таджикский лингвист М.К. Саломов в своей монографии выделяя отдельный раздел вопросам синтаксической структуры метафорических выражения, отмечает, что метафорические выражения вполне схожи и идентичны по своей синтаксической структуре свободным синтаксическим словосочетаниям. Рассматривая отличительные особенности метафорических выражений ученый приходит к такому выводу, что необходимо рассматривать семантические, стилистические и экспрессивно-эмоциональные аспекты данных языковых единиц, чтобы раскрыть отличительные и неповторимые

атрибуты метафрических выражений, особенно в контексте поэтического слова [231, 46 – 47].

Традиционно в таджикской классической поэзии обозначение луны одновременно связано как с летоисчислением, так и с красотой, а также с религиозными, суфийскими и другими мистическими понятиями. Интересным фактом является еще то, что очень часто такие случаи происходят в контексте поэзии.

В следующем бейте Ходжи Хусайни Кангурти употреблено словосочетание модели имя существительное+имя числительное, которое состоит из заимствованное имя существительное и порядковое числительное:

Он яке мехру дувум моху савум маҳтоби нав,

Аз сипехри ҳал ато **кутби чаҳорум** дода зу [342, 321].

Тот первый - солнце, второй - луна, а третий - полумесяц,

Из высоких небес ниспослано сведение о четвертом святом.

В данном бейте речь идет о четырех приближенных пророка Мухаммеда (с) – Абубакр, Умар, Усман и Али, которые по мнению поэта после пророка являлись светилами ислама. Как заметно словосочетание «**кутби чаҳорум**» (четвертый полюс) означает четвертого приближенного пророка – Али Абутолиб и в данном словосочетании слово «кутб» (полюс) является заимствованным с арабского языка слово, а «чаҳорум» (четвертый) является порядковым числительным.

Наряду с этим, нам удалось выявить словосочетания «банди яке (ширинмақол)» (раб одной (красавицы)), «даргохи яке (тозаҷавон)» (дом//порог одной (молоденкой)), где имя числительное употребляется вместе с неопределенным артиклем и вместе с тем данная конструкция по нашему мнению остается спорной, так как данное словосочетание можно отнести также и к смешанной конструкции моделей **N+N_u** (имя существительное+имя

числительное) и **Nu+Ad** (имя числительное+имя прилагательное). Если взять окончательную, совершенную конструкцию словосочетания в этих строках то образуется изафетно-предложная конструкция типа «дар банди яке ширинмақол» и «ба даргоҳи яке тозаҷавон», как в следующих бейтах Садриддина Айни:

Зи шӯри ишқи Айни метавон ёфт,
Ки дар банди яке ширинмақол аст [331, 38].

Любовные страсти Айни доказывают,
Что он в оковах одной красавицы.

В данном бейте мы заметим, что словосочетание «дар банди яке ширинмақол» (в оковах одной красавицы//сладоуста) можно рассмотреть в распространенной форме, но и данное словосочетание можно рассмотреть в более сжатой и синтетической форме как «дар банди яке» (в оковах одной) и даже «банди яке» (оковы одной), где во всех вариантах данного словосочетания имя числительное «яке» употребляется в качестве основного подчинительного компонента, а точнее в роли основного определения. С другой стороны, если в составе данного словосочетания привести слово «ширинмақол» (красавицы//сладоуст), то имя числительное «яке» выступает в роли неопределенного артикля имени существительного.

Или в другом бейте Садриддина Айни также можно рассмотреть данную ситуацию, где словосочетание «ба даргоҳи яке тозаҷавон» (у чертога одной красавицы молодой) выступает в роли субстантивного словосочетания с именем числительным «як» (один//одна):

Айни ба раҳи ишқ, вале рӯи иродат,
Оварда ба даргоҳи яке тозаҷавонем [331, 117].

Айни в путь любви из-за пристрастия,
Выбрал чертог одной молодой красавицы.

Как видим, в приведенных примерах имя числительное «яке» также выступает в роли артикля категории неопределенности, которая свойственна имени существительному, и в таком случае оно употребляется вместе с субстантивными именами прилагательными как «ширинмақол» (красавица) и «тозақавон» (молоденкая). Следует отметить, что вышеназванные слова прежде всего относятся к имени прилагательного, но в данном случае означают имя существительное и поэтому употреблялись с числительным «яке» (той одной) в роли неопределенного артикля. Следует отметить, что конструкция «ба даргоҳи яке тозақавон» (в чертоге одной красавицы) отличается от числительного словосочетания предложной конструкции типа «яке аз хозирон» (один из присутствующих) тем, что в первой конструкции неопределенный артикль играет подчеркивающую роль того же одного объекта и поэтому относится к субстантивной конструкции словосочетаний, а вторая конструкция относится к предложному числительному словосочетанию так как при помощи артикля делается выбор одного из нескольких, а точнее вычисляется из общего количества, где также важную выделяющую роль играет предлог «аз». О данной конструкции еще подробнее будем останавливаться в отдельной главе, где будут рассмотрены вопросы словосочетаний имен числительных.

В творчестве поэтов словосочетание «ду» вместе с нумеративом «-то» применяется в значении согнувшегося человека от тяжести жизни и разлуки от влюбленной и пишется «дуто» (вдвое согнувшееся тело человека) и следует отметить, что данное словосочетание в слитной форме с нумеративом постепенно приобретает значение имени прилагательного и в словосочетаниях выступает как определяемое. Например, в газели Форига мы видим такой бейт:

Бори хичронат чунин бошад гар, эй гул баъд аз ин,

Пайкари ғамдидаам **кадди дуто** хоҳад шудан [335, 120].

Если боль твоей разлуки, красавица, столь тяжка,
Мое тело от печалей и невзгод будет сгорбленным.

В творчестве Накибхана Туграла также встречается в нескольких газелях из из них в составе изафетных словосочетаний в двух случаях, в следующих бейтах:

Асои қомати пирист ёди сарви озодат,
Чу ман ҳар кас ба ёди абруят қадди дуто дорад [338, 249].

Вспоминание твоего красивого стана мне посох в старости лет,
Как я почти каждый вспоминая твои брови стал сгорбленным.
Или в следующем бейте:

Бо захми тағофул зи лаби ёр даво пурс,
З-абрӯи качаш воқиъаи қадди дуто пурс [338, 237].

За рани любви иши из губ красавиц лекарства,
Спроси историю сгорбленных у бровей красавиц.

В творчестве Ходжи Хусайна Кангурти также можно обнаружить такие словосочетания, которые состоят из трех компонентов, где первый и главный компонент имя существительное, а второе и третье компоненты в качестве определения относятся к имени числительного и имени существительного, как в следующем бейте словосочетания «суккони хафт кох» (жители семь дворцов):

Суккони хафт кохи чархи давор,
Зи лутфу шафқаташ гаштанд саршор [342, 409].
Обитатели семь дворцов небосвода,
Из-за ее щедрости были переполнены радостью.

Следует отметить, что из данного конструкта можно выделять также и словосочетания имени числительного как «хафт кохи чарх» (семь дворцов небосвода), где в роли главного компонента выступает имя числительного

«хафт» (семь), о которых речь идет в соответствующих разделах диссертационного исследования.

Применение порядковых числительных в творчестве поэтов исследуемого периода по доступным языковым текстологическим материалам нам удалось обнаружить сравнительно в ограниченном количестве. Например, в творчестве Накибхона Туграла мы не смогли обнаружить субстантивные словосочетания модели «имя существительное+имя числительное», а в творчестве Ходжи Хусайна Кангурти были обнаружены несколько вариантов употребления порядковых числительных в составе рассматриваемой модели субстантивных словосочетаний как в следующем бейте:

Найири аъзам андар **чархи чорум**

Зи бахри нуру саршори талотум [342, 409].

Великое осветление в четвертом ступени небес,

Свет распространяется с кипящего моря лучей.

Интересным фактом является еще то, что в отдельных субстантивных словосочетаниях модели «имя существительное+имя числительное» в роли связующего средства выступает послелог «-ро», о котором в академической грамматике таджикского литературного языка отмечается следующее: «Ибораҳои исми ба ғайр аз пасоянди «барин» ва «ном» ба воситаи пасоянди «-ро» низ сохта мешаванд: Темурмаликро ақида. Ин ибора аз чиҳати маъно синоними ибораи исми изофии «ақидаи Темурмалик» ба шумор меравад. Ибораи хели «Темурмаликро ақида» хоси забони адабиёти классикӣ буда, дар забони адабии ҳозираи тоҷик хеле кам мушоҳида мегардад» [77, 49.] - Субстантивные словосочетания могут быть образованы не только при помощи послелогов «барин» (как, подобно) и «ном» (имя), но и при помощи послелога «-ро» также можно обнаружить некоторые разновидности

субстантивных словосочетаний типа «Темурмаликро ақида» (мнение Темурмалика) и данная конструкция больше свойственна литературному языку классического периода и в современном таджикском литературном языке такие конструкции встречаются достаточно редко». Такую конструкцию можно встретить в следующем бейте Ходжи Хусайна Кангурти:

Раҷабро бистухафтум қавли ашҳар

Маҳи савму рабиъин гуфта дигар [342, 411].

Двадцать седьмой день месяца раджаб,

Месяц весенных воздержаний по другому.

В целом применение имен числительных в составе изафетных словосочетаний как в языке классической литературы, так и современном таджикском литературном языке по сравнению с другими видами изафетных словосочетаний встречается реже и все это связано с определенными факторами. Во-первых, в структурном плане и это объясняется, тем что в современном таджикском литературном языке имена числительные в основном применяются в начале словосочетаний и вместе с нумеративом выступает в роли определяемого как в словосочетаниях, так и в структуре предложений, например, 20 (нафар) одам (20 человек), 10 (дона) китоб (10 (штук) книг). Во-вторых, применение имен числительных как элементы фактологического рассуждения не присуще поэзии, где все излагается образно, символически и метафорично и эстетически метафора, образы несвойственны цифрам.

Заимствованные имена числительные с арабского языка как «аввал» (первый), «ахад» (один), «сони» (второй), «солис» (третий), робиъ (четвертый), «хамс» (пять), «сабъа» (семь) и другие также временами встречаются в поэзии исследуемых поэтов, однако они также в составе изафетных словосочетаний встречаются достаточно редко. Например,

субстантивное изафетное словосочетание с заимствованным именем числительным с арабского языка «аввал» встречается один раз в творчестве Накибхона Туграла в следующем бейте:

Муҳаббат бо ҷунун якранг созад **ақли аввалро**,

Ба фикри шолпӯшӣ афканад тасвири махмалро! [338, 408]

Любовь уподобляет разум и бешенство,

Оденет нас вместо бархати в шерстиную шаль.

Также в творчестве Накибхона Туграла арабское имя числительное «сонӣ» (второй) употребляется в следующей форме:

Меҳрсифат гар бикунанд тарбият,

Осафи сонӣ, ки вазоратпаност [338, 366].

Воспитывает любовью как солнце лучезарное,

Осаф второй, руководящий правителями.

В поэзии Ходжи Хусайна Кангурти в трех случаях нам удалось обнаружить употребления заимствованного с арабского языка имени числительного «аввал» в следующих бейтах:

Назму наски мулкро в-амру наҳӣи шаръро

Равнақафзо шуд фузунтар аз шаҳони аввалин [342, 340].

Порядок и правила, указания и запреты в исламе,

Обосновались прежними царями и процветала жизнь.

Или:

Подшаҳ бо дод рафт аз тахт, боз омад амир,

Ҳам ба ту раҳмат худо букнад ба шоҳи аввалин [342, 340].

Тот праведный царь сошел с трона и пришел опять эмир,

И тебя возвеличивает творец и божья милость тому царю.

В другом бейте:

Ки будӣ ёри ғору маҳрами роз.

Имоми аввалу сихри расул аст [342, 402]

Был рядом, когда он укрылся в пещеру и приближенным,

Был первым предводителем после святого пророка.

Имя числительное, заимствованное с арабского языка «сонӣ» (второй) в составе рассматриваемой модели словосочетаний в поэзии Ходжи Хусайна Кангурти употреблено в трех случаях:

То кунун бар сари чахонбинист,

Кисри вакту **Хусрави сонист** [342, 370].

И по сей день мудрые следуют за ним,

Повелитель времени и владыка земли.

В другом бейте:

Чунки он шох касди укбо кард,

Шохи сониш рутба боло кард [342, 374].

Тот правитель покинул этот мир,

Другому царю достался тронь.

Или в другом бейте:

Умар боби адолатрост сарвар,

Имоми сониву сихри паямбар [342, 403].

Тот Умар руководит справедливостью,

Он второй имам и наследник пророка.

Также в поэзии Ходжи Хусайна встречается один случай употребления заимствованного с арабского языка имени числительного «хамса» в следующем бейте:

Зи сайъи он чамоат ёфт итмом

Ҳисори хамса андар шаҳри ислом [342, 404].

Старанием того сообщества свершилось

Исполнение пятого столпа ислама.

Как видим в данном бейте словосочетание «хисори хамса» означает пятый столп ислама, хотя подстрочно можно перевести данное словосочетание как «пятая крепость», однако поэт при помощи метафоры в значении пятого столпа ислама употребляет данное словосочетание.

Заимствованное с арабского языка имя числительное «ашр» (десять) также в поэзии Ходжи Хусайна Кангурти употребляется в составе субстантивного изафетного словосочетания как в следующем бейте:

Хамчу мазлумони дашти Карбало аз хуни у

Дидаи ашри мухаррамро намуданд хунфишон [342, 378].

Как угнетенные степи Карбало из его крови,

Десять дней месяца мухаррам облиты кровью.

В другом бейте также поэт употребляет числительное «арш» в составе двух субстантивных изафетных словосочетаний в значении времени:

Пас гадои ашри ошуро дар сооти ашр

Аз ду маъшар маъшаре бархост дар шаҳри Бухор [342, 379].

Сошлись почитатели десятидневной молитвы в десять часов,

Сочетание этих двух сил создало будто судный день в Бухаре.

Таким образом, имя числительное в составе субстантивных изафетных словосочетаний употребляется достаточно продуктивно и выплняет роли определения. В творчестве поэтов исследуемого периода мы можем обнаружить целое разнообразие способов употребления имен числительных в составе словосочетаний для обозначения различных и неповторимых значений и образов.

3.3. Изафетные субстантивные словосочетания модели «Имя существительное +местоимение» – N+Pr.

Анализ и исследование языковых материалов в творчестве поэтов

исследуемого периода показывает, что местоимения таджикского языка в образовании различных конструкций словосочетаний применяются очень продуктивно и наряду с этим количество различных видов местоимений также представляется очень значимо по сравнению с другими частями речи. Например в творчестве Накибхона Туграла личное местоимение «ман» только в изафетной конструкции встречается 219 раз и при этом мы нами не учтены случаи сокращенной формы с послелогом «-ро» в форме «маро», а общее количество данного местоимения в творчестве поэта по нашему подсчету достигло 350. В газелях и рубаи Садриддина Айни их количество составило 189. Например в следующей газели Садриддина Айни мы видим, как поэт мастерски использует личное местоимение «ман» (я) почти в каждой строке в различных конструкциях и значениях:

Фикре ту ба ҳоли зори ман кун!

Мархам ба дили фигори ман кун!

Зомин машав аз барои хунам,

Раҳме ба ман, эй нигори ман, кун!

Аз гиряи ман чӣ ранча кардӣ?

Як ханда ба рӯзгори ман кун!

Лутфе бинамову кори дил соз,

Ё теғ бигиру кори ман кун!

То воқифи ҳоли ман шавӣ, даст

Дар синаи беқарори ман кун! [331, 133].

О, подумай хоть о моем унылом состоянии,

Будь бальзамом моего израненного сердца.

Зачем ручаться за мою безвинную кровь,

Будь милостива ко мне, о любимая.

Моя плачь повлияет ли на тебя?

Ты хоть улыбнись, у меня печальная жизнь.

Прояви милости, радуй мое сердце,
Ил взявь мечь и освобиди сердце от боли.
Чтобы узнать мое состояние, свои руки
Положи на мое нетерпеливое сердце.

Также Садриддин Айни в каждой строке первой части своего мусаддаса (шестрострочное поэтическое творчество) в подражании Камола Худжанди использует личное местоимение «ман»:

Дар боғи ҷаҳон **нахли шакарбори ман** ин аст!

Дар хони амал **лаълии хушбори ман** ин аст!

Ҷони ману **ҷонони ману ёри ман** ин аст!

«Гӯ халқ бидонанд, ки **дилдори ман** ин аст!

Дилдори ҷафокори ситамкори ман ин аст!» [331, 189].

В саду мирских благ она как сахарный тростник привлекательна,

На скатерти дарования она как сахарница полная сладостей.

Она моя душа, она для меня самая милая и моя любимая,

Скажи и пусть все узнают, что она моя взлюбленная,

Взлюбленная, но наносящая мне обиду и притеснения.

В газелях Накибхана Туграла, Ходжи хусайна Кангурти и других их современников также мы видим интересные и очень замечательные примеры применения данной конструкции словосочетания. Например, в поэзии Накибхона Туграла видим следующие интересные моменты:

Моҳи ман ҳар гаҳ кушояд турраи лаблоро,

Мебарад аз ҷаъди марзангӯш обутобро.

Дар ғамаш **килки дабири қалби ман** хат мезанад

Аз тапидан изтироби нусхаи симобро!

Медавонад 3-ашки хунин ҳар замон рӯди дилам

Беибо бар **рӯи ман** ин тифли беодобро! [338, 36].

Моя луна (красавица) если раскрывает свои локоны,

Уносит венец первенства благоухания у майорана.

От боли мое сердце колотится по ее имени,

Оно беспокойно и трепещет подобно ртути.

Прогоняет кровавые слезы мое сердце

По лицу бегут слезы как ребенок беспокойный.

Можно сказать, что личное местоимение «ман» также является весьма удачным рифмообразующим компонентом, который так часто применяется поэтами данной эпохи, как в следующей газели Накибхана Туграла:

Шӯри дарёи муҳаббат мавҷе аз **оби ман** аст

Барқи шамшери ҳаводис **ламъаи тоби ман** аст.

Пардадори сози қонуни баму зери ғамам,

Нағмаи «Ушшоқ» аз **оҳанги мизроби ман** аст.

Нест ҷуз таъбири ҳайронӣ маро фоли дигар,

Фарши махмал **саргузашти қиссаи хоби ман** аст [338, 115].

Смятение моря любви от волн моей души,

Молнии меча судьбы блеск моей закалки.

Я тот имеющий лады мелодии печали,

Мелодия «Ушшоқ» звучит моим медиатором.

Кроме удивления нет у меня больше догадок,

Бархатный ковер воспоминания от моих снов.

В творчестве других поэтов также личное местоимение «ман» очень удачно применено в качестве рифмообразующего компонента, одновременно и в составе изафетного словосочетания модели имя существительное+ местоимение, как в следующей газели Исо Махдума:

Кашад гар сар бурун аз пардаи субҳ **офтоби ман**,

Чароғи меҳрро равшан кунад **чоми шароби ман.**

Чу раъно як кадаҳ шуд субҳу шоми олами ҳастӣ,

Зи бас лабрес минои фалак аз **изтироби ман.**

Дар ин гулшан начидам як гуле чуз хори навмедӣ,

Чу гул барбод рафт охир **варақҳои китоби ман** [335, 195].

Если восходит мое солнце из-за утренней завесы,

Освещает ярче чем солнце мой бокал красного вина.

Мин будто теперь вмещается в один бокал вина бытия,

Переполнена чаша небес от моих волнений и тревог.

Кроме колочки безнадежности не растет в этой степи,

Будто лепестки цветка разлетели бумажки моих книг.

Анализ творчества поэтов исследуемого периода показывает, что в творчестве почти каждого поэта можно обнаружить целый поэтический жанр с применением личного местоимения «ман» в качестве рифмообразующего элемента. Следует отметить, что употребление местоимений в таджикской поэзии тесно связано с двумя факторами: а) местоимения в поэзии прежде всего выполняют адресантно-адресатную функцию, так как всегда в поэзии поэт обращается то ли творцу, то ли своей любимой, то ли восхваляет кого-либо, то ли просто обращается читателю или описывает свое душевное состояние; б) местоимения наряду с семантико-стилистической функцией также выполняют своеобразную просодическую функцию и при образовании удачной рифмовки и метрики поэтического жанра употребляются достаточно продуктивно. Именно поэтому в таджикской поэзии местоимения занимают особое место и даже можно сказать, что данный вопрос можно рассмотреть в рамках отдельного монографического исследования. Например, в творчестве Мирзо Мухаммада Азимуддина Соми также мы видим в одной газели данное местоимение в составе изафетного

словосочетания как последний элемент рифмы:

Сӯхт аз шавқи бутон ин **ҷони ғамфарсуди ман,**

Чист ё раб дар тариқи ошиқӣ **беҳбуди ман?**

Гавҳари ашкам ба роҳаш чун хазаф қадре наёфт,

Чону дилро бохтам, ҳосил нашуд **мақсуди ман.**

Яъси матлаб оташи ҳасрат ба **ҷони ман** ниҳод,

Сухтам чандон ки пур шуд бар фалакхо **дуди ман** [335, 318].

Сгорела моя душа многострадальная из-за любви,

О боже, что может меня вылечить от этой боли.

Жемчуги моих слез для нее будто глинянные

Все отдал и душу, и сердце, и не смог достичь цели.

Разочарования приумножали мне тоски и печали,

Сгорело мое сердце, дым которого заполнил небеса.

В целом, местоимение «ман», которое чаще всего обозначает лирического героя и самого поэта в поэзии исследуемого периода встречается сравнительно чаще, чем другие личные местоимения, а также по сравнению некоторых других видов местоимений также встречается намного чаще.

В творчестве поэтов исследуемого периода также применяются другие личные местоимения в различных конструкциях и моделях именных словосочетаний. Личное местоимение второго лица единственного числа «ту» (ты) также часто применяется в именных словосочетаниях в поэтическом контексте исследуемой эпохи. Например, в творчестве Накибхона Туграла данное местоимение в отдельности встречается 614 раз, в том числе в составе изафетных словосочетаний 462 раза. Следовательно, можно придать данному местоимению в поэзии таджикской классической литературе особое место, так как в основном содержание поэтических произведений и особенно газели и панегирические оды в большинстве случаев посвящены адресату, а именно

любимой, правителю или другу в качестве 2-го лица. Также поэтические произведения религиозно-философского, суфийского или аскетического содержания в большинстве случаев адресованы творцу или наставнику в качестве 2 лица и поэтому частота встречаемости личного местоимения второго лица единственного числа вполне очевидна. Наряду с этим данное личное местоимение также активно применяется в образовании рифмы поэтических жанров. Например, в нескольких газелях Накибхана Туграла мы видим, что личное местоимение «ту» употреблено в качестве элемента рифмовки, как в следующей газели:

Фалак ситоракаши **фоли эътибори ту** нест,

Тараб баҳонагари **чоми интизори ту** нест.

Фурӯғи шуълаи шавқат баланд шуд, лекин

Чу лола як асари доғ аз **шарори ту** нест.

Сафед гашт туро дида аз сияҳбахтӣ,

Саводи сурма ба **чашми умедвори ту** нест.

Мабош дар пайи забти инони тавсани ғам,

Ба ҳар тараф, ки равад дил, ба **ихтиёри ту** нест [338, 128].

Небесе не предскажут твое влияние каким будет,

Радость не является поводом твоих ожиданий.

Поднимается высоко пламя твоих влечений, но увы,

От него никак не греет, не краснеет и не расцветет.

Твои очи ослабели от темноты неуютной судьбы,

Сурьмой теперь подвести твои глаза ни к чему.

Отпусти узды печали и оставь все в свой лад,

Куда бы сердце не тянет, оно не в твоей воли.

В таком же порядке в данной газели применены такие словосочетания как «шикори ту» (твоя охота), «шумори ту» (твой подсчет), «кори ту»,

«бахори ту» (твоя весна), «шахрёри ту» (твой правитель) и в таком порядке можно заметить субстантивные словосочетания с местоимениями в творчестве других поэтов исследуемого периода.

Следует отметить, что по сравнению с личным местоимением «ман», личное местоимение второго лица единственного числа «ту» применяется намного больше в газелях поэтов данного периода. Например, в творчестве Накибхана Туграла и других его современников мы сравнительно больше обнаружили газелей, как в их рифмовке, так и внутри всего их поэтического текста чаще применяется личное местоимение «ту» (ты).

В газелях многих других поэтов данного периода личное местоимение «ту» применяется в качестве важного компонента рифмовки, как в следующих бейтах из газели Форига:

Дил асири **шикани турраи гесӯи ту** буд,
Дида махви **нигахи масти чафочӯи ту** буд.
То кунам фикри тамошой махи рӯи туро,
Чун хилолам сари андеша ба **зонуи ту** буд.
Обу ранги чаман аз баҳри чи овард баҳор,
К-ин асархо хама тамсили **гули рӯи ту** буд [335, 119].
Сердце мое в плену завитков твоих локонов,
Очи мои опянены от твоих красивых глаз.
Если я мечтаю лицезреть твоей красотой,
Как полумесяц я согнувший к твоим ногам.
От чего весна приносит столько цветов и аромат,
Чтобы показать отражение твоей красоты.

Следующее личное местоимение является личное местоимение третьего лица единственного числа «ӯ», которое в поэзии Накбхона Туграла встречается всего 630 раз, с учетом таких конструкций как «ӯро», «ӯям»,

«ӯст», а в отдельности данное местоимение встречается 589 раз, в составе изафетных словосочетаний 361 раз. Личное местоимение «ӯ» также и как личные местоимения «ман», «ту» является весьма продуктивным и многоупотребляемым и как показывают данные статистического анализа в определенной степени можно сказать, что личное местоимение третьего лица единственного числа «ӯ» употребляется не меньше чем местоимения «ман» и «ту». В газелях Садриддина Айни личное местоимение «ӯ» в отдельности встречается 55 раз, а в составе изафетных словосочетаний встречается 40 раз.

Личное местоимение третьего лица единственного числа в поэтическом контексте исследуемой поэзии также в основном означает лирического героя, в роли которого обычно выступает образ возлюбленной или творец. В творчестве поэтов исследуемого периода мы можем заметить, что данное местоимение очень мастерски применяется в контексте поэзии, как и предыдущие личные местоимения выступает в роли как смыслообразующего, так и формаобразующего, а точнее рифмообразующего компонента поэтического слова. Например, Накибхон Туграл в своем мусаммане (стихотворная форма, отдельные части которой состоят из восьми строк - восьмистрочник) в 5-ую и 10-ую часть излагает с применением личного местоимения «ӯ» в составе изафетных словосочетаний в качестве последнего компонента рифмовки:

Дили ман сарбасар дар оташи ишқаш **кабоби ӯ**,
Зи мастӣ қасди хунам дошт **чашми нимхоби ӯ**,
Манам чун мехи хайма баста бар гардан **таноби ӯ**,
Сияҳчашме, ки мегардам мани Маҷнун **хароби ӯ**,
Ба худ пайваста мепечам чу **зулфи тоб-тоби ӯ**,
Ғазабнок аст бо ман он қадар **нозу итоби ӯ**,

Намегардад насиби мо, сияҳбахтон **шароби ӯ**,
Надонам, қисмати рӯзи азал бо ман чӣ ранг омад?! [338, 432].
Мое сердце страдает и горит в огне ее любви,
Опьяненные ее глаза намерены на охоту сердец.
Я подобно опоры палатки завязан пристрастиями,
К той черноокой привержен, я Меджнун в любви.
Скручиваюсь в себя подобно завиткам ее локонов,
Так как она ко мне яростна своим кокетством,
Не достанется нам несчастным вино ее любви.
Не знаю, что мне было предначертано изначально?

Другой вариант местоимения третьего лица единственного числа, который чаще встречается в разговорной речи современного таджикского языка и по сравнению с местоимением «ӯ» сравнительно реже употребляется в художественном стиле, является местоимение «вай». В творчестве Накибхона Туграла данное местоимение в составе изафетных субстантивных словосочетаний встречается 9 раз.

В первом бейте если рассмотреть местоимение «ӯ» в первой строке употребляется как последующее определение субстантивного местоимения после имени прилагательного «абруи хама пайвасти ӯ» (ее изогнутые и соединенные брови), а во второй строке употреблен вариант данного синонима «вай» (она) в словосочетании «шамшери вай» (мечь ее бровей):

Мадди эҳсон аст **абруи хама пайвасти ӯ**,
Тухфа бошад пеши **шамшери вай** акнун ҷони мо [338, 66].

Ее изогнутые и соединенные брови будто продление милости,
Вот моя душа в дар перед мечами ее бровей.

Также и в другом бейте оба варианта употреблены последовательно по строкам в составе субстантивного словосочетания как «шеваи хӯи вай»

(манера ее натуры), «чашми ӯ» (ее глаза):

Агарчи **шеваи хӯи вай** омад мардумозорӣ,

Ба мардум **чашми ӯ** хосийяти мардумгиё дорад [338, 149].

Если манера ее натуры есть и мучение людей,

То ее глаза народу как лекарство долгой жизни.

Таким образом, применение личных местоимений в единственном числе встречается сравнительно больше чем местоимения множественного числа, а также и других видов местоимения. Из личных местоимений множественного числа больше всего нам удалось обнаружить как в творчестве Накибхона Туграла, так и в поэзии друних поэтов его времени личное местоимение множественного числа первого лица «мо» (мы) в составе изафетных субстантивных словосочетаний. Например, личное местоимение первого лица множественного числа «мо» (мы) в творчестве Накибхона Туграла в составе изафетных субстантивных словосочетаний по нашим подсчетам получилось 213 случаев применения данного местоимения. Из этих примеров также встречаются случаи применения местоимения «мо» в составе изафетных субстантивных словосочетаний с присоединением послелога союзов или других грамматических средств в форме «...моро» (гулшани моро), «...мову» (эйтибори мову), «... мост» (дили мост) и их количество всего составляет около 30 случаев. Личное местоимение «мо» также, как и местоимение единственного числа «ман» очень продуктивно применяется в рифмообразовании в творчестве поэтов исследуемого периода. Например, в творчестве Накибхана Туграла мы встречаем в четырех газелях поэт в составе изафетных субстантивных словосочетаний приводит личное местоимение множественного числа первого лица «мо» в качестве рифмы:

Надорад майли улфат **вазъи озодипсанди мо**,

Бувад чун сарв урёнӣ ба бар моро **паранди мо**.

Садои маҳмили роҳи нафас шуд изтироби дил,
Ба ғайр аз нола кай хезад дигар дуд аз **сипанди мо**?
Лаби Ширин чу Хусрав сарнавишти **хомаи мо** шуд,
Шакар резад саропо ҳамчу най аз **банд-банди мо**.
Муҳити як ҷаҳон маънӣ шудем имрӯз дар олам,
Садои кӯси навбат мезанад кӯҳи **паханди мо**.
Не тянется к компаниям моя свободолюбивая душа,
Как кипарис оголенность наша лучшая одежда.
Звуки моего дыхания как смятение в моем сердца,
Кроме воплей из нашего выдоха нет другой пользы.
Губы Ширина как для Хусрава, стали чертой судьбы,
Сахар просачивает тростниковая флейта моей плоти.
Теперь мы стали как море знания для этих людей,
Нас зовут в тот мир теперь западни мирской жизни.

Как мы видим по составу основное количество словосочетаний данной группы относится к простым словосочетаниям, так как они состоят из двух компонентов и всего лишь два словосочетания относятся к трехкомпонентным словосочетаниям, как «**вазъи озодипсанди мо**» (наше свободолюбивое состояние) и как видим при построчном переводе данного словосочетания дается другой вариант перевода, приведенный в скобках, но мы в тексте газели поэта переводили как «моя свободолюбивая душа», что вполне соответствует тому содержанию, о котором хотел говорить поэт.

В следующей газели в качестве рифмы применено личное местоимение первого лица множественного числа с присоединением предикативного окончания («-ст», от «аст» (есть)):

Риндем мову бӯқаламунӣ **шиори мост**,
Расво шудан миёни касон **эйтибори мост**.

Мо пайравони пири харобот мешавем,
 Бехуд шудан ба гӯшаи майхона **кори мост**.
 Зулфи сиях, ки гирди рухи ёр дидаед,
 Он печутоби ҳалқаи дуди **шарори мост**.
 Аз баҳри ёр таънаи ағёр мекашем,
 Бо ёри мо назар накунад, ҳар ки **ёри мост**.
 Он маъние, ки ҳаст зи мазмуни бенишон,
 Пайваста сайди Туғрали **анқошикори мост!** [338, 112].
 Гуляки мы и непостоянство наш девиз,
 Беславие среди людей для нас почет.
 Мы следуем старцу пристанища дервишей,
 Бездумно валяться в кабаках славный труд.
 Черные локоны вокруг румяниц красоты,
 Кружение дымков наших горящих душ.
 Из-за красоты нам упреки недругов,
 Кто не взглянет на красоту, тот наш друг.
 То значение, которое сокрыто в речи,
 Расцветят только в газелях Туграла.

В составе других стихотворных строк вне конструкции рифмы естественно также часто применено личное местоимение множественного числа первого лица достаточно продуктивно, что ниже можно рассмотреть некоторые случаи применения данного местоимения в составе субстантивных словосочетаний:

Ҳуснаш аз ҷӯши сафо аз **васфи мо** мустағнӣ аст,
 Кас чӣ сон бандад зи софӣ гавҳари мазмун дар об? [338, 83].
 Красота ее в наших восхвалениях бушует безгранично,

Как можно выделить значение прозрачности в воде.

В другом бейте:

Бисоти ишқ шуд то **маснади мо**,

Кулоҳи ифтихори мо фалакост [338, 94].

Как стала утварьем любви наш трон,

Теперь наша корона достигла до небес.

Или в другом примере:

Маҳви уммеди тамошои хироми ўем,

Ҳайрати мо ҳама аз сурати нақши қадам аст [338, 109].

Мы восхищены грациозной и красивой ее походкой,

Наши удивления следуют за шагами при ее походке.

Или:

Нест андар сози қонуни **дили мо** нағмае,

Умрҳо шуд, **нолаи мо** бо найистон ошност [338, 112].

В органоне наших сердец нет ни одной мелодии,

Уж целая жизнь наше вопли знакомы тростникам.

В некоторых случаях в поэзии поэтов исследуемого периода встречается парное применение личных местоимений в форме «мову ту» (мы и ты), «туву ман» (ты и я), «ману ту» (я и ты). Например,

Ба назди ҳимматаш **чурми ману ту** нест миқдоре,

Машав пок аз гунаҳ, гар орзуи мағфират дорӣ [338, 408].

Перед его великодушием мои и твои грехи ничтожны,

Если хочешь прощения, то нибудь чист от грехов.

Или в другом бейте говорится:

В другом бейте:

Зинҳор, аз ишорати шамшери абрӯяш

Аз саргузашти мову ту дигар сипар мапурс [338, 238].

О боже, настолько страшны сабли ее бровей,

В таком случае ты не ищи спасения от них.

Другой интересный случай применения личных местоимений заключается в том, что они часто выступают в составе словосочетаний конструкции «имя существительное+имя прилагательное» в качестве третьего компонента определения и данный факт интересен тем, что почти для каждого словосочетания данной модели применимы личные местоимения:

Зи бас дорем мо ғаввосии бахри сухан, акнун

Гухар аз қулзуми маънӣ кашад **фикри баланди мо** [338, 60].

Из-за того, что мы в как ныряльщики глубин моря словесности,

Жемчуги в глубинах морей собирает наша высокая мысл.

Как мы видим в составе модели словосочетания «имя существительное+имя прилагательное» «фикри баланд» (высокое мышление, мышление высокого порядка) в качестве третьего компонента прибавляется лично местоимение множественного числа «мо» и получается новая форма данного словосочетания как «фикри баланди мо» (наше мышление высокого порядка). Можно сказать, что именно из данной модели формируется и другая модель «имя прилагательное+местоимение» типа «зебои мо» (наша красавица, от наша красивая – подстрочный перевод), когда данная модель должна иметь правильную форму «нигори зебои мо» (наша красивая возлюбленная).

Мы также можем обнаружить такую модификацию модели изафетных субстантивных словосочетаний в различных видах изафетных словосочетаний типа «имя существительное+имя существительное» как в следующем бейте:

Қуз парешонӣ кас намефаҳмад

Як сари мӯ забони шонаи мо [338, 68].

Кроме рассеянности не понять никому,
Ни одной волосинки из языка расчески.

Или в другом бейте:

Ба сӯи мо мафикан беш аз ин ту санги чафо,

Ки **шишай дили мо** нест аз дукони Ҳалаб! [338, 85].

Ни кидай в нашу сторону камни страдания,

Стекло нашего сердца не из мастерской Алеппа.

В этом примере также мы можем заметить более развернутую модель «имя существительное+имя существительное+местоимение».

Таким образом, по поводу моделей изафетных субстантивных словосочетаний можно сказать, что в плане последовательного примыкания они достаточно гибки и разнообразны, что и могут приобрести различные варианты развертывания подобно приведенным примерам и все это очень широко применяется в поэтическом контексте и они больше свойственны языку художественной литературы.

Личное местоимение второго лица множественного числа «шумо» в творчестве Накибхана Туграла нам не удалось обнаружить в составе изафетного субстантивного словосочетания, также и в творчестве других поэтов его эпохи данное местоимение в структуре изафетных словосочетаний встречается достаточно редко. Нам удалось по доступным нам источникам поэтов исследуемой эпохи выявить несколько примеров из творчества некоторых мастеров слова данного периода. Например, Шамсиддин Шохин в одной своей газели в качестве рифмообразующего элемента применяет местоимение «шумо», где одновременно данное местоимение выступает также в качестве главного компонента субстантивного изафетного словосочетания:

Ман кӣ бошам сар кашам аз **хатти фармони шумо?**

Ҳарчи ояд бар сарам ман банда **хукм они шумо**.
Як сари мискин чӣ бошад, к-аз шумо дорам дарег?
Гар дилу чон аст он ҳам бод **қурбони шумо**.
Дар хамаи он зулфи чун чавгон дили моро чӣ қадр?
Эй сари афсартирозон **гӯйи майдони шумо**.
Мекашад доман зи рӯи ноз чун оби зулол,
Ашки талхи ман зи **лаъли шаккарафшони шумо**.
Сад чаман гул атсазан бархезад аз домони хок,
Гар сабо орад насиме аз **гиребони шумо**.
Бар дили девонаам эй носеҳон афсун дамед,
Вақф кардам оҳани сарде ба **сандони шумо**.
Гаҳ кунам **Шоҳин** ба васфи ин даҳан маҷмӯае,
Мезанад раҳ бар дилаш **зулфи парешони шумо** [343, 18].
Кто я, чтобы отворачивался от ваших указаний,
Все, что приходит на мою голову, я раб, вы повелитель.
Что стоит моя голова, чтобы не приклонить перед вами,
И душу, и тело свое жертвую к вашим ногам.
Завитки тех скрученных локонов связали наше сердце,
О, головы непослушных рабов сброшены к вашим ногам.
Свои подоли собирает кокетливо, как прозрачная вода,
Мои горькие слезы из-за ваших сладких рубиновых губ.
Сто лужайки расцветают из-под земли, дорогая,
Если ветер приносит ароматы ваших воротничков.
О, советники, успокойте мое нетерпеливое сердце,
Я отдал каменное сердце на ваше наковальня.
Если **Шоҳин** воспеваю качества красивых губ,
То ваши локоны от зависти их прикроют.

Именно в таком же порядке нам удалось выявить газель в творчестве Мухаммад Сиддика Хайрат, где в качестве основного компонента субстантивного изафетного словосочетания выступает местоимение “шумо”:

Хастахолонрост то кай **тундии хӯи шумо**,

Эй хирад побастаи занчири **гесӯи шумо!**

Чанд бар кори асирони ғам афгандан гирех?

Эй гирех машшотаи **зулфи суманбӯи шумо!**

Тирарӯзӣ сарфи солу моҳи ушшоқ аз чӣ рӯ?

Эй сафо, оинадори **рӯи некӯи шумо!**

Дида дуздидан назар аз чист бо афтодагон,

Эй тағофул дастёри **чашми чодуи шумо?** [341, 63]

Утомленные страдают от вашей горячей природы,

О, разум привязан к цепочкам ваших локонов.

Сколько можно причинить боль плененным,

Завитки расчесывают ваши жасминовые локоны.

О темные дни, недели и года суждены влюбленным,

А ваш лик всегда ярко светит и очищает зеркала.

Из-за чего так небрежно заглянули утомленным,

Равнодушие всегда слуга ваших красивых глаз.

Личное местоимение третьего лица множественного числа «онхо» также не было обнаружено в творчестве Накибхана Туграла в составе изафетных субстантивных словосочетаний. Вариант данного местоимения в форме «оно» нам удалось выделить в одном бейте поэта в составе изафетного субстантивного местоимения «шодии онон» (радости тех) как в следующем бейте:

Ба афғони булбул ба гулзор зор,

Ба **шодии онони** дилдорвор [338, 399].

Воплям рыдающего соловья в цветнике

И во имя тех, кто радуется своей красотой.

Другие формы личных местоимений как «банда» (личное местоимение первого лица единственного числа «я» со значением скромности и жалости), «эшон» (личное местоимение третьего лица множественного числа «они» со значением уважения), «камина» (другой вариант личного местоимения первого лица единственного числа «я» со значением скромности) также в творчестве поэтов исследуемого периода встречаются очень редко. На примере творчества Накибхона Туграла мы можем делать некоторые выводы и сопоставить их с примерами из творчества других его современников. В поэзии Туграла местоимения «камина» (я) и эшон (они) вовсе нам не удалось обнаружить в составе изафетных субстантивных словосочетаний. Единственно местоимение «банда» мы встретили в составе изафетного субстантивного словосочетания в следующем бейте:

Тавсани умри бандаро зи азал

Доғхой ту бар сурун бошад [338, 161].

Упрямому коню моему изначально,

На ягодицах пятна твоего гнета.

Наряду с этим, нужно отметить, что в данном бейте слово «банда» применимо в двух значениях, как в значении местоимения «я», посредством которого поэт имеет ввиду себя самого, так и в общем основном значении данного слова «раб», которое подразумевает всех верующих в бога, а именно «рабов божий».

В поэтическом контексте исследуемого периода нам также удалось выявить некоторые местоимения возвратной функции и значения как «худ», «хеш», «хештан» (сам, себя). Из данной группы местоимений чаще всего встречается возвратное местоимение «худ» в составе изафетных словосочетаний в 114 случаев с учетом присоединения к данному местоимению послелога (-ро), окончаний и других грамматических средств,

как например «худро», «худам», «худи» и в составе изафетного словосочетания без каких-либо постпозитивов в 93 случаев:

Дар ин чо **кори худ** кун, дастгоҳи бандагӣ дорӣ,
Ки аз дастат намеояд дигар ин дастгоҳ он чо! [338, 33].
На этой земле будь покорным, для чего и ты живешь,
Других дел ты не сможешь и других дел тебе ни к чему.
В следующем бейте:

Макун чуз охи булбул **шуълаи шамъи далели худ**,
Ки ғайр аз нола кай гирад дар ин раҳ кас инонашро? [338, 41].
Кроме рыдания соловья что может быть уликой твоей любви,
И что может быть преградой красоты кроме рыданий и вопли.
И в следующих строках:

Ба як ойина **арзи матлаби худ** метавон кардан,
Ки чуз ҳайрат намебошад ду миръоти муқобилро [338, 43].
Одним зеркалом можно выразить свои цели и желаний,
Что может быть кроме удивлений между двумя зеркалами.

Интересным также представляется тот факт, что в большинстве случаев употребления возвратных местоимений можно заметить определенную лексико-семантическую группу слов, которые применены с возвратными местоимениями. Например, в творчестве Накибхана Туграла данную лексико-семантическую группу слов составляют слова, обозначающие частей тела или так называемая соматическая лексика, как в следующем бейте слово «сар» (голова):

Фарши раҳи таслими адаб соз **сари худ**,
Чун махмал агар дорӣ хавас хоби гаронро [338, 50].
Свою голову жервуй во имя вежливости,
Если как бархат тебе хочется быть в покое.
Или в следующем бейте Накибхон Туграл отмечает:

Зери теги абруят танҳо на ман чон медихам,
Кист **чони худ** насозад тухфа шамшери туро?! [338, 52].

Не только я жертва лезвий твоих бровей,
Кто не желает быть ьвоей жертвой.

В другом бейте:

Дар гудози **қалби худ** з-оташ кучо миннат кашем,
Баски чун миной май бе шуъла дар чӯшем мо [338, 65].

В огне своего сердца мы от огня вовсе не страдаем,
Мы как горкое вино без огня дошли до кипения.

В таком же порядке в творчестве Накибхона Туграла можно встретить большое количество субстантивных изафетных словосочетаний с местоимением «худ» как «охи худ» (свой вздох, свои рыдания), «мохи худ» (своя луна, своя любимая, своя красавица), «хоби худ» (свой сон), трехкомпонентные с обособленными зависимыми частями как «созу бами худ» (своя мелодия и тон), «номи худ» (свое имя), «рӯи худ» (свой лик), «машраби худ» (свой сосуд для питья; перенос.: своя доля, свой нрав), «рухи худ» (свое лицо), «дили худ» (свое сердце), «ғами худ» (свое горе), «зулфи худ» (свои локоны), «афғони худ» (свое рыдание), «хотири худ» (своя память, ради себя), «сози худ» (своя мелодия), «чавғони худ» (своя клюшка), «оғӯши худ» (свое объятие), «дасти худ» (своя рука), «чашми худ» (свои глаза), «хусни худ» (своя красота), «дидаи худ» (свои очи), трехкомпонентные типа «бахти сиёҳи худ» (своя темная судьба, своя неудача), «ислоҳи мизочи худ» (исправление своей натуры), «хароши синаи худ» (царапина своего груди), «саманди фикри худ» (взлет своих мыслей), «афсуни дили худ» (колдовство своего сердца), «шамъи орази худ» (освещение своего лица), «лаъли лаби худ» (свои рубиновые губы), «акси рухсораи худ» (отражение своего лица).

Наряду с этим, всего в одном бейте местоимение «худ» употреблено в качестве рифмообразующего компонента в творчестве Накибхана Туграла:

Ҳар кӣ дар андешаи **кори худ** аст,
Чуз ту ҳама ҳомили бори худ аст [338,427].

Все люди думают о своих поступках и делах,
Кроме тебя каждый понесет свой груз на себя.

Например, в творчестве Накибхона Туграла мы можем встретить такие возвратные местоимения в составе субстантивных изафетных словоочетаний как в следующих бейтах:

Шоҳиди ҳар кас ба қадри даъвии **ишқи худ** аст,
Гар тамошои Аёзаш мекунӣ, Маҳмуд бош! [338, 242].
Каждый выражает свои чувства в меру своей любви,
Хочешь узнать Аёза, то смотри на него глазами Махмуда.
В другом бейте:

Туғрал, аз чоми азал бо **қисмати худ** розиям,
Заҳри ғам бошад насибам аз қазо қои кубот [338,260].
О, Туграл, я согласен своей судьбой от извечности,
Вместо сладости в моем бокале судьбы только яд.

В другом примере:

Пой неҳ дар водии ғам, доман аз олам бикаш,
То ба кай печӣ **сари худ** дар гиребон чун кашаф?! [338, 268].
Иди по степи печали и отрекайся от мирских благ,
До каких пор свою голову утаишь как черепаха.

Или:

Гар касе чинад зи боғи оразат як бор гул,
Дар **канори худ** кунад тамҳиди сад гулзор гул [338, 286].
Тот, кто в саду твоей красоты соберет цветы хоть разок,
Будет хвастаться перед сотню садами о твоей красоте.

В другом примере:

Худ **табиби худ** шаву **бемории худ** кун даво,

Қобили сихҳат най, аз Бӯалӣ Сино чӣ ҳаз?! [338, 262].

Будь своим врачом и вылечи свои боли сам,

Если тебе не здоровится, то и Буали не поможет.

В творчестве Накибхона Туграла местоимение «худ» встречается почти в два раза больше, чем местоимение «хеш» и нам удалось выявить сравнительно больше случаев употребления местоимения «худ» в составе субстантивных изафетных словосочетаний по сравнению с местоимением «хеш» в количестве чуть больше пятидесяти случаев употребления. Одним из важных причин такого отличия заключается в том, что местоимение «худ» в поэзии представляет больше фоносемантическую выразительность и созвучия с поэтическим контекстом по сравнению с местоимением «хеш». Возвратное местоимение «хеш» (сам), которое употребляется в том же значении и функции в каком же выступает возвратное местоимение «худ», встречается в творчестве Туграла в составе изафетных субстантивных словосочетаний в 60 случаев, а другой вариант данного возвратного местоимения в форме «хештан» встречается в 6 случаях в составе изафетных субстантивных словосочетаний. Разница между местоимениями «худ» и «хеш» // «хештан» (сам) заключается в том, что две последние местоимения относятся больше к книжному стилю и в современном как литературном, так и разговорном стилях таджикского языка почти не встречается за исключением определенных индивидуальных стилистических контекстах. В творчестве Накибхана Туграла мы обнаружили возвратное местоимение «хеш» в составе изафетных субстантивных словосочетаний 48 раз, а другой его вариант «хештан» в составе исследуемой модели словосочетания встречается всего 6 раз. Сначала можем рассмотреть возвратное местоимение с определенными лексико-семантическими и морфологическими особенностями в составе изафетных субстантивных словосочетаний:

Агар ба гӯшаи чашме назар кунӣ моро,

Ба як нигоҳ кунӣ **сайди хеш** дилҳоро [338, 36].

Если заглянешь краем красивых глаз на нас,
Одним взглядом можешь пленить наших сердец.
В другом бейте поэт говорит:

То зи **акси хеш** кардӣ сарфароз ойинаро,
Бошад андар рӯи ту рӯи ниёз ойинаро [338, 57].

Твоим отражением зеркало стало светлым,
Зеркало всегда нуждается в твой красивый лик.
Или в следующих строках:

Ҳеч кас бе **арзи изхори камоли хеш** нест,
Лоласон аз доғи ишқи ӯ асар дорем мо [338, 63].
Не найти никого без выражения своей совершенности,
Мы подобны тюльпану и запятнаны болью ее любви.

Также в другом бейте:

Заҳри ғам дар коми мо ҳаргиз набошад коргар,
Дар **мазоқи хеш** тарёке зи сам дорем мо [338, 64].
Яд печали и боли не может поввлиять на нас,
В нашем небе мы имеем противоядие от любви.

Таким образом в творчестве Накибихона Туграла и других поэтов его времени можно встретить субстантивные изафетные словосочетания с местоимением «хеш» в большом количестве в различных структурных и семантико-стилистических вариантах как «рӯи хеш» (свое лицо), «мижғони хеш» (свои ресницы), «аспи хеш» (свой конь), «фикри хеш» (своя мысль), «кори хеш» (свое дело), «чинси хеш» (своя натура // свой род), «гулӯи хеш» (свое горло), «дини хеш» (свое вера // чыоя религия), «вучуди хеш» (свой плот), «обрӯи хеш» (своя репутация), «рӯи хеш» (свой лик), «сухани хеш» (свое слово), «рафтори хеш» (свое поведение), «ашки хеш» (свои слезы), «ниёми хеш» (свои ножны), «дасти хеш» (своя рука), «пои хеш» (своянога)

также трехкомпонентные типа «чайби қабои хеш» (карман своего платья), «дарси камоли хеш» (свои уроки совершенства), «манъи карами хеш» (запретъ своего великодушия), «махрами дидори хеш» (свой близкий для общения), «бахти сиёхи хеш» (своя темная судьба), «густохи фани хеш» (смелый в своей профессии).

Если обратить внимание даже в нижеследующем бейте слово «бино» также применяется в соматическом значении в составе «бинои хеш» (свой дом // свое заведение) обозначает состояния и тела человека:

Зи наздикони ишқам, гарчи аз тарҳи хирад дурам,
Зи вайронӣ **бинои хешро** таъмир мехоҳам [338, 327].
Я ближе к любви и далек от разумных дел,
Мол желаю разрушением обустроит свое бытие.

В другом бейте также слово «бисот» употребляется в значении сущности и состояния, и значения тела определенного субъекта.

Аҷаб мадор, гаҳ аз оташи дили худ ар
Бисоти хеш бисӯзонад ӯ мисоли чинор! [338, 386].
Не удивляйся если иногда огнем своего сердца,
Сожгешь всю свою суть подобно чинару.

В другом бейте словосочетание «сиришки хеш» (свои слезы) полностью соответствует словосочетанию «сиришки худ» (свои слезы), но в соответствии с метрикой и рифмы нижеследующего бейта поэт употребляет первое словосочетание:

Чун сароб андар биёбони чунун
Аз **сиришки хеш** тўфон кардаем [338, 329].
Как мираж в пустынь бешенства,
Мы из своих слез образовали бурью.

Или в другом бейте Накибхона Туграла видим, что словосочетание «рафтори хеш» (свое поведение, своя походка) употребляется вариантом

словосочетания «рафтори худ» (свое поведение, своя походка):

Рафтори хеш кабки дарй тарк мекунад,
Бинад агар хироми кади дилписанди ту [338, 347].
Если увидит куропатка твою грациозную походку,
Стыдится своей походкой и перестанет ходить.

В одном случае возвратное местоимение «хеш» употребляется в роли рифмообразующего компонента, в следующем бейте:

Чамъ намудам **сухани хешро**,
Пас шудаам з-он кутуби хешро [338, 401].
Я собрал все свои слова,
С этого сочинил книгу свою.
Или в дугом бейте Накибхона Туграла:
Он чи Адо гуфта ба **девони хеш**,
Гуфтаи ӯ лек зи маънй адост [338, 364].
То, что сказал Адо в книге своей,
Не имеют смысла и так пустословие.

Субстантивные изафетные словосочетания с местоимением «хеш» встречается в составе таких словосочетаний, которых можно разложить на еще две более простые аналитические формы как в следующем бейте:

Дорам аз **фикри баланди хеш** мазмуни баланд,
Сад Фалотун аз кушоди маънйям подаргил аст! [338, 107].
В стихах изложил приподнятые идеи высоким мышлением,
Сто Платонов затрудняются раскрыть суть моих слов.

Как видим словосочетание «фикри баланди хеш» можно разложить на такие варианты как «фикри баланд» (высокое мышление) и «фикри хеш» (свое мышление, свои мысли), но при этом необходимо определить в каком порядке образовалось данное словосочетание (фикри баланди хеш). Можно подумать, что сперва автор, формируя словосочетание «фикри баланд» далее

присоединяет местоимение «хеш» или сперва определяя свое мышление в форме словосочетания «фикри хеш» к нему прибавляет оценку (баланд – высокое, высшее). По нашему мнению, последний вариант в процессе образования данного трехкомпонентного словосочетания соответствует логике и процессу речепорождения и это связано с тем, что когда в идеях и мыслях человека что-то планируется или именуется, тогда определяется субъект этих же понятий и в данном словосочетании местоимени «хеш» носит субъективный характер и означает самого говорящего, субъекта.

Возвратное местоимение «хештан» по сравнению с местоимениями «худ» и «хеш» употребляется очень редко. Необходимо отметить, что возвратное местоимение «хеш» в зависимости от того, что применяется в основном в книжном стиле и вместе с тем больше употребляется вместе со словами абстрактного значения, обозначающие высокие качества человека, типа совершенство, неповторимость, незаурядность. Например, изредка со словом «камол» (совершенство) в поэзии употребляется возвратное местоимение «худ» (камоли худ), когда в большинстве случаев со словом «камол» мы можем встретить возвратное местоимение «хеш» и «хештан» (камоли хеш, камоли хештан), что данный случай является доказательством того, что в поэтическом контексте в целях выражения мышления высокого порядка подбираются отдельные слова со специфическими семантическими и стилистическими особенностями. Возвратное местоимение «хештан» будучи как вариант местоимения «хеш» в более раннем историческом периоде персидского и таджикского языков также употребляется в основном в книжном стиле и имеет достаточно ограниченное поле применения в таджикском литературном языке:

Аз сучуди чабха равшан соз **қалби хештан**,

Як ҷаҳон дил соф бошад аз намоз ойинаро [338, 57].

Освещай всегда свою душу благочестием и мольбой,

Взгляни, зеркало молитвой как чисто и прозрачно.

Или в другом бейте:

Аз пари анқо талаб кун **муддаои хештан**,

Гар ғуборе орзу дорӣ ту аз домони мо [338, 66].

Из крыльев сказочной птицы угадай свои желания,

Если желаешь имет крупицу из пыли нашей подоли.

Или в другом бейте:

Аз **камоли хештан** дар авчи маънӣ Туғралам,

Ин ҳама софӣ ба асли гавҳарам ҳамроҳ буд [338, 194].

По сути своей я на степени совершенства значения,

Все качества чистоты исходят из моего бытия.

Также нам удалось обнаружить такие моменты употребления субстантивных словосочетаний с местоимением «хештан», где субстантивированный глагол выступает в роли основного компонента, со значением состояния, бытия и сущности, как в следующем бейте:

Зи **буди хештан** бигзар, ки ӯ нобуда мехоҳад,

Муҳити раҳмати ӯ домани олуда мехоҳад [338, 417].

Оставь свою суть, она желает небытия,

В окружение ее милости войдешь измазанным.

Таким образом, возвратные местоимения «худ» (сам), «хеш» (сам) с его вариантом «хештан» в составе субстантивных изафетных словосочетаний в контексте поэзии конца девятнадцатого и начала двадцатого века употребляются сравнительно чаще чем другие виды местоимений таджикского языка. Следует отметить, что как возвратное местоимение «худ», так и другое возвратное местоимение «хеш» употребляются в одном значении и в одной функции, но единственное отличие их заключается в том, что широта употребления местоимения «худ» сравнительно больше чем «хеш».

В поэзии Садриддина Айни также местоимение «худ» сравнительно больше встречается чем возвратное местоимение «хеш» // «хештан» и это около сорока пяти раз, когда местоимение «хеш» с его вариантом «хештан» употреблены около двадцати раз в составе субстантивных изафетных словосочетаний как в следующих бейтах:

Рози ишқаш доштам пинҳон ба **мағзи ҷони худ**

Ҷон зи ғам фарсуда шуд, рози ниҳонамро чӣ шуд? [331, 65].

Секреты любви я скрывал душой и всей силой,

Душа растерзана горьем, где мои тайны любви.

В другом бейте Садриддина Айни:

Айнии мискин ба **ҳасби ҳоли худ**

Байте аз Саъдӣ гадоӣ мекунад [331, 83].

Айни бедолага о своем состоянии,

Приводит слова великого Саади.

В другом бейте:

Нахли қади хеш чилвафармой

Дар чашми чу ҷӯйбори ман кун! [331, 133].

Свой стан с грациозной походкой,

Приводи у моих плачущих очей.

Вариант местоимения «хеш» в форме «хештан» в следующих бейтах Садриддина Айни:

Эй он, ки навозише ба хобам кардӣ,

Бо **ошиқи хештан** хитобам кардӣ [331, 276].

О, ты та, которая во сне меня ласкала,

И назвала меня своим влюбленным.

Или в другом примере:

Дилам дар роҳи ишқи ӯ вафо кард,

Ба **ҷони хештан** аммо ҷафо кард [331, 82].

Мое сердце проявило преданность к ее любви,
Однако этим причинило боли моей души.

В поэзии Мухаммадсиддики Хайрат сравнительно реже можем встретить случаи употребления возвратных местоимений «худ» и «хеш» с его вариантом «хештан» как в следующих строках:

Сӯи худ ағёрро бо васл ишорат мекунӣ,
Бо манат лутфи казой нест чун, эй симбар? [341, 82]
Чужих привлекаешь намеками к себе,
О, красавца где твоя милсоть ко мне?

Или в другом бейте:

Бошад суботи бандагии гул ба рӯятон,
Сунбул расонда **силсилаи худ** ба мӯятон [341, 100].
Цветы покорны перед вашим румяным ликом,
Гиацинт подражает вашим красивым локонам.

Возвратное местоимение «хеш» (сам):

Зору маҳчуру ҳазинам, Ҳайрат, аз ҳичрони ӯ,
Бар умед он маҳ зи **васли хеш** дилшодам кунад [341, 136].
Унылый, разлученный и опечаленный Хайрат ее разлукой,
В надежде, что та луноликакая своим приходом радуется меня.

В другом бейте Мухаммадсиддики Хайрата:

Гаҳе зи дарс **дили хеш** сард мекардам,
Ба хаймаи тарабу айш мезадам автод [341, 167].
Иногда равнодушным к знаниям и к учебе,
Сидел я в паланкине радости и удовольствия.

Вариант возвратного местоимения «хеш» в форме «хештан» также употребляется в поэзии Мухаммадсиддики Хайрат:

Ба **хуни хештан** галтида дар роҳ.
Паи таърихи катли хеш гӯяд [341, 162].

Сваливаясь в своей крови на дороге,
Об истории своей гибели замолвил.

В творчестве Ходжи Хусайна Кангурти такое соотношение, но сравнительно в большом количестве, где около ста семидесяти случаев употребления местоимения «худ» и около шестидесяти случаев употребления местоимения «хеш» с его вариантом «хештан».

Аз обёри **файзи худ** сероб гар кунӣ,
Пажмурдагӣ самар диҳад дар бустони мо [342, 12].
Обилием своей красоты благотвори ты нас,
Придай завядшим садам бодрость и свежесть.

В следующем бейте:

Ё раб, чи кавкабе, ки зи нури ту мебарад
Ҳар шаб фалак ба **хирмани худ** моҳтобро [342, 42].

О боже, что за свет, освещающий небеса,
И в каждую ночь луна и звезды отражают.

Или в следующем бейте:

Суботи **умри худам** сарфи бекарорӣ шуд,
Сипоҳи кавкаби баҳтам чу чарх мақлуб аст [342, 58].

Моя жизнь стала полной изменчивости и недуг,
Звезды моей судьбы кружатся против счастья.

Арзи дили худ, Ҳочӣ, чи тақрир тавонам,
К-ин масъала баҳсест, ки холӣ зи ҷавоб аст [342, 72].

Сколько можно повторить о боли души, Ходжи,
Этот вопрос нерешим и остается без ответа.

Местоимение «хеш» в той же роли применяется в какой роли применяется возвратное местоимение «худ» в поэзии исследуемого периода как в следующих бейтах Ходжи Хусайна Кангурти:

Ҳарчанд ба авчи ифтихорӣ,
Ёде зи **ғариби хеш** орӣ [342, 188].

Ты настолько опьянена своим величием,
Вспомни любимая своего раба скитальца.

Или:

Аз барои камтарин айше, ки айни муддаост,
Оби руйи хешро то чанд мерезӣ ба хок [342, 220].

Ради незначительных удовольствий, ты сейчас,
Зря теряешь свою честь и достоинство.

Или в другом случае:

Сӯзи охи ошиқон аз **дарди доғи хеш** нест,
Нолаи булбул бувад аз рафтани ночори гул [342, 230].

Влюбленные плачут не за свои душевные боли,
Соловей плачет от того, что невольно уйдут цветы.

Возвратное местоимение «хештан» как классический вариант возвратного местоимения «хеш», также употребляется в поэзии Ходжи Хусайна Кангурти:

Буд ҳазор имтихон, зери лабам хамӯш монд:
Баҳр намекунад бурун аз **кафи хештан** гуҳар [342, 172].
Было сотни испытаний, но остались в моей души,
Море не выбросит из глубин драгоценных жемчугов.

В творчестве поэтов исследуемого периода также очень уместно и логично в плане грамматики современного таджикского языка применены определительные местоимения. Однако, по сравнению с рассмотренными разновидностями местоимений данная группа местоимений в составе изафетных субстантивных словосочетаний встречается намного реже. Например, определительное местоимение «хар» (каждый, всякий, любой) в творчестве Накибхана Туграла встречается в составе различных языковых

конструкций 253 раза, однако в составе изафетных субстантивных словосочетаний употребляется намного меньше, в количестве 42 случаев, а другое определительное местоимение «хам» (все) в составе данной модели словосочетаний встречается в поэтическом тексте Туграла всего 7 раз. Сначала посмотрим особенности употребления определительного местоимения «хар» (каждый, всякий, любой) в составе изафетных субстантивных словосочетаний в поэзии Накибхона Туграла и его современников. Особенность употребления местоимения «хар» заключается в том, что оно применяется в составе данной модели словосочетаний одновременно с изафетом, а точнее между главным и зависимым компонентами после изафета, которые употребляется в составе главного компонента словосочетания как в следующих бейтах:

Шукр лиллах, фориси майдони ашъорам кунун,
Нуктаи сарбастаи ман **лойиқи хар махфил** аст [338, 107].

Слава Аллаху, что я теперь на скакуне поэзии,
Мои сокрытые мысли обсуждают все люди.

В другом бейте:

Шаб, ки дар дил акси хуршеди рухи **ӯ чо гирифт,**
Зулмати хар зарраам боҷ аз яди байзо гирифт [338, 133].

Ночью будто в сердце вместились солнце ее лица,
Стало так ярко в каждой песчинки моего тела.

Или в другом случае:

Хар шиноварро наёяд гавҳари қимат ба каф,
Марказе бошад насиби хар кас аз паргори мавҷ [338, 139].

Не всем ныряльщикам достанется драгоценный жемчуг,
Быть в центре круговых волн в воде каждому суждено.

И в следующем бейте:

Ями хар қатраи ашкам агар тўфоннамо гардад,

Вагар Нӯҳ аст, аз бими сиришкам киштӣ оғозад! [338, 157].

Каждая капля моих слез превратится если в бурю
Если Ной со страха потока моиз слез строит ковчег.

В следующем бейте:

Аз **сари ҳар байти** ман ҳарфе ба ҳам оварданист,
Ҳар ки донист ин амал, аз исми ӯ огоҳ шуд [338, 169].

Собирая первые буквы строк моих бейтов,
Образует одно слово и сразу узнает ее имя.

Или в следующих строках:

Хоки поят **тӯтиёи дидаи ҳар кас** нашуд,
Дасти ҳасрат аз надомат сахт бар рӯ мезанад! [338, 179].
Прах твоих ног кому если не станет мазью для глаз,
Тогда своими руками отчаяния скоблит свое лицо.

Следует отметить, что в рамках академической грамматики современного таджикского литературного языка определительное местоимение «ҳар» в основном употребляется в конструкциях типа ҳар як (каждый, каждая единица чего-либо или кого-либо), ҳар кас//ҳар ки (каждый человек), ҳар чиз// ҳар чи (каждая вещь, каждое понятие), ҳар гуна (разное, разные, каждая разновидность), также с другими именами существительными типа ҳар сол (каждый год, ежегодно).

Номи ту то бар **сари ҳар байти Туғрал** тоҷ шуд,
Аз хичолат афсари фағфуру қайсар бишканад [338, 181].

Твое имя стало короной поэтических строк Туграла,
Теперь со стыда скинут свои венцы цари и короли.

В следующем бейте:

Ин чӣ бераҳмист, хони ошиқонро аз ғазаб
Вокашида **бар сари ҳар мехи миҷгон** мекунад [338, 187].

Что за жестокость крови влюбленных с ярости,

Протягивает каплями на острия их ресниц.

Или в следующем бейте:

Матои ҳар ду олам нақди меҳнатро намеарзад,

Қумоши чинси ғамро нархи бозор инчунин бояд [338, 200].

Все богатство двух миров не сравнить с этим трудом,

Цена скорби и печали в рынке жизни так измеряют.

При этом местоимение «ҳар» при употреблении в составе исследуемой модели словосочетаний выполняет своеобразные грамматические, функциональные и стилистические задачи, означает определенные грамматические значения, которых можно рассмотреть более подробно при анализе данного местоимения в составе различных структур и к этим значениям можно отнести следующие значения:

со значением отношения составной части к общему объекту, взаимоотношения части с общим как в следующих бейтах:

Он қадар дар боғи имкон карда сомони карам,

Шохи ҳар нахле, ки бинӣ, пурсамар дорад баҳор.

Аз шуои шуълаи **ҳар сафҳаи** гул равшан аст,

Баски аз эъҷози ёкутӣ хабар дорад баҳор [338, 207].

Настолько стала весна щедрой и великодушной,

На каждой веточке деревьев она повесила плоды.

Сиянием лепестков так разукрашены цветы,

Будто весна пленяет колдовством яхонтовым.

Употребление местоимения «ҳар» в составе субстантивных изафетных словосочетаний со значением времени и последовательность явлений, которые происходят во времени:

Дар пайи **ҳар субҳи ишрат** шоми кулфат тавъам аст,

Нест андар боғи имкон як гуле бе неши хор [338, 209].

После каждого пира придет поражение,

Во всем цветнике без колючки нет цветка.

Или в следующем бейте:

Медихй аз ғайр суоли ҳама,

Рӯзии ҳар рӯзу наволи ҳама [338, 425].

Всем даешь возможности заняться чем-нибудь,

Всем даешь хлеб засушенный и на все времена.

словосочетания со значением места и последовательность объектов и понятий, которые находятся в определенном пространстве:

Гарчи мерезад ба хоки ҳар даре сад оби рӯ,

Муддаои сойил аз ибром як нон асту бас [338, 235].

Попрощайка у каждой двери теряет свое достоинство,

Чтобы приобрести на свое пропитание кусочек хлеба.

При этом также можно указать на человека, или на людей, о которых информация приведена заранее и такое указание можно посредством местоименной конструкции «хар як» как видим в следующем примере:

Лутфию Осиму Саҳбо зи ҳама бод афзал,

Назми ҳар як бидихад накҳати уду анбар! [338, 243]

Лутфи, Осим и Саҳбо превьше всех других поэтов,

Стихи каждого благоухает ароматом и мускусом.

В некоторых других субстантивных изафетных словосочетаниях при помощи местоимения «хар» выделяют и указывают неповторимую особенность отдельных частей одного предмета, инструмента или объекта, как в следующих строках:

Баму зери мухаббат пардае дорад, ки меояд

Навои нағмаи «Ушшок» аз **оханги ҳар тораш** [338, 249].

Тон и лад любви имеет своеобразную мелодию,

Что из каждой струны слышен мотив влюбленных.

В следующих строках:

Ҳар кучо бошад ҳадиси пардаи рухсори ӯ,
Сози мутриб оварад аз **нағмаи хар тор гул** [338, 286].

В каждом углу говорят о красоте ее румянцев,
В мелодии музыканта по струнам мотив любви.

Таким образом, определительное местоимение «хар» в составе изафетных субстантивных словосочетаний играет важную грамматическую и стилистическую роль, и основная задача данного местоимения в составе словосочетаний данной модели заключается в том, что оно выделяет частного от общего и наряду с этим показывает их взаимосвязь с различными особенностями. Другое определительное местоимение «тамом» (конец, все – о конце, о завершении) встречается в творчестве поэтов исследуемого периода намного реже, а в творчестве Накибхана Туграла всего 2 случая применения местоимения «тамом» в составе изафетных субстантивных словосочетаний.

Аз пири ақл чустам **соли тамоми девон**,
То шахди маъниеро резад ба коми Туғрал [338, 406].
Спросил у старца мудрого год завершения книги,
Чтобы он подарил Тугралу сладости значения слов.

Или в следующем бейте:

Ба рӯи ман наметобад даме **моҳи тамоми ӯ**,
Ба чои бода захри ҳаҷр менӯшам зи чоми ӯ [338, 433].

Мне не видно лицо подобное луне красавицы,
Я пью с бокала вина будто всегда яд разлуки.

В поэзии также в определенной степени употребляются вопросительных местоимения, которые играют немаловажную роль в передаче внутреннего состояния автора, его чувств и способов мироощущений. Среди всех вопросительных местоимений сравнительно чаще встречается вопросительное местоимение «кӣ?» (кто?), которое чаще всего направлено на лирического героя, на самого автора. Например, в творчестве Накибхона

Туграла мы смогли выявить следующие случаи употребления вопросительного местоимения «кй?» в составе изафетного субстантивного словосочетания:

Оташи ишки кй хокам тухфа бар бод оварад?

Нанги ҳастӣ обрӯи нестӣ ёд оварад [338, 153].

Чья огонь любви мой прах разнесет по ветрам,

Достоинство бытия припоминает честь небытия.

Или в следующих строках:

Шабнамосо сард шуд аз даҳр дасти тоқатам,

Гармии меҳри кй дорад шӯхии нозам ҳанӯз? [338, 228].

Подобно росе мои руки остыли от мирских благ,

От теплоты чьих благосклонностей я радуюсь?

Также и в следующем бейте:

Надонам, **шамъи рухсори кй** равшан шуд зи омолам,

Ки чун парвона сарфи сӯхтанҳо шуд пару болам [338, 316].

Не знаю чья свеча румяных лиц сожглись от моих дел,

Что я как мотылек вращаюсь и обжигаю свои крылья.

Или в следующих строках:

Надонам, нашъа аз **паймонаи чашми кй** дар чомам,

Занад барҳам дами субҳи нишотам зулмати шомам [338, 320].

Я не знаю от чьих взглядов в моем бокале эликсир опьянения,

Могут разрушить мои утренние веселья наступающая тьма.

Также в одном случае вопросительное местоимение употреблено в составе данной модели словосочетания при помощи предложно-изафетной конструкции «аз гиребони кй?» (из чьих воротничков) в следующем бейте:

Зи ангуштам шамими ғунҷаи фирдавс меояд,

Намедонам, сахар банд **аз гиребони кй** во кардам? [338, 417].

Из моих пальцев благоухают бутоны райские,

Не знаю, чьи воротнички я утром развязал?

Вопросительное местоимение «чй?» (что?) хотя встречается в творчестве Накибхана Туграла и его современников, но очень редко применяется в составе изафетных субстантивных словосочетаний. Например, в поэзии Ходжи Хусайна Кангурти, Садриддина Айни и Накибхана Туграла и других их современников нам не удалось обнаружить случаи применения данного местоимения в составе изафетных субстантивных словосочетаний.

Вопросительное местоимение «кадом?» (который?) в составе изафетных словосочетаний в творчестве Накибхана Туграла применяется в одном бейте.

Мижгон кашида саф-саф чашмони сеҳрсозат,

Қасди кадом дорй бо ин хама тачаммул?! [338, 289].

Чарующие глаза твои стрелами ресниц,

Охотятся за кого-то с таким величием.

Другой вариант вопросительного местоимения «кадом?» в форме «кадомин?» (который?, какой?) в составе изафетного субстантивного словосочетания встречается в двух случаях в поэзии Туграла:

Эй парирӯ, накши **найранги кадомин суратй**?

Чашми сад ойинаро акси ту хайрон мекунад! [338, 188].

О, ангелоподобная, ты из какой картины колдовства?

Сотни зеркал удивлены, отражая твою красоту.

Вопросительное местоимение «чанд?» (сколько?) нам не удалось обнаружить в составе изафетных субстантивных словосочетаний в поэзии Садриддина Айни и Накибхана Туграла.

Единственно в поэзии Ходжи Хусайна Кангурти можно встретить следующий случай применения данного вопросительного местоимения:

Шӯри мову ман дар ин ибратсаро фаҳмидаем,

Мубталои чанд дар доми бало фаҳмидаем [342, 46].

Волнения моих и наших осознали в этом мире,
Охвачены мы бедствием, попадая в западня.

Следует отметить, что вопросительное местоимение «чанд» в данном бейте в основном выступает в роли неопределенного местоимения и означает некоторое, несколько.

В творчестве современников Накбхана Туграла случаи применения данной группы вопросительных местоимений также встречаются реже чем другие разновидности атрибутивных словосочетаний.

Другое вопросительное местоимение «кай?» (когда?) в отдельности или в других случаях встречается достаточно часто, однако в составе изафетного субстантивного словосочетания данное местоимение в творчестве Накибхана Туграла не удалось обнаружить. В творчестве поэтов исследуемой эпохи также встречается сравнительно редко.

Следует отметить, что указательные местоимения типа «ин» (этот), «он» (он, тот), «хамин» (вот этот), «хамон» (тот же, вот тот), «чунин» (таким способом, таким), «чунон» (как тот, подобно тому), хамчунин (таким образом, вот таким способом), хамчунон (в таком виде, как тот) употребляются в различной частоте в поэзии исследуемого периода. Например, субстантивные изафетные словоочетания с указательным местоимением «ин» (этот, вот этот) только в поэзии Накибхона Туграла употреблены в 94 случаев, а с указательным местоимением «он» (он, тот) употреблены в 64 случаев, что сравнительно больше употреблены, чем другие составные компоненты субстантивных изафетных словосочетаний с местоимениями. Наряду с этим также можно обнаружить и таких указательных местоимений, которые или вовсе не употреблены или употреблены достаточно редко, например, указательное местоимение «хамон» (тот, вот тот) некоторыми поэтами вовсе не употребляется и в творчестве некоторых других поэтов употребляется очень редко, как видим в

поэзии Накибхона Туграла всего 1 случай употребления указательного местоимения «хамин» в следующем бейте:

Ҳиммати худ **сарфи хамин шева** кард,
Бурд зи акрон аз ин мухра нард [338, 402].
Свое усердие придал этому делу,
Выиграл этим он венки величия.

Указательное местоимение «хамон» хотя в 10 случаях употребления встречается в поэзии Накибхона Туграла, но ни в одном случае данное местоимение не употребляется в составе субстантивных изафетных словосочетаний.

Данное местоимение в поэзии Садриддина Айни встречается в семи случаях, но ни в одном случае не употреблено во составе рассматриваемой нами модели субстантивного словосочетания, а в творчестве Ходжи Хусайна Кангурти встречается в одном бейте:

Гуфт **асхоби хамон хуршед** хастанд каннучум,
Иктидори ҳар кадомин пешвои номдор [342, 382].
Сказал, что его сподвижники подобны звездам,
У каждого неповторимая сила, они ведущие.

Таким образом, нам удалось обнаружить определенную частоту употребления указательных местоимений в поэзии Накибхона Туграла и его современников в таком порядке: местоимение «ин» (этот) - 94 случаев, местоимение «он» (тот) - 64 случая. Относительно употреблению указательных местоимений «ин» и «он» можно привести следующие примеры:

Кӯҳкан, мекан ба нохун кӯҳи танро аз ғамаш,
Нағмаи дигар бувад **оханги ин мизробро!** [338, 37].
Фархад ногтями скоблет свое тело подоно горе,
Другая мелодия в этой ноте и в этом медиаторе.

Также в следующем бейте:

Монӣ, аз суратгарӣ бигзар, ки натвон ёфтан
Дар татаббуъхонаи Чин **нақши ин тасвиrho!** [338, 38].

О, Мани, перестан изобразить и тебе не найти,
Даже в кумирне Китая нет такого красивого образа.

Или в других примерах:

Дурри маънӣ кардаӣ, Туғрал, ниҳон ҳамчун садаф,
Фош созад **мавчи ин дарё** магар рози туро! [338, 54].

О, Туграл, ты скрыл жемчуги смысла в перламутрах,
Волни этого моря раскроют твои сокрытые мысли.

Или:

Улфате дорад хаёли мори гесӯяш ба дил,
Ганчи бисёр аст гӯё **хоки ин вайронаро** [338, 57].

Сердцем будто дружат змеи ее локонов,
Так ли много сокровища в этой развалине.

Также в следующем бейте:

Ҳал нагардад **укдаҳои ин муаммо** дар дилат,
Дар саводи зулфи ӯ бошад бaсе асрорҳо [338, 72].

В сердце не раскроешь узелки этой загадки,
В черни ее локонов много тайн и секретов.

И в следующем бейте:

Сурху **зарди ин чаҳонро** хочати иксир нест.
Инқилоби ранг дорад гардиши айёмҳо [338, 75].
Желтым и красным в мире не найдешь эликсир,
Вращение времени означает превратность цветов.

Или:

Чун сахар халқи чаҳон кофур доранд дар нафас,
Пухтагӣ ҳаргиз набошад **қисмати ин хомҳо** [338, 75].

Как заря у каждого есть своя камфора,
Незрелым людям не суждено созреть.

В таком же порядке продуктивно употребляется указательное местоимение «он» в творчестве поэтов исследуемой эпохи. Например, в творчестве Накибонха Туграла можно заметить следующие моменты применения данного местоимения:

Ёди он фурсат, ки бар рӯи ту хангоми саҳар
Аз сиришки ашки гулгун мезадам чоми гулоб! [338, 80].

Вспоминаю те времена, когда я по утрам,
Из кровавых слез выпивал бокалом вина.

Также и в следующем бейте:

Бар лаби чӯ обро ойинаи уммед кун,
То тавонӣ дид **акси он қади** мавзун дар об! [338, 82].

С надеждой жди у ручейка как зеркало,
Чтобы увидеть стан кростоки в нем.

Или:

Ба олам ҳар кучо бошад агар дил,
Асири **чаъди он зулфи** мутаррост [338, 93].

В этом свете где бы не было сердце,
Оно в плену тех увлажненных локонов.

И в следующих строках:

Кунун дар боғ чои сабзаву гул нозбӯ рӯяд,
Ба ҳар чое, ки нақши **пои он нозофарин** бошад [338, 160].

В саду вместо цветов растет нега капризов,
Где следы ног той кокетливой красавицы

Или:

Хоки пои тавсанаширо тӯтиё кардам ба чашм,
Сурма акнун дидаам аз **хоки он кӯ** мекашад [338, 166].

Прах из ног ее коня помазал своим глазам,

И теперь понял, откуда приносят сурму.

Или в следующем бейте:

Ёди он рухсори гулгун мебарад холат зи ман,

Ҳар кучо тарфи гулистонам нишемангоҳ шуд [338, 169].

Как вспоминаю те розовые румянцы расстеряюсь,

Теперь в разных частях цветника мое пристанище.

Также в следующем бейте:

Кай амон ёбад зи тири новаки дилдӯзи ӯ

Синаи он кас, ки мехнатсанчи ин даргоҳ шуд [338, 170].

Как может спасти сердце от стрел ее ресниц,

Тот, кто в своей груди испытал боли ее любви.

Следует отметить, что такие указательные местоимения как «ҳамин» (этот), «ҳамон» (тот), «чунон» (таким образом), «ончунон» (тем способом), «чунин» (этим, таким), «инчунин» (таким, в том числе), «ҳамчунин» (также, в том числе), «ҳамчунон» (также, в том числе) в составе изафетных субстантивных словосочетания не употребляются, хотя изредка в поэтическом стиле можно встретить случаи их применения и поэтому при обнаружении случаев употребления этих указательных местоимений можем привести эти примеры с их интерпретацией. Данные указательные местоимения в основном употребляются в составе субстантивных словосочетаний, образованные при помощи примыкания или предложно-послеложной конструкции, о которых речь пойдет в соответствующих частях исследовательской работы.

В поэзии Ходжи Хусайна Кангурти нам удалось обнаружить всего 1 случай употребления указательного местоимения «чунин» в составе распространенных форм изафетного субстантивного словосочетания как в следующих бейтах:

Надода ёд замону надида чашми замин
Махе ба **рӯйи чунин бех** аз ин маҳтоб [342, 48].
Времена не помнят и не видели на земле,
Такой луноликой, краше чем красивой луны.

Как видим в вышеприведенном примере можно выделить словосочетание в распространенной форме как «махе ба рӯйи чунин бех» (лунолика такая красотой), где можно заметить, как предложный компонент, так и изафетную связку, которые присутствуют при образовании данной формы словосочетания и одновременно можно выделить из этой распространенной формы различные варианты простых словосочетаний типа «махе ба рӯйи чунин» (красавица таким личиком) или «ба рӯйи чунин бех» (таким красивым лицом), «ба рӯйи чунин» (таким лицом), «рӯйи чунин» (такое лицо).

В следующих бейтах Ходжи Хусайна Кангурти можно заметить, что местоимение «инчунин» употреблено в составе субстантивных изафетных словосочетаний:

Зи худ чӣ дида накӯтар офтоб, ки ӯ
Ба тоб меравад аз **шарми инчунин** маҳтоб [342, 48].
Не видало красивее себя, солнце, но,
Теперь стыдится от красоты луноликой.
В другом бейте:
Ба шамъи хамдигар парвона буданд,
Зи **чамъи инчунин девона** буданд [342, 449].
Вокруг свечей друг друга вертелись как мотыльки,
Они настолько безумны из такого сообщества.

Остальные указательные местоимения, которые были указаны выше также и в поэзии Ходжи Хусайна Кангурти нам не удалось обнаружить и

скорее всего данный факт также связан с тем, что указательные местоимения употребляются в составе как именных, так и глагольных словосочетаний в основном в препозитивном положении, так как указывают на определенный объект, процесс или явление, которые в структуре таджикского словосочетаний часто в постпозитивном положении, и это чаще всего встречается в местоименных словосочетаниях, типа «хамин коргар» (этот рабочий), «чунин муаллим» (такой учитель // тот учитель), «чунон тарзи кор» (такой способ работы) и о данной модели мы будем говорить в соответствующих частях исследовательской работы.

Неопределенные местоимения (баъзе, ягон, фалон, бисмадон, кадом, чандин, якчанд, ким-кадом, ким-ки, ким-чи, ким-киҳо) в поэтическом контексте исследуемого периода в роли составных компонентов субстантивных изафетных словосочетаний являются непродуктивными и буквально несколько из них в единичных случаях были употреблены в составе субстантивных изафетных словосочетаний.

В творчестве Ходжи Хусайна Кангурти нам удалось выявить три случая употребления неопределенного местоимения «чандин» (несколько, некоторый) в составе субстантивных изафетных словосочетаний, которые приводятся в следующих поэтических строках:

Басо коре, ки бо нармӣ тавон кард,

Кучо бо зӯри чандин пахлавон кард [342, 474]

Много свершений можно достичь нежностью,

И такое не смогут люди делать вместе силой.

В следующем бейте:

Арзи шӯхиҳои хубӣ муфти чандин муддаост,

Дидаи шавқошно миннаткамини чилваҳост [342, 93]

Добрые шутки даром направят некоторым целям,

Ее сияния радуют взгляд любящих пристрастий.

Или в следующем бейте:

Шевае дорад хамӯшӣ, **хифзи чандин обрӯст**,

Гунчаро як лаб гушудан мебарад аз сар кулоҳ [342, 286]

Молчание как манера сохранить некоторую честь,

Бутонам лишь бы раскрыться и останутся лепестки.

В поэзии Накибхона Туграла удалось выявить один случай употребления неопределенного местоимения «чандин» в составе сложного слова «чандинсола» (несколько лет, многолетний с неопределенным количеством) в качестве определения субстантивного изафетного словосочетания «андухи чандинсола» (многолетнее горе, с неточным количеством лет) в следующем бейте:

Гардиши даври фалак, Туграл, зи такдири азал

Куръаи номи маро з-**андӯхи чандинсола** зад [338, 158].

Вращение небосвода, Туграл, от извечной судьбы,

На мое имя присвоило клеймо долгой печали.

В творчестве Садриддина Айни также удалось обнаружить один случай употребелиния неопределенного местоимения «чандин» в составе субстантивного изафетного словосочетания «хуни чандин бегуноҳон» (крови несколько безвинных) в следующем бейте:

Нозам он тарзи нигоҳеро, ки аз фатвои ишқ

Хуни чандин бегуноҳонаш халол афтодааст [331, 42].

Я поражен теми глазами, которым фетвой любви,

Дозволено пролить крови несколько безвинных.

Как видим употребление неопределенных местоимений в составе субстантивных словосочетаний способствует уточнению определения и поэтому часто такие словосочетания состоят из трех компонентов и а осноаном они образованы из обычных субстантивных изафетных

словосочетаний, где неопределенное местоимение выступает в роли вторичного определения и подчиняется первому, основному определению. Например, в составе вышеприведенного трехкомпонентного субстантивного изафетного словосочетания «хуни чандин бегуноҳон» главное слово является «хун» (кровь), зависимое и первое определение является слово «бегуноҳон» (безвинные), а неопределенное местоимение «чандин» (несколько, некоторые) выступает в роли определения в отношении основного определения «бегуноҳон» и таким образом неопределенное местоимение применяется в роли вспомогательного, уточняющего компонента основного определения субстантивных изафетных словосочетаний.

Других неопределенных местоимений в составе субстантивных изафетных словосочетаний рассматриваемой нами модели в творчестве поэтов исследуемого периода не были выявлены.

Отрицательные местоимения таджикского языка (ҳеч, ҳаргиз, ҳеч ки, ҳеч кас, ҳеч чиз, ҳеч як, ҳеч гуна, ҳеч кадом – никто, не, ни) в составе субстантивных изафетных словосочетаний также, как и предыдущие разновидности местоимений встречается достаточно редко как в следующих бейтах Накибхона Туграла:

Нигар ба маҳмили ин корвони ваҳму хаёл,

Ки **ғайри ҳеч** набошад дигар ба бори нафас [338, 234].

Смотри как идет пустой караван воображений,

Ничтожность в дыханиях никчемной жизни.

В другом бейте:

Ҳеч кас, Туграл, набошад **такягоҳи ҳеч кас**,

Он ки дар афтодағи дасти туро гирад, Худост! [338, 113].

Никто, о, Туграл не будет опорой никому,

Тот, кто в упадке тебя поддержит – Творец.

Или:

Гайри ӯ аз дигарон дасти тамаъ кӯтоҳ кун,

Муддаои ҳеч кас ҳосил нашуд аз ҳеч кас [338, 240].

Кроме творца не полагайся никому,

Никто не поможет никому в нуждах.

Хотя в творчестве Садриддина Айни, Ходжи Хусайна Кангурти, Шамсиддина Шохин и других их современников продуктивно употребляются отрицательные местоимения «ҳеч» (никак, ни в коем), «ҳаргиз» (ни в коем, нет, никак), нам не удалось обнаружить случаи их употребления в структуре изафетной модели субстантивных словосочетаний в качестве определения и составных частей данных словосочетаний.

3.4. Изафетные субстантивные словосочетания модели «Имя существительное +причастие» – N+Pa

Причастия в современном таджикском литературном языке в составе субстантивных словосочетаний употребляется, как и другие именные части речи, о которых мы уже говорили в предыдущих разделах данного исследования. Своеобразная особенность причастия в составе субстантивных словосочетаний заключается в том, что оно употребляется как в постпозитивном, когда в отличие от других именных частей речи в таджикском языке причастие достаточно продуктивно употребляется в препозиции, выражая ту же семантическую особенность. Единственное отличие заключается в том, что разновидность употребления причастия в препозитивном или постпозитивном положении зависит от средств связи, так как если средства связи является изафетная связка, тогда причастие выступает всегда в постпозитивном положении, а если в роли средства связи выступает примыкание, тогда причастие может употребляться в постпозитивном положении в структуре субстантивных словосочетаний. В данной части работы речь идет в основном о словосочетаниях модели «имя

существительное +причастие» (N+Pa), где средством связи выступает изафет и соответственно причастие выступает в постпозитивном положении в составе субстантивных изафетных словосочетаний. Следует особо отметить, что наряду с тем, что определенная часть причастий в составе словосочетаний выступают как второстепенная часть, которая подверглась субстантивации или адъективации как в следующих примерах:

Мондаам дар зулмати исён чу хаффош аз бадӣ,

Рӯшанои дида аз субҳи саодат кун маро [338, 46].

Остался в темноте от злости как летучая мышь,

Придай моим глазам озарение на рассвете счастья.

Как видим слово «дида» (очи, глаза) выступает в роли подчинительного компонента и в таджикском литературном языке часто выступает в роли имени существительного будучи субстантивированным причастием.

Дӯстон, беҳуда дар олами имкон ҳаргиз

Дили осуда маҷӯед, ки бисёр кам аст [342, 42].

О, друзья никогда в этом мире возможностей,

Не ищите беззаботных душ, что вам их не найти.

Словосочетание «дили осуда» (беззаботное сердце, беззаботная душа, беззаботный человек) образовано с употреблением причастия «осуда» от основы прошедшего времени глагола «осуд» (успокоился, ободрился) и в данном случае причастие «осуда» имеет оттенок адъективации.

Маҳалли он, ки фиғон бозгирам аз сари нав

Ба сони **булбули шӯрида** нола дар гулзор [338, 387].

Пришла пора, чтобы я заново заревел,

Как соловей рыдает в цветнике любви.

В академической грамматике современного таджикского литературного языка «Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик» (1985) о

роли и грамматических особенностей причастия в современном таджикском языке, как об этом отмечают сами авторы и исследователи: «Причастие в основном к именам существительным подчиняются при помощи изафетной связки. В такой конструкции в роли главного компонента выступают все лексические группы имени существительного, а в роли подчинительных компонентов выступают причастия прошедшего, настоящего и будущего времен. Субстантивные словосочетания с причастием настоящего времени употребляются с различными грамматическими и функционально-стилистическими особенностями, которые заключаются в следующем: а) состояние предмета: «шахси мадхушафтада» - человек упавший в обморок, «шахси сархушгашта», - опьяненный (пьяный, выпивший) человек, «чашмони сурхшуда» - покрасневшие глаза; б) означает положение предмета и в таких случаях в роли основного компонента употребляются имена существительные с конкретным значением типа «одамҳои омадагӣ» (пришедшие люди, «шахсони будагӣ» (присутствующие люди). Также встречаются субстантивные изафетные словосочетания с причастием настоящего и будущего времен и при этом субстантивные словосочетания с причастиями настоящего времени встречаются сравнительно больше чем словосочетаний данной модели с причастиями будущего времени. Субстантивные словосочетания с причастиями настоящего времени употребляются со следующими значениями: а) состояние предмета: «офтоби фурӯ рафта истода» (заходящее солнце), «мотори вижжос зада истода» (гудящий мотор); б) определенные качества и особенности личности, предмета и явлений: «одамони аз вай ҳасрат мекардагӣ» (люди, сожалеющие о нем); в) значение движения предмета и в таких словосочетаниях часто употребляются имена существительные со значением пространства и места: «ба деҳаи мо меомадагӣ» (приезжающие в наше село), «роҳи рафтаистода» (дорога, идущая ...) [77, 37.]

Таким образом, в поэзии исследуемого периода можно обнаружить

различные варианты и способы употребления причастия в составе субстантивных изафетных словосочетаний, как в следующих примерах, где в большинстве случаев в употребляемых причастиях конструкции словосочетаний можно проследить определенные степени субстантивации и адъективации. При этом сложность заключается в том, что пока еще трудно провести четкую грань в составе таких субстантивных словосочетаний между полнозначным причастием и причастием, которое подверглось субстантивации или адъективации, следовательно, мы их можем рассматривать в данном разделе, где речь идет об причастии как составного компонента субстантивных словосочетаний как в следующих примерах:

Зи буди хештан бигзар, ки *ӯ* нобуда мехоҳад,
Муҳити раҳмати *ӯ* **домани олуда** мехоҳад [338, 417].

Оставь свою суть, она желает небытия,
В окружение ее милости войдешь измазанным.

Также в следующем бейте:

Бе чамоли ту маро зиндагии даҳр муҳол,
Аз **мани дилшуда** як бор напурсидӣ хол! [338, 428].

Без твоего лика мне невозможно жить на этом свете,
Не спросила ты хот разок у меня утомленного.

Или:

Як **дили осуда** дар ин боғ нест,
Лолае набвад, ки *ӯ*ро доғ нест [338, 434].

В этом саду не найти хоть одного, чтобы был рад,
Не найти в этом саду хот тюльпана без пятен.

В составе данной модели субстантивных словосочетаний в современном таджикском языке можно встретить словосочетания с причастиями настоящего времени типа «одамони аз вай хасрат мекардагӣ» (люди, сожалеющие о нем) с окончанием «-гӣ», которые сравнительно реже

встречаются в контексте поэзии исследуемого нами периода. Поэтому в творчестве Накибхона Туграла нам удалось обнаружить ограниченное количество таких словосочетаний как в следующих бейтах:

Ба ҳалли **муаммои сарбастагӣ**

Ба мазмуни мисроъи барчастагӣ [338, 396].

В решении сложных, скрытых вопросов,

В разъяснении выразительных строк.

Или:

Беш аз ин дар боғу дар гулшан манол, эй андалеб,

Риштаи дилбастагӣ дар ранги ин гулзор нест [338, 127].

Впредь в саду и в цветнике не рыдай, соловей,

Ниточки привязанности не найти в этой среде.

Или в другом бейте словосочетание «гахи афтодагӣ» (пора немощности) приводится в следующей семантической особенности:

Чун хумори бода ҳар дам дар **гахи афтодагӣ**

Аз хаёли қомати мино асо дорад қадах [338, 144].

Опьянение от вина придает силу во время немощности,

Образ вина как посох придерживает бокал в форме.

Таким образом, словосочетания модели «имя существительное +причастие» (N+Pa) достаточно продуктивно употребляются в поэзии мастеров слова исследуемого нами периода.

3.5. Изафетные субстантивные словосочетания модели «Имя существительное +инфинитив» – N+In

Субстантивные изафетные словосочетания с подчинительным компонентом из числа инфинитива по сравнению с другими словосочетаниями данной группы употребляются сравнительно в незначительном количестве, как об этом также говорится в «Грамматике

современного таджикского литературного языка», что «субстантивные словосочетания с определительным компонентом инфинитива в таджикском языке малоупотребительны. Инфинитив в составе данной модели словосочетаний обычно выступает в роли определения со значениями времени, цели, намерения: «вакти рафтан» (время ухода), рӯзи рафта истодан (день уходящего момента), «рӯбарӯ шудан» (встретиться лицом к лицу), «хаваси шунидан» (желание послушать), «қасди газидан» (намерение жалить)» [77, 54].

В поэзии Накибхона Туграла и его современников также субстантивные изафетные словосочетания с инфинитивом встречаются сравнительно реже чем другие разновидности данной модели. Например, в поэзии Накибхона Туграла нам удалось обнаружить следующие примеры субстантивных изафетных словосочетаний с инфинитивом как «**шавқи тапидан**» (страсти трепетать), «**завқи тапидан**» (страсти трепетать), «**ранги паридан**» (цвет вспархивать), «**гӯши шунидан**» (уши для послушания), «**азми рафтан**» (цель ухода), «**лоиқи суфтан**» (камень, заслуживающий шлифовать) и данные словосочетания употребляются в следующих бейтах:

Чун кабӯтар бисмили **шавқи тапидан** мешавад,
Аз қазо ҳар қас, ки бинад чашми шаҳбози туро [338, 54].
Как голубь от страсти трепетания становится жертвой,
Каждый влюбленный, увидевший твои соколиные глаза.

В другом примере:

Бибин оҳанги болафшонии сайди муҳаббатро,
Ки аз **завқи тапидан** бисмили ӯ болу пар дорад [338, 150].
Взгляни на манеру полета добычи любви,
Все это страсти порханья безвинной жертвы.

Или в следующем бейте:

Чун ниғаҳ дар ошёнаш ҳочиби парвоз нест,

Баски аз **ранги паридан** болу пар дорад баҳор [338, 207].

Как в глазах нет привратника для взлета,
Так крыля весны - крыля улетучивания цвета.

В другом бейте:

Менакунад бар дилаш нолаи Қурбӣ асар,

Гӯши шунидан надошт нолаи беморро! [338, 410].

Не повлияет на его сердце рыдания Курбы,

Нет у него уши послушания рева больных.

Или в другом примере:

Дарад аз ваҳм захраи Хокон,

Азми рафтан кунӣ ба чониби Чин [338, 374].

От страха Хакан не удержится никак,

Если ты намереваешься идти в Китай.

Также в другом бейте:

На ин чо мақоми сухан гуфтан аст,

Ки ин дур кучо **лоики суфтан** аст?! [338, 400].

Это не то место, где можно высказывать слова,

Этот камень не тот что шлифовать и украшать.

Как видим, в приведенных примерах субстантивные изафетные словосочетания модели «имя существительное+инфинитив» употребляются в значениях цели и намерения, времени и манеры выполнения определенных действий и при этом способствуют в усилении семантики и стилистической окраски поэтического слова.

3.6. Примыкающие субстантивные словосочетания

В данной части исследования мы попытаемся привести некоторые соответствующие примеры примыкающих субстантивных словосочетаний к представленным моделям и их научно-теоретическую интерпретацию. Будет

рассмотрена универсальная модель «имя существительное+именные части речи», которая дифференцируется в следующие составные модели:

«имя существительное+имя прилагательное» – N+Adj;

«имя существительное+имя числительное» – N+Nu;

«имя существительное+местоимение» – N+Pr.

3.6.1. Примыкающие словосочетания модели «имя существительное+имя прилагательное» (N+Adj). Количество примыкающих словосочетаний модели «имя существительное+имя прилагательное» также не значительно в поэзии исследуемого периода, но и современном таджикском языке данная модель употребляется сравнительно реже чем многие другие виды субстантивных словосочетаний, так как вместо данной модели больше употребляются их аналитические изафетные варианты. Как отмечается в академической грамматике современного таджикского литературного языка «Асосан сифатҳои дараҷаи олӣ бо роҳи алоқаи ҳамроҳӣ ба исм тобеъ шуда, ибора ташкил мекунад. Пеш аз исм омадани сифат аҳамияти услубӣ дошта, онро таъкид мекунад... Ибораҳои исми бо сифати дараҷаи оддӣ бештар дар назм кор фармуда мешаванд» - в основном имена прилагательные высшей степени посредством примыкания образуют с именем существительным субстантивные словосочетания. Употребление имен прилагательных в данной модели словосочетаний перед именем существительным больше всего носит стилистический характер цель такого употребления заключается в подчёркивании основного компонента. Примыкающие субстантивные словосочетания с прилагательными простой степени обычно употребляются в поэзии [77, 43]. Такие примеры в творчестве поэтов исследуемого периода встречаются намного реже, чем некоторые другие разновидности субстантивных, а также именных словосочетаний, например:

Биё, соқӣ, эй ман ғуломи дарат,
Ту шоҳию ман **камтарин чокарат!** [338, 391].

Приди, виночерпий, я как слуга у твоей двери,
Ты властелин, а я твой покорный слуга.

Ходжи Хусейни Кангурти также употребляет такие формы словосочетания в составе примыкающего субстантивного словосочетания в двух случаях поэт использует имя прилагательного категории высшей степени «камтарин» (наименьший):

Аз барои **камтарин фурсат** ба доғи инфюл,
Чилва созӣ хешро дар пеши марду зан чу шамъ [342, 208].

В один миг за твою красоту у всех столько волнений,
Иногда ты как свеча сияешь, чтобы пленить нас всех.

Или:

Аз барои **камтарин айше**, ки акси муддаост,
Оби рӯйи хешро то чанд мерезӣ ба хок [342, 220].

Во имя наименьшего веселья, ради пристрастия,
До каких пор унижаться и терять достоинство.

Также и в творчестве Шамсиддина Шохина можно заметить такие примыкающие субстантивные словосочетания как в следующих бейтах:

Маро, ки ишқи накӯён **накӯтарин амал** аст,
Хушам, к-аз ин амали нек номи ман масал аст [343, 25].
Для меня любовь красивых гурий как самое доброе дело,
Я так счастлив, что за это мое имя в притчах любви.

Или:

Гаштанд равон ба **хуштарин хол**,
Ў пешу чамоаташ зи дунбол [343, 184].

Шли веселием и радушнее всех,
Он впереди, ее сообщество за ним.

С именами прилагательных простой степени также встречаются некоторые примыкающие субстантивные словосочетания. Например, в творчестве Мухаммадсиддики Хайрата можно заметить следующие примеры:

Мусаффо манзаре кардам сафед аз бахри ташрифат

Биё биншин ба чашмам, гар малулй аз дили тангам [341, 186].

Свои глаза не моргну и жду тебя, когда придешь,

Если мое сердце стесняет тебя, то будь у моих глаз.

Или в другом бейте поэта мы увидим такие адъективные словосочетания как «**дилнишин сарв**» (красивый кипарис), «**нозанин вард**» (красивый цветок):

Қаду бастат чй **дилнишин сарв** аст,

Рӯи хубат чй **нозанин вард** аст? [341, 141].

Твой стан как кипарис настолько красив,

Твое лицо красивое как изящные цветы.

Как заметно, такие адъективные словосочетания как «**дилнишин сарв**» и «**нозанин вард**» образованы при помощи примыкания и в поэтическом контексте они занимают особое место, тем, что при произношении представляют специфические особенности и стилистические оттенки, в поэзии они более действенны с таким особым стилистическим ударением. В следующем бейте Накибхона Туграла можно заметить, что при помощи примыкания образовано субстантивное словосочетание с употреблением имени прилагательного простой степени в форме «**зебо нигор**» (красавица возлюбленная), где имя прилагательное наряду с определением качества главного компонента еще и подчеркивает общее значение данного словосочетания:

Надонам боиси чабру чафоят

Ба Туғрал чист, эй **зебо нигорам**? [338, 303].

Я не знаю причины твоей жестокости,

К Тугралу от чего, о, красавица возлюбленная.

В таком порядке Шамсиддин Шохин смог употреблять словосочетание «шигарф доно» (превосходно разумный, очень умный, глубоко мудрый, дальновидный) как в следующем бейте:

Соҳибхунаре шигарф доно,
Доно ба хирад, ба зар тавоно [343, 243].
Умелый и глубоко разумный,
Умен в знаниях и богат золотом.

Таким образом, имени прилагательный активно употребляются в образовании рассмотренной разновидности словосочетаний, которые больше свойственны для поэтического контекста и поэтому такую модель словосочетания можно назвать стилистическими или поэтическими словосочетаниями, или выражениями.

3.6.2. Примыкающие словосочетания модели «имя существительное+ имя числительное» (N+Nu). Таджикский лингвист А. Мирзоев в своей монографии рассматривая теоретические вопросы словосочетания в современном таджикском языке проводит классификацию таджикских словосочетаний по их синтаксической структуре и по морфологическому составу, где примыкающих субстантивных словосочетаний делит на 5 подгрупп в следующем порядке:

а) примыкающие субстантивные словосочетания с подчинительным компонентом имен числительных типа «панч пиёла» (пять пиал), «36 сол» (36 лет);

б) примыкающие субстантивные словосочетания с подчинительным компонентом местоимения типа «фалон одам» (какой-то человек), «чунин муносибат» (такое отношение);

в) примыкающие субстантивные словосочетания с подчинительным компонентом имени прилагательного типа «калонтарин дарё» (самая большая река), «демократитарин конституция» (самая демократичная конституция);

г) примыкающие субстантивные словосочетания с подчинительным компонентом имени числительного с нумеративом или нумеративоидами типа «ду дона анор» (две штуки гранаты), «панч сабад ангур» (пять корзин винограда);

д) примыкающие субстантивные словосочетания с подчинительным компонентом наречия количества и объема типа «бисёр муаллимон» (много учителей), «андак намак» (немного соли) [169, 274].

Следует отметить, что в академической грамматике данная классификация отличается тем, что в ней приводится еще одна разновидность примыкающих субстантивных словосочетаний, в которых как главным, так и подчинительным компонентом выступают имена существительных типа «рафиқ капитан» (товарищ капитан), «майор Сафаров» (майор Сафаров), «бародарон Каримовҳо» (братья Каримовы) [77, 42]. Наряду с этим, автор в своей работе вовсе не указывает правильность или несоответствие классификации академической грамматики. Мы считаем, что данная группа в системе таксономии примыкающих субстантивных словосочетаний весьма важна и такие примеры встречаются, хотя незначительно как в классическом, так и современном периоде таджикского литературного языка.

Следует отметить, что из всех перечисленных разновидностей примыкающих субстантивных словосочетаний модель «имя существительное+имя числительное» как в поэзии исследуемого периода, так и в современном таджикском языке является сравнительно продуктивным и многоупотребляемым. Данная группа словосочетаний употреблены для

обозначения различных явлений, процессов и отношений, которые содержат в основном информации фактологического характера, как в следующем бейте Мухаммадсиддики Хайрат:

Душанбе, шонздаҳ ё ҳафтади ҷумоди нахуст,

Расид Ҳайрати мо бо **ду-се рафиқ** ин чо [341, 163].

В понедельник шестнадцатого или семнадцатого

месяца первого джимода,

Добрался Хайрат с двумя или тремя друзьями в эту местность.

Как видим в приведенном словосочетании «ду-се рафиқ ин чо» // «бо ду-се рафиқ» (двумя тремя друзьями) употреблено неопределенно-количественное числительное «ду-се» (два-три).

В составе некоторых примыкающих субстантивных словосочетаний употреблено неопределенно-количественное числительное «хафт-хашт» (семь-восемь) в следующем бейте Ходжи Хусайна Кангурти:

Ҳайфи он сармоёе, к-ӯ ройгон аз каф гузашт,

Худ шумори насл кард ин **накдро бо хафт-хашт** [342, 46].

О, жал тому богатству, которое зря улетучилось,

Раздал все это своим семи – восьми наследникам.

В другом бейте Мухаммадсиддка Хайрат можно заметить следующее примыкающее субстантивное словосочетание имени числительного с именем существительным:

Шабе бемунису бе ёру бе хамдам,

Ба эхзонхонаи худ бо **хазорон ғам** [341, 127].

Однажды ночью без друга и без собеседника,

В своем жилище печали сидел я в полном горе.

В газелях Ходжи Хусайна Кангурти нам удалось обнаружить разнообразные варианты употребления количественного числительного «як» (один, единица) в составе примыкающих субстантивных словосочетаний и некоторых из них можно привести ниже с переводами:

Метавон рамзе шикофт аз айнаки лавхи хубоб,
К-ин мухит аз **як намудоре** нишон нодида рафт [342, 76].

Сможешь раскрыть секреты на скрижалах пузырьков,
В этом пространстве не смогли заметить явных знаков.

Или:

Сад субх дамиду хичил аз хилвати мо рафт,
Бо **як дами** оху илтичое нарасидем [342, 241].
Прошли сотни ночей и ушла с нашего келья смущенной,
Наши просьбы и рыдания не помогли быть приближенным.

В другом бейте поэт говорит:

Бо **як нигахе** чaxon ба хам кун.
Ҳочӣ, пас аз ин ту нола кам кун [342, 293].

Одним взглядом сокруши всю вселенную,
О, Ходжи, после этого перестан ты рыдать.

Или:

Кас нест, шавад ба **як замоне** қонеъ,
Бо як дами обу хушки ноне қонеъ [342, 350].
Нет человека, удовлетворенным одним мигом жизни,
Нет человека, удовлетворенным водой и лепешкой.

Или в другом бейте:

Афтода ба хоку дида исфед,
Бо **як нигахи** ту интизорем [342, 365].

Мы опавшие в прах и в ожидании,
Чтобы мигом взглянула ты на нас.

В другом бейте Ходжи Хусайни Кангурти употребляет словосочетание «як дили доғ» (одно раскаленное сердце):

Надорам майли хотир бо гулу бог,
Гули берангу ман бо **як дили доғ** [342, 398].

Нет у меня желаний посмотреть на цветы и сады,
Я как цветок без цвета и раскаленным сердцем.

В творчестве Садриддина Айни нам удалось обнаружить различные варианты употребления количественного числительного «як» (один) в составе примыкающего субстантивного словосочетания в следующих бейтах:

Рӯзи ид аст, эй ҳарифон, бода дар соғар кунед,
Мехнати сирӯза бо **як чом** дур аз бар кунед! [331, 77].

О, друзья в день праздника налейте вином бокалы,
Месячный труд лучше одним бокалом от себя гнать.

В другом бейте:

Аз гоҳи майпарастӣ бурда ба тездастӣ
Аз **як нигоҳи** масте хуши чу ман ҳазоре [331, 149].

В среде опьянения и пиршества своей ловкостью
И взглядом одурманила ты тысячи пьяных как я.

В другом бейте Садриддина Айни можно заметить случай употребления неопределенно-количественного числительного «як-ду» (один-два) в составе примыкающего субстантивного словосочетания:

Рафт аз хотири ман дағдағай муллоӣ,
Дидам он шӯх чу бо **як-ду чапан** меояд [331, 71].

Теперь я забыл мечты о зазнайстве мулл,
Увидел красотка идет с двумя-тремя гуляками.

В творчестве Накибхона Туграла примыкающее субстантивное словосочетание с количественным именем числительным «як» (один) было обнаружено также в неповторимых вариантах, как в следующих бейтах:

Чй афсун аст, ё Раб, дар забони мори он гесӯ,
Ки оламро кунун бо **як сари мӯ** кард тасхират?! [338, 91].

О, боже, какое колдовство у змей этих локонов,
Кончиком волоска завладели всей вселенной.

Или в другом бейте поэта:

Гирад чаҳоне бо **як шабехун**,
Гофил мабошед аз рафтани рух! [338, 144].

Ночным набегом владеет миром,
Будте внимательны к ходам ладьи.

В других бейтах поэта также можно заметить следующие интересные моменты употребления имен числительных в составе примыкающих субстантивных словосочетаний:

Дар киём истода бо **як пой** аз шаб то сахар,
Кас намедонад, чй бошад оқибат мақсуди шамъ [338, 265].

Будто стоит в молитве одной ногой до утра,
Какова цель свечи - никому это не известно.

В другом бейте:

Чу ман аз **як ниғаҳ** сад кушта дорӣ,
Майи майхонаи чашмат фусун аст [338, 115].

Сотнями таких как я погубила одним взглядом,
Твои хмельные глаза полны колдовством.

Или:

Дар чаҳон сад шӯр аз **як чоми** тақсими азал,
Ҳеч медонӣ, ки андар дил чихо дорад кадах? [338, 142].

В мире сотни волнений из-за удела судьбы,
Разве знаешь, что в бокале судьбы что скрыто?

Или:

Бувад дашти чунун девонаам аз **як қадам**, лекин

Хаёли ҳалқаи он зулф занчирест бар пояш [338, 258].

В степи сумасшествия мечтают, чтобы я прошел как безумец,

И в степи этой развеяны раздумья о локонах красавицы.

В другом бейте:

Унсурию Асчадию Фаррухӣ

Нағмаи ҳар се ҳама аз **як садост** [338, 362].

Унсури, Асджади и Фаррухи,

Поют все трое в одной мелодии.

В некоторых случаях количественное имя числительное употреблено вместе с неопределенным артиклем в составе субстантивного словосочетания, где данный неопределенный артикль также выступает в роли связывающего средства составных компонентов субстантивного словосочетания как в следующих бейтах:

Бо **яке хичрон** ду рӯзи васл фоли тавъам аст,

Дар раҳаш то дидаам шуд з-интизориҳо дучор [338, 208].

Одной разлукой надейся на дни соединения,

Мои изумленные глаза сосредоточились в ее пути.

Или:

Бо **яке чунбиш** гирифтӣ баҳру бар,

Кас надида чун ту Искандарнишон [338, 377].

Одним движением себе присвоил моря и суши,

Никто еще не видал как ты - александроподобного.

Примыкающее субстантивное словосочетание с количественным числительным «ду» (два) в творчестве Ходжи Хусайна Кангурти употреблено в целях выражения различных идей и образов как в следующих примерах:

Мусаллам бо **ду зулфат** дилрабой,

Муҳаққақ бо **ду чашмат** фитна кардан [342, 272].

Безусловно твои локоны пленяют сердца

Твои глаза, несомненно вносят смятения.

Или в другом бейте:

Қатили ноҳақу бадри фалакмахд,

Қирон ӯ карда бо ду **ахтари саъд** [342, 403].

Неправедный убийца и небесная луна,

Приближался он к двум светилам небес.

В газелях Садриддина Айни нам удалось обнаружить применение количественного числительного «ду» (два) в составе примыкающих субстантивных словосочетаний в следующих бейтах:

Он бевафо чу хандазанон меравад ба ғайр,

Хуни дил аз **ду дида** равон мекунад маро [331, 21].

Та вероломная, идет улыбаясь с другими,

А я страдаю и проливаю кровавые слезы.

Или:

Эй фалак, он бемурувватро ба роҳи лутф ор,

Дар чунин рӯзе, ки соли беш аз **ду бор** нест [331, 33].

О, боже, приведи ту безжалостную в путь милости,

В эти дни, которые всего два раза в году париходят.

Или:

Гар тамошои канори ӯ насиби мо нашуд,

Аз **ду чашми** худ канори хеш чӯе мекунем [331, 105].

Если нам не удалось быть рядом с ней,

То рядом с нами будут ручейки слез.

В творчестве Накибхона Туграла употребления данной модели примыкающего словосочетания с употреблением местоимения «ду» можно рассмотреть на примере следующего бейта:

Аз **ду олам** обрӯ ин муддао бошад фузун:

Бар сари хони ғамаш як лаҳза меҳмонӣ маро [338, 49].

Такое намерение превыше чем уважения в двух мирах,
Когда я хоть на миг сию в горе от ее разлуки.

Также в такой форме нам удалось обнаружить примыкающее субстантивное словосочетание с употреблением имени числительного «дусад» (двести) в следующем бейте:

Офарин шасти хаданги чашми зехгири туро,
К-аз дусад дил бигзаронад новаки тири туро! [338, 52].
Хвала ресницам, подобным стрел твоих метких глаз,
Двухсот сердец могут прострелить в один миг.

В таком же порядке встречаются словосочетания, образованные из и количественных числительных «чор» (четыре) и «шаш» (шесть) в следующем бейте:

Панч навбат мезанад андар чаман аз **шаш чихат**
Оразу рухсору лаълу хандаат аз **чор гул** [338, 391].
Пятикратно превышают цветника шестистороннего мира
Твой лик, твои румяны, твои губы и улыбки как четыре цветка.

Употребления числительного «сад» (сто) нам удалось выявить в основном в значении множества и бесконечного количества предметов, понятий и явлений, как в следующих примерах:

Моҳ дар пеши рухат як ламъа бошад аз сароб,
Гул зи девони чамолат як варақ аз **сад китоб** [338, 83].
Луна перед твоим лицом как видимость марева,
Цветочек твоей красоты будто листочек из сотни книг,
Или в другом бейте:

Хушам бо ҳасрати дарду ғами ҳичрони ӯ, Туғрал,
Ба комам захри ҳачраш хуштар аз **сад ангубин** бошад [338, 161].
Я так рад Туграл, от ее разлуки и печали ее любви,
Яд ее разлуки для меня слаще, чем сотни сладости меда.

В другом бейте:

Равшан аст мазмуни Бедил, Туғрал, аз **сад офтоб**:

«Зарра ҳам кам нест, то бошӣ, ҳамин миқдор бош!» [338, 244].

Ярко выражена мысль Бедиля как сотни небесных светил,

«Пылинка также не мало, если ты столько, то будь таким».

Как видим, употребление количественного числительного «сад» в определенной степени направлено на обозначение категории неопределенности и в таком же значении употребляется числительное «хазор» (тысяча) в следующих бейтах из поэзии Накибхона Туграла:

Ту лофи нағмаи ишқаш мазан, ки дар гулшан

Яке зи нолаи ушшоқ аз **хазори ту** нест [338, 128].

Твои слова только хвастовство о ее любви, а в цветнике,

Одну мелодия любви не найти в твоих тысячи распеваний.

Или в другом бейте:

Дорад чаман зи равнақи фасли баҳор ранг,

Ҳар барги гул гирифта магар аз **хазор ранг** [338, 174].

Цветник рвзукрашен весной цветами,

В каждом лепестке цветка тысячи красок.

В таком же порядке нам удалось обнаружить примыкающие субстантивные словосочетания с употреблением имен числительных в творчестве Мухаммадсиддика Хайрат:

Тапида дил, шуда хайрон, парида ранг аз рӯ,

Марост ҳосили ин се **аз он чаҳор - абрӯ**,

Ба банди меҳнатам аз **шаш чихат** гирифта фурӯ,

Се чиз карда муҳайё ба қатлам он бадхӯ,

Нигоҳ - теғу мижа - новаку камон – абрӯ [341, 183].

Сердце трепетало, я удивлен, мое лицо побледнело,

В трех мучениях я из-за тех четырех – глаза и брови,

Меня заковала с шести сторон, я теперь в плену,
Чтобы меня казнить она подготовила три вещи,
Глаза – меч, ресницы – стрелы, а лук – брови.

По сравнению с другими именами числительными чаще встречается в составе примыкающих субстантивных словосочетаний количественное имя числительное «сад» как в следующих бейтах Накибхона Туграла:

Карда устои азал имрӯз бо **сад хуни дил**
Гунчаатро аз гулистони латофат интихоб [338, 84].
Мастер извечного мира сегодня обливая сердце кровью
Для тебя выбрал красивейшие бутоны изящества.

Или:

Дар чаман гулро агар бинӣ ту бо **сад рангу бӯ**,
Гар на монанди рухи ӯ бишкуфад, машмор гул! [338, 286].
В саду как заметишь цветы в сотни красок и аромат,
Если как ее ликне расцветут, то не считай цветками.

Как заметно, количественное имя числительное «сад» в данных словосочетаниях употреблено для обозначения множественности и обилия и в таких значениях оно употреблено и в следующем бейте:

Ишваат бо **сад фусун** оҳанги сайёдӣ кунад,
Алғараз, холӣ надидам аз хунар як чотро! [338, 404].
Твое кокетство сотнями заклинаний ловит сердца,
О, боже, я никогда не заметил ее без колдовства.

В творчестве Ходжи Хусайна Кангурти также в составе примыкающих субстантивных словосочетаний употреблено количественное имя числительное «сад» (сто) в как в следующих бейтах:

Зи тангӣ гӯшаи дил ҳам надорад чойи ороме,
Нафас бо **сад тапиш** мегардаду ночор меояд [342, 142].
Из-за тесноты ни одном уголке сердца не найти покоя,

Дыхание в сотни трепетаний не найдя место выходит назад.

В другом бейте Ходжи говорит:

Зи парвози нафас хам роҳате пайдо намебинам.

Ки бо **сад тобу таб** аз колаби афкор меояд [342, 142].

И во взлете дыхания не найти блаженства,

В сотни трепетаний исходит из наших мыслей.

В другом бейте приводится:

Корвони умр, Ҳочӣ, меравад бо **сад шитоб**,

Раҳнавардонро зи тарки манзилу маъво чи ҳаз [342, 206].

О, Ходжи, караван жизни идет так поспешно,

Странствующим отречение от жилья ни к чему.

В другом бейте Ходжи Хусайна Кангурти можно заметить, что количественное числительное «ҳазор» (тысяча) в составе примыкающего субстантивного словосочетания употребляется с суффиксом множественного числа имен существительных «-он» в форме «ҳазорон» (несколько тысяч, сотни тысяч):

Нагардад ҳалқа чун мори сиях гесу ба рӯи ӯ,

Ки мӯ дар оташ афтад, бо **ҳазорон тоб** меларзад [342, 111].

Не становятся локоны как черная змея в лице ее,

Волосок в огне превратится в тысячи завиток.

В творчестве Садриддина Айни также встречаются случаи употребления количественного числительного «сад» (сто) в составе примыкающих субстантивных словосочетаний, как в следующем бейте:

Умеди мехрубонӣ кардам аз он шӯх бо **сад саъй**,

Вале номехрубон бо худ, ба душман мехрубон кардам [331, 109].

Я надеялся сотни раз, что любимая проявит милость,

О, как я ласково с врагом, относился к себе враждой.

Таким образом, имена числительные в составе субстантивных словосочетаний употребляются также и при помощи примыкания и обозначают различные значения количества и порядка, а также определенного и неопределенного, приблизительного количества понятий, предметов, процессов и явлений.

3.6.3. Примыкающие словосочетания модели «имя существительное +местоимение» (N+Pr). Примыкающие словосочетания, состоящие из имен существительных и местоимений как в таджикском языке классического периода, так и в современном таджикском литературном языке употребляются достаточно продуктивно. Как отмечается в академической грамматике современного таджикского литературного языка: «Микдори ибораҳои исми алокаи ҳамроҳӣ, ки ҷузъи тобеашон ҷонишин аст, дар забони тоҷикӣ кам нест, вале на ҳамаи хелҳои ҷонишин бо алокаи ҳамроҳӣ ба исм тобе мешаванд. Ба вазифаи ҷузъи тобеи ин ибораҳо ҷонишинҳои таъинӣ, саволӣ (ба ғайр аз кӣ), ишоратӣ, номуайяни ва манфӣ меоянд» [77, 42] - субстантивные словосочетания с зависимым компонентом местоимений в современном таджикском литературном языке составляют значительное количество именных словосочетаний, однако не все местоимения могут участвовать в образовании субстантивных словосочетаний предложной конструкции. В роли зависимого компонента данной группы словосочетаний могут выступить определительные, вопросительные (кроме вопросительного местоимения «кӣ?»), указательные, неопределенные и отрицательные местоимения.

Ниже мы попытаемся привести образцы словосочетаний, рассматриваемой нами в данном разделе модели из творчества поэтов исследуемого периода и в творчестве Накибхона Туграла можно рассмотреть

следующие модели как «хама+исм», которые состоят из определительного местоимения и имени существительного:

Кӯтоҳ намуд аз **хама савдои чаҳонам**

Зулфи ту, ки сармояи як умри дароз аст [338, 99].

Я отречен от всех мирских забот,

Твоими локонами я привязан страстям.

В другом бейте:

Ҳар чо, ки зи нақши кафи пои ту нишонест,

Чун арсаи маҳшар **хама дам** ғулғулаҳез аст [338, 101].

Везде, где следы твоих ног и метки твоей походки,

Всегда смятение судного дня, волнения и тревоги.

У Ходжи Хусайна Кангурти также встречаются своеобразные способы употребления данного определительного местоимения, как в следующих бейтах:

Айши ин маҳфил **хама** тимор медонем мо,

Шахси махмалхобро бемор медонем мо [342, 46].

Наслаждение в этом кружке будто страдание для нас,

Плетельшик бархатов для нас кажется больным.

В творчестве Садриддина Айни можно заметить также случаи употребления примыкания в образовании субстантивного словосочетания модели «местоимение+существительное» как в следующем бейте:

Ин буд **хама умр** муроди дили Айни,

Сад шукр, ки ёр омаду ағёр наёмад [331, 47].

Всю жизнь мечтал Айни об этом,

Пришла любимая и не явились недруги.

Таких интересных примеров по употреблению определительного местоимения «хама» (все, всё) можно заметить и в творчестве Шамсиддини Шохин как в следующих бейтах:

Расид бо **хама** **осоиш** аз сипеҳр вале,
Ба чони ман нарасид аз замона ғайри шиканч [343, 111].
Всем досталася радость от судьбы и вращения небес,
Но для меня всегда предначертаны боль и страдание.
Или в другом бейте:
Эй бар **хама** **орзу** тавоно,
Девона ба ному лек доно [343, 177].
О, ты всегда способен всем мечтам,
Будто безумный, но умен в своих делах.

Другое определительное местоимение таджикского языка «ҳар» (каждый) как и предыдущее определительное местоимение «хама» в поэзии исследуемого периода употребляется довольно часто и является продуктивным местоимением. В творчестве Накибхона Туграла можно заметить следующие моменты употребления местоимения «ҳар»:

Ҳар **замон** чун шамъ андар хонаи дил бинамаш,
Садди роҳи он парӣ ҳаргиз дару девор нест [338, 125].
Каждый раз как свеча она в келье сердца светится,
Ни стены, ни двери не смогут препятствовать ей.
В другом бейте:
Шаб, ки дар дил акси хуршеди рухи ӯ чо гирифт,
Зулмати **ҳар** **зарраам** боч аз яди байзо гирифт [338, 133].
Ночью в сердцах своим ликом озаряет как солнце,
В душе моей проявит божественное просветление

В творчестве Ходжи Хусайни Кангурти также употребление данного местоимения можно рассмотреть в различных вариантах и значениях в составе субстантивных примыкающих словосочетаний. Например:

Аз лаби **ҳар** **зарра** шӯри сад киёмат медамад,

Дар биёбоне, ки Мачнунам садо афкандааст [342, 66].

Из каждой песчанки извергает волнения судного дня,

В той степи, где распространены слухи моей любви.

Или в другом бейте:

Бар гӯши ту **ҳар шаб**, ки расад нолаи шеван,

Ҳочист чу Мачнун ба ҳаёхуйи ту рафтаст [342, 86].

По ночам, когда тебе слышны стоны и плач,

Это Ходжи, который ищет тебя повсюду.

В газелях Садриддина Айни также встречаются некоторые субстантивные словосочетания, которые образованы при помощи определительного местоимения и примыкающей связи:

Чашми хунрезат ба олам он қадар бедод кард,

Ҳар кас аз туркони чингизӣ ба хубӣ ёд кард [331, 52].

Твои глаза натворили столько деспота и гнета,

Тогда вспомнили о монголах, что они были добрее.

Или в другом бейте:

Аз аҳли тараб кас нагузоред ба ҳар ҳол,

Ҳар кас, ки биёбед ба ҳар ранг, биёред [331, 61].

Из числа тех, кто веселится и радуется,

Найдите и приведите во что бы не стало.

В поэзии Шамсиддина Шохина также можно встретить подобные конструкции употребления определительных местоимений:

К-инак писаре ба **ҳар фан** устод,

Бо ман писар асту бо ту домод [343, 192].

Вот этот парень мастер на все руки,

Он теперь мне сын а тебе он зять.

Или в другом бейте:

Аз ғулғули кӯсу нолаи ной,

Мекӯфт ачал ба **ҳар тараф** пой [343, 193].

Ревом барабан и стонами горни,

Жертв искала смерть по полям войны.

Другая наиболее продуктивная группа местоимений в образовании примыкающих субстантивных словосочетаний является группа указательных местоимений, которые составляют значительную часть всех местоимений таджикского литературного языка. В творчестве Ходжи Хусайни Кангурти, Накибхона Туграла, Садриддина Айни, Шамсиддина Шохина, Мухаммадсиддики Хайрат и других их современников можно встретить большую группу примыкающих субстантивных словосочетаний модели «местимение+имя существительное» и в данном случае мы приводим примеры в которых можно рассмотреть все основные структурно-семантические особенности данной категории субстантивных словосочетаний. В поэзии Накибхона Туграла можно заметить следующие моменты употребления указательного местоимения «ин» (это, этот) в составе примыкающих субстантивных словосочетаний:

Гар ба **ин шӯҳӣ** бувад ойинаи дарёи мавч,

Лағзиши назора моҳӣ метавон шуд ҷои мавч [338, 139].

Если в таком ритме волны в речки играют,

То наш взгляд превратится в рыбки между волн.

Или в другом бейте Накибхона Туграла можно рассмотреть следующий пример:

Яъсро роҳе набошад дар ҳарими **ин ҳарам**,

Кай бувад маҳрум ин ҷо як кас аз анвори мавч? [338, 140].

В этом священном месте не быть печали и скорьби,

Нет обездоленных из тех, кто под сиянием волн.

Указательное местоимение «ин» является сравнительно многоупотребительным в составе различных конструкций, в том числе в

составе примыкающих субстантивных словосочетаний, которые встречаются в творчестве Ходжи Хусайни Кангурти как в следующих бейтах:

Чу соғар бар танам ҳар мӯ хати бишкастагӣ овард,
Магар **ин шиша** бар санге зи тоқ афтод аз дастат [342, 86].
Я как бутыл вина раздроблен каждым волоском любви,
Будто ты уронила из рук бутыл с высокой полки на камень.
Или:

Зи девони вафо ҳарфе надорӣ ёд, медонам,
Гирифт **ин номаро** рӯзи азал устод аз дастат [342, 86].
Не помнишь из книги преданности даже одну букву,
Или изначально учитель забрал эту книгу у тебя.

Таким образом, в поэзии мастеров слова исследуемого периода можно обнаружить в большом количестве субстантивных словосочетаний модели «имени существительного и именных частей речи». Следует отметить, что данная модель словосочетаний имеет определенную схожесть со словосочетаниями модели «имя существительное+имя существительное», означающие взаимоотношения главного и второстепенного компонентов словосочетаний. При этом, основное отличие разновидностей рассматриваемых моделей заключается в их содержательных и функциональных особенностях.

ГЛАВА 4. АДЪЕКТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

Вопросы адъективных словосочетаний в современном таджикском языкознании относятся к актуальным проблемам по исследованию и изучению именных словосочетаний. В современном таджикском языкознании посвящен ряд исследований вопросам адъективных словосочетаний, которым можно отнести работы таджикских лингвистов как Д.Т. Таджиев, М.Н. Касымова, М. Акрамов, А. Мирзоев, С. Курбонов, М. Темурова. О роли и места имен прилагательных в образовании словосочетаний в таджикском языке еще писал профессор Д.Т. Таджиев, что имя прилагательное в структуре словосочетаний имело как препозицию, так и постпозицию, но со временем в иранских языках западной группы, в том числе и в таджикском постепенно данная часть речи приобрело свое определенное место, и при этом средства связи были также различными, в том числе и согласование. «В ходе исторической эволюции иранских языков в отдельных языках установились различные типы связей определяемого с определением. Общей для всех языков была тенденция к ослаблению или полной утрате согласования, поскольку в ходе развития иранских языков система именной флексии сильно упростилась, сведясь к сохранению в основном лишь форм двух падежей (прямого и косвенного) или - как в таджикском, персидском и некоторых других языках – к сохранению формы лишь одного падежа. В восточноиранских языках (осетинском, афганском, припамирских, ягнобском) в настоящее время характерна препозиция определения определяемому. В таджикском языке, как и в персидском, а также в курдском, основным способом связи стал изафет, соединяющий определяемое с определением» [247, 156]. Именно поэтому имена прилагательные в современном таджикском языке выступая в основном в роли определения занимают в большинстве случаев в структуре словосочетания постпозицию, но наряду с этим также сохраняя свои исторические свойства в

незначительной степени иногда занимают также и препозицию. Весьма интересным представляется тот факт, что имена прилагательные занимают препозицию именно в словосочетаниях, образованных примыканием и сравнительно реже в словосочетаниях изафетной связи. Поэтому основную группу адъективных словосочетаний составляют модели предложно-последложной конструкции адъективных словосочетаний, которые в свою очередь состоят из составных моделей адъективных словосочетаний с предлогами и предложно-последложных адъективных словосочетаний.

Следует отметить, что вопросам адъективных словосочетаний в таджикском литературном языке посвящено диссертационное исследование М. Акрамова, который об актуальности изучения данной категории словосочетаний отмечает: «При ближайшем рассмотрении в целом проблемы словосочетания выясняется, что, если не считать отдельные, попутно с каким-либо грамматическим вопросом сделанные замечания, адъективные словосочетания в современном таджикском литературном языке остаются неизученными. Между тем совершенно очевидно, что всестороннее изучение и научно обоснованная классификация и характеристика сочетаний с прилагательными представляет огромный интерес как в плане теоретическом, так и практическом» [9, 32].

Таким образом в данной главе мы попытались рассмотреть структурно-семантические особенности адъективных словосочетаний в таджикском языке на материалах поэтического наследия конца XIX и начала XX века. Наряду с этим проводится анализ и интерпретация морфологического состава, способы связи и другие грамматические особенности словосочетаний данной конструкции в таджикском литературном языке.

4.1. Предложные и предложно-послеложные конструкции адъективных словосочетаний

Предложно-послеложные адъективные словосочетания и особенно предложные адъективные словосочетания в таджикском литературном языке встречается довольно часто и о разнообразии данной категории словосочетаний таджикский языковед М. Акрамов отмечает, что «об адъективных словосочетаниях с предлогами даются краткие сведения и в учебнике синтаксиса для высшей школы. Такие словосочетания весьма разнообразны как по форме, так и по содержанию. Именно поэтому они составляют большую группу адъективных словосочетаний в современном таджикском литературном языке и наиболее употребительны в нем. Как показывает языковой материал словосочетания могут выступать почти со всеми простыми предлогами аз, ба, дар, андар, то, бо, бе, бар, барои» [9, 7]. Собранный нами материал из поэзии Накибхона Туграла и его современников показал, что простые по структуре предлоги также продуктивно употребляются в образовании адъективных словосочетаний таджикского литературного языка. Поэтому мы в первой части данного раздела подробно рассматриваем адъективные словосочетания с предлогами и попытаемся провести классификацию данной модели словосочетаний.

4.1.1. Адъективные словосочетания с предлогами – Prp+ Adj (Adj+prp).

Таджикская классическая поэзия в изучении и исследовании особенностей таджикского литературного языка является важнейшим и ценнейшим источником и богатой кладью неисчисляемых языковых примеров, где можно обнаружить несравнимые по ценности и значимости материалы. Именно поэтому творчество поэтов второй половины XIX и начала XX века для данного исследования представляет, как в научном, так и в практическом плане весьма значимый источник. Как уже было отмечено,

как в современном таджикском литературном языке, так и в языке поэзии конца XIX и начала XX века в образовании адъективных словосочетаний сравнительно продуктивнее употребляются простые предлоги. Поэтому мы решили прежде всего рассмотреть грамматические и языковые особенности данной группы предлогов.

Предлог «аз» (из) в поэзии исследуемого периода употребляется в различных грамматических функциях и прежде всего в обозначении сравнительного, причинно-следственного, объектного, пространственного и объектного отношений, а также отношения зависимости определения от чего-либо. Как об этом отмечает М. Акрамов «существительные, которые вместе с предлогом указывают в словосочетании на сравнительные отношения, в количественном и семантическом отношении превалируют над другими частями речи. Все конкретные и абстрактные существительные могут сочетаться с качественными прилагательными при помощи предлога аз» [9, 7]. Таким образом, предлог «аз» достаточно продуктивно применяется в образовании адъективных словосочетаний. Например, в творчестве Накибхона Туграла приводится в составе следующих адъективных словосочетаниях предложной конструкции:

Намепурсад ба чуз бори гунаҳ кас аз раҳовардат,

Набошад армуғоне **бехтар аз рӯйи сиёҳ** он чо! [338, 32].

И никто тебя не спросит кроме твоей вины, нет слов о твоих удач,

И в этой среде нет лучше подарка, чем очерненный лик человека.

Таких примеров можно встретить в творчестве других современников Накибхона Туграла, как в творчестве Ходжи Хусайна Кангурти в следующем бейте:

Гунаҳам **поктар аз тоати** зоҳид бошад,

Ки ба худ рафта маро дил зи гунаҳ тарсон аст [342, 60].

Мои грехи чище чем молитва аскета,

Так как мое сердце всегда опасается грехов.

В адъективных словосочетаниях с предлогом «аз» можно обнаружить различные значения во взаимоотношениях составных компонентов данной модели словосочетаний как сравнительное отношение, объектное отношение, причинно-следственное отношение, пространственное отношение, временное отношение. Например, в следующих примерах мы можем наблюдать сравнительное отношение, которое часто встречается в адъективных словосочетаниях, так как в поэзии очень часто сравнивают лирического героя или других описываемых образов и героев с определенными объектами, понятиями, чтобы показать состояния или места объекта и этим дать свою соответствующую оценку:

Ҳеч дар мулки чахон чун **ӯ** парирухсор нест,

Ахриманро **бехтар аз гесӯи ӯ** зуннор нест [338, 125].

Нет в этом мире красивее чем она, и даже.

Ее локоны могучи, чем Ахриманово колдовство.

Или в других бейтах Ходжи Хусайна и Накибхона Туграла можно заметить, что в качестве сравниваемого составного компонента адъективного словосочетания выступают местоимения как личные типа «ман» (я) в форме словосочетания «бехтар аз ман» (лучше, чем я), так и указательные типа «ин» (этот, это) как «бехтар аз ин» (лучше чем этот):

Ходжи Хусайн:

Зевари дасти марду зан **бехтар аз ин ду** чиз нест,

Аз яки он нисори зар, бар дигаре сувори зар.

Укрошает руки мужчин и женщин лучше всего,

Когда одни руки дарят, а другие красиво носят [342, 123].

Накибхон Туграл:

Нестам ғамгин, агар имрӯз саррофи сухан

Бехтар аз ман дар арӯси маънӣ домод оварад [338, 154].

Не обижусь если другой поэт сладоуст,
Сможет сочинят лучше, чем я стихи.

Или в другом бейте:

Хушам бо ҳасрати дарду ғами ҳичрони ӯ, Туғрал,
Ба комам захри ҳаҷраш **хуштар аз сад анғубин** бошад [338, 161].
Я рад Туғрал, что страдаю от болей ее разлуки,
Будто яд ее разлуке мне кажется, как мед.

Как видим, поэт, рассматривая разлуку с возлюбленной горькой как яд, одновременно сопоставляет такое состояние с медом и в итоге считает, что такое расставание и такая разлука хотя трудно, но слаще чем мед, так как он в таком состоянии всегда мечтает о ней и он погружен в раздумьях о ней. Поэтому в поэзии сопоставление занимает особое место и в творчестве данного периода мы не можем обнаружить газели или другие поэтические жанры, где поэт не прибегал бы к сравнениям. Поэтому в творчестве поэтов исследуемого периода по сравнению с другими конструкциями адъективных словосочетаний в большом количестве можем наблюдать словосочетаний, в которых чаще проявляются сравнительное отношение составных компонентов.

Сози мо ҳарчанд дар бозори ибрат камбахост,
Назди ушшоқ аст лекин **хуштар аз чон** нолаам [338, 291].

Наша мелодия на рынке хотя ценится не высоко,
Для влюбленных она дороже, чем мелодия души.

Или:

Аз сари ихлос кардам остони ӯ ватан,
Хоки кӯяш **бехтар аз хулди** баринам кардаанд [338, 176].

Из-за преданности я выбрал порог ее дома обиталищем,
Так как ее порог мне лучше, чем блаженство рая.

При применении слов в составе адъективных словосочетаний в целях

сравнительного отношения поэт употребляет известные термины и частоупотребляемые слова, которые встречаются в поэзии как ранней классики, так и в художественной литературе его времени. Например, в вышеприведенном бейте словосочетание «хулди барин» (рай) является частоупотребляемым в поэзии его времени и поэтому он приводит данный термин для сравнения с порогом возлюбленной. Наряду с этим в таком контексте поэзии многие поэты излагают свои религиозно-философские, а точнее суфийские взгляды и поэтому приходится применять такие слова или словосочетания вместе с суфийскими и религиозными терминами. Наряду с этим, в поэзии исследуемого периода можно наблюдать и другие слова повседневного употребления, а также термины и других отраслей и этим можно сказать, что поэзия данного периода намного богата языковыми средствами, лексикой и различными семантико-стилистическими средствами выражения мысли. В подобных адъективных словосочетаниях также можно наблюдать и объектные, и причинно-следственные, и пространственные отношения составных компонентов и их взаимосвязь с реальностью. Например, в следующих поэтических строках мы можем заметить, что сравнительное отношение выражается также при помощи и других средств и не обязательно нужно привести показатель сравнительной степени имени прилагательных «-тар» как в предыдущих примерах:

Чуз арбоби маони чумлаи халқи чаҳон яқсар,

Кам аз гованд дар дониш, магар гӯсола бинвисам [338, 302].

Кроме смысленных, есть у всех народов мира подряд,

Глупее коровы в знании, и писать, что ли для тельцов.

Как видим в адъективном словосочетании «кам аз гов» (меньше разума, чем у коров), слово «кам» (мало) употребляется в целях сравнения и при обозначения отношения весьма значимую роль играет предлог «аз» (из) и во многих словосочетаниях мы можем заметить, что данный предлог

употребляется очень продуктивно в образовании адъективных словосочетаний со значением сравнения и объектных отношений, как можем видеть и в следующих примерах:

Сӯзани марҳам агар **борик аз фикри** ман аст,
Хори роҳи ишкро кай метавон аз по гирифт? [338, 134].

Если иголька целебная тоньше чем моя мысль,
Тогда как можно колючку любви вытащить из ног?

Или в другом бейте автор считает, что нет в мире слаще чем благодеяние и он всегда ожидает от своей любимой взглянуть на него хоть один раз как милость и благодеяние с ее стороны:

Ҷониби мо, мустамандон кун, Худоро, як назар,
Ҳеч набвад дар ҷаҳон **некӯтар аз эҳсон** лазиз! [338, 203].
Взгляни хоть раз в нашу сторону и радуй нас опечаленных,
Нет в этом мире слаще чем творить милость и благодеяние.

В следующем бейте мы можем наблюдать объектное отношение составных компонентов адъективного словосочетания, которое образовано при помощи предлога «аз»:

Ҳамдамонам нокасонӣ ғӯлу **аз дониш тихӣ**,
Сӯхбати донишварон амри муҳолам кардаӣ! [338, 344]
Приятеlem подлых демонов сделал ты меня,
Общениа с мудрецами лишила ты меня!

Таким образом, в составе адъективных словосочетаний данной модели мы можем наблюдать такие слова, которые могут быть разными как в плане структуры – простые, производные, сложные, так и в плане исторического происхождения – исконно таджикские слова, заимствованные слова с арабского, тюркского языков. Например, в следующем бейте адъективное словосочетание «мушкилтар аз он маъно» (сложнее чем та смысл), образовано при помощи заимствованных слов с арабского языка «мушкил»

(сложный) и «маъно» (значение) и только местоимение «он» (тот) и предлог «аз» (из) являются исконно таджикскими словами. В данном словосочетании приводится сравнительное отношение и в большинстве словосочетаний мы можем наблюдать употребление как исконно таджикских, так и заимствованных слов:

Мушкилтар аз он маънии борики дигар нест,
Дарсе, ки ту хондӣ ба дабистони тағофул [338, 283].

Нет сложнее, чем того утонченного значения,
Нет сложнее, чем того утонченного значения,
Которому нас ты учила в школе удивления.

Или в следующем бейте в составе словосочетания «аз ман пештар хушам» (мой разум прежде чем я) все слова являются исконно таджикскими и наряду с отношением сравнения также представлено отношение времени.

Зи дасти хеш то додам инони сабру тоқатро,
Ба ёди пойбӯсаш рафта **аз ман пештар хушам!** [342, 278].

О, я не смог сдержаться, упустил узду своего терпения,
К ногам ее, прежде чем я, упали моя душа и мое сознание.

В некоторых случаях можно наблюдать также отсутствие показателя сравнительной степени в именах прилагательных, но отношение рассматривается как сравнительное, например, словосочетание «харир аз гул» (нежнее цветка) как в следующем бейте:

Эй орази ту **харир аз гул,**
В-эй зулфи сиёхи ту муанбар. [338, 214].
О, лик твой прекрасный нежнее цветка,
Твои чёрные кудри носят аромат амбры.

В нижеследующем бейте известного поэта исследуемой нами эпохи накибхона Туграла приводится адъективное словосочетание при помощи классического варианта предлога «аз» в форме «зи», которая чаще всего

встречается в поэзии «шарманда зи чехра» (смущенные от лика), где мы видим объектное отношение:

Шарманда зи чехраи накӯят,
Гардида ҳама бутони озар. [338, 214].

От твоего прекрасного лика,
Даже смутились статуи храма огня.

Или

Паҳнои дашти хичрон чун вусъати ду олам,
Роҳи висоли чонон **борик аз сари мӯ!** [338, 346].

Шир поля разлуки охватит двух миров,
Путь к любимой тесен и тоньше чем волосок.

В другом бейте Накибхона Туграла в адъективном словосочетании «сафед аз интизор» (белые от ожидания) мы видим причинно-следственное отношение, так как от долгого ожидания будто глаза утомились:

Сафед аз интизори макдамат шуд чашми уммедам,
Хушо рӯзе, ки ҳамчун нур бар чашмам ниҳӣ поро [338, 33].

Утомились мои глаза от ожидания на твои пути,
Как приятно если настанешь как свет моих очей.

Таким образом, по сравнению с другими видами адъективных словосочетаний в поэзии исследуемого периода чаще употребляются адъективные словосочетания со сравнительными отношениями как в следующих бейтах:

Хоки кудумаш аз он бар сари ман афсар аст,
Сабзай гулранги **ӯ аз чаман афзунтар** аст [342, 372].

Пыл от ее ног поднесу на голову свою,
Она красивее во многом чем весенний цветник.

Или:

Танам **камтар зи хоки роҳ** дар роҳи ту мегардад,

Сабо бечо, вале бо давлату чоҳи ту мегардад [342, 381].

Мое тело как земной прах у твоих ног,
Ветерок веет по твоей воле в твоём владении.

Или:

Лаъли лаби ту табарзадоро

Бекадртар аз пиёз карда! [342, 312].

Твои красивые губы всю сладость,
Обещали и умаляли их достоинства.

Следует отметить, что в структуре некоторых адъективных словосочетаний предложной конструкции также встречается употребление изафета, который не употребляется с именами прилагательными, так как если изафет применяется с именами прилагательными в составе адъективных словосочетаний, тогда данное словосочетание относится к изафетным адъективным словосочетаниям, о которых речь будет идти в последующих разделах данной работы.

Таким образом, предлог «аз» с его вариантом «зи» по сравнению с другими простыми предлогами таджикского языка наиболее продуктивно употребляется в составе адъективных словосочетаний поэзии представителей литературы конца XIX и начала XX века, о чем свидетельствуют вышеприведенные примеры. Наряду с этим можно привести достаточно большое количество примеров, где можно рассмотреть различные грамматические особенности данного предлога, как в следующих бейтах:

Нест назире ба Назирӣ дигар,

Бештар аз гуфтаи ӯ мадххост [342, 324].

Никого нельзя сравнить с Назири,

С тем, что столько спеты восхвалений.

Или:

Пеши қахрат талхии захри ачал

Хуштар аст аз шаккари Ҳиндустон [342, 338].

По сравнению с твоей злостью яд смерти,
Кажется, слаще чем индийский сахар.

Как раз об этом говорится в академической грамматике таджикского языка «Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик», что «доираи ифодаи муносибатҳои киёси бисёр васеъ мебошад. Дар ин ибораҳо ҳамчун чӯзӣ асоси сифатҳои асли ва чӯзӣ тобеъ исм, ҷонишин ва масдар истифода мешавад» [77, 51] - круг употребления адъективных словосочетаний со сравнительными отношениями намного шире по сравнению с другими. В конструкциях данной модели словосочетания часто главным компонентом выступает имя прилагательное и в качестве зависимого компонента выступают имена существительные, местоимения и инфинитивы.

Агар ба сайри сари кӯи ӯ мақом кунам,
Ҳаловати сари он кӯй **беҳтар аз гулзор!** [342, 347].

Если намереваюсь гулять по местам, где она живет,
Мне кажется приятнее чем гулять по цветнику.

Или:

Зи ғалла баҳрае гиранд мардум,
Зи ҳар ҷинс аз ҳама **беҳтар зи гандум** [342, 356].

Много пользы людям от зерновых,
Но больше всего пользы от пшеницы.

В некоторых адъективных словосочетаниях рассматриваемой модели можно обнаружить несколько компонентов из числа самостоятельных частей речи как в следующем примере, где составными компонентами предложной модели адъективных словосочетаний являются имя прилагательное, местоимение и глагол, а средством связи является предлог «аз»:

Шикоят аз замону шиква аз баҳти забун то кай,
Ки **неку бад ҳама аз кардаи атвор дарёбӣ** [342, 308].

Жалобы к чему от судьбы и от вращения небес,
Все добро и зло к тебе придет от самого себя.

Другой предлог таджикского языка, который сравнительно больше встречается в составе адъективных словосочетаний является предлог «дар» (**на, над**). Данный предлог в составе адъективных словосочетаний участвует в образовании отношения места и пространства, а также в образовании отношения времени, дополнения и ограничения. Чаще всего значения определяются семантическими особенностями основных компонентов состава адъективного словосочетания, но при этом мы не можем игнорировать грамматическое значение предлога «дар», так как исторически данный предлог как отдельное слово имело свое определенное значение, которое в определенной степени сохраняется еще в нем и это прежде всего относится к пространству. Следовательно, основная грамматическая функция предлога «дар» в составе адъективных словосочетаний заключается в обозначении отношения пространства, как в следующих примерах:

Баски зулоли лабаш хубтар аз Кавсар аст,

Чун суханаш дар Адан дурру гухар камтар аст [338, 407].

Так как ее губы слаще чем райского родника Кавсар

Подобные ее слов редки жемчуги и перли в Адане.

В следующем бейте слово «мариз» (больной, болеющий) будучи именем прилагательного также означает влюбленного, который болеет от любви:

Набошад дар маризи ишқ ғайр аз васл маъчуне,

Ки раҳ дар набзи ошиқ нест ангушти Фалотунро! [338, 51].

Больному от любви нет лечения кроме сближения с возлюбленной

Платон не в силах почувствовать пульс больного от любви.

Следует отметить, что в поэзии Накибхона Туграла мы обнаружили всего 4 случаев употребления данного словосочетания, как и в следующих бейтах:

Дар маризи ишк бедармонӣ дармон мешавад,
Ҳеч дармоне ба дардам нест, дармонам абас! [338, 138].

Нест хочат **дар маризи ишк** доруе дигар,
Ҳаст дар захми ғами ӯ баски дармон нолаам.

В одном случае данной модели словосочетания использован другой вариант предлога «дар» в форме «андар»:

Доруи дигар кай бувад **андар маризи ишқи** ӯ,
Бемори чашмашро бувад пайваста дармон дар бағал [338, 281].

Нет другого лекарства для тех, кто болеет ее любви,
Кроме взгляда с ее стороны на этих больных.

Спорным остается, что слово «мариз» все-таки в приведенных примерах выступает в роли имени прилагательного или имени существительного, так как если рассмотреть «**маризи ишк**» в качестве словосочетания как в следующем бейте, то «мариз» означает имя существительное:

Раги дасти маризи ишк дорад шӯхии дигар,
Фалотун аз хумори набзи ӯ бемор мегардад [338, 149].
Кровь в венах больного любовью пульсирует своеобразно
И даже Платон заболевает, пока определит такую болезнь.

Но, если восстановить исконную модель данного словосочетания в своей эксплицитной форме, то мы получаем словосочетание в форме «**одами маризи ишк**», «**шахси маризи ишк**» и поэтому если опираться на логически и грамматически исконную модель данного словосочетания, тогда «**дар маризи ишк**» вполне соответствует адъективным словосочетаниям. Наряду с этим,

конструкция «**маризи ишқ**» употребляется с другими предлогами в соответствии модели адъективных словосочетаний как в следующем примере:

Бо маризи ишқ дору нест дар дуккони даҳр,

Мушкили Мачнуни моро Лайлӣ осон мекунад [338, 189].

Тому, кто болен любовью ни в одном ларьке нет лекарства,

Такую боль у Меджнуна может облегчить только Лейли.

Таким образом, в современном таджикском языке, так и в поэзии исследуемого нами периода можно обнаружить такие моменты, где при классификации именных словосочетаний возникают определенные трудности. На примере приведенного случая мы считаем, что для определения исконных особенностей этих словосочетаний необходимо выявить исходящие первые их модели, где можно будет рассмотреть исконные значения слов и других морфологических единиц. Подобно вышеназванному примеру также можно привести другое словосочетание, в котором основной компонент - слово «шарманда» (опозоренный, пристыженный, осрамлённый) является именем прилагательного, как в следующем бейте:

Эй зи рухсори ту гул **шарманда дар гулзорхо**

В-аз хиромат обро занчири ҳайронӣ ба по [338, 73].

От твоего прекрасного лика смущены цветы в цветнике,

От твоей походки у ручья столько удивления.

Но как мы видим, в данном словосочетании связь определения с определяемым происходит при помощи предлога «дар» (на, над), о котором более подробно речь будет идти в последующей части данного раздела. Однако, именно в данном словосочетании в определенной степени предлог «дар» становится взаимозаменяемым с изафетной связкой, в результате чего мы можем иметь форму словосочетания в форме «шармандаи гулзорхо» аналогичное по значению и по функциональным особенностям со

словосочетанием «шарманда дар гулзорҳо», где предлог выполняет также и функцию изафетных словосочетаний.

Такой модели словосочетания можем видеть и в следующих бейтах, где производное имя прилагательное «**афзун**» (много) выступает в роли наречия и определяет действия, так как если смоделировать правильную грамматическую форму предложения в составе нижеследующего бейта, то получается «дар об афзун манишин» (не будь так много в воде), где имя прилагательное «афзун» выступает в роли наречия. Следует отметить, что словосочетание «афзун дар об» (много в воде) может также применяться в роли адъективного словосочетания и тогда может выступать в составе распространенного атрибутивного словосочетания типа «мохии афзун дар об» (много рыб в воде). Например, в следующем бейте Накибхона Туграла данную модель можно рассмотреть, как зависящей конструкцией от действия субъекта:

Хезу доман каш, най маллох, аз ин бахри ғам,

Бими тўфон аст, маншин он кадар **афзун дар об!** [338, 82].

Встань и подними подол из моря печали, ты не мореплаватель,

Есть опасение, что будет шторм и так долго не будь в воде.

В следующем бейте адъективное словосочетание употребляется в составе распространенного атрибутивного словосочетания «**қодир** **бечун дар об**» (несравненный творец в воде – бог) и можно из состава данного распространенного словосочетания выделить адъективное словосочетание «бечун дар об» (несравненный в воде) как в следующем бейте:

Баски бисёр аст **сунъи қодир** **бечун дар об,**

Мезанам ман ғўта монанди гуҳар акнун дар об! [338, 82].

Так как много творения несравненного в воде,

Я теперь ныряю в воду как прекрасный жемчуг.

Или в другом случае:

Баски аз мастист бар рухсори чун лаълаш арак,
Ҳамчу марчоне, ки бинмояд рухаш **гулгун дар об!** [338, 82].
Румяные у нее щеки и в ее рубиновом лице духи из розы,
И розовые ее щеки светятся как коралл из-под воды.

В данной модели адъективных словосочетаний, где употребляется предлог «дар» (на, над) и его вариативные разновидности можно рассмотреть определенное разнообразие адъективных словосочетаний. Например, в следующих бейтах адъективное словосочетание образовано при помощи предлога «дар» таким образом, что после предлога «дар» приводится имя существительное и имя прилагательное, как «**дар ком гуворо**» (вкусен и приятен во рту):

Ҳаст **дар комам гуворо** талхии захри ғамат,
Гарчи бошад дар мазоқи ҳар гадое нон лазиз [338, 203].
Приятный вкус в моем рту горечь яда твоей разлуки,
Подобно тому как вкусный хлеб во рту голодного нищего.

Таким образом, предлог «дар» в образовании адъективных словосочетаний употребляется достаточно продуктивно и это связано прежде всего с типологическими особенностями современного таджикского литературного языка, так как в языке развивается аналитизм и другие аналитические особенности.

Следует отметить, что предлог дар также часто применяется в адъективных словосочетаниях, которые означают сравнительное отношение определения с определяемым и в таких случаях чаще всего употребляется в составе адъективного словосочетания с именами прилагательного сравнительной степени как в следующем бейте:

Эй нигоҳи шафқатомезат маро аз чон лазиз,
Ҳар чи бошад **дар чaxon хуштар**, маро аз он лазиз [338, 203].
О, твои милые взгляды мне дороже моей жизни,

И они дороже всего то, что мне дорого в этом мире.

Или в другом бейте Накибхона Туграла, видим употребляется словосочетание «дар чахон некӯтар» (лучше в мире), где рассматривается сравнительная степень имени прилагательного:

Чониби мо, мустамандон кун, Худоро, як назар,
Ҳеч набвад **дар чахон некӯтар** аз эҳсон лазиз! [338, 203].

Взгляни на нас мы опечалены и несчастны, о боже,
Нет в этом мире поступка дороже, чем благодеяние.

Таким образом, предлог «дар» употребляется со всеми видами имен прилагательных в образовании адъективных словосочетаний, как с именами прилагательных простой, производной, так и сложной конструкции. Например, предлог «дар» с простой конструкцией имен прилагательных «**дар ишқ мумтоз**» (превосходный в любви):

Сарбаландӣ шуд насибам оқибат аз пой дор,
Рояти Мансураму **дар ишқ мумтозам** ҳанӯз [338, 229].
Оставаться гордым была моя участь у виселицы,
У меня судьба Мансура и в любви я превосходный.

Как видим, в составе данного словосочетания предлог «дар» употребляется с заимствованными словами с арабского языка «ишқ» (любовь) и мумтоз (превосходный, привилегированный). В нижеследующем бейте можно рассмотреть в составе адъективного словосочетания только исконно таджикские слова как «**дар дил ниҳон**» (сокрытое в сердце):

Оташи ҳасрат магар **дар дил ниҳон** дорад ақиқ,
Аз шаҳодатгоҳи шавқи ӯ нишон дорад ақиқ [338, 272].
Огонь скорби в сердце яхонта сокрыты,
Это все свидетельствует о пристрастии яхонта.

Наряду с этим, данный предлог продуктивно употребляется с производными именами прилагательными как например в распространенном

по конструкции словосочетания «дар анчуман носоз рақс» (неправильный, неприемлемый танец в большом мероприятии), где слово «носоз» (неправильный, неприемлемый) является производным именем прилагательным, которое состоит из префикса «но-» (не-) и простого имени прилагательного «соз» (правильный, приемлемый), как в следующем бейте:

Мутрибо, зеру бами қонуни худро соз кун,

То насозад он парӣ дар анчуман носоз рақс [338, 259].

О, музыкант приведи в порядок свой инструмент и ноту,

Чтобы та красавица станцевала красиво и весело.

Также встречается предлог «дар» в составе адъективных словосочетаний другой конструкции, как в следующем бейте:

Шунид ғунча ба боғ аз ҳикояти суханат,

Шуд аз ҳадиси даҳони ту дар чаман дилгир [338, 224].

Услышал бутон рассказы о твоей красоте,

Стала стесняться из-за красоты твоих губ.

Как видно слово «дилгир» (надоедливый, скучный, унылый) в составе адъективного словосочетания «дар чаман дилгир» (опечаленный, унылый в цветнике) является сложным по конструкции именем прилагательным, которое состоит из имени существительного «дил» (сердце) и простого глагола основы настоящего времени «гир» (возьми, бери) и по происхождения все компоненты данного словосочетания относятся к исконным таджикским словам.

В некоторых случаях можем заметить так, что первоначально в составе словосочетания употребляется имя прилагательное и после этого предлог «дар» и в конце словосочетания приводится имя существительное, обозначающее место и пространство, как в следующих бейтах одной газели Накибхона Туграла:

Аз саводи чаъди зулфаш ҳар замон бар лавҳи дил

Нусхаи ошуфтае дорам **парешон дар бағал**.

Кӯҳканваш кӯҳи дил кан, лафзи ширин боядат,

Шоҳиди маънӣ наёяд бо ту **осон дар бағал!**

Софтабъон маҳви изҳоранд дар арзи адаб,

Чавҳар аз ойина дорад чашми **хайрон дар бағал** [338, 282].

Время от времени из-за черных локонов мое сердце

Имеет разрисованные надписи боли в объятиях.

Как Фархадрываешь сердце гор во имя одобрения любви,

Трудно раскрыть значения слов и брать красавицу в объятия.

Добронравы излагают свои нравы в добрых поступках,

Против зеркала у эссенции очи удивления в объятиях.

Как видим, словосочетания «**парешон дар бағал**» (рассеянное в объятиях), «**осон дар бағал**» (легкое в объятиях), «**хайрон дар бағал**» (удивленное в объятиях), «**чароғон дар бағал**» (сверкающее в объятиях), «**тобон дар бағал**» (сияющее в объятиях) относятся к категориям адъективных словосочетаний, которые образованы при помощи предлога «дар».

В большинстве случаев предлог «дар» употребляется в составе словосочетаний, в которых чаще встречаются значение пространства и иногда значение времени как в следующем бейте:

Намедонад касе онро, ба ҳар ҳол,

Шавад ғалла **гарон дар охири сол** [338, 390].

Никто не знает этого в любом случае,

Но будет дорожат зерно в конце года.

Как видим, распространенная форма приведенного словосочетания можно рассмотреть в форме «**гарон дар охири сол**» (дорого в конце года), но несмотря на это мы можем выбрать адъективное словосочетание именно в

форме «гарон дар охир», так как данная конструкция вполне соответствует данной модели адъективных словосочетаний.

Предлог «ба»

Общеизвестно, что словосочетание в таджикском языке представляет целую подсистему языка, исследование которой может пролить свет на многие нераскрытые аспекты языка. Наряду с этим проблема словосочетаний в современном таджикском языке еще не рассмотрена на материале различных языковых стилей. В этом плане вопросы словосочетания в поэтическом контексте остаются вовсе нерешенными. Составные компоненты и средства связи словосочетаний в настоящее время относятся к более нераскрытым аспектам данной языковой единицы. Следовательно, мы попытались в данной статье рассмотреть роль некоторых предлогов таджикского языка. Следует отметить, что при образовании адъективных словосочетаний роль простых предлогов весьма значима. Среди простых предлогов можно придать особое место таким предлогам как «ба» и «бар». При образовании адъективных словосочетаний предлог «ба» (к, в сторону, в, по) употребляется достаточно продуктивно, как и предлог «дар». Основное грамматическое значение данного предлога заключается в том, что данная грамматическая единица указывает на объект, а также на сторону выполнения действия, как «ба хона» (домой), «ба мактаб» (в школу), «ба тартиб» (по порядку). Именно такие функции данного предлога мы видим в поэтическом контексте исследуемого нами периода.

В поэзии мастеров слова исследуемого периода в достаточно большом количестве можно обнаружить примеров употребления данного предлога. Например, в творчестве Накибхона Туграла общее количество употребления предлога «ба» составляет около 1133 раз в различных грамматических и стилистических значениях и частота употребления данного предлога в составе субстантивных словосочетаний намного выше чем в адъективных

словосочетаниях. Накибхон Туграл приводит в своих газелях достаточно разнообразные формы и варианты адъективных словосочетаний с использованием предлога «ба», как в следующем бейте:

Ба рифъат бартар аст аз кӯх, Туғрал,
Чаноби ҳазрати Мирзои Бедил! [338, 278].
Превыше гор по степени, о Туграл,
Его превосходительство, господин Бедил!

Как мы видим, в данном адъективном словосочетании предлог «ба» применяется перед всех других составных компонентов данной модели, а имя прилагательное приводится в форме сравнительной степени «бартар» (выше чем..., сравнительно выше) и в данной модели адъективных словосочетаниях предлог «ба» имеет только два варианта употребления по своему месту употребления в соответствии с другими составными компонентами. К этим вариантам можно отнести употребление предлога «ба» впереди других составных компонентов и употребление предлога «ба» в середине составных компонентов адъективных словосочетаний. Примерами употребления предлога «ба» по середине составных компонентов адъективных словосочетаний могут быть следующие бейты, в которых мы можем заметить названную модель:

Шона шуд **махрам ба зулфи** орази чун офтоб,
З-он сабаб чун соя зери нахли шамшодем мо [338, 61].
Гребешок стал приближенным локонов светлоликой красавицы
А мы так удивлены и находимся как тень под самшитом.
Или:
Теғи абрӯ бегунаҳ **урён ба қатлам** кардай,
Чун уручи нашъаи май бар сарам тозӣ ҳанӯз [338, 232].
Мечи бровей обнажала, чтобы отсечь нам головы,
И как действие хмельного вина, от которого я опьянен.

Также можно обнаружить интересные случаи, когда в адъективном словосочетании данной модели можно заметить изредка употребление неопределенного артикля имени существительного «-е» перед предлогом «ба», когда имя прилагательное переходит в имя существительное посредством субстантивации, но при этом сохраняет свое атрибутивное значение, как в следующем бейте:

Пайкари мо нест **мухточе ба ташрифи** дигар,
Оқибат ин хоксорӣ кисвати тан мешавад [338, 198].

Наше тело не сможет больше встретить гостей,
И такая скромность превратится в нашу учесь.

Или:

Цон диҳад лаълаш ба хангоми сухан амвотро,
Шарм дор, эй муддаӣ, **толиб ба эъчозӣ** ҳанӯз! [338, 232].

Когда говорит, ее губы рубиновые могут оживить мертвых,
Стыдись, о притязяющий ты еще нуждаешься в чудотворства.

В следующем бейте модель адъективного словосочетания можно рассмотреть так, что в начальной части приводится имя прилагательное и после этого применяется предлог «ба» и в конце применяется имя существительное в роли определяемого, как в следующем бейте:

Рӯзи ид асту ҳама **шоду фарахманд ба ид**,
Ман ба ғам ҳамдаму сад марҳала аз ид баъид! [338, 426].

Праздничный день и все рады в этот день,
А я дружу с горьем и далек от радости и праздника.

В приведенном бейте мы видим словосочетание «**шоду фарахманд ба ид**» (радостные и веселые праздником), в составе которого употребляются две имени прилагательных «шод» (радостный), «фарахманд» (радостный, веселый) и они приводятся в форме обособленных членов предложения и средством связи между ними является союз «–у» вариант союза «ва» (и).

В большинстве случаев предлог «ба» применяется в середине данной модели адъективных словосочетаний, как в следующих примерах:

Осмон гуфт, мерасад сари шох,

Гашт **пинхон ба сайф** аз он Парвин [338, 371].

Сказано небесами, что голова царя достигает высот,

Из-за этого за его мечом скрывались Плеяды.

Таким образом в поэзии исследуемого периода можно обнаружить большое количество таких адъективных словосочетаний, где предлог «ба» употребляется между определением и определяемым, как в следующем бейте:

Баски зи лаълаш шудам **ғарқа ба хуни** чигар,

Гиря кунам шамъсон ин хама шаб то саҳар [338, 407].

Так как из-за ее рубиновых губ я все в крови,

Плачу как свеча всегда с вечера до утра.

Или:

Ҳарчанд на **махрамам ба кӯят**,

Шодам ба ҳадиси гуфтугӯят! [338, 419].

Хотя я не приближенный тебе,

Но я рад услышать твои слова.

В приведенном бейте адъективным словосочетанием является «**махрам ба кӯят**» (твоим приближенным), где имя прилагательное «**махрам**» (приближенный, близкий), является заимствованным с арабского языка словом. Иногда в данной модели адъективных словосочетаний можно встретить имена людей в качестве определяемого, как в следующих строках:

Қорӣ Масеҳои фазоилчаман,

Шухра ба Тамхид ба мулки сухан [338, 400].

Кори Масеҳо очень умен и эрудированный,

Известный как Тамхид во владении словесности.

Или:

Хоҷаи Аҳрории хотамнишон,
Мири заман, **шухра ба Исломхон** [338, 400].

Ходжа Аҳрор из рода знатных людей,
Правитель владений, известный как Исломхон.

В данной модели адъективных словосочетаний в роли определения выступает имя прилагательное «шухра» (известный, прославленный), которое также заимствованное с арабского языка. В определенных случаях в данной модели адъективных в качестве определяемого употребляется как одушевленные, так и неодушевленные имена существительные. Например:

З-он ки чу Ҳотам ба карам номи ӯ
Шухра ба офоқ ба чуду сахост [338, 363].

Так как его имя Хотам и известный своей щедростью,
Известный по всему свету своими благодеяниями и добротой.

Также можно встретить такие конструкции, которые в большинстве случаев свойственны поэзии, как в следующем бейте:

Баҳ-бах, ки рабеъу Иди Наврӯз омад,
Наврӯз шуду **ба халқ нав рӯз** омад [338, 431].

Ах как прекрасно, что пришла весна и праздник Навруз,
Пришло равноденствие и для людей начались новые дни.

Как видим адъективное словосочетание модели «**ба халқ нав рӯз**» (народу новый день – новый день народа) представляет своеобразную модель, которую очень редко и в определенных исключительных случаях можно встретить в контексте прозы. Такие примеры можно обнаружить и в других последующих бейтах:

Ало шоҳе, ки фарзинваш рақиби кач **ба ӯ хамдам**,
Маро ӯ бегунаҳ аз ростӣ рухмот месозад [338, 158].
Если у короля на доске ферз дружит с противником,
Слегка может она выиграть и может поставить мат.

В приведенном бейте адъективное словосочетание «ба ў ҳамдам» (с ним искренный друг) слово «ҳамдам» также является заимствованным именем прилагательным с арабского языка.

Такую разновидность адъективных словосочетаний, в которой в начале употребляется предлог «ба» можно встретить и в других поэтических строках. Например:

Розам зи ту гашт ошкоро,
Ту аз чӣ ба дил нихон шудастӣ? [338, 347].
Мои секреты раскрылись из-за тебя,
Из-за чего ты скрылась в моем сердце.

Или в другом бейте, также предлог «ба» употребляется в начале адъективного словосочетания, в котором в самом конце приводится имя прилагательное в роли определения:

Дили мурдаамро ба май зинда кун,
Ки аз шӯри мастӣ бигӯям сухун! [338, 385].
Оживи вином мое вымершее сердце,
Чтобы я смог говорить смело в пьянстве.

Таким образом, предлог «ба» как в прозе, так и в поэзии в образовании адъективных словосочетаний применяется достаточно продуктивно и составе данной модели словосочетаний в зависимости от семантического и синтаксического взаимоотношения может употребляться как в начале, так и в середине данной конструкции словосочетаний.

Предлог «бар»

По сравнению с другими предлогами и особенно с предлогом «ба» предлог «бар» (на, над, к) относительно реже употребляется в поэтическом контексте исследуемого нами периода, и в определенных случаях данный предлог может придать прекрасное звучание или способствует корректировке рифмы поэтического контекста. Например, в следующем

бейте Накибхана Туграла можно заметить определенные фоносемантические особенности в составе словосочетания «**беибо бар руй**», так как в первом слове «беибо» (без стыда), которое является именем прилагательным и употребляется в начале адъективного словосочетания, применяется два раза звук «б» и в соответствии с данной фоносемантикой приводится предлог «бар», который начинается также на звук «б». Данное словосочетание означает, что слезы лирического героя без какой-либо застенчивости протекают по щекам и данное значение имеет фоносемантическую связь с отрицательным префиксом «бе-» и словом «ибо» (стыд, стеснение), которыми образовано производное по форме слово «беибо» (не стыдливый, незастенчивый) и употребление предлога «бар» усиливает значения и стилистическую окраску слова «беибо» в составе данного словосочетания:

Медавонад з-ашки хунин ҳар замон рӯди дилам

Беибо бар руй ман ин тифли беодобро! [338, 37].

Из реки моего сердца часто стали стекать,

Без застенчивости слезы, как разбалованный ребенок.

Другая фоносемантическая особенность данного предлога в составе адъективных словосочетаний заключается в том, что, указывая значение поверхности часто применяется со словом «руй» (лицо, лик, поверхность объектов и пространства) и наряду с этим предлог «бар» завершается звуком «р» и слово «руй» начинается этим же звуком и в следующем бейте также предлог «бар» употребляется со словом «руй»:

Хоки поят тӯтиёи дидаи ҳар кас нашуд,

Дасти ҳасрат аз надомат **сахт бар рӯ** мезанад! [338, 180].

Пылинками твоих ног не каждый смог протереть глаза,

И поэтому руками раскаяния бьют по своей голове.

Подобны фоносемантические особенности предлога «бар» в составе словосочетаний смешанной модели «бахти бад бар сар» (злополучная судьба

над головой), где можно заметить также своеобразные фоносемантические и семантико-стилистические особенности. Например, чередование звука «б» во всех трех начальных словах «бахт» (судьба), «бад» (плохой, злополучный), «бар» (предлог на, над, к), а также употребление данного предлога со словом «сар» (голова), которое также связано в данном словосочетании с поверхностью человеческого тела, а также над «человеческой жизни» и ей управляет.

Бахти бад бар сарам нишаста чунон

Чуғди вайрона бар сари девор [338, 207].

Злополучная судьба сидит над моей головой,

Будто сова сидит над стенами развалины.

Такую же фоносемантическую особенность можно заметить также в составе адъективного развернутого словосочетания «**кӯтоҳ бар болои Бедил**» (короткий росту Бедиля, несоответствует к росту Бедиля) и как видим три последние слова «бар» (предлог на, над, к), «боло» (рост, стан), «Бедил» (имя поэта: Мирзо Бедил) начинаются звуком «б» в следующем бейте:

Қабои атласи нух чархи гардун

Бувад **кӯтоҳ бар болои Бедил!** [338, 278].

Платье атлас, которое одеват всех девяти степеней небосвода,

Не могут охватить и обдевать рост Мирзо Бедиля.

Также можно встретить и модели адъективных словосочетаний, в которых предлог «бар» употребляется в некотором измененном значении, где данный предлог выполняет функцию таких предлогов и слов как на, через, посредством. Именно в таком значении мы можем заметить данный предлог в следующем бейте:

Нест **чорӣ бар забони** душманат

Рӯзу шаб ғайр аз нидои «ал-амон!» [338, 373].

Не произносится на языке твоего врага,

Днем и ночью кроме мольбы о, боже нас спаси.

Нужно отметить, что словосочетание «**чорй бар забон**» будучи адъективным словосочетанием состоит из имени прилагательного «чорй» (текущий, проходящий), предлог «бар» и имя существительное «забон» (язык), но в совокупности данное словосочетание означает произношение каких-либо слов и выражений на родном или другом языке.

Зинхор, эй орзу, **густох бар он дар** марав,

Хусрави ғамро бувад имрӯз дарбон нолаам [338, 291].

Никогда, о, мечта, не ступай настырно на тот порог,

У двери владыки печали мои стони стоит и охраняют.

Также можно заметить такие интересные моменты, что предлог «бар» очень уместно, красиво и выразительно сочетается с составными компонентами субстантивных словосочетаний, модели имя существительное+имя прилагательное, в составе которых употребляются имена прилагательные в роли определения, как в следующих поэтических строках:

Сафои оразаш аз сабзаи тар шуд зумуррадгун,

Хати райҳони ёкут аст **бар лаъли гуҳарзояш** [338, 258].

Приобрела свежесть ее лик от свежести зелени,

Будто яхонтами смешались рубиновые губы.

Или в другом бейте:

Чон зи тан ояд бурун, н-ояд зи дил ишқат бурун,

То ба кай созй чафо? **Бар холи зорам раҳм кун!** [338, 418].

Душа может покинут сердце, но твоя любовь его не покинет,

До каких пор можно страдать? Помилуй, меня ничтожного.

В другом бейте:

Чайби номуси маро субҳсифат чок задй,

Аз нигах тири ғазаб **бар** дили ғамнок задӣ [338, 425].

Появилась как утренняя заря и уронила мою честь,
Своим взглядом вонзила стрелу в опечаленное сердце.

Как видим, словосочетания «**бар лаъли гухарзо**» (к рубиновым губам, порождающие жемчуг), «**бар холи зор**» (ничтожному состоянию), «**бар дили ғамнок**» (в опечаленное сердце), смещанной формы модели «имя существительное+имя прилагательное» с привлечением предлог «бар». Вышеприведенные модели словосочетания проанализированы в соответствующих разделах диссертации, единственно здесь мы попытались рассмотреть грамматические особенности предлога «бар» в составе как адъективных, так и субстантивных словосочетаний.

Также можем рассмотреть более распространенную форму, которая состоит из совокупности субстантивных и адъективных словосочетаний как в следующем бейте:

Чашмаш ба ҳангоми нигах з-абрӯ кузах, тир аз мижах,
Хуни ҳазорон бегунаҳ бар хок яксон парварад [338, 369].

Как взглянула красавица, ее брови как радуга, ее ресницы как стрелы,
Проливается кровь тысячи безвинных и окрасит землю под ее ногами.

Таким образом, предлог «бар» при образовании адъективных словосочетаний употребляется с учетом различных грамматических и функционально-стилистических особенностей.

Предлог «бо»

Другой сравнительно продуктивный простой предлог таджикского языка является предлог «бо» и данный предлог также проявляет своеобразные грамматические и функционально-стилистические особенности. Прежде всего предлог «бо» выполняет грамматическую задачу со значением совместности и взаимосвязи какого-либо предмета с другим

предметом и можно сказать, что предлог «бо» выполняет почти ту же функцию, которую в современном русском языке выполняет предлог «с», например, «сатил бо чоруб – ведро с метлом, кор бо китоб омадан – прийти с книгой».

В поэзии мастеров слова исследуемого периода в сравнительно ограниченном количестве можно обнаружить примеров употребления данного предлога по сравнению с предлогом «ба». Например, в творчестве Накибхона Туграла общее количество употребления предлога «бо» составляет около 267 раз в различных грамматических и стилистических значениях. Следует отметить, что в составе адъективных словосочетаний предлог «бо» употребляется значительно реже, чем в субстантивных словосочетаниях и даже в большинстве случаев при употреблении данного предлога с именем прилагательным можно заметить полную или частичную субстантивацию, о чем речь будет идти при анализе соответствующих примеров из творчества поэтов исследуемого периода.

Ниже можно рассмотреть языковые особенности предлога «бо» в поэтическом контексте, который представляет своеобразные особенности по сравнению с текстами художественной прозы. Например:

Бо набй хатми набувват, бо ту хатми салтанат,
Дини ў то бод, бодо **бо** ту давлат барқарор! [338, 369].

Мухамед был последним пророком, и ты достиг апогей владычества,
Пусть до тех пор, пока есть религия пророка, будет твое владычество.

В следующих бейтах слова «ошно» (знакомый), «ноошно» (незнакомый, чужой) как прилагательное употребляются в поэзии с предлогом «бо»:

Саропо умри худ дар чустучӯи ў адо кардам,
Ибо нокарда дилро **бо** мухаббат **ошно** кардам [338, 433].

Всю свою жизнь посвятил в ее поисках,

И не стесняясь свое сердце отдал во имя любви.

Или в следующем бейте:

Агар ин аст бо бегонаву дур ошноихо,

Ҳаметарсам, ки **бо ман оқибат ноошно** гардад [338, 147].

Если таково отношение как к своим, так и к чужим,

То боюсь, что и ко мне впредь относится как к чужому.

В других бейтах Накибхона Тугралаи его современников предлог «бо» употребляется с разными прилагательными типа «**чафочӯ**» (угнетатель, безжалостный), «**анис**» (добрый приятель), «**чалис**» (собеседник), «**ғамхор**» (заботливый, добрый):

Аз майи васлаш рақибон чумла яксар комёб,

Сӯи ошиқ он **чафочӯ бо итоб** ояд бурун [338, 340].

Всем доступны вино и веселья и приближение к ней,

Но она с порицанием относится к преданным слугам.

Также в составе некоторых словосочетаний можно заметить обособление имен прилагательных, которые применяются с предлогом «бо» как в следующем бейте Накибхона Туграла с прилагательными «**анис**», «**чалис**», «**ғамхор**», которые означают положительные качества человека:

Ҳамеша **бо ту анису чалису ғамхорам**,

Ба теги ҳаҷр намудӣ кунун дилафгорам [338, 424].

Я всегда был с тобой хорошим и добрым приятелем,

И вдруг ты оставила меня в одиночестве и разлуке.

Как и другие простые предлоги также и предлог «бо» очень часто применяется со словосочетаниями другой модели и конструкции и о данной особенности предлогов мы подробно остановились на примерах предлог «бар» который активно применяется в образовании усложненной формы словосочетаний, а также в образовании смешанных словосочетаний. Например, предлог «бо» очень часто употребляется с субстантивными

словосочетаниями модели «имя существительное+имя существительное» и модели «имя существительное+имя прилагательное», что и иногда могут вводить в заблуждения тем, что они очень близки по структуре с адъективными словосочетаниями рассматриваемой модели. Их можно отличить тем, что в субстантивных словосочетаниях в качестве как главного компонента, так и определяемого компонента выступает имя существительное, а в адъективных словосочетаниях в роли определяемого выступает имя прилагательное. Например, словосочетание «мубориза бо коррупсия» (борьба с коррупцией) является субстантивным словосочетанием, а словосочетание «бо фарзанд мехрубон» (любящий своего ребенка) является адъективным словосочетанием рассматриваемой нами модели в данном разделе. Наряду с этим, как уже говорилось предлог «бо» встречается в усложненной конструкции субстантивных изафетных словосочетаний, что иногда также осложняет дифференциацию адъективных словосочетаний с данным предлогом. Например, в творчестве Накибхона Туграла и его современников можно обнаружить большое количество таких словосочетаний как в следующих бейтах:

Нест имкони хусули муддаои хочаташ,
Чашми соил гарчи **бо дасти каримон** ошност [338, 112].

Нет больше возможности решения нужды попрощайки,
Хот ему знакомы щедрые руки и пилостивые люди.

Или в другом бейте:

Сарви нозаш ҳар тараф **бо қомати дилчӯ** гузашт,
Шӯру ғавғои ҷаҳон аз гунбади минӯ гузашт [338, 134].

Так грациозно прошла с таким красивым станом,
И будто все волнения вселенной прошли по земле.

Таким образом, предлог «бо» употребляется в составе адъективных словосочетаний в качестве важного грамматического и функционально-

стилистического средства и играет важную роль при обозначении определенных семантических и стилистических особенностей поэтического слова.

Предлог «то»

Предлог «то» в современном таджикском литературном языке употребляется почти со всеми частями речи и продуктивно употребляется в образовании словосочетаний и других языковых конструкций [77, 46 – 47.].

По сравнению с другими простыми предлогами при образовании адъективных словосочетаний предлог «то» употребляется сравнительно реже в контексте поэтического наследия исследуемого периода. Можно сказать, что в творчестве Накибхона Туграла нам удалось обнаружить всего 6 случаев употребления предлога «то» в составе адъективных словосочетаний, а именно в следующих бейтах:

Шавад боғ аз хазон **то ҳашр эмин**,

Агар бар чониби гулшан хиромад [338, 173].

До судного дня сады не увидят листопад,

Если красавица прошла мимо этих садов.

Следует отметить, что главным компонентом данной группы словосочетаний все-таки остается имя прилагательное, хотя в составе данной модели словосочетаний употребляются имена существительные и слова, относящиеся к другим именованным частям речи. Например, в вышеприведенном бейте мы заметили словосочетание «**то ҳашр эмин**» (сохраненные до судного дня), где слово «эмин» (сохраненный, защищенный) является именем прилагательным. Такие же правила употребления прослеживаются в творчестве как Накибхона Туграла, так и других поэтов исследуемого периода.

Орзуи оташи ғам боядат парвонасон,

Ҳамчу шамъи базми ишрат **то сахар бедор бош** [338, 244].

Будь как мотылек, мечтая всегда об огне,
Как ночные свечи до утра бодрствуй.

Или в другом бейте:

Он қадар чамъийяти шавқат сиришк эҷод кард,
Аз ҳучуми ашки ҳасрат гашт **то бистар тарам** [338, 305].

Настолько твоя любовь породила у нас слезы,
Что от слез тоски и боли промокли мои подушки.

В другом бейте:

Бахшиши бемунтаҳоят **то абад**

Дафтару аврокро таҷлид бод! [338, 380].

О твоей бесконечной щедрости,
Будут говорить и писать в книгах.

В другом примере:

Аз майи чоми муҳаббат **то қиёмат мастатам**,

Ҳамчу моҳӣ дар муҳити ғам ба қайди шастатам [338, 413].

Я опьянен вином твоей любви до судного дня,
И как рыбка я страдаю в твоём крючке любви.

Определение частоты употребления данного предлога прежде всего было связано с тем, что в таджикском языке кроме предлога «то» также употребляется союз «то», что для вывlenia отличительных особенностей необходимо провести сравнительный анализ всех случаев употребления «то» как в роли союза, так и в роли предлога. В творчестве поэтов исследуемого периода наряду с предлогом «то» также мы встречаем союз «то», который применяется в сложных предложениях и иногда сложно различать их, особенно в поэзии, когда они применяются с многозначными словами, в сложных поэтических стилях выражения мысли. Например, в следующих бейтах можно рассмотреть союз «то», который является средством

подчинения одного предложения другому и при переводе также данный союз часто переводится «чтобы», «с той целью», «с намерением», «для того»:

Бар фурӯғи дида миннат кай кашам аз тӯтиё,
Мардуми чашми маро **то рӯи хубон** манзар аст [338, 98].

Я не нуждаюсь в лекарстве от глаз и от зрения,
Так как свет моих очей лик прекрасных красавиц.
Или в другом бейте:

Мақтули туро нест аз он сурати мурдан,
Барқи дами шамшери ту **то ойинарез** аст [338, 101].

Души казненных по твоему велению страдают до тех пор,
Пока лезвия твоей мечи блестает как молния на небесах.

Иногда, хотя очень редко, но возникает определенная сложность в отличии предлога «то» от союза «то», который употребляется в образовании сложноподчиненных предложений. Например, содержание следующего бейта можно рассмотреть по-разному и в соответствии с интерпретацией можно отнести «то» как к предлогу, так и к союзу:

Бо қадат, эй нахли гулзори баҳори дилбарӣ,
Рост гӯ, пурсам ман **аз майхона то пири туро!** [338, 52].

Так красив твой стан, о, прекрасная цветника красоты,
Скажи правду, иначе расспрошу старца в кабачке.

Если словосочетание «**аз майхона, то пири ту**» рассмотреть, как «**аз чавону пири майхона хамаро пурсам**» (расспросить всех и стар, и млад), тогда «то» можно считать, как предлог, но если рассмотреть «**то ки аз пири майхона пурсам**» (чтобы спросить у старца пристанища суфиев). По нашему мнению, в данном бейте «то» применяется в качестве союза. Следует отметить, что очень ярко выделяется союз «то», когда применяется вместе с союзом «ки» как в следующем бейте:

Сарви ман, боз о, **ки то** сарви хиромон бинамат,

Ҳар тараф ҷавлон намо, то масти ҷавлон бинамат [338, 135].

О моя красавица, приди, чтобы я увидел твой красивый стан,

Я поражаюсь, когда ты так грациозно ходишь перед всеми.

Так как данный вопрос возник из-за необходимости выяснения отличительных особенностей предлога «то» и союза «то», мы попытались дать определенное прояснение, а в остальном проблемы союза «то» не относятся к нашей теме и требует отдельного рассмотрения.

Предлог «бе»

Предлог «бе» в адъективных словосочетаниях употребляется сравнительно реже чем другие простые и первичные предлоги о которых речь шла в предыдущих частях данного раздела. Например, в поэзии Накибхона Туграла нам удалось встретить данный предлог в адъективной модели именных словосочетаний только в одном бейте, где имя прилагательное «**махчур**» (оставленный, разлученный) употребляется с предлогом «бе» и данное слово употребляется с определенным оттенком субстантивации в составе словосочетания «**махчур бе сабру шикеб**» (оставленный без терпения и без выдержки):

Чаро аз хачри ӯ чун най нанолам,

Ки чун **махчур бе сабру шикеб** аст! [338, 92].

Как мне не плакать как свирель в разлуке от нее,

Я теперь оставленный без терпения и без выдержки.

В газелях Садриддина Айни нам удалось выявить некоторые случаи отдельных адъективных словосочетаний как в следующем бейте словосочетание «**расво бе ту**» (опозоренный и опороченный без тебя):

Нангу номусу қарору хирадам рафт ба бод,

Қисса кӯтоҳ, ки Айнӣ шуда **расво бе ту** [331, 139].

Честь, совесть и разум покинули меня,

И Айни теперь стал опозоренным без тебя.

Адъективную форму словосочетания с предлогом «бе» также можно вычлени́ть из усложненной формы субстантивно-адъективной модели именных словосочетаний как в следующих примерах из газелей Садриддина Айни:

Шаби ялдои ман аз рӯи ту будӣ чун кадр,
Рӯзи ман гашт сияҳ чун шаби **ялдо бе ту** [331, 139].

Мои долгие ночи были с тобой светлыми
Мои дни стали темными без тебя как догие ночи.

Или в другом бейте:

Корвони ғаму андӯху алам кард нузул,
Ба маконе, ки нишастам мани **шайдо бе ту** [331, 139].

Пришел караван боли, печали и страдания,
На том месте, где я сижу без тебя сходя с ума.

В творчестве Хайрат также редко можно встретить адъективные словосочетаний с предлогом «бе» и нам удалось в нескольких бейтах обнаружить такие примеры, как в следующем, где имя прилагательное «кам» (мало, немного) употребляется с предлогом «бе» (без):

Бале, махуси ононе, ки чамъ омад,
Мар эшонро зи асбоби **тараб бе кам** [341, 128].

И тем, которые собрались, чтобы веселиться,
Будет в достатке все что нужно для веселья.

В творчестве других поэтов исследуемой эпохи также не удалось рассмотреть иного случаев употребления предлога «бе», и это прежде всего связано с тем, что предлог «бе» (без) чаще всего употребляется с именем существительным в целях определения отсутствия того или иного предмета или вещи и поэтому можно сказать, что данный предлог имеет больше предметное отношение и в отношении адъективного свойства предмета употребляется сравнительно меньше.

Таким образом, предлоги в современном таджикском литературном языке являются в основном неизменяемыми служебными словами и это прежде всего относится к основным или так называемым первичным предлогам как о них уже говорили выше (аз, дар, ба, бо, то, бе). Наряду с этим в таджикском литературном языке существуют другие простые и составные предлоги, которые образовались со временем путем усечения знаменательных слов или утери семантических значений и лексико-семантических функций перешли в разряд служебных слов.

Предлог «барои»

Следует отметить, что в таджикском литературном языке постепенно, со временем образовалась группа других простых и составных предлогов типа **бар, барои, пеш аз, пас аз, оид ба, бар болои, дар болои, аз болои, аз барои**. Здесь и далее мы попытаемся рассмотреть некоторые особенности данной группы предлогов в составе адъективных словосочетаний на материале поэтов таджикской литературы конца XIX и начала XX вв. Рассматривая в рамках данной группы предлогов, можно остановиться сначала на вопросы употребления предлог «барои» и можно сказать, что, хотя данный предлог как в поэзии конца XIX и начала XX вв., так и в современном таджикском литературном языке употребляется достаточно продуктивно, однако в составе адъективных словосочетаний очень редко сочетается с именем прилагательным. Как в творчестве Накибхона Туграла, так и в поэзии Садриддина Айни и Мухаммад Сиддика Хайрата мы не смогли обнаружить применение предлога «барои» (для) непосредственно с именем прилагательным и единственный случай в творчестве Накибхона Туграла имеет место, хотя и в данном случае также рассматривается неполное соответствие модели адъективных словосочетаний.

Як чаман сунбул ба дӯш афканда шамшоди қадаш,

Аз барои пойбанди сарви озод оварад [338, 153].

Будто на самшите благоухает цветник

Она пленит кипарис своим красивым станом.

Следует отметить, что слово «пойбанд» в приведенном бейте употребляется в качестве имени прилагательного и означает «зависимый», «привязанный». Как видим в данном примере предлог составной конструкции «аз барои» образован из двух простых предлогов «аз» и «барои». В таком же порядке мы можем заметить интересные примеры в творчестве Ходжи Хусайна Кангурти как в следующем бейте:

Аз барои камтарин фурсат ба доғи инфиол,

Чилва созй хешро дар пеши марду зан чу шамъ [342, 208].

В один миг за твою красоту у всех столько волнений,

Иногда ты как свеча сияешь, чтобы пленить нас всех.

Следует отметить, что в большинстве случаев предлог «барои» употребляется в составе субстантивных словосочетаний. В творчестве других поэтов исследуемой эпохи также употребление данного предлога в составе адъективных словосочетаний реже обнаруживается если сравнить с творчеством Накибхона Туграла и Ходжи Хусайна Кангурти, так как их творчество и по объему превосходит творчество большинства поэтов исследуемого периода.

Адъективные словосочетания при помощи именных предлогов типа «монанди», «мисли», «назди», «ҳангоми», «вакти» также продуктивно применяются в поэзии исследуемых поэтов. По поводу именных предлогов в образовании адъективных предлогов таджикский языковед М. Акрамов отмечает, что «такие словосочетания отличаются от словосочетаний с первичными предлогами, как по структуре, так и по синтаксическим отношениям, и составляют особую группу словосочетаний. Словосочетания с именными предлогами образуются по трем моделям: 1) существительное+предлог+зависимый компонент+основной компонент+существительное или

глагол: манзараи аз айёми кудаки шинос – с детства знакомая картина, ба кадри имкон муфассал гуфтан – возможно подробнее рассказать; 2) предлог+зависимый компонент+ существительное +основной компонент: аз даруни хона чои бехтар – получше чем внутри помещения, место; 3 существительное+основной компонент+предлог+ зависимый компонент: каси мехрубонтарин дар руи олам – добрейший в мире человек» [9, 15].

В поэзии исследуемого периода можно заметить такие конструкции «предлог+сравняемое понятие+имя прилагательное» (предлог+сравняемое +сравняющее) как в следующих примерах:

Предлог+имя существительное+имя прилагательное:

Модел «предлог+имя существительное+имя прилагательное» адъективных словосочетаний в современном таджикском литературном языке сравнительно больше употребляется в поэтическом контексте и предле всего является свойственным поэзии, так и в творчестве поэтов исследуемого периода словосочетания данной модели встречаются в следующих формах:

Ҳар кӣ дар дашти чунун бинад мани девонаро,

Кай шавад монанди **Маҷнун** ошно бегонаро? [338, 56].

Кто заметит меня в степи сумасшествия,

Вряд ли поймет, что Меджнуну так суждено.

В другом бейте:

Акси ту, ки чун шӯхии парвози кабу́тар,

Монанди нигах чилвагари дидаи боз аст [338, 99].

Твой лик украсит наш взгляд, который

Подобно голубке окружает твою красоту.

В определенных случаях в данной модели адъективных словосочетаниях имя существительное заменено местоимением и образован модел «предлог+местоимение+имя прилагательное» как в следующем бейте:

Кай бувад имрӯз дар олам касе аз ошиқон

Зери бори ишқи ту **монанди ман саброзмо?** [338, 73].

Кто сегодня в этом мире из всех влюбленных
Как я смог бы выдержать все тяжести любви.

Также можно заметить интересные случаи применения адъективных словосочетаний с предлогом «монанди» в поэзии так, что составные компоненты словосочетания в рамках закономерности метрики и поэтического стиля могут находиться в разных местах строки как в следующем бейте Накибхона Туграла адъективное словосочетание «монанди мавч занчирбарпо» (как вольны ноги в цепях) приводится в следующем порядке:

Меравам аз хеш чун дарё, вале **монанди мавч**
Аз хаёли зулфи ў **занчирбарпо** гаштаам [338, 290].

Сойду с ума и будто бешенные волны реки
Задумавшись о ее локонах мои ноги завязаны в цепи.

Такие интересные случаи можно заметить в творчестве всех поэтов исследуемого периода, например, в творчестве Садриддина Айни можно заметить, что предлог «монанди» употребляется с местоимением «ту» (ты) и с прилагательными «шўхшанг» (веселая) и «барно» (молодая):

Нодида чахони пир дар дунё
Монанди ту шўхшангу барное [331, 40].

Этот старый мир еще не видел,
Как ты такую молодую и веселую.

У Мухаммад Сиддики Хайрат также можно заметить интересные моменты употребления данной группы предлогов, в том числе предлог «монанди» как в следующем примере:

Монанди ту дар олами эчод набошад,
Дар навъи башар **чун ту паризод** набошад [341, 58].

Как ты не найти в мире сотворения,

Среди людей нет как ты ангелоподобная.

Как видим в первой строке приводится предлог «монанди» с местоимением «ту» (ты), но имя прилагательное не приводится в данной строке, хотя без имени прилагательного никак не возможно представить полное содержание первой строки и поэтому можно сказать, что полную модель данного словосочетания можно представить так «монанди ту зебо» (красивая как ты) и исходя из того, что метрика данной строки не выдерживает полный объем данного словосочетания, поэт предпочитает исключить из данной строки адъективный компонент словосочетания типа «зебо» и содержание дается в имплицитной форме.

Во второй строке в целях подтверждения положительной оценки красавицы, о которой и речь шла в первой строке в форме эксплицита поэт дает полную адъективную и положительную оценку в форме «чун ту паризод» (как ты красавица подобна пери) и поэтому можно сказать, что поэтический контекст иногда способствует прибегать к нелогичным и нелинейным правилам оформления высказывания и выражения внутреннего мира, к необычному изложению душевного состояния и при этом используя те средства и возможности, которые применяются в обиходной обычной речи и при обычном составлении текста.

Еще более распространенную форму данной модели можно обнаружить в поэзии исследуемого периода, как например в следующем бейте Ходжи Хусайна Кангурти:

Дар мачмаи чамъи хушнамоён

Монанди ту хушнамо кам омад [342, 144].

В сообществе всех красавиц,

Нет такой красавицы как ты.

Также предлог «мисли» (как, наподобие, подобно) в поэзии поэтов исследуемого периода встречаются в различных функциях и грамматических

значениях, например:

Ба бӯстони латофат ниҳоли қомати ӯ

Ба **мисли тӯбию шамшоду сарв хӯшақатор** [338, 384].

Укрошает цветника красоты ее красивый стан,

Как райское дерево, как самшит и как кипарис.

Или в другом бейте:

Нест мисли ту дар қаламрави ҳусн,

Ин суханро навиштаам бо зар.

Нет подобных тебе в стране красоток,

Эти слова написаны золотыми буквами.

Также можно встретить вариант данного предлога в форме «мисоли» (как, наподобие, подобно) с такими же функционально-стилистическими и грамматическими особенностями, например:

Рӯзу шаб, Туғрал, **мисоли чанг бо қадди нигун**

Аз барои духтари раз нолаҳо дорад қадах [338, 142].

О Туграл, днем и ночью как согнутая лютня

Рыдает бокал тоскуя по бутылке вина.

Таким образом, предлог «мисли» с его вариантом «мисоли» достаточно продуктивно применяются в поэзии исследуемого нами периода в образовании адъективных словосочетаний предложной конструкции.

Следует отметить, что сравнение в поэтическом контексте применяется намного чаще, чем другие способы семантико-стилистических приемов изложения мысли и воображения поэта. Именно поэтому предлоги сравнения в поэтическом контексте употребляются сравнительно чаще чем другие виды предлогов, которые применяются в образовании адъективных словосочетаний предложной конструкции. Наряду с предлогами сравнения «мисли»// «мисоли» мы можем обнаружить и другие предлоги, которые участвуют в сравнении понятий и структурно-семантических компонентов

состава адъективных словосочетаний. К таким предлогам можно отнести такие предлоги как «ба сони» (как, наподобии), «чу» (как), «хамчу» (как), которые также употребляются в составе адъективных словосочетаний предложной конструкции, как в следующих бейтах Накибхона Туграла:

Ба бӯстони латофат ниҳоли қомати ӯ

Ба мисли тӯбию шамшоду сарв хӯшақатор [338, 384].

В цветнике красоты ее стан как молодое деревце,

Расцвело как райское дерево, как самшит и как кипарис.

Как видим, в вышеприведенном бейте приводится адъективное словосочетание модели «предлог+имя существительное+имя прилагательное», в составе которого имена существительные выступают в роли обособленного компонента словосочетания и данное словосочетание можно также рассмотреть с отдельными компонентами в трех вариантах как «ба мисли тӯбӣ хӯшақатор», «ба мисли шамшод хӯшақатор» и «ба мисли сарв хӯшақатор».

В данной модели адъективных словосочетаний также продуктивно употребляется предлог «чу» (как, подобно, наподобии) в таком же значении и в таком же грамматической функции как в следующих примерах:

Ба зикри номи хушаш аз даҳан шакар резад,

Забон ба васфи камолаш **чу теғ чавҳардор** [338, 386].

Когда произносим ее красивое имя, то из уст просачивается сахар,

Язык в описании ее совершенства превратится в лезвии меча.

Или в другом бейте Накибхона Туграла можно заметить каким способом употребляется предлог «чу»:

Дар фалаки назм, ки ӯ ахтар аст,

Дидаи бисёр **чу ӯ камтар** аст [338, 403].

В небе поэзии он яркая звезда,

Многознающий как он немного.

У Ходжи Хусайна Кангурти также можем обнаружить различные варианты употребления предлога «чу» как в следующем бейте:

Дар шаҳидонат **чу ман ноҳақ** касе бисмил мабод,
Теги нозат гарданеро пеши мо қотил мабод [342, 93].

Из твоих жертв никто не пострадал как я,
Никто не будет как я жертвой мечи твоего кокетства.

Или в другом бейте:

Ба фиреби нотавонӣ зи адӯ мабош эман,
Чу камон хамида гардад зи касе ибo надорад [342, 120].

Не верь в том, что слабость врага больше не грозит тебе,
Чем больше согнут лук, тем больше становится опасным.

Другой предлог, который встречается в предложной конструкции адъективных словосочетаний в творчестве поэтов конца XIX и начала XX века, является предлог «назди» (у, около, перед), который также продуктивно употребляется в образовании словосочетаний в современном таджикском языке. Например, в творчестве Накибхона Туграла можно встретить следующие случаи употребления данного предлога в составе адъективных словосочетаний предложной конструкции, как в следующих бейтах:

Ба назди Кӯҳкан яксон намояд
Фарозу шеби кӯху дашту хомун [338, 341].

Фархаду, который роет каналы среди высоких гор,
Равны все - высокие горы, обрывы, сопки и степи.

Или в другом бейте:

Суханам ҳамчу гавҳару дурр аст,
Назди мардум кам аз хазаф лекин [338, 375].

Мои слова как жемчуг и рубин
Но простолюдины их не ценят ничем.

В результате обработки текста поэзии известных поэтов исследуемого периода мы попытались определить степени употребления предлога «назди» в составе адъективных словосочетаний мы не смогли выявить значительную частоту употребления данного предлога. Так, в творчестве Накибхона Туграла мы смогли выявить 20 случаев употребления предлога «назди» в составе различных словосочетаний, в том числе в составе адъективных, в творчестве Ходжи Хусайна Кангурти нам удалось выявить всего три случая употребления предлога «назди» (у, около, перед), в творчестве Мухаммадсиддики Хайрат всего 2 случая, а в поэзии Садриддина Айна нам не удалось обнаружить случаи употребления предлога «назди» в поэтическом контексте, и прежде всего в составе адъективных словосочетаний. Как видим, по сравнению с другими предыдущими предлогами адъективные словосочетания образованы с помощью предлога «назди» (у, около, перед) сравнительно меньше, и это скорее всего связано с тем, что предлоги «мисли» // «мисоли», «ба сони», «чу» // «хамчу» чаще употребляются в целях сравнения, которое свойственно поэтическому контексту.

4.1.2. Предложно-послеложные адъективные словосочетания – Prp+Adj+Psp (Adj+Prp+Psp).

Как уже указано в источниках по теории и практики словосочетаний в современном таджикском языке по поводу адъективных словосочетаний предложной и послеложной конструкции в качестве послелога в составе послеложных адъективных словосочетаний выступает послелог «барин» (подобно, как, наподобие). Анализ собранного материала, интерпретация и классификация обнаруженных моделей именных словосочетаний, в том числе адъективных словосочетаний показывает, что послелог «барин» намного реже встречается в поэзии исследуемого периода по сравнению с другими составными грамматическими компонентами адъективных словосочетаний.

Например, в творчестве Накибхона Туграла нам не удалось обнаружить вообще послелог «барин» в таком значении и с такими функциональными особенностями, но единственно слово «барин» в составе словосочетания «хулди барин» встречается в другом значении имени прилагательного как наивысший, высочайший, небесный и отличается от послелога «барин». В творчестве Ходжи Хусайна Кангурти также слово «барин» употребляется в значении наивысший, высочайший, небесный, как в следующем бейте:

Касе хулди барин кардан тавонад,
Чӣ сон таъмираш аз хубӣ бимонад? [342, 426].
Тот, кому удалось сотворить небесный рай,
Сможет и воссоздать все, что к добру.

В современном таджикском литературном языке в отдельную группу выделяются адъективные словосочетания изафетно-послеложной конструкции, о которой в академической грамматике отмечается, что в данных словосочетаниях в основном можно проследить сравнительное отношение или сравнения что-либо с чем-либо в составе самого словосочетания [77, 61]. Как уже было выявлено послелог «барин» посредством которого образуются адъективные словосочетания в современном таджикском языке очень редко встречается в творчестве поэтов исследуемого периода и соответственно частота употребления данного послелога также является не значимой. Скорее всего данный послелог стал внедряться в современный таджикский литературный язык начиная со второй половины XIX века. В словарях конца XVII и начала XIX вв. нам не удалось обнаружить слово «барин» со значением послелог. В словаре начала XIX века под названием «Гияс-ул-лугот», автором которого является Мухаммад Гиясуддин отсутствует слово «барин» в качестве и со значением послелога. В данном словаре при рассмотрении слова «баррайн» говорится что «баррайн – тасниаи барр, киноя аз Арабу Рум ва ба фатҳи бо ва тахфифи рои максур

(яъне барин), дар форсӣ ба маънии бартар ва баланд» [336, 126.] - баррайн – удвоенная форма слова «барр» и указывает на две страны или региона как Аравия и Византия и постепенно данное слово приобрело форму произношения «барин» и в персидском языке означает «надземный мир», небеса. Таким образом, слово «барин», будучи заимствованным с арабского языка, отличается от таджикского послелого «барин», который, по нашему мнению, вошел в обиход начиная со второй половины XIX века.

Поэтому, мы пришли к такому выводу, что послелог «барин» достаточно редко встречается в творчестве исследуемого периода и является продуктом последнего столетия. Слово «барин» имеет свой омоним, который состоит из слова «бар» (верх, высота, над, небесный мир) и суффикс «-ин», который был свойственным среднеперсидскому языку и при помощи данного суффикса образовалась третья степень имени прилагательного наивысший, потусторонний мир, мир небес, на примере «чархи барин» (наивысший мир). В таком значении данное слово встречается в творчестве Ходжи Хусайна Кангурти в следующих бейтах:

Бас ки дид ин дори фониро макоми бебако,

Бурд раhti истикомат чониби хулди барин [342, 339].

Так как осознал, что этот уходящий мир недолговечен,

Предпочел уйти с этой жизни в иной мир вечный.

В другом бейте:

Ё раб, ба чӣ сон домани васлаш ба каф орам?

Ў чархи баринпоя, мани зортавон ҳич [342, 96].

О, боже как мне взяться за ее подол,

Она в наивысшем мире, я в ничтожестве.

Таким образом, в творчестве Ходжи Хусайна Кангурти нам не удалось обнаружить слово «барин» в качестве послелого. В творчестве Накибхона Туграла можно обнаружить интересный случай, где слово «барин»

одновременно выступает как в роли послелого «барин» (как, подобно) и слово «барин», сокращенная форма слова «бартарин» (наивысший, высокий, пик), а также в значении заимствованного с арабского слова «барин» от «биррайн» (божественный, небесный мир), как в следующем бейте:

Имрӯз барин савлати инсофаш

Шоҳин накунад майли шикори дурроҷ [338, 377].

Сегодня на высоте величие справедливости,

Сокол не склонен охотиться за фазаном.

Словосочетание «имрӯз барин» в контексте приведенного бейта можно перевести в следующих вариантах «как сегодня», «сегодня наивысший, наилучший», «сегодня божественный», где в первом варианте слово «барин» выступает в роли послелого, во втором варианте в роли имени прилагательного высшей степени, в третьем варианте в роли арабского заимствования «биррайн» со значением «рай», «потусторонний мир».

В творчестве Мухаммадсиддики Хайрат нам удалось обнаружить в трех случаях, где употребляется послелог «барин», в следующих бейтах в роли послелого в составе адъективных словосочетаний:

Дил хунук шуд **ях барин**, аз даст шуд кори дигар,

Оташи ишки нигоре то фитод андар чигар [341, 82].

Сердце остыло как лед и оставил все свои дела,

Как выпали на меня тяжбы и боли любви.

В следующем бейте словосочетание «рангу рӯи одам барин» у зависимости от требований метрики употребляется в немного измененной конструкции:

Рангу рӯи Ҳайрати махзун шавад одам барин,

Гар намояд он бихиштиру рухи некуи хеш [341, 177].

Внешний вид огорченного Хайрата становится человекоподобным,

Если та красавица покажет свое красиво лицо ему.

Или в другом бейте:

Гох гапхот аз тарики сулху гох аз руи чанг,

Гашт **майнем хум барин** хубдур мана карда гаранг [341, 209].

Иногда ты в словах милостива, а иногда говоришь со злостью

Я в недомогании и чрезмерно тобою я одурманен.

В творчестве Шамсиддина Шохин также нам удалось выявить послелог «барин» с теми же структурно-синтаксическими и семантическими значениями, как и в современном таджикском литературном языке:

То никоб аз чехра андози чу гул дар пои ту,

Мекунам фарёд хар шаб **то сахар булбул барин** [343, 92].

Чтобы ты сняла чадру у твоих ног,

Я плачу и молюсь как соловей до утра.

Кроме того, в творчестве поэтов исследуемого периода можно обнаружить такие конструкции предложно-послеложных адъективных словосочетаний, которые часто употребляются в современном таджикском литературном языке и эти модели можно рассмотреть в следующей конструкции: Prp+Adj+Psp или Adj+Prp+Psp.

То ба арзи чилва омад дар чаман рӯи гулаш,

Булбули **шӯридаро дар боғ нолон** карду рафт [338, 134].

Как она явилась с таким красивым лицом в саду,

Взволнованного соловья довела до рыдания.

Также и изредка можно встретить такую интересную конструкцию, что она больше свойственна именно поэтическому контексту как в следующем примере: Adj+Psp+Prp+Adj и данное словосочетание можно усложнять до смешанной конструкции изафетной предложно-послеложной конструкции типа Adj+Psp+Prp+Adj типа «булбули шӯридаро дар боғ нолон» (взволнованного о соловья в саду рыдающим).

К другой, своеобразной конструкции адъективных словосочетаний предложно-послеложной конструкции можно отнести такие распространенные адъективные словосочетания в составе которых употребляются такие предлога как «монанди» (как, подобно, наподобии), «мисли» (как, подобно, наподобии), которые употребляются и изафетной связкой как в следующих примерах:

Чайби кабо кардам кабо, якбора аз пайғоми ту,

Монанди аҳвалтинатон ду дидаро чорам макун [338, 334].

Услышав приятную весть о тебе, я теперь жду с нетерпением,

Приди, не превращай меня в косоглазого и безнадежно ждущего.

Интересным является еще тот факт, что именно в поэзии иногда можно встретить такие интересные конструкции данной модели словосочетаний, которые больше свойственны поэтическому контексту как следующая конструкция: Adj+Pron+Psp+Prp+N, состоящая из последовательного связного расположения имени прилагательного, местоимения, послелога, предлога и имени существительного как в следующем примерере:

Лутфат ба Туғрал ом кун, бўсе бад-ӯ инъом кун,

Сархуш варо бо чом кун, то мадхи султон парварад [338, 373].

Буль милостив к Тугралу и позвол ему поцеловать твои руки,

Пусть он будет опянен, чтобы восхвалить тебя как султана.

Таким образом, предложно-послеложные адъективные словосочетания – Prp+Adj+Psp (Adj+Prp+Psp) по сравнению с другими разновидностями адъективных словосочетаний встречаются сравнительно реже, так как данная модель имеет достаточно сложную грамматическую конструкцию.

4.2. Изафетные адъективные словосочетания с предложной конструкцией

Поэтический контекст, особенно в таджикском языке является весьма широким пространством возможностей употребления словосочетаний во всех разнообразных и неповторимых моделях. Изафетным адъективным словосочетаниям в таджикской поэзии несомненно можно выделить особое место и наряду с этим данная модель словосочетаний в поэзии употребляется в разнообразных конструкциях и при помощи различных грамматических средств может образовать своеобразные конструкции словосочетаний. В общем изафетные адъективные словосочетания делятся на две группы. Первую группу составляют изафетные адъективные словосочетания, в составе которых имя прилагательное связывается с другими составными компонентами словосочетания при помощи изафета. Ко второй группе можно отнести изафетно-предложные словосочетания, составные компоненты которых связаны друг с другом при помощи изафета и предлогов одновременно, хотя их количество составляет незначительную часть адъективных словосочетаний. Следует отметить, что предложно-послеложные адъективные словосочетания как по разновидности, так и по количеству значительно превосходят изафетные адъективные словосочетания.

4.2.1. Изафетные адъективные словосочетания

Изафетная конструкция в адъективных словосочетаниях по сравнению с предложно-послеложными конструкциями встречаются сравнительно реже, как об этом упоминается в академической грамматике таджикского литературного языка: «ибораҳои сифатии бо пешояндҳои асли сохташаванда гурӯҳи калонтарин ва серистеъмолтарини ибораҳои сифатиро ташкил менамоянд» [77, 51] - адъективные словосочетания в таджикском языке больше всего могут быть образованы при помощи предлогов и словосочетания данной модели составляют основное большинство адъективных словосочетаний.

В творчестве поэтов исследуемого нами периода также нам удалось выявить ограниченное количество адъективных словосочетаний изафетной конструкции. По морфологическому составу адъективных словосочетаний изафетной так и другой конструкции можно разделить на несколько групп, но основную массу изафетных адъективных словосочетаний составляют словосочетания модели «Имя прилагательное+имя существительное», «Имя прилагательное+имя прилагательное» и «имя прилагательное+местоимение», а имя числительное в составе данной модели словосочетаний встречается намного реже. Адъективных словосочетаний также можно анализировать и классифицировать по структурным особенностям составных компонентов, например, по структуре основного компонента как простое, так и производное, сложное или составное по структуре имя прилагательное. Например, в следующем бейте Накибхона Туграла мы можем выявить адъективное словосочетание, составных компонентов которого являются заимствованные с арабского и простые по структуре слова «махбуб» (любимый/ая) и «матлуб» (желаемый/ая, приемлемый/ая):

Гофил чй бошй, **махбуби матлуб**

Дар хоби ноз аст бар бистари файз! [338, 264].

Как быть неосведомленным, когда желаемая любимая,

В прекрасном сне кокетства и в ложи благодеяния.

Следует отметить, что слово «махбуб» является именем прилагательным, но в таджикском литературном языке постепенно приобретает значение имени существительного и таким образом происходит постепенная субстантивация данного слова, особенно данный процесс происходит в поэтическом контексте, где под этим словом подразумевается влюбленная, которая именуется этим качеством. В классической таджикско-персидской литературе данное слово посредством субстантивации переходит

в категорию имен существительных, сохраняя свое основное значение и поэтому данное слово можно рассмотреть, как именем существительного, так и именем прилагательного и можно сказать, что морфологические и функционально-грамматические границы при определении морфологической принадлежности данного слова в контексте поэзии становятся размытыми. Таким образом, адъективные прилагательные изафетной конструкции очень удачно и уместно применяются в поэзии Накибхона Туграла и его современников, как например в газели Мухаммадсиддики Хайрат приводится бейт с адъективным изафетным словосочетанием модели «имя прилагательное+местоимение» в следующем порядке:

Даъвии сихикадй ба шамшод агар аст,

Махбуби ман аз миёна бархост, ки: ман [341, 207].

Если претендует самшит на красивый стан,

То моя красавица также встает и скажет: это я.

В таком же порядке можно обнаружить употребления адъективных словосочетаний в творчестве Мухаммадсиддики Хайрат, как в следующих примерах:

Дилдодаву махзунаму ранчураму музтар,

Бо рӯи ту, аз хӯи ту, эй **шӯхи ситамгар** [341, 76].

Я влюбленный и огорченный, измученный и стесненный,

От твоего лика, от твоего поведения, о радушно угнетающая.

Можно сказать, что полная, распространенная и имплицитная форма вышеприведенных словосочетаний рассматривается в такой модели, где имеет место субъект, а точнее определяемый компонент словосочетания как в полной модели «бути шӯхи ҷафочӯ», «бути шӯхи ситамгар», «ёри шӯхи чаманоро», «ёри шӯхи парирӯ». Например, в следующих строках приводятся как эксплицитная (распространенная), так и имплицитная (сокращенная)

формы данных словосочетаний и можно сказать, что эксплицитную форму можно отнести к субстантивным, а имплицитную форму можно отнести к адъективным словосочетаниям:

Эй бути симбару сангдилу **шӯхи чафочӯ**,

Эй бути **шӯхи чафочӯй, ситамхӯи ситамгар** [341, 76].

О, идол моя, красавица бессердечная, жестокая,

О, идол моя, светлоликая, угнетающая, безжалостная.

Как видим в последней строке приводятся и субстантивное словосочетание с обособленными именами прилагательными и адъективное словосочетание в котором в роли определяемого компонента выступает имя прилагательное субстантивированного характера «ситамхӯи ситамгар» (жестокая и угнетающая) в значении «жестокая красавица».

4.2.2. Изафетно-предложные адъективные словосочетания

Следует особо отметить, что изафетно-предложная конструкция субстантивных и адъективных словосочетаний представляет своеобразную категорию словосочетаний, в которых можно рассмотреть как особенности изафетных, так и специфику предложной конструкции словосочетаний. Иногда можно обнаружить весьма интересные случаи и неповторимые закономерности образования словосочетаний в таджикском языке. Например, словосочетание типа «сунъи кодири бечун дар об» (сотворение неповторимого всемогущего на/в воде) может представить как особенности изафетных, так и предложной конструкции словосочетаний и наряду с этим в данной модели можно проследить слияния закономерностей обеих видов словосочетаний, как в следующей таблице:

Предложная конструкция		
Сунъ	Дар	Об

<i>+и</i>	<i>қодири</i>	<i>бечун</i>
<i>Изафетная конструкция</i>		

Как видим в данной конструкции происходит слияние двух моделей словосочетаний: словосочетание предложной конструкции «сунъ дар об» (сотворение на/в воде) и изафетного словосочетания «қодири бечун» (всемогущего неповторимого). Необходимо отметить, что словосочетание «қодири бечун» состоит из двух имен прилагательных и в отдельности представляют адъективное словосочетание и поэтому мы предпочли отнести данную конструкцию в целом к адъективным словосочетаниям с изафетно-предложной конструкцией. Данное словосочетание употреблено в следующем бейте Накибхона Туграла:

Баски бисёр аст **сунъи қодири бечун дар об**,
Мезанам ман ғўта монанди гуҳар акнун дар об! [338, 82].
Так много в воде сотворения всемогущего творца,
И теперь я погружаюсь как перламутры в воду.

Или в другом бейте Накибхон Туграл употребляет словосочетание изафетно-предложной конструкции «дар пасту баланди эътибор» (влиятельность и невлиятельность авторитета кого-либо//высокая и низая цена чего-либо) и как видим данное словосочетание в таджикском языке разные аспекты значения, так как может употребляться как в отношении человека, так и в отношении отдельно взятого предмета или понятия:

Рамзу асрорест **дар пасту баланди эътибор**,
Аз хароши синаи худ тарҷумон дорад ақиқ [338, 272].
Имеет свои секреты высокие и низие цены
Царапины говорят о том, как страдали яхонты.

В поэзии Ходжи Хусайна Кангурти также можно обнаружить разнообразные формы данной модели адъективных словосочетаний типа

«баланд аз бозуи даст» (выше предплечья руки), «неку бад бар лавхи пешонӣ» (добро и зло, написанное на лбу) как в следующих бейтах, образованные при помощи предлогов «аз», «зи» (из), «бар» (на, над) и изафетной связки. Интересным фактом в данных примерах является то, что в структуре данных словосочетаний можно заметить интересное слияние адъективных и субстантивных словосочетаний как например в словосочетании «баланд аз бозуи даст» можно обнаружить такие словосочетания как «балад аз бозу» и «бозуи даст»:

Баланд аз бозуи дасти химоят,

Баромад панчаи фулоди роят [342, 477].

Выше всего предплечье покровительства,

Поднялось стальными кистями как знамя.

В другом бейте Ходжи Хусайна Кангурти можем наблюдать словосочетание «баланд аз баргхо даст» (руки выше листьев деревьев):

Дарахтон баста саф, урён ба пое,

Баланд аз баргхо дасти дуое [342, 309].

Деревья стоят в одном ряду босыми ногами,

Руки молитвы выше листьев стоящих деревьев.

Или в другом бейте:

Неку бад бар лавхи пешонӣ хати дасти қазост,

Куфру имон як сабақ аз мактаби лову балост [342, 46].

Добро и зло, предписанное на лбу руками судьбы,

Ересь и вера один урок в школе отрицания бед.

В поэзии данного периода также можно встретить составные предлоги в составе адъективных словосочетаний изафетно-предложной конструкции как в следующем бейте Мухаммадсиддики Хайрата, где словосочетание состоит из имени прилагательного, составного предлога и имени существительного:

Мусаффо манзаре кардам сафед аз бахри ташрифат

Биё биншин ба чашмам, гар малули аз дили тангам [341, 186].

Свои глаза не моргну и жду тебя, когда придешь,

Если мое сердце стесняет тебя, то будь у моих глаз.

Как видим в приведенном примере поэтом употреблен предлог составной конструкции «аз бахри» (ради, во имя, для) и таких примеров можно обнаружить в значительном количестве в творчестве поэтов исследуемого периода.

4.3. Примыкающие адъективные словосочетания

Перед тем, как провести анализ и интерпретацию примыкающих адъективных словосочетаний мы сочли необходимым привести некоторые грамматические сведения об одном из основных видов связи составных компонентов словосочетаний в таджикском литературном языке. Примыкание как средство связи словосочетаний прослеживается в некоторых языках индоевропейской семьи и является одним из типов связи словосочетаний, как в таджикском и русском языках. В русском языке наряду с собственно примыканием функционирует и падежное примыкание, при котором в качестве зависимого выступает существительное в косвенном падеже. В соответствии падежного примыкания «если зависимое имя выражает обстоятельственное (сидеть дома из-за дождя, работать до вечера) или определительное (юбка в клетку, приезд отца) значение, а форма зависимого никак не предопределяется главным словом» [284].

Таким образом, примыкание является одной из разновидностей подчинительной синтаксической связи и выражается лишь порядком слов и интонацией. В качестве зависимых при примыкании выступают слова неизменяемых частей речи и формы слов. В некоторых источниках указано, что термин «примыкание» принадлежит, прежде всего, русской грамматической традиции, например, в английской, французской и других

грамматиках соответствующий термин, как правило, не употребляется. «Термин «примыкание» характерен, прежде всего, для русской языковедческой традиции, поскольку в русском языке данное явление отчётливо противопоставлено согласованию и управлению. Как и управление, примыкание может быть сильным или слабым. При сильном примыкании лексико-грамматические свойства главного слова таковы, что примыкающее зависимое при нём необходимо (учиться говорить, броситься спасать, становиться умнее); при слабом примыкании зависимое необязательно: быстро идти. Главным словом при примыкании признаётся то, которое способно изменяться, а в случае неизменяемости обоих компонентов словосочетания - то, которое может употребляться без другого (к примеру, очень быстро зависимым является первый компонент). Примыкание (преимущественно слабое) обладает способностью к варьированию зависимых форм: читать ночами - читать по ночам, работать дома - работать на дому). В некоторых случаях сильнопримыкающее слово может заменяться сильноуправляемым: начать играть - начать игру» [284]. Такие особенности примыкания также можно проследить и в современном таджикском языке, хотя во всех аспектах применения можно заметить своеобразные особенности, так как в таджикском языке отсутствует система падежей. В данном разделе при описании грамматических особенностей данного вида синтаксической связи мы будем останавливаться подробно с учетом анализа и интерпретации примеров в поэтическом контексте таджикского литературного языка.

Данный тип синтаксической связи в русском языке является сравнительно продуктивным и поэтому в грамматической традиции русского языка данный вопрос рассмотрен более подробно и всестороннее. Например, в лингвистическом энциклопедическом словаре о такой вилле связи как примыкание Л. Е. Лопатиной приводится следующее описание:

«Примыкание - подчинительная связь, при которой форма подчинённого компонента словосочетания не зависит от господствующего компонента и не подвергается каким-либо изменениям. При примыкании слова, наиболее близкие по смыслу, размещаются в определённой смежной последовательности. Примыкание наиболее характерно для сочетаний с неизменяемыми словами, преобладает в аналитических языках (например, во вьетнамском) и в других языках, имеющих признаки аналитизма, например, в тюркских; из индоевропейских языков широко распространено, например, в английском языке. Как падежное примыкание квалифицируется связь знаменательного, главенствующего слова с падежной формой имени, имеющей определительное значение. Между главенствующим и подчинённым компонентами при этом возникают собственно-определительные («юбка в клетку», «приехать к вечеру»), субъектно-определительные («приезд отца») и обстоятельственно-восполняющие («находиться в городе») отношения. Господствующий компонент при примыкании может быть выражен любым знаменательным словом. Выбор зависимого компонента предопределён грамматической и лексической семантикой главного и зависимого компонентов. Так, словосочетания со значением временной отнесенности, выраженной падежными формами, способны включать ограниченный лексико-семантический ряд существительных («отдохнуть во время перерыва, отпуска, поездки»). Связь примыкания, как правило, слабая, а распространитель главного слова факультативен. В редких случаях, если господствующий компонент выражен информативно недостаточным словом, а восполняющий распространитель обязателен, примыкание является сильной связью («находиться далеко, на берегу», «задолго до рассвета», «становиться умнее»). Примыкание, преимущественно слабое, обладает широкими возможностями варьирования разных зависимых форм, что приводит к существованию многочисленных

словосочетаний, совпадающих по смыслу («читать ночами - по ночам», «работать дома - на дому») или отличающихся оттенками значения («сидеть у стола - за столом»)» [152, 363].

В таджикской традиционной грамматике грамматическая характеристика и лингвистическое описание данного вида синтаксической связи требует еще определенной доработки и прежде всего всесторонний научно-обоснованный анализ. В академической грамматике современного таджикского литературного языка относительно данного вида синтаксической связи приводится следующее сведение: «Алокаи хамроҳӣ дар ибора ва чумла дида мешавад, вай бе ягон бандак ва ё калимаҳои ёридиҳанда сурат мегирад. Воситаи асосии алоқа дар байни ҷузъҳои ибораҳое, ки бо роҳи алокаи хамроҳӣ ташкил меёбанд, тартиби калима ва интонация мебошад. Ҷузъи асосӣ ва тобеи ҷунин ибораҳо бо мавқеъ, маъно, вазифа ва муносибати грамматикӣ онҳо муайян карда мешавад. Дар сохтани ибораҳо бо роҳи алокаи хамроҳӣ бисёр ҳиссаҳои нутқ иштирок мекунанд. Дар онҳо ба сифати калимаи асосӣ исм, сифат, шумораи микдорӣ, ҷонишин, зарф, сифати феъли ва феъли ҳол истифода мешаванд: **ҷой нӯшидан, саросема рафтани, шаш қалам, хамин хона,** ночор хуфтани, лағжида афтидани, давон омадани, табассумкунони хондани, садафвор сафед, хеле бармаҳал» [77, 24-25] - Примыкание встречается как средство связи составных компонентов словосочетаний и предложений и употребляется без помощи грамматических средств связи или при помощи каких-либо вспомогательных слов. Основным средством связи примыкания является интонация и порядок слов в словосочетании или предложении. Основной и подчинительный компонент таких словосочетаний определяются в зависимости от позиции, значений, грамматической роли и грамматических соотношений этих же взаимосвязанных компонентов. При образовании словосочетаний при помощи примыкания могут участвовать большинство частей речи таджикского языка. В таких словосочетаниях в роли главного

компонента могут выступать имя существительное, имя прилагательное, количественные числительные, местоимение, наречие, причастие и деепричастие: *пить чай, идти поспешно, шесть карандашей, этот дом, поспать поневоле, падать скользя, прийти бегом, читать улыбнувшись, жемчужно белый, очень рано.*

В лингвистическом терминологическом словаре «Фарҳанги истилоҳоти забоншиносӣ» также приводится относительно неполная информация о примыкании в следующем содержании: «Алоқаи ҳамроҳӣ. Воситаи маъмули алоқаи байни калимаҳои ибораю ҷумла, ки тавассути тартиби калима, муайянкунандаҳо ва баёнияҳои изофӣ ба муайяншаванда, аъзоҳои истисноӣ ба аъзои асосӣ, ҳолу пуркунандаҳои бевоситаи суратнаёфта ба эзоҳшаванда тобеъ мешаванд: ин одам, ду нафар шогирд, шоир Турсунзода, андак дертар, хона рӯфтани, чил духтарон, се бародарон» [333, 20] - Примыкание. Вид связи составных компонентов словосочетаний и предложений, который образуется при помощи порядка слов, соотношением определения и изафетной междометии с определяющим, соотношением вводных компонентов и основных компонентов, соотношением обстоятельств и дополнений с другими компонентами: этот человек, два ученика, поэт Турсунзода, четь посже, подмести дом, сорок девушек, трое братьев. Именно поэтому в современном таджикском языке возникает необходимость полной научно-обоснованной интерпретации данной синтаксической связи на основе собранных материалов как научного, так и прикладного характера. Следует отметить, что в сопоставительном плане на материалах русского и таджикского языков проведены специальные монографические исследования, которые могут стать ценным опорным источником в разработке полной научной концепции примыкания как синтаксической связи словосочетания в таджикском языке. Например, К.А. Асоева в своем диссертационном исследовании «Типы подчинительной связи

слов в словосочетаниях и простом предложении в русском и таджикском языках» подробно останавливаясь на проблемы данного вида связи, отмечает: «Тип примыкания основан на семантической соотнесенности, соответствии смыслов главного и зависимого компонентов. Образованные на основе примыкания сочетания характеризуются высокой избирательностью главного и зависимого компонентов, каждый из которых своей грамматической и лексической семантикой предопределяет круг словоформ, с которыми он может сочетаться. Однако это предопределение не есть предсказуемость: оно направлено на семантику, а не на форму слова. Примыкание в целом, в отличие от согласования и частично от управления, - формально непредсказуемая связь» [26, 55]. Следует отметить, что в творчестве поэтов исследуемого периода можно проследить все особенности данного вида связи словосочетания, как в следующих бейтах Накибхона Туграла:

Биё, соқӣ, эй ман ғуломи дарат,
Ту шоҳию ман **камтарин чоқарат!** [338, 391].
Приди, виночерпий, я как слуга у твоей двери,
Ты властелин, а я твой покорный слуга.

Как видим, при помощи примыкания образовано субстантивное словосочетание с именем прилагательным и данные конструкции как уже было отмечено больше свойственны поэтическому контексту. Наряду с этим, выявлены еще и такие словосочетания в которых с именем прилагательного продуктивно употреблены местоимения и имена существительные, а также некоторые наречия как в следующих бейтах Ходжи Хусайна Кангурти:

Хуш он даме, ки намояд маро аниси чалис,
Баёзи гардани чун хур аз қабои нафис [342, 184].
О, как приятен тот миг, когда меня посадит с собой рядом,
Настолко я близок, что ангелоподобная одета в тонкое платье.

Как видим в словосочетании «хуш он дам» (приятный тот миг) употреблены прилагательное, указательное местоимение и наречие времени «дам» (пора, время, миг). Или в другом бейте:

Хуш он касе, ки дар ин дор буқъае бинход,
Ки гашт захираи явмалчазову ситри сафар [342, 336].

Слава тому, кто оставил в этом мире добро,
И это стало его накоплением на судный день.

Также и в другом бейте:

Хуш он ошиқ, ки маъшукаш бад-ин соз
Барад дар хилвату гуяд ба у роз [342, 410].

Слава тому влюбленному, которого любимая,
Позвала в уединенное место и сказала о таинстве любви.

В поэзии Садриддина Айни также можно заметить модели адъективных словосочетаний данной конструкции как в следующем бейте:

Хуш он ошиқ, ки аз захми паёпай чон ба чонон дод,
Ба як захм аз ту қонеъ нестам, таъчиле, эй сайёд! [331, 204].

Слава возлюбленному, отдавшему непрерывными ранами душу любимой,

Одной раной я еще не тот, чтобы отдать душу своей любимой.

В творчестве Накибхона Туграла также можно встретить такие разновидности адъективных словосочетаний, например:

Гуруру ноз то кай манъи эҳсони ту месозад?

Хушо рӯзе, ки бо ними ниғаҳ соӣ сарафрозам [338, 310].

Гордыня и кокетство не всегда будут препятствием твоей милости,

Как приятень день, когда своим взглядом порадуешь меня.

Повторение имен прилагательных в образовании адъективных словосочетаний также занимает определенное место, как в следующем бейте Накибхона Туграла:

Андак-андак ин умед дар паи надомат рафт,
Пушти дасти мо **кам-кам назри** захми дандон шуд [338, 418].
Постепенно такая надежда отошла за раскаянием,
Пожертвовали мы пять руки, понемножку укусив зубами.

Как видно в составе адъективных словосочетаниях «андак-андак ин умед», «как-кам назр» имена прилагательные «андак» (немножко, мало, незначительный) и «кам» (мало, незначительный) приведены в форме редупликации. Состав данного адъективного словосочетания можно рассмотреть в следующей конструкции: Adj+Pron+N (имя прилагательное+местоимение+ имя существительное) или Adj+N (имя прилагательное+имя существительное). Следует отметить, что при наличии изафетной связки имя прилагательное путем субстантивации переходит на категорию имени существительного и образует субстантивное словосочетание как в следующем бейте:

Умрхо бигзашт, андар боғи имкон хамчу гул
Хуни дил хӯрдам, ки то **махбуби дилхо** гаштаам [338, 290].
Прошло столько жизни в саду возможностей как цветы,
Мое сердце облилось кровью, чтобы быть любимым сердцем.

Поэтому более приемлемая форма адъективных словосочетаний, в качестве продуктивной модели, является такая конструкция адъективных словосочетаний, составные компоненты которых связаны между собой примыканием. Интересным также при этом является тот факт, что в определенных случаях можно обнаружить модель Adj+Adj, где повторное применение имени прилагательного усиливает значения поэтического слова как в следующих примерах из поэзии Накибхона Туграла:

Гарчи суфтам сад гухар бо мисқаби теғи забон,
Лек аз бетолиъихо **сахт расво** гаштаам [338, 290].
Хотя сотворил я сотни жемчужин словесных,

Из-за неудачной судьбы стал обесславленным.

Или в другом бейте:

Донаи холаш ба сони қахрабо дил мекашад,
Афъии зулфи качи **ӯ сахт афсунсоз** буд [338, 191].

Ее родинки как магнит привлекали все сердца,
Змеи ее локонов колдовали все сердца.

В другом примере:

Кай бувад биме ба мо з-ин сустмағзони дағал,
Гар биёй чоғниби мо, **сахт бепарво** биё! [338, 77].

Нам не страшны нападки негодников в любви,
Если придешь ко мне, приходи спокойно и уверенно.

Ба субҳи васл дорам интизорӣ,

Шаби хичрон **ачаб дуру дароз** аст [338, 100].

Я жду, что придут зари воссоединения с ней,
Хотя ночь разлуки, будто бесконечно длинны.

В другом бейте из двух имен прилагательных при помощи примыкания образовано адъективное словосочетание «нек равшан» (очень светло, чисто светло) и Накибхон Туграл говорит:

Туграл, ин асрори махфӣ **нек равшан** шуд маро,
К-аш аз ин бетоқатӣ як муддао дорад чароғ [338, 266].

Туграл мне стало весьма ярко одно сокровенное,
Что свеча нетерпеливо преследует только одну цель.

Таким образом, употребление адъективных словосочетаний и на базе функциональной нормы и средств образования данной группы словосочетаний в поэтическом контексте исследуемого периода способствовало тому, что мастерами слова были образованы также новые конструкции и новые значения адъективных словосочетаний, что намного обогатило язык художественной литературы, а также расширило

грамматические и стилистические возможности таджикского литературного языка.

ГЛАВА 5. СЛОВСОЧЕТАНИЯ ИМЕН ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ И МЕСТОИМЕННЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

В данной главе мы в логически последовательном порядке попытаемся провести анализ и интерпретацию грамматических особенностей двух частей речи – имя числительное и местоимение, в составе элементарной синтаксической единицы – словосочетание. Имя числительное и местоимение как две самостоятельные именные части речи наряду со своеобразными грамматическими особенностями, также и имеют некоторые общие лингвистические свойства. Следует отметить, что как местоимения, так и имена числительные составляют большую массу зависимых компонентов в составе субстантивных словосочетаний и чаще выступают в роли определяющих компонентов именных словосочетаний, в том числе в составе местоименных словосочетаний, а также словосочетаний имен числительных. Исходя из этого можно сделать вывод, о том, что общая особенность местоимений и имен числительных заключается в функциональном плане выполнения определяющей роли в системе синтаксиса и морфологии. Другая общая особенность этих частей речи заключается в том, что как имя числительное, так и местоимение сравнительно реже выступают в роли основного компонента в роли определяемого и поэтому общее количество местоименных словосочетаний и словосочетаний имен числительных составляет сравнительно меньше чем другие разновидности именных словосочетаний. Другая интересная общая особенность заключается в том, что местоимение и имя числительное вместе образуют определенные составные конструкции (хар яке ... //хар яке аз...), при помощи которых будут образованы новые местоименные словосочетания, так и словосочетания имен числительных, о которых речь пойдет в соответствующих частях данной главы диссертационного исследования. С другой стороны объем собранного материала из творчества поэтов конца

XIX и начала XX веков дает нам возможности рассмотреть языковые и грамматические особенности словосочетаний имен числительных и местоименных словосочетаний, которые представляют близкую друг другу группу синтаксических конструкций в системе именных словосочетаний в одной общей главе. Далее в отдельных разделах мы проводим анализ и интерпретацию языковых особенностей данных словосочетаний.

5.1. Словосочетания имен числительных

Средствами связи составных компонентов словосочетаний имен числительных в основном являются изафет и предлоги, а примыкание употребляется довольно редко при их образовании. Следует отметить, что словосочетания имен числительных в количественном отношении сравнительно меньше встречаются в таджикском языке чем другие виды этих словосочетаний. Особенно, если сравнивать изафетные словосочетания имен числительных со словосочетаниями имен существительных и имен прилагательных, тогда сравнительно реже мы можем обнаружить в поэзии исследуемого периода изафетные словосочетания имен числительных, чем две вышеназванных разновидности. В современном таджикском языке также количество субстантивных изафетных словосочетаний сравнительно больше чем словосочетания имен числительных. Основными компонентами изафетных словосочетаний имен числительных являются количественные, порядковые, дробные, неопределенно-количественные числительные, но в плане употребления как в классической литературе, так и в современном таджикском языке данные разновидности имеют своеобразную частоту. Наряду с этим словосочетания имен числительных, которые образованы при помощи примыкания встречаются сравнительно реже чем изафетные и предложные конструкции. Предложная конструкция словосочетания имен числительных чаще образованы при помощи предлогов «аз» (из, с), «дар» (на,

над), «бар» (на, над). В роли основных компонентов словосочетаний имен числительных чаще всего выступают количественные, неопределенно-количественные числительные, порядковые числительные и в роли подчинительных компонентов чаще всего выступают количественные числительные, имена существительные и местоимения [77, 63.].

5.1.1. Изафетная конструкция словосочетаний имен числительных

Следует отметить, что в поэтическом контексте классической поэзии имена числительные употребляются сравнительно реже, так как фактологические данные и информация рационального характера не свойственна поэтическим жанрам и особенно лирике. Следовательно, имена числительные в творчестве поэтов исследуемого периода встречаются довольно реже, чем другие части речи в составе рассматриваемых нами словосочетаний.

Наряду с этим разновидность словосочетаний имен числительных также не велика и не разнообразна. Словосочетания имен числительных изафетной конструкции в творчестве Накбхона Туграла встречаются намного реже чем все другие именные словосочетания изафетной конструкции. Например количественные имена числительных как «як» (один), «ду» (два), «се» (три), «чор» (четыре), «панч» (пять), «шаш» (шесть), «хафт» (семь), «хашт» (восемь), «нух» (девять), «дах» (десять) нам не удалось обнаружить в составе изафетных словосочетаний в творчестве Накибхона Туграла. По сравнению с другими числительными больше всего нам удалось обнаружить словосочетания с именем числительного «хазор» (тысяча), которое употреблялось в основном в составе фразеологических конструкций или употреблялось в целях обозначения множественности, обилия и большого количества предметов, понятий и объектов. Следует отметить, что в определенных случаях слово «хазор» употребляется в составе не только

изафетных, но и предложно-изафетных словосочетаний, как в следующем бейте:

Набошад боғи имконро гуле хамчун гули рӯяш,

Агарчанде ки нашкуфтаст **як гул аз хазори ӯ** [338, 342].

В саду возможностей нет такого красивого цветка как ее лик,

И еще не расцвел один цветок из тысячи бутонов ее красоты.

В приведенном бейте употреблено словосочетание «як гул аз хазори ӯ» с компонентами имен числительных и образовано на основе модели фразеологической единицы «як аз хазор» (одна из тысячи) при помощи изафетной связки с местоимением «ӯ» и поэтому можно отнести подобные конструкции к модели изафетных словосочетаний имен числительных.

Следует отметить, что в поэтическом контексте в зависимости от мастерства поэтов имена числительные также употребляются в разных значениях с учетом привлечения словесных и художественных приемов типа метафоры, каламбур и уподобления. Например, слово «хазор» в классической поэзии будучи омонимом употребляется в таких значениях как имя числительное – тысяча и имя существительное – соловей. Поэтому в определенных случаях мастерами слова такие лексические единицы употребляются с учетом их семантико-стилистических возможностей, одновременно обозначая несколько образов и значений. В творчестве Накибхона Туграла, Ходжи Хусайна Кангурти и их современников можно встретить таких интересных случаев употребления лексических единиц в составе словосочетаний имен числительных как в следующем бейте, где слово «хазор» в составе одного и того же словосочетания употребляется как омоним в значении «тысяча», так и в значениях «соловей» и «мелодия»:

Ҳазор афтода дорад бар сари кӯяш чу ман, лекин

Ба чуз савти фироқи ӯ наёбӣ аз **хазори ман!** [338, 336].

Тысячи поклонников как я в смятении ищут ее, однако

Кроме мелодии разлуки с ней не поет мой соловей.

Следует отметить, что вторую строку данного бейта можно также перевести в таком значении, которое никак не противоречит общему содержанию бейта, а иногда представляется весьма соответствующим:

Соловей как я ей поклонник и в смятении ищет ее, однако

Кроме мелодии разлуки не найти из моих тысячи мелодий.

Как видим, в вышеприведенных бейтах компоненты словосочетаний имен числительных являются имя числительное + местоимение, а средство связи составных компонентов является изафетная связка. Полную и целую форму словосочетания «аз хазори ман» можно рассмотреть как «аз савти хазори ман» или «аз хазор савти ман», которые переведены во втором варианте перевода следующих поэтических строк.

Ту лофи нағмаи ишқаш мазан, ки дар гулшан

Яке зи нолаи ушшоқ аз **хазори** ту нест [338, 128].

Твои слова только хвастовство о ее любви, а в цветнике,

Одну мелодия любви не найти в твоих тысячи распеваний.

Следует отметить, что имя числительное «хазор» в поэзии Накибхона Туграла, Ходжи Хусайна Кангурти и других их современников часто употребляется в различных вариантах фразеологических словосочетаний и оборотов типа «яке аз хазор» как в следующей форме в творчестве Накибхона Туграла:

Ту лофи нағмаи ишқаш мазан, ки дар гулшан

Яке зи нолаи ушшоқ аз **хазори** ту нест [338, 128].

Данный бейт можно перевести с учетом другого значения слова «хазор» в следующем содержании:

Твои слова только хвастовство ее любви, а в саду,

Ни одна мелодия любви не схожа с твоим пением.

Или данный бейт можно перевести в следующем варианте:

Твои слова только хвастовство ее любви, а в саду,
Ни одна мелодия любви не схожа с тем, как поет твой соловей.

Таким образом, в приведенном бейте также слово «хазор» можно рассмотреть в двух значениях в качестве омонима как имя числительное «тысяча» и «соловей» и в обоих значениях содержание поэтических строк не нарушаются. В этой связи если рассмотреть только словосочетание «хазори ту», то из него можно извлечь две значения как «хазори ту» (тысячи твоих слов // твоё пустословие) и «хазори ту» (твой соловей// твоё мелодия // твоё поэзия).

Необходимо отметить, что в приведенных конструкциях словосочетаний имен числительных также можно рассмотреть гибридную форму изафетной и предложной конструкций данной модели словосочетаний в форме «яке аз хазори ту» (одна из твоих тысячи).

Таким образом, изафетные словосочетания имен числительных в поэзии Накибхона Туграла встречаются сравнительно реже, чем другие разновидности данной группы словосочетаний.

Наряду с этим в творчестве Накибхона Туграла употребляются заимствованные числительные, прежде всего имена числительные арабского происхождения, как в следующих бейтах:

В-он ки ба илму адабу фазлу чоҳ
Сонии иснайн ба зилли Худост [338, 366].

Тот, кто в знаниях и по признанию
Вторым из двух теней божьих.

Также можно обнаружить часто и такие словосочетания имен числительных, где употреблены таджикские имена числительные с арабскими числительными как в следующем бейте:

Гар Асадӣ дар фалаки назм буд,
Як тани аз сабъаи сайёрахост [338, 366].

Если Асади в небе поэзии,
Был одним из семи планет.

Как видим словосочетание «**як тани аз сабъа**» состоит из имени числительного таджикского происхождения «як», из нумератива «тан» (употребляется в отношении людей и означает «человек») и из имени числительного «сабъа» (семь) и данное словосочетание в целом означает один из семи планет.

В результате проведенного статистического анализа текста поэзии Накибхона Туграла других словосочетаний имен числительных с применением изафетной связки нам не удалось обнаружить и по сравнению со словосочетаниями изафетной связки в творчестве поэта чаще встречаются другие виды словосочетаний имен числительных, о которых речь идет в последующих разделах данной главы.

В творчестве Ходжи Хусайна Кангурти нам удалось обнаружить следующие разновидности словосочетаний имен числительных с изафетной связкой как «**чахори мухталифқисм**» (четыре разновидных стихии), «**ҳашти хуррам**» (восемь райских садов), «**ҳафтоди мо**» (семидесятилетие наше//наше семидесятилетие), «**шастии қазо**» (шестидесять лет судьбы// жизни), а также применение заимствованных имен числительных в изафетной конструкции типа «**сонии иснайн**» (второй из двух), как в следующих бейтах:

Халал афтад ба рукни қалъаи қисм,
Ки ҳаст ӯ з-ин **чахори мухталифқисм** [342, 490].

Будут нарушены основы тела,
Который состоит из четырех стихии.

Или:

Баҳоре, обёри файзи тавъам
Рабиёе интихоби **ҳашти хуррам** [342, 419].

Весна, прекрасная и обильная дождями,

Весна, изображающая восемь райских садов.

В другом бейте Ходжи Хусайни Кангурти употребляет словосочетание имени числительного «хафтод» (семьдесят) в следующей изафетной конструкции:

Вазьи тифлй то чихил аз хотири мо барнагашт,

Меравад ин кӯдаки бешарм то **хафтоди мо** [342, 40].

Детские чувства не ушли до сорока лет из нашей памяти,

Этот не застенчивый ребенок преследует нас до семидесяти.

Или в другом бейте:

То маро **шаст** **казо** дар ин фазо афкандааст,

Бенавои рохату кулфатнаво афкандааст [342, 66].

Как меня судьба довела до шестидесяти лет,

Всегда был бедным, тревожным и огорченным.

Также в приведенном бейте можно обнаружить омонимию слова «шаст», которое означает как шестдесят, так и крюк, крючок, а также скорость, напор, стремительность. При этом во всех трех случаях если интерпретировать данные строки, то значение бейта меняется в зависимости выбора значения данного слова, например, «шаст казо» можно рассмотреть в следующих значениях: «шестидесятилет судьбы», «крючок судьбы», «напор судьбы» (в значении метательная сила любви).

Следует отметить, что в творчестве Ходжи Хусайна Кангурти также употреблены заимствованные имена числительные с арабского языка и скорее всего данная форма словосочетания типа «сонии иснайн» (второй из двух, идущий следом) одновременно выступает в роли религиозно-суфийского термина. В поэзии Ходжи Хусайна Кангурти в двух случаях нам удалось обнаружить случаи употребления словосочетания «сонии иснайн», где два заимствованные имена числительные с арабского языка связаны между собой при помощи изафетной связки «-и»:

Сонии иснайн Бубакри Такиро мадхгӯ,
Аз Умар боғи адолат мевадору тозарӯ [342, 322].
Все окружение и идущий следом хвалят Абубакра,
Сад справедливости от Умара расцвел и прекрасен.
В другом бейте:

Он касеро ҳазрати ҳақ **сонии иснайн** гуфт,
Сохибу ҳамрози ӯ фармуд андар тахти Фор [342, 381].
Тому, кто назван властелином миров второй из двух,
Указан быть рядом с пророком, при его одиночестве.

В творчестве Мухаммадсиддики Хайрата также употреблены изафетные словосочетания имен числительных, но сравнительно в меньшем количестве по сравнению с Накибхон Туграл и Ходжи Хусайни Кангурти. Можно сказать, что по доступным нам произведениям Мухаммадсиддики Хайрата нам удалось выявить всего в двух случаях изафетные словосочетания имен числительных, а именно в следующих бейтах:

Душанбе, **шонздаҳ ё хафдахи чумоди нахуст**,
Расид Ҳайрати мо бо ду-се рафиқ ин чо [341, 163].
Понедельник 16 или 17 месяца первого джимода,
Добрался Хайрат с двумя или тремя друзьями в эту местность.

В словосочетании «**шонздаҳ ё хафдахи чумоди нахуст**» (шестнадцатого или семнадцатого месяца первого джимода) употреблено неопределенно-количественное числительное, хотя в изафетных словосочетаниях, где в роли главного компонента выступает имя числительное изредка употребляются данная категория имен числительных.

В другом случае имя числительное в составе трехкомпонентного словосочетания употребляется с заимствованным арабским словом «мазкур» (упомянутый), которое в данном словосочетании выступает в роли

указательного местоимения и связывает имя числительное с именем существительным как в следующем бейте:

Сари соати хашти мазкур рӯз

Ба дил кард азми саёхат буруз [341, 273].

С восьми часов того дня,

Собрался путешествовать.

В первой строке приведенного бейта при помощи изафетной связки образована открытая последовательная подчинительная конструкция, где предыдущий компонент выступает в роли определяемого в отношении последующего компонента и одновременно выступает в роли определения в отношении предыдущего компонента словосочетания: «сари соати хашти мазкур рӯз» (с начала восьми часов того дня) и это схематично можно рассмотреть в следующей таблице:

сари ← соати ← хашти ← мазкур ← рӯз

В такой сложной конструкции также можно выделить отдельное словосочетание имени числительного «хашти мазкур рӯз» (восемь (часов) того дня)) и подобная конструкция чаще употребляются в разговорной речи как «хашти сахар» (восемь утра), вместо «соати хашти сахар» (восемь часов утра). В контексте поэзии исследуемого периода также можно встретить своеобразную модель, которая сравнительно реже встречается в языке поэзии других эпох и к этой модели мы можем отнести так называемую предложно-изафетную конструкцию словосочетаний. Например, предложно-изафетная конструкция словосочетаний имен числительных в поэзии Ходжи Хусайна Кангурти встречается в следующем порядке:

Зевари дасти марду зан бехтар аз ин ду чиз нест,

Аз яки он нисори зар, бар дигаре сувори зар [342, 172].

Нет украшения в руках мужчины и женщины красивее чем эти две,

Из одних рук золото может раздаваться, в другие руки оно одеваются.

Хотя можно рассмотреть словосочетание «яки он» (один тот) как отдельное словосочетание имени числительного и местоимения, но в предложно-изафетной форме «аз яки он» (один из тех) оно рассматривается более совершенным и полнозначным. Именно поэтому мы предпочли выделить данную модель и представить соответствующую информацию относительно ее особенностей.

Следует отметить, что количественное имя числительное чаще употребляется в составе словосочетаний имен числительных. Одной из частовстречаемых функций данного числительного в целом составе словосочетаний заключается в том, что «если данное числительное употребляется в роли главного компонента слоасочетания, тогда к зависимому компоненту (в большинстве случаев существительному) присоединяются разъясняющие компоненты, в роли которых чаще выступают местоимения, а иногда и имя числительное» [77, 68.]. С учетом данной особенности иногда в поэтических строках можно заметить и такие способы употребления данной модели словосочетания, что зависимый компонент может быть назван в начале стихотворных строк, а разъясняющие компоненты могут быть вообще исключены из текста, хотя они всегда подразумеваются и в таких случаях особо значимую роль играет неопределенный артикль таджикского языка «-е». Кроме того, значимую роль играет также контекст самого поэтического творения. Здесь необходимо отметить, что своеобразная близость словосочетания имен числительных и местоименных словосочетаний заключается в том, что они прежде всего зависят от контекста, при этом больше и ярче проявляют свои грамматические особенности именно в контексте. В творчестве Мухаммад Азимуддини Соми употреблен артикль категории неопределенности «-е» в качестве средства связи имени числительного в роли главного компонента словосочетания с подчинительными компонентами в следующих бейтах:

Зи гул дар баҳорон сипаҳ буд беш,
Вале ҳамчу ғунча хама сар ба пеш.
Яке найза дар даст дар тохтан,
Вале чун мусаввир ба рӯ сохтан.
Яке бар миён баста ханчар расид,
Вале буд дар ларза монанди бед.
Яке дар камон карда зеҳ тирбахш,
Вале ҳамчу мадди алиф маҳзи нақш.
Яке ғунчасон гурз афрохта,
Вале ҳамчу гул рангро бохта,
Яке ғарқи фулод, аммо чунон
Чу дар оина акс - не дил, на чон.
Ба хифтони мушкин **яке тунду тез**,
Чу чашми ғазолон назар бар гурез.
Яке сурх пӯшида, аммо зи бим,
Рухаш зарду чира шудан бо раҳим [335, 320].
Обилие цветков как войско весной,
Стоят бутоны как воины в бой.
Один будто копё в руках бежит,
Но он завязан, кто его развяжет.
Один в поясе держит клинок,
Со страха дрожит как дует ветерок.
Один будто держит лук со стрелой,
Не осмелится он как войти в бой.
Один палицей вот-вот нападет,
Но так побледневший, без сил упадет.
Один в стальных бронях и колчуги,
Но осталбеневший так он от испуга.

В прочной мускусной одежде один,
Готов он бежать, никак он не воин.
Одетый в красном, как будто боец,
Но не суждено ему завоевать венец.

На основе данного стихотворного контекста можно образовать полную и совершенную форму словосочетания имени числительного, главным компонентом которого является имя числительное «як» и полная форма выявляется в следующем содержании: «Дар баҳорон сипаҳи гулҳо буд, ки **яке аз гулҳои ин сипоҳ** гӯё бо найза метохт, **яке аз гулҳо** гӯё бар миён ханҷар баста, **яке аз гулҳо** дар камон тир зех карда, **яке акз гулҳо** гурз афрохта, **яке аз гулҳо** гӯё ғарки фӯлод буда ва **яке аз гулҳои ин сипоҳ** гӯё ҳафтони мушкин ба худ пӯшида буд». Как видим, в данном стихотворном тексте проводится описание красоты природы и неповторимости красоты различных цветков.

В некоторых бейтах поэтов также можно заметить и полную форму данной модели словосочетаний имен числительных как в следующих строках Сипандии Самарканди:

Яке 3-ин гульузoron чун ту набвад,
Ба мулки ҳусн султони назокат [335, 363].
Ни одна из этих красавиц не станут как ты,
В стране красавиц не могут стать царицей.

Интересным фактом является еще то, что словосочетания имен числительных и местоименные словосочетания в некоторых поэтических строках употребляются чередованием и дополнением друг друга как в следующих строках Аджзии Самарканди:

Дар он чо даҳ нафар якчо бубинӣ,
Хараш навъи дигар расво бубинӣ.
Яке хашхошӣ дигар боданӯш аст,

Яке афюнкаш, инаш майфурӯш аст.

Яке дузду яке бадмасти хунхор,

Яке мутриб, яке каззоби таррор.

Яке девонаву дигар қаландар

В-аз инҳо нима кӯру нимае кар [335, 431].

И как заметишь там десятером сидят,

Один хуже другого дерутся и лстят.

Один коноплю любит, другой вечно пьян,

Один опиум курит, у другого вино изъян.

Один вор, а другой сильно захмелевший,

Один певец, другой врун затвердевший.

Один сумасшедший, другой дервиш больной,

И все эти люди то немой, то слепой.

Как видим, в первой строке приводится основная информация и цель поэта, а в последующих строках, не повторяя прежнюю информацию, только указывает местоимением и неопределенным артиклем «яке» и в таком порядке приводит таксономию первостепенной информации, которая приводится в форме субстантивного словосочетания «дах нафар» (полная форма «дах нафар одам» – десять человек) в последующих строках. При этом, словосочетание имени числительного в составе полной структуры «**яке аз дах нафар** - хашхошӣ» (**один из десяти человек** - склонен коноплям) приводится в форме «яке хашхошӣ» и в стихотворной строке чередуется местоименным словосочетанием полной структуры «**дигар аз дах нафар** - боданӯш» (**другой из десяти человек** - пьяница) в форме «дигар боданӯш». Такое таксономическое и аналитическо-синтетическое чередование именных словосочетаний требует особого и всестороннего научного анализа. Оприаясь на данные проведенного исследования можно сделать вывод о том, что такой способ употребления сокращенной формы словосочетаний в

основном является свойством именно поэтического текста, где происходит так называемый «тахфифи ибора» (отсечение) сокращение полной формы словосочетаний.

5.1.2. Предложная конструкция словосочетаний имен числительных

Другая модель словосочетаний имен числительных в современном таджикском литературном языке образована при помощи предложной конструкции и такую модель мы можем обнаружить в творчестве поэтов исследуемого нами периода. По поводу словосочетаний имен числительных в академической грамматике современного таджикского языка отмечается следующее: «Ба сифати чузьи асосии ин ибораҳо шумораҳои асли, тахминӣ, тартибӣ ва касрӣ (хеле кам) истифода мешавад. Ба вазифаи чузьи тобеи онҳо исм, ҷонишин ва шумораи асли меоянд, ки ба чузьи асосӣ бештар ба воситаи пешоянди «аз» ва қисман бо пешояндҳои «ба» (бар), «дар» тобеи мегардад» - в качестве главного компонента данной модели словосочетаний, в основном выступают количественные числительные, а также порядковые, неопределенно-количественные и дробные (достаточно редко), а в качестве зависимых компонентов выступают имя существительное, местоимение и в определенных случаях сами количественные числительные. Зависимость и взаимосвязь составных компонентов в данной модели словосочетаний происходит при помощи предлогов и прежде всего в образовании этих словосочетаний участвуют такие предлоги «аз» (из, с), «ба//бар», (на, в//над) и «дар» (на, над) [77, 68.].

Таким образом, процесс образования и употребления предлогов в составе словосочетаний имен числительных можно рассмотреть в следующем порядке:

Дар садади чопу пайи табӣ ӯ

Ҳар ду ба ҳам аз паи номи нақӯ.

Ҳар як аз ин ҳар ду футувватасар,
Чи шабу чи рӯзу чи шому сахар [338, 404].
В целях подготовки к изданию,
Они оба во имя чести и достоинства
Каждый из них благими намерениями,
Днем и ночью старались достичь цели.

В другом примере можно заметить, что посредством предлога «ба» и количественным именем числительного «як» (один, единица) образовано словосочетание «як ба як» (один на один, один к одному, каждый по одному) как в следующем бейте:

Он чи ки бошад зи само то самак,
Ќумла гувоҳанд туро **як ба як** [338, 426].
Все, что на земле и в небесах,
Свидетельствуют о тебе один к одному.

В нижеследующем бейте словосочетание имени числительного «хар ду ба зот» (обое в сущности, вдвоем в сущности) образовано при помощи предлога «ба» (в, к):

Ќисмати мушрик шуда аз мехру мох,
Зулмату зав **хар ду ба зотат** гувоҳ [338, 426].
Тем, которым верят в луну и в солнце,
Тьма и свет вдвоем свидетельствуют о твоей сути.

Как предлог «ба» в образовании словосочетаний имен числительных, предлог «аз» (из, с, от) выступает в роли связующего компонента вместе с неопределенным артиклем «-е»:

Яке аз сипехри тараб дам занад,
Яке ханда бар ҳоли мотам занад! [338, 390].

Один воспеваает веселья и счастья,
Другой смело смеется над горьем.

Также и сам предлог «аз» может выступить в роли связующего компонента составных элементов словосочетаний имен числительных как в следующем бейте:

Обутоби оразу зулфат надорад бӯстон,
Сунбулу гул **хар ду аз зулфу рухат** беобутоб! [338, 79].

Не выдержит красоту твоих румяниц цветник,
Гиацинт и цветок стесняются перед твоим ликом.

В поэзии Накибхона Туграла не удалось обнаружить словосочетания имен числительных предложной конструкции, образованные при помощи предлогов «бо» (с, вместе) и «то» (до) и в академической грамматике современного таджикского языка также отмечено в словосочетаниях имен числительных данной конструкции в роли связующего компонента в основном выступают предлоги «аз» (из, с), «ба» (в, к) с вариантом «бар» (в, на) и «дар» (на, над). В поэзии Накибхона Туграла был выявлен всего один случай употребления предлога «дар» в составе словосочетания имени числительного предложной конструкции в следующем бейте:

Ҳасратию Гулхании некрой,
Хар ду дар ин сафха гирифтанд чой [338, 403].

Хасрати и Гулхани добродушные и благородные,
Вдвоем нашли себе место на этой странице.

Однако, предлогом «бар» не было выявлено словосочетание имени числительного предложной конструкции в поэзии Накибхона Туграла.

Следует отметить, что по сравнению с творчеством Накибхона Туграла в поэзии Ходжи Хусайни Кангурти нам удалось выявить больше словосочетаний имен числительных предложной конструкции, которые образованы при помощи предлога «аз» (из, с) с количественным

числительным «як» (один, единица). Например, в следующем бейте поэт говорит:

Бурун рафтанд ҳар як аз миёна,
Тихӣ аз номашон омад замона [342, 421].

Постепенно ушли с этой среды,
Время проходит теперь без их имен.

Таких словосочетаний можно заметить и в следующих поэтических строках из творчества Ходжи Хусайна Кангурти:

Сайид Уммар яке аз орифонаш,
Чу гардун дар баландӣ қадри шонаш [342, 426].

Сайид Умар является одним из его учеников,
Подобно небесам его честь очень высока.

Как видим в приведенном бейте словосочетание «яке аз орифонаш» образовано не только при помощи примыкания, но и в процесс образования данной синтаксической единицы привлечен и неопределенный артикл таджикского языка «-е», которое также усиливает взаимосвязь составляющих данное словосочетание компонентов. В нижеследующих словосочетаниях также можно заметить употребление вышеназванного неопределенного артикля. Например,

Яке аз чумлаи онхост, донӣ,
Алии сонӣ Амир Хамадонӣ [342, 427].

Один является из тех людей, если знаешь,
Он как второй Али, Амир Хамадани.

Или:

Дар он соат, ки ин махшар аён буд,
Мадан он чо **яке аз хозирон** буд [342, 488].

В тот час, когда все было подобно аду,
Мадан был там из числа присутствовавших.

В следующих строках также в словосочетаниях артикль неопределенной категории «-е» употребляется вместе с предлогом «аз» в составе предложной конструкции словосочетаний имен числительных:

То имтиёзи рӯи ту бар мехру маҳ кунанд,

Андар гирифтаи **ҳар яке аз руҳ никоб** гир.

Аз суҳбате, ки гуфтугӯ асрори мардум аст,

Бе ҳукми эҳтиёт яке иҷтиноб гир [342, 170].

Если сравнивают твой лик с луной и солнцем,

При их затмении ты снимай свою чадру.

Ту беседу, где для простых людей сокровенно,

Избегай, чтобы соблюдать осторожность.

Следует отметить, что в некоторых словосочетаниях имен числительных, где в предложной конструкции употреблен также и артикль неопределенной категории «-е» можно исключить данный артикль и при этом ни в структуре и ни в семантике данного словосочетания заметных изменений не прослеживаются, как в следующем бейте:

Лаб кунам ширин зи номи **ҳар яке аз пайравон**,

Тар лисон созам ба алқоби суҳаб, тимори чон [342, 321].

В свой уст сладости прибавлю именем каждого приверженца,

Речью и общением прибавлю наслаждения своей душе.

Как видим словосочетание «ҳар яке аз пайравон» (каждого из приверженцев) можно употреблять в форме «ҳар як аз пайравон» (каждого из приверженцев) и при этом оно сохраняет свою содержательную и структурную особенность. Наряду с этим, можно сказать, что артикль неопределенности в таджикском языке проявляет своеобразные неповторимые языковые особенности, которые рассмотрены в соответствующих научных трудах, в статьях и монографиях. Здесь мы можем только упоминать о том, что таджикский языковед Шавкат Ниёзи еще в 1954

году в своей монографии под названием «Имя существительное и имя прилагательное в таджикском языке» детально рассматривал грамматические функции и особенности данного артикля [179]. Известный ученый и грамматист таджикского языка классического периода Ходжа Хасани Нисори в своей книге «Чаҳор гулзор» (Четыре цветника) выделяет 18 разновидных функций данного артикля. Во всех этих научных трудах выявлены и описаны роль данного денного детерминатива как актуализатора имен существительных [261]. Опираясь на эти исследования можно делать такой вывод, что благодаря данной грамматической единицы виртуальное, воображаемое понятие переводится в нечто актуальное в речи. Например, в следующих бейтах артикль неопределенной категории «-е» в обусловленной степени конкретизирует объект, которому противопоставляется другой объект, о котором речь идет в следующей строке:

Яке аз захр з-ин дори фано рафт,

Дигарро сар ба теғи Карбало рафт.

Ризо ўро **яке аз мархабо** кард,

Ба роҳи ў дигар чонро фидо кард [342, 404].

Один ушел из жизни, когда отравили его ядом,

Другому отрубили голову в степи Карбала.

Один принят как свято отдавший свою душу,

И другой также по его стопам жертвовал душой.

Как видим в первой строке в составе словосочетания «яке аз захр» (один от яда) употреблен атрикль «-е», который усиливает конкретизацию первого понятия, за которым следует называть другое следующее понятие, обозначаемое словом «дигар» (другое, следующее), а также в следующих строках за словосочетанием «яке аз мархабо» (одним из святых) следует привести другого понятия, обозначаемого словом «дигар» (другое, следующее).

Как заметно, предлог «аз» по сравнению с другими предлогами, образующими словосочетания имен числительных предложной конструкции в поэзии Ходжи Хусайна Кангурти употреблено сравнительно чаще. Например, предлог «ба» только в одном случае употребляется в составе рассматриваемой модели словосочетания имен числительных как в следующем бейте:

Бод боқӣ ба сафҳаи айём,

Номи ҳар ду ба сифати икром [342, 374].

Пусть будут на страницах времен,

Имена обоих в знак почтения.

В приведенном бейте словосочетание «ҳар ду ба сифати икром» (оба в знак чести) представляет сложную и распространенную форму словосочетания имен числительных, хотя в простой форме можно также его рассмотреть как «ҳар ду ба сифат» (оба в качестве), где также основным компонентом остается имя числительное «ду» (два, двое, оба).

В предложной конструкции словосочетаний имен числительных употребление предлога «дар» на примере творчества Ходжи Хусайна Кангурти мы смогли выявить одно словосочетание «ҳар як дар бино» (каждое в здании) в следующем бейте:

Гарчи ҳар як дар бинои соли нав ҳамнисбатанд,

Он яке кулфатхисору в-он дигар фархатнисор [342, 378].

Хотя эти сезоны в этом году придут одинаково,

Но один полон огорчением, а другой полон веселием.

В этих строках речь идет о сопоставлении весны и месяца мусульманского летоисчисления муҳаррам в период которого вступают некоторые запреты и в этот месяц были убиты внук пророка с его семьей со стороны их врагов.

Однако, словосочетание имени числительного предложной конструкции, образованное при помощи предлога «бар» в творчестве Ходжи Хусайна Кангурти также не удалось обнаружить.

Таким образом, в творчестве Ходжи Хусайна Кангурти и Накибхона Туграла, которым принадлежит много газелей и поэтических строк по сравнению с другими поэтами исследуемого нами периода, нам удалось в ограниченном количестве обнаружить словосочетания имен числительных предложной конструкции. В творчестве других поэтов современников Накибхона Туграла и Ходжи Хусайна Кангурти также нам удалось выявить некоторые примеры относительно словосочетаний имен числительных предложной и изафетной конструкций. Например, в творчестве Шамсиддина Шохина употреблены словосочетания имен числительных типа «хар як аз даруна» (каждый изнутри), «як ба як» (один к одному, каждый) в следующих бейтах:

Ороста **хар як аз даруна**,

Аз чннси кумош гуна-гуна [343, 212].

Наряженный каждый изнутри,

Разными видами шелковой ткани.

Или:

Ҳар кучо тухми муҳаббат буд, деҳқони азал,

Чамъ карду **як ба як** дар синаи Шохин бикишт [343, 36].

Где была семена любви творец миров,

Собрал до единого, сажал в сердце Шохина.

По поводу словосочетаний имен числительных, образованные при помощи составов «хар як», «ҳеч як» в академической грамматике таджикского языка отмечается следующее: «имя числительное «як» (один, единица) вместе с местоимениями «хар» (каждый) и «ҳеч» (ни, ни какой, ничто) в форме составной конструкции (ҳеч як, ҳар як) выступают в роли

главного компонента словосочетаний имен числительных» [77, 69.]. Следовательно, без никаких сомнений можно сделать вывод о том, что имя числительное и местоимение оп определенным грамматическим и языковым функциям достаточно близки.

Словосочетания имен числительных также в таких формах встречаются в поэзии Ахмади Дониш, например:

Вучуди **хар як аз ин қавм** зеби мамлакат аст,
Ҳузури **хар як аз ин фирқа** мулкrost чамол [335, 221].
Бытие каждого из этих народов украсит эту страну,
Присутствие каждого из этих сообществ украсит их край.

В творчестве Аджзии Самарканди также можно заметить случаи употребления таких словосочетаний, которые образованы при помощи предлога «аз» (из) как в следующем бейте:

Самарқанд аст чун маҳбуби марғуб,
Чй гӯям **сад хазор аз гуфтааш** хуб [335, 432].
Самарканд такой любимый город и привлекательный,
Что еще сказать, ведь об этом говорили тысячи раз.

В поэзии Музтариб встречается словосочетание имени числительного, образованное при помощи предлога «ба» (в, к) в форме «як ба як», например:

Авзoi ҳафт ахтару атвори нӯҳ сипехр,
Бар дониши баланди ту пайдост **як ба як** [335, 272].
Состояние всех семи звезд и девяти небес,
Ты познал своим умом один к одному.

Также в творчестве другого поэта исследуемого периода - Сипандии Самарканди, также употреблены такие формы словосочетания имен числительных, образованные при помощи предлога «ба» и имя числительного «як», как в следующем бейте:

Муддай дар тундии табъи Сипандӣ дошт шак,

Шуд яқинаш ҳосил охир 3-ин мухаммас **як ба як** [335, 366].

Оппонент сомневался в одаренности Сипанди,

По его стихам убедился, что у него поэтический дар.

В поэзии другого поэта данного периода – Мирзо Хайити Сахбо словосочетание имени существительного «як ба як» употребляется в значении полностью, до единого, целиком, в полной мере, в следующем бейте:

Дидем **як ба як** ҳамаи боғу бўстон,

Нашкуфтааст чун ту гуле дар баҳори ҳусн [335, 396].

Просмотрели все воедино, все сады и цветники,

Не нашли как ты цветок, окрасивший весну красоты.

Исходя из вышеприведенных примеров можно сделать вывод о том, что словосочетаний имен числительных предложной конструкции в различных формах и содержаниях, с учетом их неповторимых грамматических, языковых функций были применены в творчестве поэтов конца XIX и начала XX века, которые вносили огромный вклад в развитии современного таджикского литературного языка.

На странице 277 монографии лингвиста А. Мирзоева приводится пример «шаш нафар аз шунавандагон» (шестеро из слушателей) в качестве словосочетания имени числительного и отмечается, что данное словосочетание в форме «шаш нафари шунавандагон» (шестеро из числа слушателей) также употребляется и в таком случае становится изафетным словосочетанием имени числительного. Здесь следует отметить, что, если привести данное словосочетание в модели примыкающей связи как «шаш нафар шунавандагон» (шестеро слушателей, слешатели из шести человек), тогда мы получаем примыкающее субстантивное словосочетание модели «имя существительное+имя числительное». Лингвист А. Мирзоев очень уместно отмечает, что «словосочетания имен числительных по сравнению со словосочетаниями имени прилагательного являются очень

малоупотребительными» [169, 276]. Наряду с этим, в своей монографии А. Мирзоев приводит достаточно краткую информацию в объеме всего лишь пол страницы о словосочетаниях имен числительных. Автор делит словосочетаний имен числительных на две группы как изафетные словосочетания имен числительных и предложные словосочетания имен числительных [169, 276–277]. При классификации словосочетаний имен числительных мы также придерживались данной классификации.

Говоря о примыкающих словосочетаниях имен числительных, можно сказать, что данная модель сравнительно редко встречается в языке, а в языке поэзии соответственно возникают трудности их выявления. В академической грамматике современного таджикского литературного языка указано следующее: «Дар ин ибораҳо чузби асосӣ бештар бо шумораи асли, инчунин бо шумораи тахминӣ ва қисман бо шумораи касрӣ ва тартибӣ, чузби тобеъ асосан бо зарфҳои, **як кам, чорьяк кам, сахл кам** ва калимаҳои як, **ягон** ҳамчун чузби тобеи ибора истифода мешаванд. Ин ибораҳо муносибати микдориро бо тобиши тахмин ифода менамоянд» - в словосочетаниях данной группы больше всего употребляются количественные, неопределенно-количественные числительные и частично дробные и порядковые числительные, в качестве зависимых компонентов выступают наречия в формах чуть, немного, около, а также слова «як» (один, единица) и «ягон» (какое-то одно, какое-то). Эти словосочетания означают приблизительное или неопределенное количество понятий, явлений и предметов» [77, 67].

В поэзии Накибхона Туграла и Ходжи Хусайна Кангурти и других их современников нам не удалось обнаружить словосочетания имен числительных, образованные при помощи примыкания в соответствии с классифицированными в академической грамматике современного таджикского языка словосочетаний типа «чорьяк кам бист» (без четверти двадцать), «сахл кам ду» (чуть не два, до двух немного), «тахминан чор»

(около четырех), «қариб сад» (около ста), «базӯр ҳазор» (почти тысячи), «ягон бист кадам» (около двадцати шагов), «як кам чил» (без одного сорок), «камаш бист гектар» (около двадцати гектаров) [77, 66 - 67].

Как уже было отмечено поэзия в целом и в том числе таджикская как классическая, так и современная поэзия всегда носила концептуальный характер, будучи полными неповторимыми образами, идеями и различными воображениями изредка может иметь какие-либо поверхностные фактологические особенности. Следовательно имя числительное как отдельная часть речи больше всего связано с фактологичностью и с данными, которые не всегда могут быть применены в поэзии.

5.2. Местоименные словосочетания

В академической грамматике современного таджикского литературного языка о местоименных словосочетаниях отмечается следующее: «Ибораҳои ҷонишинӣ камистеъмоланд. Муносибати ибораҳои синтаксисии ҷонишинӣ асосан дар матн зоҳир мегардад. Ҷузъҳои ибораҳои ҷонишинӣ бо алоқаи изофӣ, пешояндӣ ва ҳамроҳӣ пайваст мегарданд. Алоқаи изофӣ дар ин ибораҳо нисбат ба алоқаи пешояндӣ ва ҳамроҳӣ серистеъмол аст. Дар ибораҳои ҷонишинӣ ба сифати ҷузъи тобеъ исм, сифат ва ҷонишин (бо воситаи пешоянд), ҷонишин ва зарф (бо алоқаи ҳамроҳӣ) истеъмол мешаванд» - местоименные словосочетания в таджикском языке малоупотребительны. Синтаксические отношения местоимения с другими частями речи прежде всего зависят от контекста, их особенности лучше выявляются в тексте. Составные компоненты местоименных словосочетаний связываются между собой изафетным, предложным и примыкающим способами связи. Изафетный способ связи сравнительно больше встречается в местоименных словосочетаниях, чем предложный и примыкающий способы связи. В местоименных словосочетаниях в качестве определения выступают имена существительные, имена прилагательные, местоимения и наречия

(посредством примыкания) [77, 69]. По способу взаимосвязи составных компонентов местоименные словосочетания в основном можно классифицировать как изафетные местоименные словосочетания, примыкающие местоименные словосочетания и местоименные словосочетания предложной конструкции.

5.2.1. Изафетные местоименные словосочетания

В поэзии Накибхона Туграла больше всего встречаются изафетные местоименные словосочетания, образованные изафетной связкой и местоимением «ман» и все это связано с тем, что в поэзии обычно автор излагает свои воображения и свои идеи, описывает свой мир и свое мироощущение, излагает свои чувства и свои цели в отношении к любимой, природе, родине, людям и в целом свое отношение к жизни. Именно поэтому можно сказать, что в центре поэтического контекста стоит сам поэт, сам автор, который указывается местоимением «ман» (я). В поэзии Накибхона Туграла мы смогли выявить 23 случая употребления местоимения «ман» в составе местоименных словосочетаний и в большинстве случаев данное местоимение употребляется с прилагательными как в следующем бейте:

Санои пири харобот боядам гуфтан,
Ки дод бар **мани махмур** пои хум чоро [338, 35].

Хвала старцу пристанища дервишей,
Что поместил меня у кувшина вина.

В другом бейте приводится местоименное словосочетание «мани девона» (я сумасшедший – в тексте меня сумасшедшего):

Ҳар кӣ дар дашти чунун бинад **мани девонаро**,
Кай шавад монанди Маҷнун ошно бегонаро? [338, 56].
Каждый, кто увидет меня сумасшедшего в степи безумия,
Трудно им понять каким был Меджнун, им все это мнимо.

Или:

Имрӯз ба чуз нола кӣ хоҳад, ки расонад
Арзи **мани маҳчур** ба султони тағофул?! [338, 283].

Сегодня кто доносит, кроме моих рыданий,
Жалобы такого как я оставленного султану.

Или в другом бейте:

Қазо ба рӯи **мани мустамад** басту кушод
Дари ҳузуру ҳаловат, дари ғаму озор! [338, 383].

Судьба мне огорченному, закрыл и открыл,
Двери радости, веселя и двери печали и грусти.

В таком же порядке поэт приводит местоименные словосочетания, такие как «мани бехонумон» (я - бездомный и оставленный), «мани бечора» (я - бедняга, нищий), «мани хаста» (я - измученный), а также в сложном и распространенном виде как «мани ғарқи гуноҳ» (я, окунувший в грехи), которыми изображены образы и состояние, видение и чувства самого поэта, его внутренний мир и при этом употребление данных разновидностей местоименных словосочетаний еще раз доказывает поэтическое мастерство Накибхона Туграла и богатства его языка.

В своих газелях Накибхон Туграл местоимение «ман» употребляет вместе со своим именем «Туграл», например:

Гӯямаш сад офарин бо хотири дарроки ӯ,
Ҳар кӣ бинвисад ба ашъори **мани Туграл** чавоб! [338, 84].

Хвала начитанной памяти и хвала разуму того,
Кто сможет написать ответы стихам (моим) Туграла.

В другом бейте поэт отмечает:

Никоб аз рух наяндозад муаммой **мани Туграл**,
Ки холи аз такаллуф нест мазмунҳои ашъорам [338, 300].

Чадру с лица не скинут загадки (мои) Туграла,

В моей поэзии сокрыты затеи многих значений.

В некоторых случаях поэт уподобляет себя самого с кем-либо другим, называя себя его именем и при этом он употребляет изафетное местоименное словосочетание модели «личное местоимение+собственное имя существительное» как в следующем примере:

Манам чун мехи хайма баста бар гардан таноби ў,
Сияхчашме, ки мегардам **мани Маҷнун** хароби ў [338, 429].

Черноокая, от которой я – Меджнун теряю все,
Вращаюсь вокруг себя как ее скрученные локоны.

Слово «маҷнун» также употребляется своим исконным словарным значением как «безумный», «безумно влюбленный», а не как имя человека, в следующем бейте поэт говорит:

Вафо кам-кам, чафо бисёр дар ҳаққи **мани маҷнун**,
Тараххум кун, такаллум беш, беш аз ҳар адад афзун [338, 429].
Мало преданности, много страданий ко мне – безумно влюбленному,
Испытывай сострадания, общайся со мной, я нуждаюсь в милости.

В некоторых случаях в роли определяемого и зависимого компонента в составе местименных изафетных словосочетаний могут выступать причастия как в следующих бейтах:

Ин аст агар захмии шамшери нигоҳаш,
Сад чони **мани дилшуда** қурбони тағофул! [338, 283].

Если так пронзительны лезвии ее взглядов,
Тогда жертвуют сотнями таких как я влюбленных.

Или в другом бейте:

Васийяти **мани дилхастаро** қабул оред:
Рақам кунед ба лавҳам, ки «ин-т ошики зор!» [338, 383].

Примите мое завешание, я измучен в любви,
Пусть надгробье будет: «унилый влюбленный».

Также встречаются варианты сложной и распространенной формы местоименного словосочетания данной модели как в следующем бейте:

Як шабе сӯи **мани саргаштаи махзун** биё,
Умрҳо шуд дар фирокам ман ба уммеди висол [338, 276].
Приди ночью ко мне, я унилый и бесприютный,
Всю жизнь я мечтаю о сближении с тобой.

В таджикском языке, особенно в литературном языке в целях уважительного обращения вместо местоимения «ман» также употребляются такие слова как «банда» (покорный слуга, раб), «камина» (малейший, невольник) и в поэзии Накибхона Туграла нам удалось обнаружить применения слова «банда» в качестве личного местоимения первого лица единственного числа «ман» и поэт в следующих бейтах употребляет данное местоимение:

Захи фироқи туро ҳеч ба ғайр аз ачал,
Чора набошад дигар **бандаи ночорро** [338, 37].
Раны от твоей разлуки ничто не вылечит кроме смерти,
Больше нет выхода для меня – покорного и немощного.
В другом примере:
Арзи аҳвол ин ки эй мири сиёдатинтисоб,
Нисбати зотист бо ту **бандаи дилрешро** [338, 384].
Мое прошение для тебя, о, праведный правитель,
Что к твоему роду отношусь я - покорный измученный.

Нам также удалось обнаружить всего один случай употребления местоимения третьего лица множественного числа «онон» в роли главного компонента изафетного местоименного словосочетания в следующем бейте:

Ба афғони булбул ба гулзор зор,
Ба шодии **онони дилдорвор** [338, 395].
Жалкие рыдания соловя о цветнике,

В радость тем, которые уносят сердца.

Общеизвестно, что определительное местоимение «хама» (весь, все) в современном таджикском языке продуктивно употребляется в составе изафетных местоименных словосочетаний и об этом в академической грамматике современного таджикского литературного языка отмечается, что определительное местоимение «хама» (весь, все) употребляется в составе изафетных местоименных словосочетаний вместе с различными видами имен существительных и приводится в качестве примера словосочетание «хамаи бачагон» (все дети) и можно прибавить к данному примеру большое количество словосочетаний из современного таджикского языка типа «хамаи шумо» (вы все), «хамаи корҳо» (все дела), «хамаи дарахтон» (все деревья), «хамаи андешаҳо» (все идеи), что еще раз подтверждают значимую частоту употребления данного местоимения в составе изафетных местоименных словосочетаний современного таджикского языка [77, 71]. Однако изучение и анализ творчества поэтов конца XIX и начала XX века показали, что данное определительное местоимение вовсе не употреблено в составе изафетных местоименных словосочетаний в языке поэзии исследуемого нами периода. В поэзии Накибхона Туграла, Садриддина Айни, Ходжи Хусайна Кангурти и Мухаммадсиддика Хайрат нам не удалось обнаружить случаи употребления данного местоимения в составе изафетных местоименных словосочетаний. Единственно в творчестве Шамсиддина Шохина мы выявили в двух случаях употребление определительного местоимения «хама» в изафетной конструкции словосочетания в следующих бейтах:

Эй ситонида ба хусн аз **хамаи хубон** боч,

Качкулоҳон паи таъзим туро дода хироч [343, 38].

Своей красотой взимаешь подати у всех красавиц,

Высокомерные к твоим ногам приподносят дань.

В другом бейте поэт говорит:

Мутанаъим шуда Шоҳин зи ғуломии дарат,
В-арна мебуд **ҳамаи умр** ба ноне муҳтоҷ [343, 38].
Шоҳин боғат тем, что он раб у твоих ворот,
Не было бы такого всю жизнь был бы нищим.

В другом современнике Шамсиддина Шоҳин нам удалось выявить один случай употребления определительного местоимения «ҳама» в качестве главного компонента изафетного местоименного словосочетания и это поэт Мирзо Хайити Сахбо, который говорит:

Дидем як ба як **ҳамаи боғу бӯстон**,
Нашкуфтааст чун ту гуле дар баҳори хусн [335, 396].
Просмотрели все воедино, все сады и цветники,
Не нашли как ты цветок, окрасивший весну красоты.

Продуктивное употребление определительного местоимения «ҳама» в составе изафетных словосочетаний по нашему мнению еще связан с тем, что процесс образования изафетных конструкций из числа некоторых местоимений начался в течении развития современного таджикского литературного языка в первой половине XX века и данный процесс тесно связан с развитием современной прозы в таджикской литературе, в том числе с творчеством таких писателей как Садриддин Айни (особенно его проза), Джалол Икромӣ, Пулод Толис, Рахим Джалил и их современников. В академической грамматике современного таджикского литературного языка приводится такой пример из творчества известного таджикского прозаика XX века Рахима Джалиля: «**Ҳамаи бачагон ҳам сару либосҳои гарму тоза доштанд ва саломат буданд**» (Все дети были одеты в теплые и чистые одежды и были здоровы) [См.:77, 71]. Здесь также необходимо отметить, что иногда причины ограниченного употребления некоторых конструкций словосочетаний тесно связаны с метрикой и рифмовкой поэзии, что такие причины также могут стать фактором ограничения использования некоторых моделей словосочетаний.

В академической грамматике современного таджикского литературного языка рассматривая вопросы употребления некоторых местоимений, в том числе неопределенного местоимения «баъзе» (некоторое, какое-то) отмечено, что данное неопределенное местоимение употребляется в составе изафетных местоименных словосочетаний и при этом примеры приведены из творчества прозаиков XX века [См.:77, 73]. Таджикский лингвист А. Мирзоев также в своей монографии приводит некоторые примеры с неопределенным местоимением «баъзе», которое образует местоименное словосочетание при помощи связано изафетной связки. Ученый такие словосочетания классифицирует в отдельную группу под названием предложно-изафетных местоименных словосочетаний и к ним приводит такие примеры как «баъзеи аз онҳо» (некоторые из тех), хотя в рамках нормы современного таджикского языка данную модель удобнее рассмотреть, как «баъзе аз онҳо» (некоторые из тех). По этому поводу А. Мирзоев отмечает, что «в образовании изафетно-предложных местоименных словосочетаний участвуют две грамматические средства (изафет и предлог). В таких словосочетаниях главное слово употребляется с изафетом и дополнительно второстепенный компонент словосочетания подчиняется при помощи предлога «аз» (другие предлоги не употребляются): «баъзеи аз онҳо» (некоторые из тех), «ҳар кадоми аз шумо» (каждый из вас), «кадоми аз пешкадамон» (который из активистов) и др. Роль обоих средств связи в таких словосочетаниях не одинаковы и при этом позиция предлога не устойчива и поэтому данные словосочетания также могут употребляться без предлога, где ни структура и ни значение словосочетаний не нарушаются: «баъзеи онҳо» (некоторые из тех), «ҳар кадоми шумо» (каждый из вас), «кадоми пешкадамон» (который из активистов). В этих словосочетаниях предлог употребляется для подчеркивания зависимого компонента словосочетания» [169, 278].

Опираясь на концепции ученого можно следовать второй части постулата, где речь идет о варианте употребления данных словосочетаний без предлога, так как употребление изафетно-предложной конструкции не всегда соответствует нормам современного таджикского литературного языка, а также словосочетания такой модели не употреблены в классической, в том числе в поэтическом контексте исследуемого нами периода.

По нашему мнению, неопределенное местоимение стало употребляться в составе изафетных местоименных словосочетаний только в течении XX столетия, скорее всего под влиянием калькирования местоименных словосочетаний русского языка типа «некоторые люди» (баъзеи одамон), «некоторые из этих книг» (баъзе аз ин китобҳо // баъзеи ин китобҳо), так как в литературном языке и в поэзии исследуемого нами периода данная модель отсутствует. Например, неопределенное местоимение «баъзе» в поэзии Тугралда в двух случаях употребляется, но в обоих случаях без изафета.

В поэзии Садриддина Айни мы не смогли обнаружить случаи употребления местоимения «баъзе» ни в предложной конструкции, ни в примыкающей и ни в изафетной модели.

В поэзии Ходжи Хусайни Кангурти в двух случаях употребляется местоимение «баъзе», но в обоих случаях без изафета, а посредством предложной конструкции образовано местоименное словосочетание, о котором речь идет в соответствующем разделе.

Данные факты еще раз указывают на то, что в течении двадцатого века, расширение употребления изафетной связки является свидетелем развития анализма в современном таджикском языке.

Вопросительные местоимения «кадом?» (который?) и «кучо?» (где?) не употребляются с изафетной связкой в формах «кадоми...» и «кучои...» в творчестве Накибхона Туграла, Ходжи Хусайна Кангурти и Садриддина Айни, кроме одного случая употребления вопросительного местоимения

«кучо?» с изафетной связкой в форме «кучои...» в творчестве Ходжи Хусайна в следующем бейте:

Не дар ғами молу чоҳу не фарзандам,
Дилро ба кучои дари олам бандам [342, 354].
Ни мечты о богатстве, ни мечты о детей,
В какую часть мира привязать свое сердце?

Таким образом, примеры из творчества поэтов исследуемого нами периода показывают, что местоимения «хама», «баъзе», «кадом» и «кучо», в основном в литературном языке данного периода употреблялись без изафета и в качестве основного средства связи этих местоимений с другими составными компонентами словосочетаний выступали предлоги и примыкание. В творчестве Ходжи Хусайна Кангурти также сравнительно чаще и почти в таком же количестве как у Накибхона Туграла употреблено местоимение «ман» в составе местоименных изафетных словосочетаний и их количество составляет 14 случаев употребления. Ниже можем проанализировать некоторые моменты употребления местоименных изафетных словосочетаний в творчестве Ходжи Хусайна Кангурти:

Чӣ дидам дар чаҳон, Ҳочӣ, мани хайратнамо охир
Фусурд ойнаам дар занги кулфатозмойихо [342, 26].
Что видел Ходжи в этом мире я удивленный во всем,
Мое зеркало поблекший от испытаний печали.

В другом бейте:

Савора бар сари бемори ғам яке бигзар,
Бубин, ки бар мани бедил чӣ гуна ҳол гузашт [342, 84].
Верхом проходи над больным от печали и скорби,
Взгляни, в каком состоянии я провожу свою жизнь.

Или:

Ё раб, ба чӣ сон домани васлаш ба каф орам?

У чархи баринпоя, **мани зортавон** ҳеч [342, 96].

О, боже, каким образом мне прижаться к ней,
Она на небесах, а я унылый и в ничтожестве.

В другом бейте:

Нодем ба худ беҳтару аз чарх нанолем,
К-ин зол ҳам охир чу **мани зор** намонад [342, 126].

Плачем за себя, а за небеса не плачем,
Это старье также не остается навсегда.

Или:

Дар ҳачри ту то кай **мани бемор** бигирям,
Дар ҳар сари роху паси девор бигирям [342, 242].
Из за твоей разлуки сколько мне больному рыдать,
Сколько можно стонать и плакать у дорог, за стенами.

В другом бейте:

Эй қофилаи умр, кучо тез равонӣ?
Оҳиста гузар, то **мани афгор** бигирям [342, 242].
О, караван жизни, куда тебе так мчаться быстро,
Проходи медленно, чтобы я опечаленный поплакал.

Следует отметить, что некоторые имена прилагательные, которые выступают в роли зависимого компонента местоименных словосочетаний рассматриваемой модели употребляются в качестве синонимов. Например, в приведенных бейтах в составе местоименных словосочетаний как «мани зор» (я унылый), «мани бемор» (я больной), «мани афгор» (я измученный), «мани хаста» (я уставший и упавший) имеют определенные синонимические отношения и выражают душевное состояние самого поэта. Также встречаются и такие случаи, когда в составе изафетных местоименных словосочетаний несколько прилагательных синонимического значения употребляются в обособленной форме как в следующем бейте:

Ҳар ғусса, ки аз чархи ситамгор расад,
Аввал ба **мани хастаи афгор** расад [342, 346].

Все беды пришедшие из угнетающих небес,
Прежде достанутся мне унылому и измученному.

В роли зависимого компонента также и выступают причастия как в следующих бейтах:

Худоё, бо набию олу асҳоб

Мани вомондаи рахро зи раҳ ёб [342, 405].

О, Боже, с пророком и его приближенными,
Найди и забери меня оставшего по пути.

В другом бейте:

Коми **мани дилхастаи** ноком барояд,

Роҳат ба канор ояду олом барояд [342, 117].

Чтобы я - унылый получил желанное,

Чтобы пришло блаженство, боли отошли.

Местоимение «ман» также Ходжи Хусайни Кангурти употребляет со своим именем:

Мани Ҳочӣ рӯз то шаб ба давоми давлати ту

Ба худо кунам дуое, ки шаку риё надорад [342, 120].

Я Ходжи днем и ночью молюсь за твое достояние,

Молюсь бога без сомнений и без двуличий.

Как и в поэзии Накибхона Туграла нам удалось выявить случаи употребления слова «банда» в качестве личного местоимения первого лица единственного числа в творчестве Ходжи Хусайни Кангурти, где в отличие от других поэтов Ходжи Хусайн очень ярко и однозначно употребляет слово «банда» в роли местоимения «ман» (я) в следующем бейте:

Бар **бандаи Ҳочӣ** банд мехре,

Маъруз кунад ҳар он чи, бишнава [342, 282].

Будь привязан мне – Ходжи, в этом деле,
Все что будет мною сказано, послушай.

В другом бейте поэт приводит местоименное словосочетание «бандаи очиз» (я уставший и унылый), которое означает местоимение «я»:

Бандаи очиз ду матлаб дорад аз лутфи Худо,
Тавфи Байтуллах, тавофи равзаи пайгамбар аст [342, 322].
Я немощный имею два желания от милости божий,
Быть полонником Каабы, навещать мавзoley пророка.

Интересным также представляется тот факт, что само слово «банда» означает раб, покорный, невольник и соответственно с этим словом употребляются такие слова как «очиз» (немощный, слабый), «ночор» (невольный, неспособный), «дилреш» (уставший, унылый), которые как в семантическом, так и в стилистическом планах имеют логическое соотношение с исконным значением слова «банда» (раб).

В творчестве Садриддин Айни местоимение первого лица единственного числа «ман» (я) в составе местоименных словосочетаний употребляется в 23 случаях. Следует отметить, что во всех случаях в строгом порядке употребляется местоимение «ман» и имя прилагательное и поэтому данное местоимение можно назвать местоимением «поэтического атрибута», которое имеет своеобразную особенность употребления именно в поэтическом контексте. В поэзии Садриддина Айни можно заметить следующие моменты употребления данного местоимения:

Равшан шуд аз чамоли ту кошоной хама,
Чуз гӯшай ғами **мани маҳзун**, ки тор монд [331, 56].
Ты осветила своим ликом все жилища, но,
Осталось в темноте жилище мое, я тоскливый.

В другом бейте поэт называет себя «мани хастахол» (я немощный):
Дурдии дарду ғам ба **мани хастахол** бас,

Аз даври айш гармии беғаш намерасад [331, 60].

Мне немощному достаточно остаток боли и печали,

В кругу веселья нет тепла без корысти и мрачности.

Если рассмотреть с точки зрения семантико-стилистических особенностей местоименные словосочетания данной модели в творчестве Садриддина Айни можно делить на две группы, где к первой группе относятся словосочетания, обозначающие состояния немощности, унылости, тоскливости и скорби поэта как лирического героя, ко второй группе можно отнести такие местоименные словосочетания с местоимением «ман» (я), которые означают состояние поэта как влюбленного, преданного в любви, поклонника и очарованного. Нижеследующие бейты относятся к первой группе и далее можно рассмотреть также и синонимичность зависимых компонентов данных местоименных словосочетаний, например, изафетное местоименное словосочетание «мани хаста» (я унылый, я немощный) употребляется довольно часто и как заметно из предыдущих примеров употребляется в творчестве Накибхона Туграла и Ходжи Хусайна Кангурти и Айни говорит:

Ҳамдами ман нашудӣ, з-он шудаам ҳамдами ғам,

Лутф фармо ба **мани хаста** даме шав ҳамдам [331, 121].

Ты не дружила со мной, теперь дружу с тоской,

Прояви милости и дружи со мной унылой.

В другом бейте поэт применяет другое слово «нотавон» (немощный, унылый), синонимичное слову «хаста» (усталый, немощный), и эти прилагательные в составе местоименного словосочетания означают почти одинаковые значения:

Бо ғайр рафту сӯи **мани нотавон** надид,

Ин ғусса оқибат хафақон мекунад маро [331, 21].

Ушла с другим и не взглянула на меня унылого, немощного,

Эта обида и эта печаль в конце меня превращают в больного.

В таком же порядке можно привести и другие синонимичные прилагательные в роли зависимого компонента изафтеных местоименных словосочетаний, например:

Мерасй дер, **мани зор** аз онам ба фигон,
Меравй зуд ба агёр, аз онам ба алам [331, 121].
Придешь, но поздно и я унылый за это рыдаю,
Уходишь так рано и я из-за этого страдаю.

Или в другом бейте поэт отмечает:

Охир, ба чй хислат ба рақибон ба вусулй?
Охир, ба чй чурм аз **мани мискин** ба нуфурй? [331, 146].
Какой же наклоном соперниками дружишь,
А ко мне немощному за что твое признание.

В другом бейте приводится изафетное местоименное словосочетание «мани синареш» (я израненным сердцем), которое также является синонимом предыдущих изафетных местоименных словосочетаний:

Агар аз карам ба ҳоли **мани синареш** бинй,
Ба дилам зи доғи фурқат ду ҳазор беш бинй [331, 195].
Если с благородством взглянешь в мою душу,
Увидишь тысячи пятен от боли и разлуки.

Или:

Расми бедод гузору равиши раҳм омӯз,
Яъне аз лутф назар кун **мани саргардонро** [331, 20].
Оставь манеру угнетения и учись манерам милости,
Прояви милости и взгляни на меня бесприютного.

Ко второй группе изафетных местоименных словосочетаний с местоимением «ман» и прилагательными можно отнести такие словосочетания, которые означают состояние поэта как влюбленного,

преданного в любви, поклонника и очарованного. Например, в следующем бейте поэт при помощи изафетного местоименного словосочетания называет себя «мани шайдо» (я влюбленный, обезумевший от любви, страстно влюбленный) и данное словосочетание также можно встретить в творчестве других поэтов:

Корвони гаму андӯху алам кард нузул,
Ба маконе, ки нишастам **мани шайдо** бе ту [331, 139].

Караван печали и боли расположился в то место,
Где я страстно влюбленный сию без тебя.

В другом бейте приводится изафетное местоименное словосочетание «мани меҳркеш» (я преданный в любви), которое является синонимом предыдущего словосочетания:

Набувад гунаҳ, ба сӯи **мани меҳркеш** бинӣ,
Агарам нишаста хар дам сари роҳи хеш бинӣ [331, 195].
Не грех же если взглянешь на меня преданного в любви,
Если даже увидишь, что я каждый раз сию по пути у тебя.

В следующем бейте приводится изафетное местоименное словосочетание «мани дилбохта» (я отдавший сердце любви) также является синонимом предыдущих словосочетаний:

Дар дида ба ҳичрони туам нур намондаст,
Боз о, ки ба чашми **мани дилбохта** нурӣ [331, 146].
Твоя разлука унесла свет и сияния моих очей
Приди, ты свет очей моих, я твой влюбленный.

Таким образом, изафетные местоименные словосочетания в целой системе местоименных словосочетаний занимает важное место и по количеству как в прозе, так и во поэзии является сравнительно продуктивным видом местоименных словосочетаний. Изучение собранного нами материала показало, что своеобразная особенность поэтического контекста в

отношении местоименных словосочетаний заключается в том, что в поэзии и особенно в газелях личное местоимение «ман» употребляется сравнительно больше в изафетных местоименных словосочетаниях с учетом специфических семантико-стилистических значений.

5.2.2. Предложные местоименные словосочетания

Изучение и исследование собранного нами материала из творчества поэтов конца XIX и начала XX веков еще раз подтвердило достоверность вывода таджикского лингвиста и специалиста в области таджикского словосочетания А. Мирзоева о том, что в современном таджикском литературном языке встречается сравнительно ограниченное количество местоименных словосочетаний предложной конструкции. Ученый по поводу местоименных предложных словосочетаний отмечает следующее: «ибораҳои ҷонишини пешояндӣ нисбат ба ибораҳои изофии ҷонишинӣ камистеъмоланд. Онҳо чунин сохт доранд: ҷузъи асосӣ – пешоянд – ҷузъи тобеъ: баъзе аз шоирон, чанде аз дехконбачагон, кадоме аз ҳозирон, ҳар кадом аз дӯстон, дигаре аз ҳезумкашон. Бояд қайд кард, ки дар ибораҳои навъи «дигаре аз ҳезумкашон» дар алоқаманд намудани ҷузъҳо баробари пешоянди «аз» мақоми артикли «-е» низ ҳис карда мешавад» - местоименные предложные словосочетания по сравнению с изафетными местоименными словосочетаниями в языке встречаются намного реже и имеют следующую структуру: основной компонент – предлог – зависимый компонент: некоторые из поэтов, несколько из молодых дехкан, кто-то из присутствующих, каждый из друзей, кто-то другой из заготовщиков дров. Следует отметить, что в словосочетаниях типа «дигаре аз ҳезумкашон» (кто-то другой из заготовщиков дров) в образовании взаимосвязи составных компонентов словосочетания наряду с предлогом «аз» также и артикль «-е» играет важную роль [169, 277]. Следует отметить, что в образовании

местоименных предложных словосочетаний по сравнению с другими предлогами чаще употребляется предлог «аз», например, в творчестве Ходжи Хусайна Кангурти можно заметить, что предлог «аз» является средством связи личных местоимений при образовании местоименных предложных словосочетаний как в следующем бейте:

Манї аз мову **мо аз ман** чудо кун.

Зи худ бегона бо худ ошно кун [342, 397].

Оставь зазнайство, будь со всеми, но храни достоинство,

Будь дружелюбным и чужих превращай в друзей.

В поэзии Накибхона Туграла при помощи определительного местоимения «дигар» (другой), предлога «аз» (из, с, от) и указательного местоимения «ин» (это, этот) образовано местоименное словосочетание предложной конструкции в следующих бейтах:

Зи баски дарси ғами ишқ хондаам, Туграл,

Сарам равад, ки нагардам **дигар аз ин мазхаб!** [338, 85].

Я обучен, Туграл уроками мучений любви,

Отдам голову, но не откажусь от такой веры.

Или:

Гарчи ки Шаттоҳ бузург аст, лек

Кори сухан **дигар аз ин корхост** [338, 359].

Если даже Шаттах велик, однако,

Дела о словесности совсем другие.

В творчестве поэтов исследуемого периода в некоторых случаях было выявлено употреблении неопределенного местоимения «баъзе» (некоторый, некий), например, в творчестве Накибхона Тугралда всего в двух случаях употреблено данное местоимение, где в первом случае в составе предложной конструкции и во втором случае при помощи примыкания образует местоименное словосочетание:

Баъзе дар он миёна бувад афзалинтисоб,
Лутфи калом **баъзе дигарро** бувад **ҳасаб** [338, 379].

Некоторые в той среде из высокого родословия,
Другим дано величие как мастерам словесности.

В поэзии Ходжи Хусайни Кангурти в двух случаях употребляется неопределенное местоимение «баъзе» и посредством предложной конструкции образовано местоименное словосочетание в следующих бейтах:

Баъзе ба ҳавову хаваси рӯи накӯён,
Ҳочӣ ба сафо саъй куну талбиягуён [342, 126].

Некоторые в страсти довольствоваться ликом красавиц,
Ходжи, старайся беззаботной жизни и чистоте.

И в другом бейте:

Чамъе, ки нишастаанд ба зери афлок,
Бар курсии зар якеву **баъзе бар хок** [342, 352].

Из числа тех, которые живут в этом мире,
Сидит кто-то на троне, а кто-то на земле.

Следует отметить, что язык поэзии Ходжи Хусайна Кангурти достаточно богат и разнообразен своими неповторимыми образами и языковыми средствами выражения мысли и описания красоты природы и жизни. Поэтому почти по всем разновидностям именных словосочетаний, в том числе и местоименных можно обнаружить своеобразные конструкции словосочетаний. Например, при помощи определительного местоимения, предлога «аз» (из, с, от) и имени существительного «савоб» (благодетель, добро), а также в другом случае при помощи инфинитива «дидан» (смотреть, взглянуть) можно заметить следующие модели местоименных словосочетаний:

Надида Ҳочӣ зи фарёду нола имдоде,
Ба чои гиря **дигар аз савоб** ханда занад [342, 128].

Рыдания и вопли не помогут тебе, Ходжи,

Теперь улыбнись, что будут благодеяния.

И в другом бейте:

Гахе дар тавфи ū парвона будӣ,

Дигар аз диданаш мастона будӣ [342, 482].

Иногда как мотылек вертелся вокруг нее,

Иногда ты был пьян лучезарным ликом ее.

Также в творчестве поэтов исследуемого периода достаточно продуктивно употребляется местоименное словосочетание, образованное при помощи определительного местоимения «хама» (все, весь, целиком) и предлогом «аз» (из, с, от) и другие именные части речи. Например, в творчестве Накибхона Туграла в следующих бейтах можно заметить данные модели местоименных словосочетаний:

Соғари айши абад гарчи ба дастам доданд,

Роҳи роҳат **хама аз чоми** аластам доданд [338, 178].

Кубок извечного веселья если дали мне в руки,

Путь блаженства найти бокалом дня сотворения.

Или в другом бейте:

То зеру бами нағмаи мизроби ту соз аст,

Оҳанги навоят **хама аз пардаи** ноз аст [338, 99].

Пока бас и нота музыки и твой медиатр в гармонии,

Тон и лад твоей мелодии твоим кокетством полны.

В другом бейте поэт приводит следующее местоименное словосочетание в форме «хама аз нашъа» (все из конопли, все под воздействием конопли):

Осон набувад даъвии савдои висолаш,

Маъҷуни хаёлат **хама аз нашъаи** банг аст! [338, 104].

Не легко притязания о приближении к ней,

Твои воображения под воздействием конопли.

В другом бейте приводится местоименное словосочетание «хама аз толеъ» (все от судьбы, все решимо судьбой):

Хонабардӯши хаёлам ба сухан хамчу хубоб,

Вожгунӣ **хама аз толеи** пастам доданд [338, 178].

Я все в воображениях и живу в словесных пузырях,

Все мои неудачи от несчастливой судьбы.

В другом месте поэт приводит местоименное словосочетание предложной конструкции «хама аз санг»:

Нестам осуда ҳеч аз сангборони рақиб,

Бар сарам санге, ки меояд, **хама аз санги** ўст! [338, 119].

Я покоя не нахожу, что меня упрекает соперник,

Все беды на мою голову из-за его враждебности.

В такой же форме можно обнаружить достаточное количество местоименных словосочетаний предложной конструкции и в творчестве Садриддина Айни, Ходжи Хусайна Кангурти, Шамсиддина Шохин, Мухаммадсиддики Хайрат и других поэтов данной эпохи. Поэтому далее мы приводим еще несколько примеров из творчества известных поэтов, которые оставили более плодотворное творческое наследие. Весьма интересные и неповторимые примеры мы можем обнаружить в творчестве Садриддина Айни и Ходжи Хусайни Кангурти, где авторами использованы все синтаксические и семантико-стилистические возможности этих языковых единиц. Например, Ходжи Хусайни Кангурти в своих бейтах приводит следующие интересные примеры:

Сози тамкин **хама аз хифзи** забон дорад кӯх,

Ҷониби гӯшанишинон бари ибрат бингар [342, 292].

Солидность и невозмутимость гор в их молчании,

Взгляни затворникам и учись у них как быть.

В другом бейте поэт приводит такое местоименное словосочетание как «хама аз кулфат» (все от печали и скорби):

Хама аз кулфати азод, Ҳочӣ, некувон хастанд,
Гуле бехор агар ёбӣ, на з-ин гулзор дарёбӣ [342, 308].
Все скорби и печали приносят красавицы, Ходжи,
Цветка без колючки можно поискать в другом цветнике.

Хама аз фитнаи ганчу далол аст,
Гунаҳ аз ҳусни ошиқ дар вабол аст [342, 449].
Все беды от богатства и кокетства,
Грехи перед красотой не в ущерб.

Как видим зависимая часть этих местоименных словосочетаний приводится в распространенной изафетной форме, но сама местоименная конструкция при этом сохраняет свою функциональность, а также целую структуру и семантику.

В творчестве Садриддина Айни также можно встретить такие местоименные словосочетания как в следующем бейте:

Ин рақибон, ки бо ту пайвастанд,
Хама аз чоми фитна сармастанд [331, 214].
Эти соперники, которые теперь с тобой,
Опьянены они все вином интриг и возни.

Таким образом, местоименные словосочетания предложной конструкции по сравнению с другими видами именных словосочетаний, в том числе местоименных в поэзии исследуемого нами периода мастерами слова употреблены с учетом всех грамматических, функциональных и структурно-семантических особенностей.

5.2.3. Примыкающие местоименные словосочетания

В академической грамматике современного таджикского литературного языка отмечается, что «ибораҳои ҷонишинии алоқаи ҳамроҳӣ

бештар дар дохили ибораҳои исми ташкил меёбанд, масалан, дар ҷумлаи «Он ҳама муомилае, ки имрӯз аз Мансуров, Одил Саркор ва акои Олим дид, якҷоя ба фикри Зебӣ намеғунҷиданд (Ниёзӣ). Ибораи исми «он ҳама муомила» мавҷуд аст, ки ҷузъи тобеи он дар шакли ибораи ҷонишини **он ҳама** ифода ёфтааст» - примыкающие местоименные словосочетания в большинстве случаев встречаются в составе сложных конструкций субстантивных словосочетаний, как в предложении «Все те отношения, которые сегодня были со стороны Мансурова, Одил Саркора и Олима, Зеби не смогла представить и постигать умом» (Ниёзи). В составе субстантивного словосочетания «все те отношения» можно выделить местоименное словосочетание «все те» [77, 76]. В таком же порядке можно заметить употребления местоименных словосочетаний в составе субстантивных словосочетаний как в следующем примере:

Эй сипехри бемуруват, **ин кадомин шева** аст?!

Нола месозам зи дастат, то чу нолам кардай! [338, 354].

О, безжалостные небеса, что это за манера,

Я рыдаю от вас, что превратили меня в ничтожество.

Как видим, словосочетание «ин кадомин шева» (что это за манера) будучи в целом субстантивным словосочетанием состоит из имени существительного «шева» (манера) в роли главного компонента и местоименное словосочетание «ин кадомин» (это который // что за это // что такое).

Вопросительное местоимение «кадом» (который) в вышеприведенной форме «кадомин» встречается в одном бейте Ходжи Хусайна Кангурти в составе примыкающего местоименного словосочетания вместе с определительным местоимением «хар» в форме «хар кадомин» (особо каждый, именно каждый) в следующем бейте:

Гуфт асхоби ҳамон хуршед хастанд каннучум,

Иктидори ҳар кадомин пешвои номдор [342, 382].

Сказал, что приближенные того святого как звезды,

У каждого из них неповторимая сила предводителя.

В такой структуре и с такими семантическими особенностями употреблены разновидности примыкающих местоименных словосочетаний в творчестве и других поэтов исследуемой эпохи. В этом плане мы можем наблюдать еще и другие интересные факты использования примыкающих местоименных словосочетаний в поэзии Ходжи Хусайна Кангурти. Например, поэт использует слово «банда» (раб) в переносном значении в роли местоимения первого лица единственного числа «ман» и одновременно при помощи примыкания связывает со своим псевдонимом «Ҳочӣ» (Ходжи – полонник Каабы) и образует примыкающее местоименное словосочетание «банда Ҳочӣ» (я Ходжи) в следующем бейте:

Аз сари ин асир нојд кам

Банда Ҳочӣ ғариб дар олам [342, 504].

Многому нуждается этот неволник,

Я Ходжи на этом свете как скиталец.

Каквидим слово «банда» в этом бейте можно рассмотреть в двух значениях как в прямом значении «раб», так и во втором значении «я». Интересным фактом в поэзии Ходжи Хусайна Кангурти является еще то, что другое слово «камина» (малейший, ничтожный, покорный слуга), которое также употребляется в роли местоимения первого лица единственного числа обычно при уважительном обращении сравнительно редко в переписках и неофициальных обращениях, поэтом употреблено вместе со словом «банда» в одном бейте:

Камина бандаи Ҳочӣ, ки дил ба меҳри ту сӯхт,

Дубора махшари ӯ пурсишу иқоб надорад [342, 11].

(Я) Малейший раб Ходжи отдал сердце твоей любви,

Стоит ли его вторично расспрашивать и испытывать.

Анализ собранного нами материала показал, что при помощи примыкания больше всего указательные местоимения и определительные местоимения «хама» (все, весь, в целом) и «дигар» (другой, иной), прежде всего в форме «ин хама» (все это, это все) и сравнительно меньше встречается в форме «он хама» (все то, то все) и «он дигар» (тот другой) с последующим примыканием с другими именными частями речи.

В творчестве Накибхона Туграла нам удалось выявить 10 случаев употребления местоименной конструкции «ин хама» в составе примыкающего местоименного словосочетания, часть из которых можем проанализировать в нижеследующих примерах:

Баски зи лаълаш шудам ғарқа ба хуни чигар,

Гиря кунам шамъсон **ин хама шаб** то сахар [338, 407].

Из-зв ее рубиновых губ окунулся в своей крови,

Подобно свечи плачу ночами до рассвета.

Или в другом бейте:

Бастаам мазмун, ки аз инсоф гӯяд мустамаъ:

Ин хама рамзошноихо зи фикри Туғрил аст! [338, 107].

Я сочиняю и пусть читатель по совести судит,

Что слова Туграла полны сокровений и тайн.

В другом бейте поэт говорит:

Акси ту набвад агар бар дили ман чилвагар,

Дидаи ойинаам **ин хама хайрони** кист? [338, 123].

Если твой лик не сияет в моем сердце,

От чего мой взгляд полон удивлений.

Или в другом бейте:

Аз камоли хештан дар авчи маънӣ Туғралам,

Ин хама софӣ ба асли гавхарам хамроҳ буд [338, 195].

Туграл мои слова совершенны в смыслах,
Вся эта чистота в натуре моей заложена.

В другом месте поэт отмечает:

Сахт ҳайронам, ки ман бо **ин ҳама нозуктанӣ**
Маскане дар мичмари оташ чӣ сон дорад ақиқ?! [338, 272].
Я настолько удивлен, что такой изящней натурой,
Будто в огне себе выбрал обиталище сердолик.

В таком же порядке образованы и употреблены примыкающие местоименные словосочетания типа «ин ҳама таҷаммул» (вся эта роскошь), «ин ҳама суҳандонӣ» (такое мастерство в словесности), «ин ҳама бедод» (столько несправедливости), «ин ҳама тадбири мувосо» (все это средство и помощь).

В творчестве Ходжи Хусайни Кангурти нам удалось выявить 17 случаев употребления местоименной конструкции «ин ҳама» в составе примыкающего местоименного словосочетания, в том числе в следующих бейтах:

Зоҳид аз майхона берун шав, ки аз камфитратӣ,
Обрӯ бар бод карда **ин ҳама шайёдро** [342, 18].
Аскет уходи из кабака, что из-за неблагородной природы,
Хитрости и плутовства кружевы стали плести.

В другом бейте поэт приводит следующее:

Бо **ин ҳама бишкастагӣ** якбораам дарҳам шикаст,
Сози тағофул карданат, овози бишкан-бишканат [342, 86].
Я настолько разбит и еще больше стал разоренным,
Твоей манерой беспечности и гласом опустощения.

В другом бейте можно заметить следующее примыкающее местоимение рассматриваемой модели:

Ин ҳама ташвишу кулфатҳои даврон бас набуд,

Дил парешон бозам аз ахбори уқбо кардаанд [342, 120].

Не хватало ли столько боли и хлопот жизни,

В сердце рассеяли страх о загробном мире.

В другом бейте:

Ибраткадае ҳаст чаҳон, дида бикун во,

Рӯзест туро **ин ҳама даркор** намонад [342, 124].

Этот мир школа воспитания, взгляни вокруг,

В жизни эти уроки тебе пригодны, мой друг.

В другом бнйте поэт говорит:

Тоқатам тоқу ба ғам шухраи офоқ шудам,

Ин ҳама дард чаро пеши ту бовар нашавад? [342, 132].

Терпение лопнуло, печалью я славен в мире,

К чему все эти страдания, неуж важны для веры?

В другом бейте употреблено другое примыкающее местоименное словосочетание:

Махӯр фиреби чамолу мабин ба чоҳу чалол,

Ки ҳаст **ин ҳама моле**, ки медуҳад ба ситез [342, 176].

Не поддавайся хитрости красоты, не удивляйся величием,

Это богатство временно и может пропадать в один миг.

Или в следующем бейте местоименная конструкция «ин ҳама» употребляется в составе примыкающего местоименного словосочетания вместе с составной конструкцией инфинитива «мавзун навиштан» (писать ритмично и умеренно):

Ҳочӣ ба хоксории худ ноз мекунад,

Мушти гилест к-**ин ҳама мавзун навиштана**ш [342, 200].

Для Ходжи скромность повод для гордости,

Умеренные его стихи просты как горсть праха.

Таким образом, в творчестве Ходжи Хусайни Кангурти сравнительно больше встречаются примыкающие местоименные словосочетания рассматриваемой модели типа «ин ҳама эътибор» (все это достоинство, 187), «ин ҳама саъю талош» (все эти старания и усилия, 204), «ин ҳама об» (все эти воды, 312), «ин ҳама шармандагӣ» (вся эта простыженность, 321), «ин ҳама шухратгар» (все эти славные, 322), «ин ҳама изҳор» (все эти выражения//заявления, 324), «ин ҳама бодия» (все эти степи, 327), «ин ҳама файз» (все это обилие, 393), «ин ҳама шӯр» (все эти волнения, 455), «ин ҳама ранг» (вся эта разукрашенность, 495).

В творчестве Ходжи Хусайна Кангурти такое употреблено примыкающее местоименное словосочетание при помощи местоименной конструкции «ин ҳамон» (это тот) в двух случаях в следующих бейтах:

Ин ҳамон марҳалае ҳаст, ки бе роҳила з-ӯ

Карда реҳлат ба раҳе ашкфишон Ашконӣ.

Ин ҳамон золи забун аст, ба зиллат афканд,

Рустами чарҳкамон Густаҳами эронӣ [342, 327].

Это тот место, где не взирая на время и пути,

Ушел в глазах слезы великий Ашканидский правитель,

Это тот старый мир, в котором так ничтожно,

Рухнул Рустам великий, иранский воин Густахам.

В творчестве Садриддина Айни нам удалось выявить 13 случаев употребления местоименной конструкции «ин ҳама» в составе примыкающих местоименных словосочетаний в разных, неповторимых вариантах и значениях. Ниже можем проанализировать некоторые из этих местоименных словосочетаний. Например, в следующем бейте поэт говорит:

З-ин ҳама назму ғазал, Айнӣ, ғараз тавсифи ӯст,

В-арна ҳаргиз хомаву дафтар намебойд маро [331, 11].

Цель всех стихов и газелей, ее восхваление,

Иначе мне ни к чему эти тетради и перо.

В другом бейте поэт употребляет более распространенную форму примыкающего местоименного словосочетания в форме «ин хама ахли тамошо» (все присутствующие зрелища) и говорит:

Аз шакарханде ба базм он шӯхи ширинкоми ман

Ин хама ахли тамошоро ба шӯр овардааст [331, 20].

Одной улыбкой в этом пиршестве, моя любимая,

Привела всех присутствующих в волнения.

Или в другом бейте:

Нигоре нест чун ту, к-**ин хама зулм**

Дамодам бар дилафгоре расонад [331, 66].

Нет такого идоа ни у кого как ты,

Чтобы так часто угнетать унылых.

В другом бейте поэта можно заметить примыкающее местоименное словосочетание «ин хама ор» (весь этот стыд):

Ҳар кӣ дучор мешавад, чӯраи ёр мешавад,

Аз мани нотавон чаро **ин хама ор** мекунад? [331, 67].

Все кто встретится влюбится в нее,

Увидев меня унылого брезгается она.

Наряду с такими местоименными словосочетаниями в ранообразных формах с неповторимым семантико-стилистическими особенностями Садриддином Айни употреблены весьма интересные и неповторимые как по форме, так и по семантике примыкающие местоименные словосочетания типа «ин хама афтодагӣ» (вся эта немощность, Айни, 64), «ин хама хубӣ» (вся эта доброта, Айни, 23), «ин хама бардор» (ввергать все в чванство, Айни, 81), «ин хама бисёр» (все это много// все так много, Айни, 49), «ин хама озор» (все это огорчение, Айни 73).

В поэзии Мухаммадсиддика Хайрат также употреблены поэтом примыкающие местоименные словосочетания рассматриваемой в данном разделе модели с конструкцией «ин хама» как в следующих бейтах:

Зулфу холи ту ба торочи дилу дин кофист,
Бахри пироя чй боз **ин хамаат долу гул аст?** [341, 45]
Локоны и родинки твои расхищают и веру и сердце,
И еще для украшения столько красок и цветков.

Или:

Гар ба нарде дихадат майл дағопеша ракиб,
Ба фиребаш наравй, к-**ин хама рохи** бучул аст [341, 45].
В нарды если привлекает вероломный противник,
Не поддавайся обману такими играми бабкой.

Анализ материалов показывает, что некоторые поэты данной эпохи вовсе не используют данную конструкцию или используют в редких случаях. Например, в поэзии Шамсиддина Шохина нам удалось обнаружить всего один случай употребления местоименной конструкции «ин хама» в составе примыкающем местоименном словосочетании в следующем бейте:

Аз мо ба дигарон сари мехру вафот чист?
Эй бемурувват, **ин хама чавру чафот** чист?! [343, 32].
Другим ты проявляешь милости и любви,
От чего нам причиняешь столько боли и скорби?

Следует отметить, что по сравнению с местоименной конструкцией «ин хама», которая так активно и продуктивно пирменяется в образовании примыкающих местоименных словосочетаний другая подобная ей конструкция «он хама» (то все, та вся) в поэзии исследуемого периода встречается намного реже, и в творчестве некоторых поэтов не встречается вовсе в составе примыкающих местоименных словосочетаний. Например, в творчестве Накибхона Туграла нам удалось выявить всего один случай

употребления данной конструкции в составе примыкающего местоименного словосочетания в следующем бейте:

Кучо шуд **он хама паймону ахду** савгандат?!

Чй шуд ҳаловати лаъли лаби шакархандат?! [338, 421].

Куда пропали все те обещания и клятвы твои,

Во что превратились услады от улыбок твоих губ.

В творчестве Ходжи Хусайни Кангурти данная конструкция встречается в составе 5 примыкающих местоименных словосочетаний в том числе в следующих бейтах:

Бо кӯҳ чй бигзашт, ки бо **он хама тамкин**

Дар азми сафар домани хунин ба камар кард [342, 122].

Что случилось с горой, что такой невозмутимостью,

В такое время одета будто в подоли полной в крови

Или:

Найранг зи таҳқиқ на бӯест зи тақлид,

Дар чатри хубоб **он хама сомон** натавон дид [342, 124].

Уловки в познании не подобны подражаниям,

В зонтах пузырьков не увидать всю реальность.

В другом бейте Ходжи Хусайни Кангурти можно заметить следующее:

Ҳама ширинлиқоёнро ба чашми имтиҳон дидам.

Миёни **он хама ширинлиқой** ту, шакархандй [342, 298].

Всех красавиц я смотрел глазами испытания,

Среди всех ты красивее ликом и сладкой улыбкой.

Или в другом бейте поэта:

Гашт помол **он хама бару бум**,

То Жизах оваридаанд хучум [342, 372].

Растоптана вся та земля,

Они наступили до Джизака.

В другом бейте поэт употребляет другое примыкающее местоименное словосочетание:

Мӯрадад лашкаре чамъ оварид,
Самти адӯ **он ҳама урду** кашид [342, 476].
Собрал большое количество войск,
И направил все то войско в сторону врага.

В поэзии Садриддина Айни в трех случаях употребляется местоименная конструкция «он ҳама» в составе примыкающих местоименных словосочетаний, а именно в следующих бейтах:

Аҳд бишкасту гумон дорад, ки ман ҳам мисли ӯ
Он ҳама аҳду вафо бишкаста, дил бардоштам [331, 124].
Поступила вероломно и думают, что я как она,
Поступаю так вероломно и стану равнодушным.

Или в другом бейте:

Сири мову ёру агёр охир ифшо кард дӯш
Он ҳама таъқиби якдигар, ки дар бозор буд [331, 31].
Наше секреты с любимой и соперником раскрылись,
В тех спорах и преследованиях наших сред белого дня.

В другом бейте поэт отмечает следующее:

Коми дил агёр охир ёфт з-он ширинлиқо,
Он ҳама қон кандани мо дар раҳаш бекор буд [331, 31].
Соперник достиг своей цели с этой красавицей,
Все те наши старания из-за нее были ни к чему.

Наряду с тем, что примыкание как способ связи составных компонентов местоименных словосочетаний, употребляется сравнительно больше с местоименными конструкциями «ин ҳам» и «он ҳама», которые уже детально проанализированы в данном разделе, встречаются также и такие случаи, где примыкание выступает в качестве средства связи составных

компонентов и некоторых других местоименных словосочетаний как в следующих бейтах Накибхона Туграла:

Баъзе дар он миёна бувад афзалинтисоб,
Лутфи калом **баъзе дигарро** бувад **ҳасаб** [338, 379].

Некоторые в той среде из высокого родословия,
Другим дано величие как мастерам словесности.

Как видим в словосочетании «баъзе дигарро ҳасаб» (некоторым другим величие) образовано при помощи примыкания и послелого «-ро», а в следующем бейте указательное местоимение «он» (он, тот) и определительное местоимение «дигар» (другой) связаны между собой примыканием и в целой структуре словосочетаний «он дигаре бекас» (тот другой покинутый) с определителем «бекас» (покинутый) местоименная конструкция связана при помощи артикля неопределенной категории «-е»:

В-он дигаре бекасу ҳам мустамад.
Аз ту бувад ин хама пасту баланд [338, 424].
Тот другой покинутый и опечаленный,
Из-за тебя все эти неровности и неверности.

В поэзии Шохин в одном случае употреблено примыкающее местоименное словосочетание с конструкцией «он дигар» в следующем бейте:

Меғуфт, ки: эй ду такягоҳам,
Ин пушти ман, **он дигар паноҳам** [343, 185].
Говорил: о мои две опоры в жизни,
Один мой хребет, другой мой защитник.

Статистический анализ использования примыкающих местоименных словосочетаний с местоименными конструкциями «ин хама», «он хама», «баъзе дигар», «он дигар», «ин кадомин» и «хар кадомин» в творчестве некоторых поэтов исследуемого периода можно рассмотреть в следующей таблице:

Имена поэтов	Местоименные конструкции состава примыкающих местоименных словосочетаний					
	ин ҳама	он ҳама	баъзе дигар	он дигар	ин кадомин	хар кадомин
Ходжи	15	5	-----	-----	-----	1
Айни	13	3	-----	-----	-----	-----
Туграл	10	1	1	1	1	-----
Хайрат	2	-----	-----	-----	-----	-----
Шохин	1	—	—	1	—	—

Исходя из данных приведенной таблицы можно сделать вывод о том, что некоторые формы вышеназванных местоименных конструкций относятся к индивидуально-стилистическим моделям отдельно взятого поэта и примером этого может служить местоименные конструкции «ин кадомин», которая встречается в творчестве Накибхона Туграла и «хар кадомин», которая встречается в творчестве Ходжи Хусайна Кангурти.

Таким образом, примыкающие местоименные словосочетания составляют определенную часть всех местоименных словосочетаний, которые продуктивно употреблены в поэзии конца XIX и начала XX веков, при этом способствуя развитию литературного языка данной эпохи. Вклад поэтов данного исторического периода в развитии таджикского литературного языка весьма значим и велик и их творчество и по настоящее время являются неповторимой кладью таджикской словесности, таджикского языка и всей таджикской культуры. Изучение и исследование их языковых особенностей проявит свет на нераскрытые стороны развития литературного языка данного периода и для современной науки предоставляет возможности для новых открытий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги проделанной работы в рамках темы диссертационного исследования, пришли к такому выводу, что выбранная научная тема рассматривает особенности такой сложной единицы языка как словосочетание в поэтическом контексте, с учетом неповторимых стилистических возможностей и языковых закономерностей. Как структура, так и семантико-стилистические особенности словосочетания в поэтическом контексте имеют своеобразные способы применения в целях эмоционального воздействия на читателя или слушателя и такие способы словесного воздействия поэзии в значительной степени отличаются от обычного прозаического или процедурного текстов.

Следовательно, актуальность выбранной темы заключается в ее неразработанности в таджикском языкознании с привлечением материалов поэтического наследия конца XIX и начала XX вв. Здесь важно отметить об отличительных особенностях поэзии конца XIX и начала XX вв., которые заключаются в неповторимости значений и структуры образования словесных оборотов. Наряду с этим применение разнообразных форм и содержаний словосочетания представляет несравнимо обильную и всестороннюю совокупность речевых возможностей словосочетаний, чем достаточно богаты поэтические творчества мастеров слова исследуемого периода. Именно поэтому исследование данной группы языковых единиц как словосочетание, представляет весьма значимый научный интерес.

Следует отметить, что изучение и исследование лингвистических особенностей художественной литературы XIX и начала XX века и в настоящее время представляется весьма важным и актуальным, так как таджикский литературный язык данного периода еще не подвергался основательной и научно-обоснованной интерпретации. С другой стороны, художественная литература данного периода в значительной степени

отличается от литератур других эпох своим богатством и обширным охватом поэтов и литературных жанров, безграничным распространением по всей Центральной Азии, Афганистану, Ирану и Индии.

Следовательно, анализ и интерпретация структуры и семантики словосочетания в художественной литературе является актуальной проблемой, решение которой несомненно может пролить свет на многие нераскрытые аспекты словосочетаний современного таджикского языка.

Субстантивные словосочетания или словосочетания имен существительных в современном таджикском литературном языке являются наиболее распространенным видом словосочетаний и во многих источниках отмечается, что в структуре таджикского словосочетания имя существительное занимает ключевое место. При этом изафетные субстантивные словосочетания являются наиболее продуктивным видом субстантивных словосочетаний. В свою очередь данная группа словосочетаний классифицируются на нескольких подгрупп, которые имеют по составу и компонентам своеобразные грамматические модели. Необходимо отметить, что словосочетания субстантивной природы в современном таджикском языке сравнительно больше образуются при помощи изафетных конструкций и в этом плане в образовании словосочетаний важна роль изафетной связки. Если сравнить все разновидности словосочетаний по конструкциям, то опять-таки словосочетания изафетной конструкции сравнительно чаще встречаются, чем других моделей строения данной языковой единицы в современном таджикском языке. Именно поэтому анализ и интерпретация изафетных словосочетаний становится намного важнее и актуальнее, так как данная конструкция является наиболее продуктивным способом образования и путем обогащения всего языкового конструкта.

Состав изафетных субстантивных словосочетаний состоит из имени существительного в качестве главного компонента и различных частей речи в качестве зависимого компонента и соответственно в зависимости от составных компонентов данной категории субстантивных словосочетаний можно делить на следующие модели и для каждой модели мы применяем соответствующую формулу из заглавных букв частей речи английского аналога, которые являются составными компонентами субстантивных словосочетаний.

Опираясь на эти ценные научные разработки нам также удалось выделить еще одну группу словосочетаний, которая отличается от других видов изафетных субстантивных словосочетаний и составляет отдельную группу своеобразными атрибутивными особенностями и к данной группе мы включили словосочетания модели имя существительное+редупликативные слова, которые могут относиться как к имени существительного, так и к другим именным частям речи.

Как известно, примыкание в современном таджикском литературном языке, как и во многих других языках индоевропейской семьи в образовании словосочетаний и других синтаксических конструкций играет немаловажную роль. По сравнению с изафтной связкой примыкание сравнительно в меньшей степени встречается в составе субстантивных и в целом именных словосочетаний.

Здесь необходимо отметить, что модели, представляющие совокупность именных и предикативных частей речи в составе именных словосочетаний также в современном таджикском языке, занимает особое место и требует своего специального монографического научного рассмотрения.

Наряду с этим предлоги и послелоги в образовании субстантивных словосочетаний играют важную роль. Анализ и исследование примеров из

собранного нами материала, показали, что простые предлоги таджикского литературного языка в образовании данной группы словосочетаний играют важную роль и проявляют своеобразные структурно-грамматические и стилистические возможности.

Наряду со субстантивными словосочетаниями имен существительных в таджикском литературном языке употребляются и другие разновидности субстантивных словосочетаний, составные компоненты которых состоят и из других именных частей речи как имя прилагательное, имя числительное и местоимение. Общеизвестно, что в составе субстантивных словосочетаний всегда в роли основного, главного компонента выступает имя существительное и наряду с этим роль других именных частей речи в образовании данной модели словосочетания велика.

Субстантивные изафетные словосочетания модели “имя существительное + имя прилагательное” (N+Adj) как в современном таджикском языке, так и в творчестве поэтов исследуемого нами периода употребляются продуктивно и по структурно-функциональным особенностям достаточно разнообразно.

Субстантивные изафетные словосочетания модели «N+Adj» в свою очередь делятся на такие разновидности как а) субстантивные изафетные словосочетания с качественными прилагательными, определяющими внешний облик и внешние качества предметов, объектов и людей, типа бинои сафед (белое здание), девори баланд (высокая стена), шахри зебо (красивый город). В творчестве поэтов исследуемого периода можно обнаружить достаточно большое количество разнообразных как по форме, так и по семантико-стилистическим особенностям субстантивные изафетные словосочетания с качественными прилагательными; б) ко второй разновидности субстантивных словосочетаний модели «имен существительных + имен прилагательных» с качественными именами прилагательных можно отнести

такие словосочетания, которые означают нравственные, моральные и другие качества субъекта, предмета и процессов, как в следующих примерах из творчества поэтов исследуемого периода; в) к третьей разновидности субстантивных словосочетаний модели «имен существительных + имен прилагательных» с качественными именами прилагательных можно отнести такие словосочетания, которые означают качества состояния субъекта, предмета или процесса. В данной модели субстантивных словосочетаний также можно заметить, что больше всего имена прилагательные употребляются в метафорическом значении; г) к четвертой разновидности субстантивных словосочетаний модели «имен существительных + имен прилагательных» относятся субстантивные словосочетания с именами прилагательными, которые обозначают качества пространств и емкостей типа «кўчайи танг» (узкий переулок), «роҳи дароз» (дальняя дорога).

К другой группе можно отнести субстантивных словосочетаний с относительными прилагательными, которые делятся на следующие разновидности: а) субстантивные словосочетания с относительными прилагательными назначения; б) субстантивные словосочетания с относительными прилагательными значения места и пространства; в) субстантивные словосочетания с относительными прилагательными, обозначающими состав материала или понятия; г) субстантивные словосочетания с относительными прилагательными, обозначающими сравнения и сопоставления.

Другую группу именных словосочетаний модели «имя существительное+именная часть речи» составляют именные словосочетания, которые образованы из имен существительных и имен числительных (N+Nu) при помощи изафетной связи, примыкания и предложно-послеложной связи составных компонентов. Следует особо отметить, что словосочетания данной модели сравнительно реже встречаются чем другие разновидности данной

универсальной модели именных словосочетаний и все это связано с определенными факторами. Во-первых, в структурном плане и это объясняется, тем что в современном таджикском литературном языке имена числительные в основном применяются в начале словосочетаний и вместе с нумеративом выступает в роли определяемого как в словосочетаниях, так и в структуре предложений. Во-вторых, применение имен числительных как элементы фактологического рассуждения не присуще поэзии, где все излагается образно, символически и метафорично и естественно метафора и образы несвойственны цифрам. В творчестве поэтов исследуемого периода мы можем обнаружить целое разнообразие способов употребления имен числительных в составе словосочетаний для обозначения различных и неповторимых значений и образов.

Анализ и исследование языковых материалов в творчестве поэтов исследуемого периода показывает, что местоимения таджикского языка в образовании различных конструкций словосочетаний применяются очень продуктивно и наряду с этим количество различных видов местоимений также представляется очень значимо по сравнению с другими частями речи. Анализ творчества поэтов исследуемого периода показывает, что в творчестве почти каждого поэта можно обнаружить целый поэтический жанр с применением личного местоимения «ман» в качестве рифмообразующего элемента и употребление местоимений в таджикской поэзии тесно связано с двумя факторами: а) местоимения в поэзии прежде всего выполняют адресантно-адресатную функцию, так как всегда в поэзии поэт обращается то ли творцу, то ли своей любимой, то ли восхваляет кого-либо, то ли просто обращается читателю или описывает свое душевное состояние; б) местоимения наряду с семантико-стилистической функцией также выполняют своеобразную просодическую функцию и при образовании удачной рифмовки и метрики поэтического жанра употребляются достаточно

продуктивно. Именно поэтому в таджикской поэзии местоимения занимают особое место и даже можно сказать, что данный вопрос можно рассмотреть в рамках отдельного монографического исследования.

В другой разновидности именных словосочетаний можно также заметить употребление причастий, в результате чего мы получаем такую модель как «имя существительное+причастие» (N+Pa). Причастия в современном таджикском литературном языке в составе субстантивных словосочетаний употребляются, как и другие именные части речи, о которых мы уже говорили в предыдущих разделах данного исследования. Своеобразная особенность причастия в составе субстантивных словосочетаний заключается в том, что оно употребляется как в постпозитивном, когда в отличие от других именных частей речи в таджикском языке причастие достаточно продуктивно употребляется в препозиции, выражая ту же семантическую особенность. Таким образом, словосочетания модели «имя существительное +причастие» (N+Pa) достаточно продуктивно употребляются в поэзии мастеров слова исследуемого нами периода.

Другую разновидность именных словосочетаний с употреблением имени существительного в роли главного компонента составляют словосочетания, образованные по модели «имя существительное +инфинитив» (N+In).

Субстантивные изафетные словосочетания с подчинительным компонентом из числа инфинитива по сравнению с другими словосочетаниями данной группы употребляются сравнительно в незначительном количестве, как об этом также говорится в «Грамматике современного таджикского литературного языка», что «субстантивные словосочетания с определительным компонентом инфинитива в таджикском языке малоупотребительны. Как показывает анализ и интерпретация

собранного материала, инфинитив в составе данной модели словосочетаний обычно выступает в роли определения со значениями времени, цели и намерения. В поэзии Накибхона Туграла и его современников также субстантивные изафетные словосочетания с инфинитивом встречаются сравнительно реже чем другие разновидности данной модели.

Количество примыкающих словосочетаний модели «имя существительное+имя прилагательное» также не значительно в поэзии исследуемого периода, но и современном таджикском языке данная модель употребляется сравнительно реже чем многие другие виды субстантивных словосочетаний, так как вместо данной модели больше употребляются их аналитические изафетные варианты.

Следует отметить, что из всех перечисленных разновидностей примыкающих субстантивных словосочетаний модель «имя существительное+имя числительное» как в поэзии исследуемого периода, так и в современном таджикском языке является сравнительно продуктивным. Данная группа словосочетаний употреблены для обозначения различных явлений, процессов и отношений, которые содержат в основном информации фактологического характера,

Таким образом, имена числительные в составе субстантивных словосочетаний употребляются также и при помощи примыкания и обозначают различные значения количества и порядка, а также определенного и неопределенного, приблизительного количества понятий, предметов, процессов и явлений.

Примыкающие словосочетания, состоящие из имен существительных и местоимений как в таджикском языке классического периода, так и в современном таджикском литературном языке употребляются достаточно продуктивно. Одной из наиболее продуктивной группы местоимений в образовании примыкающих субстантивных словосочетаний является группа

указательных местоимений, которые составляют значительную часть всех местоимений таджикского литературного языка. В творчестве поэтов исследуемого периода можно встретить большую группу примыкающих субстантивных словосочетаний с составными компонентами имя существительное и указательное местоимение.

Общеизвестно, что вопросы адъективных словосочетаний в современном таджикском языкознании относятся к актуальным проблемам по исследованию и изучению именных словосочетаний. Имена прилагательные в современном таджикском языке выступая в основном в роли определения занимают в большинстве случаев в структуре словосочетания постпозицию, но наряду с этим также сохраняя свои исторические свойства в незначительной степени иногда занимают также и препозицию. Весьма интересным представляется тот факт, что имена прилагательные занимают препозицию именно в словосочетаниях, образованных примыканием и сравнительно реже в словосочетаниях изафетной связи. Поэтому основную группу адъективных словосочетаний составляют модели предложно-последложной конструкции адъективных словосочетаний, которые в свою очередь состоят из составных моделей адъективных словосочетаний с предлогами и предложно-последложных адъективных словосочетаний. Использование адъективных словосочетаний и на базе функциональной нормы и средств образования данной группы словосочетаний в поэтическом контексте исследуемого периода способствовало тому, что мастерами слова были образованы также новые конструкции и новые значения адъективных словосочетаний, что намного обогатило язык художественной литературы, а также расширило грамматические и стилистические возможности таджикского литературного языка.

Имя числительное и местоимение как две самостоятельные именные

части речи наряду со своеобразными грамматическими особенностями, также и имеют некоторые общие лингвистические свойства. Следует отметить, что как местоимения, так и имена числительные составляют большую массу зависимых компонентов в составе субстантивных словосочетаний и чаще выступают в роли определяющих компонентов именных словосочетаний, в том числе в составе местоименных словосочетаний, а также словосочетаний имен числительных. Исходя из этого можно сделать вывод, о том, что общая особенность местоимений и имен числительных заключается в функциональном плане выполнение определяющей роли в системе синтаксиса и морфологии. Другая общая особенность этих частей речи заключается в том, что как имя числительное, так и местоимение сравнительно реже выступают в роли основного компонента в роли определяемого и поэтому общее количество местоименных словосочетаний и словосочетаний имен числительных составляет сравнительно меньше чем другие разновидности именных словосочетаний.

Средствами связи составных компонентов словосочетаний имен числительных в основном являются изафет и предлоги, а примыкание употребляется довольно редко при их образовании. Следует отметить, что словосочетания имен числительных в количественном отношении сравнительно меньше встречаются в таджикском языке чем другие виды этих словосочетаний. Особенно, если сравнивать изафетные словосочетания имен числительных со словосочетаниями имен существительных и имен прилагательных, тогда сравнительно реже мы можем обнаружить в поэзии исследуемого периода изафетные словосочетания имен числительных, чем две вышеназванных разновидностей. В современном таджикском языке также количество субстантивных изафетных словосочетаний сравнительно больше чем словосочетания имен числительных. Основными компонентами изафетных словосочетаний имен числительных являются количественные,

порядковые, дробные, неопределенно-количественные числительные, но в плане употребления как в классической литературе, так и в современном таджикском языке данные разновидности имеют своеобразную частоту. Следует отметить, что в поэтическом контексте классической поэзии имена числительные употребляются сравнительно реже, так как фактологические данные и информация рационального характера не свойственна поэтическим жанрам и особенно лирике. Следовательно, имена числительные в творчестве поэтов исследуемого периода встречаются довольно реже, чем другие части речи в составе рассматриваемых нами словосочетаний.

Наряду с этим разновидность словосочетаний имен числительных также не велика и не разнообразна. Словосочетания имен числительных изафетной конструкции в творчестве поэтов исследуемого периода встречаются намного реже чем все другие именные словосочетания изафетной конструкции.

Синтаксические отношения местоимения с другими частями речи прежде всего зависят от контекста, их особенности лучше выявляются в тексте. Составные компоненты местоименных словосочетаний связываются между собой изафетным, предложным и примыкающим способами связи. Изафетный способ связи сравнительно больше встречается в местоименных словосочетаниях, чем предложный и примыкающий способы связи. В местоименных словосочетаниях в качестве определения выступают имена существительные, имена прилагательные, местоимения и наречия (посредством примыкания). По способу взаимосвязи составных компонентов местоименные словосочетания в основном можно классифицировать как изафетные местоименные словосочетания, примыкающие местоименные словосочетания и местоименные словосочетания предложной конструкции.

В результате анализа и интерпретации большого объема научной литературы, а также материалов прикладного характера, сопоставляя и сравнивая разнообразные теории и концепции ученых различных исторических периодов мы пришли к такому выводу, что «словосочетание – совокупность двух и более морфологически самостоятельных единиц, которые связаны между собой подчинительной связью и является единицей построения сложного порядка предикативных единиц».

В настоящее время к наиболее актуальным вопросам как практического, так и теоретического характера словосочетаний можно отнести вопросы классификации и описания внутреннего строения словосочетаний.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абаев, В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка / В. И. Абаев. – М., Л., Т. 1. 1958. – 655 с.; Т. 2. 1973. – 448 с.; Т. 3. 1979–958 с.
2. Абдукодиров, А., Давронов А. Услужбети забони тоҷикӣ / А. Абдукодиров, А. Давронов. – Хучанд, 2005. – 228 с.
3. Абдукодиров, А. Забон ва услуби назми Мирзо Турсунзода / А. Абдукодиров. – Душанбе: Дониш, 1988. – 125 с.
4. Абдуллозода, Р. Ибораҳои халқӣ / Р. Абдуллозода. – Душанбе: Дониш, 1974. – 204 с.
5. Абдурахимов, С. Словосочетание с именем существительным в современном таджикском литературном языке: автореф. дисс. канд. филол. наук / С. Абдурахимов. - Душанбе 1967. – 22 с.
6. Абдурахимов, С. Ибораҳои исмии забони адабии ҳозираи тоҷик / С. Абдурахимов. – Душанбе: Дониш, 1973. – 159 с.
7. Аброров, С.С. Структура, семантика и грамматические особенности метафорических выражений в поэзии Ходжи Хусайна Хатлони: автореф. дисс. канд. филол. наук: 10.02.22 / Аброров Саидумар Саидакромович. – Душанбе, 2017. – 25 с.
8. Абӯалӣ ибни Сино. Осори мунтахаб. Ҷилди 1. – Душанбе: Ирфон, 1981. – 480 с.
9. Акрамов, М. Адъективные словосочетания в современном таджикском языке. Автореф. дисс. канд. филол. наук: 10.02.02 – языки народов СССР / Мукум Акрамов. – Душанбе, 1973. – 32 с.
10. Алефиренко, Н.Ф. Теория языка / Н.В. Алефиренко. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 368 с.
11. Алефиренко, Н.Ф., Корина Н.Б. Проблема когнитивной лингвистики. - Нитра, 2011. – 215 с.

12. Ализода, Саидризо. Сарфу наҳви забони тоҷикӣ. Мухаррири масъул профессор Хоҷаев Д. – Душанбе, 2010. - 186 с.
13. Анварӣ, С. Нигоҳе ба куллиёти Ҳоҷӣ Ҳусайн / С. Анварӣ // Рӯдакӣ. Фаслномаи адабӣ–фарҳангии Ройзании фарҳангии Ҷумҳурии Исломии Эрон дар Тоҷикистон. – 2006. – №11. – С. 7–10.
14. Анварӣ, С. Ҳоҷӣ Ҳусайн ва арзиши суҳан / С. Анварӣ, Х. Табаров. – Душанбе: Адиб, 2013. -128 с.
15. Андреев, М. С. Маълумоте чанд андар шиноҳти тоҷикон / М. С. Андреев // Адаб. – Душанбе, 1992. – №4. – С. 36-42.
16. Андреева, С.А. Поэтическое слово в когнитивном аспекте (на материале английских произведений викторианского периода): дис.... канд. филол. наук: 10.02.04/ Андреева С.А. – М. 1998. – 252 с.
17. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимическая средства языка / Ю. Д. Апресян. – Москва, 1974. – 352 с.
18. Аракин, В.Д. Исследования лексической сочетаемости фразеологии. – М., 1975. -364с.
19. Аристотель. Риторика (пер. О.П. Цыбенко). Поэтика. Изд. 2, переработанное. М.: Лабиринт, 2007. - 256 с.
20. Арнольд, И. В. Основы научных исследований в лингвистике: учебное пособие /И. В. Арнольд. - М.: Высш. школа, 1991. -140 с.
21. Арнольд, И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И.В. Арнольд. – М.: Книжный дом «ЛИБЕРОКОМ», 2010. – 448 с.
22. Арутюнова, Н. Д. Синтаксис // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. - М, 1972. - С. 259 - 343.
23. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. –338 с.
24. Аслиддинов, С. Мулоҳизаҳо оид ба алоқои мувофиқат // Мактаби советӣ. - 1967. - №12. - С. 36-41.

25. Аслиддинов, С. Мулоҳизаҳо оид ба алоқаи вобастагӣ // Масъалаҳои филологияи тоҷик. - Душанбе, 1967. - С.123-127.
26. Асоева, К.А. Типы подчинительной связи слов в словосочетаниях и простом предложении в русском и таджикском языках: дисс. канд. филол. наук: 10.02.20/Асоева Комилахон Аломиддиновна. -Душанбе, 2014. -160 с.
27. Атобуллоев, С. Ҷумлаҳои пайрави мубтадо ва хабар дар забони адабии тоҷик. – Душанбе: Дониш, 1975. – 202 с.
28. Ахманова, О. С., Микоян, Г. Б. Современные синтаксические теории. - М., 1963. – 146 с.
29. Байзоев, А. Хусусиятҳои калимасозии аффиксалии «Донишнома»– и Ибни Сино / А. Байзоев // Баъзе масъалаҳои актуалии филологияи Эрон. Маҷ. мақолаҳо. – Душанбе: ДДТ, 1990. Саҳ. 83–93.
30. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. - М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
31. Барт, Р. Удовольствие от текста// Избранные работы: Семиотика. Поэтика. - М.: Прогресс, 1989. – С. 462 – 517.
32. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
33. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. /Сост. С. Г. Бочаров; Текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; Примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. - 2-е изд. - М.: Искусство, 1979. - 423 с.
34. Бахтин, М. М. Язык в художественной литературе// Собр. сочинений: В 7 т. Т. 5 - М.: Русские словари, 1996. - С. 287 -297.
35. Баҳор, Маликушшуаро. Сабкшиносӣ ё таърихи татаввури насри форсӣ / Маликушшуаро Баҳор. (Талхиси Сайидабӯтолиби Миробиддинӣ ва баргардони Исрофилниё Ш. Р., Саркоров Н.). Душанбе, 2012. –569 с.
36. Белгородский, Н.А. Современная персидская лексика / Н.А. Белгородский. – М.: Изд.-во АН СССР, 1936. – 112 с.

37. Белов, А.А. Лексико–семантическое поле «зной» в поэтических текстах Ф.И. Тютчева: дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / Белов Андрей Александрович. – Череповец, 2008. – 170 с.
38. Белошапкина, В.А. Современный русский язык. – М.: Высшая школа, 1989. - 800 с.
39. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 448 с.
40. Березин, Ф.М. История лингвистических учений. - М.: Высш.школа, 1975. - 304 с.
41. Бертельс, Е.Э. Грамматика персидского языка / Е.Э. Бертельс. – Ленинград, 1926. – 127 с.
42. Битокова, М. В. Поэтический текст как пространство для формирования и функционирования скрытых смыслов: автореф. дис. канд. филол. наук 10.02.19 / Битокова Марина Владимировна. – Нальчик, 2015. 24 с.
43. Бобоходжаева, М. Сопоставительный анализ именных словосочетаний (на материале таджикского и английского языков): дисс. канд. филол. наук: 10.02.20 /Бобоходжаева Мухаббат. – Душанбе, 2000. 126 с.
44. Бозидов, Н. Пайвандакҳо дар забони адабии ҳозираи тоҷик. – Душанбе: Маориф, 1985. - 100 с.
45. Будагов, Р.А. Слово и его значение / Р.А. Будагов. – Л., 1947.– 65 с.
46. Будагов, Р.А. Введение в науку о языке. –М.: Учпедгиз, 1958. - 435 с.
47. Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка (в двух томах). Т. 1. - Киев, 1952. – 446 с.
48. Бурлакова, В.В. Основы структуры словосочетания в современном английском языке. – Л., 1975. – 183 с.
49. Бюлер, К. Теория языка. - М.: ИГ «Прогресс», 2001. - 504 с.
50. Валгина, Н.С. Современный русский язык: Синтаксис. /Н.С. Валгина. - 4-е изд., испр. - М.: Высш. шк., 2003. – 416 с.

51. Ваҳҳобов, Т. Масоили сохтмони забони тоҷикии адабӣ дар солҳои 20-30 садаи XX. Китоби I. Нахустин Анҷумани илмӣ–забоншиносии тоҷик (мавод, таҳия, индӯзиш) / Т. Ваҳҳобов. –Хучанд: Ношир, 2010. –274 с.
52. Ваҳҳобов, Т. Масоили сохтмони забони тоҷикии адабӣ дар солҳои 20-30 садаи XX. Китоби II. Мубоҳиса дар атрофи баъзе масъалаҳои забон дар солҳои 30-юми садаи XX. / Т. Ваҳҳобов. –Хучанд: Ношир, 2010. –133 с.
53. Виноградов В.В. Грамматика русского языка. Т. 1/ В.В.Виноградов. - М.: Изд-во АН СССР, 1952. – 102 с.
54. Виноградов, В.В. Грамматика русского языка. Т. 2/ В.В. Виноградов. - М.: Изд-во АН СССР, 1954. - 112 с.
55. Виноградов, В.В. Вопросы изучения словосочетания //Вопросы языкознания. – М., 1954, №3. - С. 12 – 24.
56. Виноградов, В.В. Наука о языке художественной литературы / В.В. Виноградов. – М., 1963. – 255 с.
57. Виноградов, В.В. О теории художественной речи / В.В.Виноградов. – М: Высшая школа, 1971. –237 с.
58. Виноградов, В.В. Введение в грамматическое учение о слове // Русский язык. - М., 1972. - С. 9-45.
59. Виноградов, В.В. Литературный язык//Избранные труды. История русского литературного языка / В.В. Виноградов. – М., 1978. – С. 288–297.
60. Винокур, Г.О. Понятие поэтического языка / Г.О. Винокур // Избранные работы по русскому языку. - М., 1959. - С. 388-393.
61. Винокур, Т.Г. Понятие поэтического языка. Филологическое исследование. Лингвистика и поэтика / Т.Г. Винокур. – М.: 1990. – 452 с.
62. Винокур, Г.О. О языке художественной литературы / Г.О. Винокур. – М.: Высшая школа, 1991. – 448 с.
63. Винокур, Т.Г. Стилистика как она есть. Избранные работы / Т.Г. Винокур. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 168 с.

64. Винокур, Г.О. Культура языка / Г.О. Винокур. – М., 2010. – 352 с.
65. Волков, А.А. Язык и мышление. Мировая загадка / А.А. Волков. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 240 с.
66. Вопросы синтаксиса современного русского языка. Под ред. Акад. В.В. Виноградова. – М., 1950. - 410 с.
67. Востоков, А.Х. Русская грамматика /А.Х. Востоков. - М., 1831. - 408 с.
68. Выготский, Л.С. Мышление и речь /Л.С. Выготский. - М.: Лабиринт, 1999. - 352 с.
69. Гамкрилидзе, Т. В., Иванов, В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы / Т. В. Гамкрилидзе, В.В. Иванов // Т. 1, 2. –Тбилиси, 1984. – 428 с.
70. Ганиева, С.А. О соотношении сложных слов и синтаксических единиц / С.А. Ганиева // Известия АН Таджикской ССР. Серия востоковедение. История. Филология – Душанбе. 1991.– С. 59–64.
71. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. - М.: Новое литературное обозрение, 1996. - 352 с.
72. Гаспаров, М.Л. Очерк истории европейского стиха / М.Л.Гаспарова. – М.: Фортуна Лимитед, 2003. – 369 с.
73. Гаффоров, А.О. Глагольные словосочетания с первичными предлогами в «Бадоеъ-ул-вакоеъ» Зайниддина Восифи: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.08 - иранские языки /Гаффоров Абдушукур Одинашоевич. – Душанбе, 2000. – 23 с.
74. Голева, Г.С. Фразеологическая система современного персидского языка (фарси) и принципы составления фарси-русского фразеологического словаря: автореф. дис. док. филол. наук: 10.02.22 / Голева Галина Сергеевна. – М., 2005. - 56 с.

75. Готбизаде, А.А. Аффиксальное словообразование имен прилагательных в «Шахнаме» Абулькасыма Фирдоуси: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.22 / Азам Готбизаде Аббасали. – Душанбе, 2013. – 23 с.
76. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Фонетика, морфология. - Душанбе: Дониш, 1985. - Ҷ.1. – 314 с.
77. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Ибора ва синтаксиси ҷумлаҳои сода. - Душанбе: Дониш, 1986. - Ҷ.2. – 368 с.
78. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Ҷумлаҳои мураккаб. - Душанбе: Дониш, 1989. - Ҷ.3. – 215 с.
79. Григорьев, В.П. Поэтика слова. / На материале русской советской поэзии. / Отв. ред. А.Д. Григорьева. М.: Наука, 1979. – 343 с.
80. Григорьев, В.П. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта /В.П. Григорьев. - М.: Наука, 1986. – 255 с.
81. Григорьев, В.П. Из прошлого лингвистической поэтики и интерлингвистики /В.П. Григорьев. - М.: Наука, 1993. – 175 с.
82. Григорьев, В.П. Образные средства поэтического языка и их трансформация /В.П. Григорьев. - М.: Наука, 1995. – 263 с. Григорьева, А.Д. К вопросу об анализе языка поэтического текста / А.Д. Григорьева//Вопросы языкознания, 1978, №3. – С.62–74
83. Григорьева, А.Д. Поэтическая фразеология Пушкина / А.Д. Григорьева, Н.Н. Иванова. – М.: Наука, 1969. – 393 с.
84. Гулназарова, Ж.Б. Таснифоти маъноии феъл дар «Баҳористон»-и Абдурахмони Ҷомӣ / Ж.Б. Гулназарова. – Душанбе, 2011. – 168 с.
85. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию /В. фон Гумбольдт (Пер. Г.В.Рамишвили). -М.: Прогресс, 1984. - 400 с.
86. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. - М.: Прогресс, 1985. - 452 с.

87. Давлатбеки Хоҷа. Ташаккул ва таҳаввули илми забоншиносии форсу тоҷик дар асрҳои миёна / Хоҷа Давлатбек. – Душанбе: Диловар–ДДМТ, 1998. – 152 с.
88. Ғаффоров, Р. Забон ва услуби Раҳим Чалил / Р. Ғаффоров – Душанбе: Дониш, 1966. – 225 с.
89. Ғаффоров, Р. Ибораҳо. Синтаксис. - Душанбе: Дониш, 1970. – 61 с.
90. Ғаффоров, Р. Нависанда ва забон / Р. Ғаффоров – Душанбе: Чаҳон, 1977. - 208 с.
91. Джалолова, Ф. А. Языковедческие воззрения в «Гияс-ал-луготе» Мухаммад Гиясуддини Ромпури: автореф. дисс. кан. филол. наук: 10.02.22 / Ф.А. Джалолова. – Худжанд, 2011. – 23 с.
92. Джамshedов, П. Семантика видов в таджикском, русском, английском языках / П. Джамshedов. – Душанбе, 1989. – 173 с.
93. Джафарова, Е.А. Атрибутивные словосочетания в таджикском и английском языках. – Душанбе, 1979. – 70 с.
94. Джураев, Р. Очерки по истории грамматики таджикского и персидского языков (на материале памятника XI века “Асроруттавхид”) / Р. Джураев. – Душанбе, 1972. – 171 с.
95. Джуразода, Ш. Лексико-грамматические особенности “Маснави маънави” Джалолуддина Руми: ДКФН / Ш. Джуразода. – Душанбе, 1999. – 163 с.
96. Добиаш, А.В. Синтаксис Аполлония Дискола. Вып. 1 / Антон Добиаш. - Киев: тип. К.Н. Милевского, 1881. -184 с. <http://search.rsl.ru/ru/record>
97. Додаров, О. Лингвистические взгляды Воджидали и Муджмали: автореф. дисс. канд. филол. наук: 10.02.22 / Додаров Оятулло. – Душанбе, 2015. – 23 с.
98. Дӯстов, Ҳ.Ҷ. Воҳидҳои фразеологии ташбеҳӣ дар забони адабии муосири тоҷик / Ҳ. Ҷ. Дӯстов – Душанбе, 2014. – 186 с.
99. Ельмслев, Л. Прологомены к теории языка / Л. Ельмслев // Новое в

- лингвистике. Вып. 1./Сост., ред. и вступ. статьи В.А. Звегинцева. – М.: Изд. ин. лит-ры, 1960. – 264 – 389.
100. Ефимов, А. И. Стилистика художественной речи / А.И. Ефимов. - М., 1961. -519 с.
101. Земская, Е.А. Словообразование как деятельность / Е.А. Земская. – М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2009. – 224 с.
102. Зеҳнӣ, Т. Аз таърихи лексикаи забони тоҷикӣ / Т. Зеҳнӣ. – Душанбе: Дониш, 1987. – 234 с.
103. Зеҳнӣ, Т. Санъати сухан / Т. Зеҳнӣ – Душанбе: Маориф, 1992. – 304 с.
104. Золян, С.Т. О принципах композиционной организации поэтического текста / С.Т. Золян//Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1986. – С. 60–74
105. Золян, С.Т. Семантика и структура поэтического текста / С.Т. Золян. – Ереван: ЕГУ, 1991. –316 с.
106. Зубкова, Л.Г. Язык как форма. Теория и история языкознания / Д.Г. Зубкова. – М.: ИЗ–во РУДН, 2003. – 237 с.
107. Зубова, Л.В. Потенциальные свойства языка в поэтической речи Марина Цветаевой / Л.В. Зубова. – Л.: ЛГУ, 1987. – 87 с.
108. Иванова, В.С. Грамматика поэта / В.С. Иванова//Язык русской поэзии XX века (сб. науч. трудов). – М.: Инс–т. Русского языка АН СССР, 1998. – С. 116–179.
109. Иванов, В.В. Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему. - М., 2004. - 208 с.
110. Ионова, И.А. Морфология поэтической речи /И.А. Ионова. – Кишинев: Штиинца, 1998
111. Ирисханова, К.М. Семантический аспект поэтической нормы английского языка / К.М. Ирисхановна//Единицы поэтической речи и их функции (сборник научных трудов). – М.: 1990. – С. 27–39

112. Искандарова, Д.М. Фазовые конструкции в таджикском языке / Д.М. Искандарова. – Душанбе, 1997. – 108 с.
113. Исмаатуллоев, М. Грамматикаи забони тоҷикӣ. Синтаксис. Китоби дарсӣ барои мактабҳои олии. - Душанбе, 1963. – 234 с.
114. Исмаатуллоев, М.Ф. Оид ба ҳоли шарт // Мактаби советӣ. - 1966. - №12.- С.34-41.
115. Исомиддинов, А.И. Пределы наших возможностей / А.И. Исомиддинов. – Душанбе: Ирфон, 1987. – 208 с.
116. Ицкович, В.А. Очерки синтаксической нормы / В.А. Ицкович. – М.: Наука, 1982. – 199 с.
117. Ицкович, В.А. Языковая норма / В.А. Ицкович. – М., 1968. –94 с.
118. Кабиров, Ш. Ибораҳои рехта дар осори таърихӣ асри XIX / Ш. Кабиров // Масъалаҳои забоншиносии тоҷик. – Душанбе, 1990. – С. 20 -25.
119. Кабиров, Ш. Рочаъ ба ҳамнишинии вожаҳо / Ш. Кабиров // Аҳбори Академияи илмҳои РСС Тоҷикистон. – Душанбе, 1991. – №4 – С. 7-8.
120. Кабиров, Ш. Сухан аз арши барин омадааст / Ш. Кабиров. – Душанбе, 2014. – 263 с.
121. Камолитдинов, Б. О критерии определения синонимических единиц синтаксиса /Б. Камсолитдинов//Изв. АН Тадж. ССР. Отделение общ. наук. - 1983.-№1 (III). - С.67-75.
122. Камолитдинов, Б. К. О синонимике некоторых инфинитивных оборотов в произведениях С. Айни /Б. Камсолитдинов // Проблемы иранской филологии: Материалы всесоюзной научной конференции. - Баку, 1979. - С.22.
123. Камолитдинов, Б. Наҳви забони тоҷикӣ /Б. Камсолитдинов. - Душанбе, 2010. - 231 с.
124. Камолитдинов, Б. Забон ва услуби Ҳақим Карим / Б. Камолитдинов. – Душанбе: Ирфон, 1967. – 186 с.

125. Камолиддинов, Б. Муродифоти синтаксисӣ ва ҳусни баён /Б. Камолиддинов. – Душанбе: Маориф, 1986. – 133 с.
126. Камолиддинов, Б. Ҳусни баён / Б. Камолиддинов. – Душанбе: Ирфон, 1989. – 120 с.
127. Камолов, Х.М. Изафетные словосочетания в "Та'рихи Табари" Бал'ами: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.22 – языки народов зарубежных стран Европы, Азии, африки, аборигенов Америки и Австралии (таджикский язык) / Камолов Хуршед Махмаисхокович. – Душанбе, 2007. – 22 с.
128. Каримов, Н.С. Лексико-семантические особенности языка газели Абулькасыма Лахути: автореф. дисс. Канд. Филол. Наук: 10.02.22 / Каримов Назрулло Салимович. – Душанбе, 2013. – 25 с.
129. Каримов, Ш. Семантикаи воҳидҳои луғавии ғазалиёти Ҳофиз / Ш. Каримов. – Душанбе, 1992. – 143 с.
130. Кацнельсон, С.Д. Содержание слова, значение и обозначение / С.Д. Кацнельсон. – М.: Наука, 1965. – 109 с.
131. Клименко, А.П. Вопросы психолингвистического изучения семантики / А.П. Клименко. –М., 1970. – 233 с.
132. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева. –М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 352 с.
133. Ковтунова, И.И. Поэтический синтаксис /И.И. Ковтунова. – М: Наука, 1986. –205 с.
134. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века. Опыт парадигмального анализа /Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. - М.: РАН, 1995. - С. 144 - 238.
135. Курбонов, Н.Ф. Лингвистические взгляды Шамса Кайса Рази: автореф. дисс. канд. филол. наук: 10.02.22 / Курбонов Нодир Фозилович. – Душанбе, 2016. – 23 с.

136. Курбонов, С.Х. Субстантивные словосочетания в бойсунских говорах автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.22 – языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (таджикский язык) / Курбонов, Содик Хамрокулович. – Душанбе, 2004. – 21 с.
137. Қосимова, М.Н. Ибораҳои изофии масдарӣ/ М.Н. Қосимова // Мактаби советӣ, 1965. №6. – С. 62.
138. Қосимова, М.Н. Очеркҳо оид ба синтаксиси ҷумлаҳои соддаи насри асри 11/ М.Н. Қосимова. – Душанбе: Ирфон, 1976. - 216с.
139. Қосимова, М.Н. Оид ба чанде калимаву ибораҳо дар осори Ҷалолиддини Балхӣ / М.Н. Қосимова//Вазифаҳои воҳидҳои забон дар ҷараёни гуфтор. – Душанбе, 1995. – С.106–110.
140. Қосимова, М.Н. Мухтасар оид ба истилоҳоти забоншиносии пешин / М.Н. Қосимова. – Душанбе, 2003.– 113 с.
141. Қосимова, М.Н. Таърихи забони адабии тоҷик. Ҷ. 1 / М.Н. Қосимова. – Душанбе, 2003. – 490 с.
142. Қосимова, М.Н. Сухан аввал ба дониш дарҷ кардан / М.Н. Қосимова. – Душанбе, 2005. – 135 с.
143. Қосимова, М.Н. Доир ба ибора дар забони тоҷикӣ //Ганҷи сухан (Сборник научных трудов). – Душанбе: Маориф ва фарҳанг, 2013. - С. 104 – 125.
144. Қосимова, М.Н. Мухтасар оид ба ибораҳои изофии номӣ // Ганҷи сухан. – Душанбе, 2013. – С. 46 – 54.
145. Лайонз, Дж. Язык и лингвистика. Вводный курс (пер. с англ.) / Дж. Лайонз. –М.: Едиториал УРСС, 2010. –320 с.
146. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем [Пер. с англ. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой] / Дж. Лакофф, М. Джонсон. –М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 256 с.

147. Левицкий, Ю.А. Проблемы лингвистической семантики / Ю.А. Левицкий. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. –152 с.
148. Левицкий, Ю.А., Боронникова, Н.В. История лингвистических учений /Ю.А. Левицкий, Н.В. Боронникова – М.: Высшая школа, 2009. –302. с.
149. Леонтьев, А.А. Исследования поэтической речи / А.А. Леонтьев// Теоретические проблемы советского языкознания. – М., 1968. – С. 143–153.
150. Лившиц В.А. О внутренних законах развития таджикского языка /В.А. Лившиц// Изв. АН Тадж. ССР. отд. обществ. наук, 1954, №5. - С. 87 - 102.
151. Ломоносов М.В. Российская грамматика. -Санкт-Петербург, 1755. -213 с.
152. Лопатина Л. Е. Примыкание /Л.Е. Лопатина// Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. - М., 1990. – С. 376.
153. Лотман, Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха / Ю.А. Лотман. –Л: Происвещение, 1972.– 271с.
154. Манаенко Г.Н. Информационно-дискурсивный подход к анализу осложненного предложения / Г.Н. Мананенко. - Ставрополь, 2006. - 263 с.
155. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику / В.А. Маслова. – М., 2008. – 296 с.
156. Матезиус В. О. О так называемом актуальном членении предложения /В.О. Метезиус // Пражский лингвистический кружок. -М., 1967. -С. 239 - 245.
157. Масленникова, Е.М. Поэтический текст: динамика смысла / Е.М. Масленникова. – Тверь: 2004. –214 с.
158. Махмадалиева Х.П. сопоставительный анализ адъективных словосочетаний в таджикском, английском и русском языках: дисс. канд. филол. наук: 10.02.20 / Махмадалиева Халима Пирмуродовна. - Душанбе, 2015. – 181 с.
159. Мачидов Ҳ. Забони адабии муосири тоҷик. Луғатшиносӣ. / Ҳ. Мачидов. –Душанбе: Деваштич, ҷилди 1, 2007. – 255 с.

160. Мачидов Ҳ. Фасоҳати суҳан ва санъати интихоби маъноӣ дақиқ /Ҳ. Мачидов // Садои Шарқ. - 2012. - №10. - С. 104 - 115.
161. Маъсумӣ Н. Ибораҳои сифати феълӣ ва масдарӣ дар забони повести С. Айни «Марги судхӯр» /Н. Маъсумӣ // Мактаби советӣ. - 1955. - №12. -С.28-36.
162. Маъсумӣ Н. Забон ва услуби Аҳмади Дониш/Н. Маъсумӣ. - Душанбе, 1976. -73 с.
163. Маъсумӣ Н. Чаҳонбинӣ ва маҳорат/Н. Маъсумӣ. – Душанбе: Адиб, 2005. - 294 с.
164. Маъсумӣ Н. Очеркҳо оид ба инкишофи забони адабии тоҷик/Н. Маъсумӣ. Чопи дуввум. - Душанбе, 2011. – 385 с.
165. Мейе, А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков (пер. с фр.) / А. Мейе. – Ленинград, 1938. – 510 с.
166. Мирзобоев, А. Муқаддимаи филологияи эронӣ / А. Мирзобоев. – Душанбе, 2015. – 342с.
167. Мирзоев, А. Ибораҳои феълии замонӣ дар забони адабии ҳозираи тоҷик/ А. Мирзоев. - Душанбе: Дониш, 1972. – 253 с.
168. Мирзоев, А. Ибораҳои феълии замонӣ дар забони адабии ҳозираи тоҷик/ А. Мирзоев. - Душанбе: Дониш, 1972. 254 с.
169. Мирзоев, А. Масъалаҳои ибора дар забони адабии тоҷикӣ / А. Мирзоев. – Душанбе: Деваштич, 2002. – 308 с.
170. Мирзоев, А., Ниёзӣ Ш., Ғафуров М. Грамматикаи забони тоҷикӣ. Синтаксис. Қ. 2. Барои мактабҳои ноপুরра ва миёна/ А. Мирзоев, Ш. Ниёзӣ. – Сталинобод: Нашр. дав. Тоҷикистон, 1948 – 124 с.
171. Мирзоёров, Ф.Н. Грамматические комментарии в таджикских толковых словарях XVI - XIX вв: автореф. дисс. канд. филол. наук: 10.02.22 /Мирзоёров Фирдавс Ниёзович. - Душанбе, 2011. -22 с.
172. Мухтори, К. Лексико-стилистические особенности поэтического наследия Рудаки: дисс. канд. филол. наук: 10.02.22 / Мухтори Кутбиддин. –

Душанбе, 2002. – 157 с.

173. Мухторов, З.М. Структура и семантика текста (на материалах таджикского и русского языков) /З.М. Мухторов. - Душанбе, 2013.-242с.

174. Набиев, М. Забони адабии ҳозираи тоҷик. Лексикология, фонетика ва морфология. Китоби дарсӣ барои мактабҳои олии. Қисми 1 / М. Набиев. – Душанбе, 1983. – 192 с.

175. Набиев, М. Забони адабии ҳозираи тоҷик. Нахв. Қисми 2 /М. Набиев. – Душанбе: Ирфон, 2012 – 176 с.

176. Назарзода, С. Лигвистическое изучение классических письменных памятников (на примере «Аджайиб ул-махлуқат ва гарайиб ул-мавҷудат» Ахмада Туси) / С. Назарзода. – Душанбе – 2004. – 332с.

177. Насируддин Тусӣ. Меъёр–ул–ашъор [таҳияи У. Тоиров ва дигарон] / Тусӣ Насируддин. – Душанбе: Ориёно, 1992. – 152 с.

178. Негмат-заде, Ф. Лексико-семантические особенности поэмы «Семь красавиц» Низами Гянджави: автореф. дисс. канд. филол. наук: 10.02.22 / Негмат-заде Фархунда. – Душанбе, 2001. – 18 с.

179. Ниёзӣ, Ш.Н. Словообразование имен существительных в современном таджикском литературном языке: автореф. дис. канд. филол. наук / Ш.Н. Ниёзӣ. – Сталинабад, 1950. – 24 с.

180. Ниёзмӯхаммадов Б., Ниёзӣ Ш. Грамматикаи забони тоҷикӣ. Синтаксис. Қисми 2. /Б. Ниёзмӯхаммадов, Ш. Ниёзӣ. – Сталинобод, 1952. – 159 с.

181. Ниёзмӯхаммадов, Б., Ниёзӣ Ш. Грамматикаи забони тоҷикӣ. Қисми дувум. Синтаксис/ Б. Ниёзмӯхаммадов, Ш. Ниёзӣ. – Сталинобод, 1954. 237 с.

182. Ниёзмӯхаммадов, Б. Очеркҳо оид ба баъзе масъалаҳои забоншиносии тоҷик/ Б. Ниёзмӯхаммадов. - Сталинобод, 1960. – 118 с.

183. Ниёзмӯхаммадов, Б. Забони адабии ҳозираи тоҷик. Қисми 1. /Б. Ниёзмӯхаммадов. – Душанбе: Ирфон, 1973. - 450 с.

184. Никитин, М.В. Основы лингвистической теории значения / М.В. Никитин. – М. Высшая школа, 1988. – 168 с.
185. Норматов, М. Забони адабии муосири тоҷик (синтаксис). – Душанбе, 2011. – 324 с.
186. Носири Хусрав. Чомеъ-ул-хикматайн// Куллиёт. – Душанбе: Ирфон, 1991. – С. 136 – 137.
187. Носиров, С.М. Системный анализ говора бухарских иранцев: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.22 – языки народов зарубежных стран Европы, Азии, африки, аборигенов Америки и Австралии (таджикский язык) / Носиров Сабур Музаффарович. – Душанбе, 2013. – 25 с.
188. Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. – М.: Наука, 1973. – 318 с.
189. Общее языкознание. Внутренняя структура языка / Под ред. Б.А. Серебренникова. – М., 1972. – 565 с.
190. Овчинникова, И.К. Именные словосочетания в персидском языке и возможные принципы их классификации /И.К. Овчинникова //Иранская филология. М.: МГУ, 1971. - С. 37 - 53.
191. Овчинникова, И.К. К вопросу о грамматической сущности и принципах выявления словосочетаний в персидском языке /И.К. Овчинникова //Иранская филология. - МГУ, 1971. - С. 16 - 42.
192. Оранский, И. М. Иранские языки / И. М. Оранский. – М., 1963. – 204с.
193. Оранский, И. М. Введение в иранскую филологию / И. М. Оранский. – М.: Наука, 1980. – 388с.
194. Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки /Под ред. В.С. Расторгуевой. – М., 1979. – 376с.
195. Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки /Под ред. В.С. Расторгуевой. – М., 1981. – 504с.

196. Основы иранского языкознания. Книга 3. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки / В. С. Расторгуева. – М.: Наука, 1982. — 571 с.
197. Основы иранского языкознания: Среднеиранские и новоиранские языки /Под ред. В.А. Ефимова. – М.: Вост. лит. РАН, 2008. – 446с.
198. Падучева, Е.В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка / Е.В Падучева. - М., 2009. – 296 с.
199. Пейсиков, Л.С. Вопросы синтаксиса персидского языка /Л.С. Пейсиков. - М.: Изд-во Института международных отношений, 1959. – 467 с.
200. Петерсон, М.Н. Очерк синтаксиса русского языка /М.Н. Петерсон. – М., 1923. – 131 с.
201. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-ое изд./А.М. Пешковский. – М.: Учпедгиз, 1956. – 450 с.
202. Пирейко, Л.А. К истории пассивных форм в иранских языках / Л.А. Пирейко // Иранское языкознание. – М., 1976. – С. 35-44.
203. Поливанов, Е.Д. Избранные работы. Труды по-восточному и общему языкознанию /Е.Д. Поливанов. - М.: Наука, 1991. – 622 с.
204. Пискунова, С.В. Тайны поэтической речи / С.В. Пискунова. – Тамбов, ТГУ, 2002. – 408 с.
205. Плунгян, В.А. Общая морфология. Введение в проблематику /В.А. Плунгян. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 384 с.
206. Поспелов, Н.С. О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений /Н.С. Поспелов // Вопросы синтаксиса современного русского языка. под. ред. В.В. Виноградова. – М.: Учпедгиз, 1950. – 480 с.
207. Потенбня, А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 4. /А.А. Потенбня. – Москва, 1977. – 551с.
208. Потенбня, А.А. Слово и миф /А.А. Потенбня. – М.: Правда, 1989. – 622 с.

209. Потебня, А.А. Эстетика и поэтика / А.А. Потебня. – М. Искусство, 1976. – 614 с.
210. Прокопович Н.Н. Словосочетание в современном русском литературном языке: монография / Н.Н. Прокопович. – М.: Просвещение, 1966. – 398 с.
211. Расторгуева В. С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. Том 2. / В. С. Расторгуева, Д.И. Эдельман. – Москва: Восточная литература, 2003. – 502 с.
212. Ревзина, О.Г. Лингвистика XXI века: на путях к целостности теории языка /О.Г. Ревзина // Критика и семиотика. – Вып. 7. – Новосибирск, 2004. С. 11-20.
213. Ревзина, О.Г. Системно–функциональный подход в лингвистической поэтике /О.Г. Ревзина //Проблемы структурной лингвистики.1985 –1987. – М., 1989. – С. 134 – 151.
214. Резникова, Л.О. Понятие и слово /Л.О. Резникова. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1958. –123 с.
215. Реформатский, А.А. Введение в языковедение: Учебник для вузов/ Под ред. В.А.Виноградова. -М.: Аспект Пресс, 2001. - 536 с.
216. Реформатский, А.А. Лингвистика и поэтика / А.А Реформатский. – М.: Наука, 1987. – 164 с.
217. Рубинчик, Ю.А. Современный персидский язык. – М., 1960. -140 с.
218. Рубинчик, Ю.А. Основы фразеологии персидского языка / Ю.А. Рубинчик. – М.: Наука, 1981. – 274 с.
219. Рустамов, Ш. Ба ибора табдил додани чумлаи пайрави сабаб /Ш. Рустамов // Мактаби советӣ. – 1963. - №9. – С.10-16.
220. Рустамов, Ш. Чумлаҳои пайрави пуркунанда дар забони ҳозираи тоҷик /Ш. Рустамов //Масъалаҳои забоншиносии тоҷик. – Душанбе, 1967. – С. 62-101. Рустамов, Ш. Чумлаҳои мураккаб бо пайрави сабаб дар забони адабии ҳозираи тоҷик /Ш. Рустамов. - Душанбе: Дониш, 1968. – 165 с.

221. Рустамов, Ш. Забон ва замон / Ш. Рустамов. – Душанбе: Ирфон, 1981. – 256 с.
222. Рустамов, Ш. Исм / Ш. Рустамов. – Душанбе: Дониш, 1981. – 218 с.
223. Рустамов, Ш. Мушкилоти синтаксис /Ш. Рустамов. – Душанбе: Маориф, 1988. – 339 с.
224. Сабзаев, С.М. Забон ва сабки баёни Мавлоно Ҷалолуддини Балхӣ / С.М. Сабзаев. – Душанбе: Ирфон, 2014. – 520 с.
225. Сабзаев, С.М. Забон ва услуби шоирони маорифпарвар /С.М. Сабзаев – Душанбе: Маориф, 1991. – 80 с.
226. Сабиржанов, С. Собственно вопросительные предложения в современном таджикском литературном языке /С. Сабиржанов. – Душанбе, 2011. – С. 199 с.
227. Савченко, А.Н. Речь и образное мышление /А.Н. Савченко//Вопросы языкознания, 1980, №2. –С. 21–32.
228. Саймиддинов, Д. Вожашиноси забони форсии миёна /Д. Саймиддинов. – Душанбе, 2001. – 310 с.
229. Саймиддинов, Д. Пажӯҳишҳои забоншиносӣ /Д. Саймуддинов. – Душанбе, Шарқи озод, 2013. – 207 с.
230. Салимов, Р.Д. Структура и семантика односоставных предложений в русском и таджикском языках /Р.Д. Салимов. - Душанбе: Ирфон, 2009. - 394 с.
231. Саломов, М.Қ. Ифодаи маҷоз дар ғазалиёти Ҳофизии Шерозӣ / М.Қ. Саломов. – Душанбе, 2001. – 138 с.
232. Саломов, М.Қ. Семантика ва ё назаре ба маъношиносӣ / М.Қ. Саломов // Забон рукни тоат. Китоби панҷум. – Душанбе, 2011. – С. 11 – 16.
233. Саломов, М.К. Фразеологические единицы и трудности их перевода в поэтическом тексте / М.К. Саломов // Забон рукни тоат. Китоби шашум. – Душанбе, 2013. – С. 70 – 74.

234. Саломов, М.Қ. Баъзе хусусиятҳои семантикии грамматикӣ феъл дар забони ғазал / М.Қ. Саломов // Паёми Донишгоҳи миллӣ, серияи филологӣ. – 2015, - № 4/5. С. 8-13.
235. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир (Перевод с англ. А.Е. Кибрика). - М.: Прогресс, 1993. - 656 с.
236. Скобликова, Е. С. Согласование и управление в русском языке / Е.С. Скобликова. - М., 1971. – 168 с.
237. Солиев, А. Доир ба як навъи ибораи исмӣ / А. Солиев // Мактаби советӣ. - 1977. – №2. - С.19-22.
238. Солиев, А. Предложно-именные словосочетания в современном таджикском литературном языке (на материале художественной прозы С. Айни): автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.02 / Солиев Абибулло. – Душанбе, 1984. - 183 с.
239. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М., 1977. – 695 с.
240. Спиркин, А.Г. Происхождение языка и его роль в формировании мышления / А.Г. Спиркин // Мышление и язык. – М, 1957. - С.3-72.
241. Степаченко, И.М. Стилистический анализ стихотворений С.А. Есенина / И.М. Степаченко. – Харьков: ХГПИ, 1989. – 105 с.
242. Сусов, Т.И. История языкознания / Т.И. Сусов. - Тверь, 1999. -147 с.
243. Табаров, Х. Ҳочи Хусайн – шоири суханофарин / Х. Табаров. – Душанбе: 2012.–176 с.
244. Таджиев, Д.Т. Об одном определительном словосочетании в современном таджикском литературном языке / Д.Т. Таджиев // Известия АН Тадж. ССР: Отд. Обществ. Наук. - Сталинабад, 1952. - С. 23-26.
245. Таджиев, Д.Т. Таджикские причастно-определятельные словосочетания типа «китоби ман хондагӣ» / Д.Т. Таджиев // Доклады АН Тадж.ССР, вып. 5, 1952. - С. 45 – 48.

246. Таджикиев, Д.Т. Об определительных словосочетаниях типа «Ахмада китобаш», «гапа камаш» /Д.Т. Таджикиев //Уч. зап. Тадж.госуниверситета. Т.2. Серия гуманитарных наук. - Сталинабад, 1954. – С. 195 – 199.
247. Таджикиев, Д.Т. Способы связи определения с определением в современном таджикском языке /Д.Т. Таджикиев. – Сталинобод, 1955. – 72 с.
248. Таджикиев, Д.Т. Проблемы изучения сложноподчиненного предложения /Д.Т. Таджикиев //Вопросы языкознания. – 1977. – №5. – С. 43-52.
249. Темурова, М. Причастные словосочетания в романе «Ёддоштхо» Садриддина Айни: дисс. канд. филол. наук: 10.02.22 – языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (таджикский язык) / Темурова Момагул. - Душанбе, 2009. - 147 с.
250. Тоchieв, Д.Т. Способы связи определения с определяемым в современном таджикском литературном языке//Осори мунтахаб / Д.Т. Тоchieв. – Душанбе: Деваштич, 2005. – С. 151 – 211.
251. Турсунов, Ф.М. Лексико-семантический анализ и особенности перевода пословиц и поговорок произведений Ф.Мухаммадиева на материалах таджикского и русского языков /Ф.М. Турсунов. – Душанбе, 2006 – 135 с.
252. Уорф, Б.Л. Лингвистика и логика /Б.Л. Уорф// Новое в лингвистике. Вып. 1. – М., 1960. – С. 183 – 198.
253. Фатеева, Н.А. Поэт и проза. Книга о Пастернаке /Н.А. Фатеева. - М., 2003. - 400 с.
254. Фатеева, Н. А. Открытая структура: о поэтическом языке и тексте рубежа XX-XXI веков /Н.А. Фатеева. - М.: Вест-Консалтинг, 2006. — 160 с.
255. Фортунатов, Ф.Ф. О преподавании грамматики русского языка в средней школе/Ф.Ф. Фортунатов//Избранные труды. М., 1957. Т. 2. С. 251 - 256.

256. Хаитова, Ш. Лексические особенности газелей Камола Худжанди: автореф. дисс. канд. филол. наук: 10.02.22 / Хаитова Ширин Исматуллаевна. – Душанбе, 2002. – 21 с.
257. Халеева, И.И. Общесемиотические основания лингвокреативности // Языковые творчества в динамике семиотических взаимодействий. – М., 2001. – С.18 – 56.
258. Халилов, А. Вазифаҳои грамматикии бандаки изофӣ (-ӣ) дар забони адабии ҳозираи тоҷик /А. Халилов. - Душанбе, 1969. – 148 с.
259. Халилов, А. И Ибораҳои изофӣ дар забони адабии тоҷик /А. Халилов. - Душанбе, 1964. - 93 с.
260. Хасанов, А.А. Сохранение лексических особенностей и грамматических конструкций таджикского языка в северных говорах (на материале письменных памятников X-XIII вв.): автореф. дисс. канд. филол. наук: 10.02.22 / Хасанов Абдужамол Ашрафович. – Душанбе, 2004. – 47 с.
261. Хоҷа Ҳасани Нисорӣ. Чаҳор гулзор [тахияи У. Назир ва Д. Хоҷа] /Нисорӣ Хоҷа Ҳасан. – Душанбе: Шарқи озод, 1998. – 116 с.
262. Хоҷаев Д. Гуфтори накӯ куҳан нагардад /Д. Хоҷаев. - Душанбе: Шучоӣён, 2011. – 230 с.
263. Хоҷаев Д. Ташаккул ва таҳаввули илми забоншиносии форсу тоҷик дар асрҳои миёна /Д. Хоҷаев. -Душанбе: Диловар - ДДМТ, 1998. – 152 с.
264. Хоҷаев, Д. Афкори забоншиносии тоҷик дар асрҳои X–XVI/ Д. Хоҷаев.– Душанбе: Фарҳанг ва маориф, 2013. – 345 с.
265. Хушенова С.В. Изафетные фразеологические единицы таджикского языка: автореф. дисс. канд. филол. наук /С.В. Хушенова. - М., 1966. - 22с.
266. Хушенова, С.В. Современное состояние и задачи изучения таджикской фразеологии /С.В. Хушенова //Вопросы языкознания. - 1980. - №2. - С. 125-134.

267. Ҳалимов, С. Садриддин Айнӣ ва баъзе масъалаҳои инкишофи забони адабии тоҷик /С. Ҳалимов. – Душанбе: Ирфон, 1974. – 135 с.
268. Ҳалимов, С. Таърихи забони адабии тоҷик (асри X) /С. Ҳалимов. – Душанбе, 1979. – 96 с.
269. Ҳалимов, С. Таърихи забони адабии тоҷик (асрҳои XI–XII) /С. Ҳалимов. – Душанбе, 2002. – 95 с.
270. Ҳасанов, А. Дурри дарёи дарӣ ва шеваи шимолӣ / А. Ҳасанов. – Хучанд, 1999. – 111 с.
271. Ҳасанов, А. Унсурҳои луғавӣ ва сарфию нахви осори садаҳои X–XIII дар ғӯиши шимолӣ (бахши Фарғонаи ғарбӣ) / А. Ҳасанов. – Хучанд: Нури маърифат, 2003. – 258 с.
272. Ҳомидов, Д. Сарнавишти вожаҳо / Д. Ҳомидов. – Душанбе: ДДМТ, 2008. – 144 с.
273. Ҳусейнов Х. Ибораҳои феълӣ ҳамчун синоними ҷумлаи пайрави ҳолшарҳкунандаи замон дар забони адабии ҳозираи тоҷик /Х. Ҳусейнов // Мактаби советӣ, 1957. - №8. - С. 43-55.
274. Ҳусейнов Х. Забон ва услуби повести «Одина»-и С. Айнӣ /Х. Ҳусейнов. - Душанбе, 1973. – 213 с.
275. Шамси Қайси Розӣ. Ал–муъҷам (муаллифи сарсухану тавзеҳот ва ҳозиркунандаи ҷоп Урватулло Тоиров) / Розӣ, Шамси Қайс. – Душанбе: Адиб, 1991. – 464 с.
276. Шанский, Н.М. Лингвистический анализ стихотворного текста / Н.М. Шанский. – М.: Просвещение, 2002. – 224 с.
277. Шанский, Н.М. Художественный текст под лингвистическим микроскопом / Н.М. Шанский. – М.: Просвещение, 1988. – 213 с.
278. Шарипова, Ф.Х. Лексикосемантические особенности «Кашф-ул-маҳдҷуб»: автореф. дисс. канд. филол. наук: 10.02.22 / Шарипова Фарангис Худоиевна. – Душанбе, 2002. – 22 с.

279. Шарипова, Ф.Х. Эволюция простого предложения таджикского языка: дисс. док. филол. наук: 10.02.22 / Шарипова Фарангис Худоеевна. – Душанбе, 2013. – 394 с.
280. Шарифов, Х. Балоғат ва суханварӣ / Х.Шарифов. – Душанбе: Ирфон, 2002. – 276 с.
281. Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка. – М.: Эдиториал УРСС, 2011. – 624 с.
282. Шведова, Н.Ю. Об основных синтаксических единицах и аспектах их изучения /Н.Ю. Шведова //Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. – Л.: Наука, 1975. - С. 123 – 129.
283. Шведова, Н.Ю. Русский язык. Избранные работы /Н.Ю. Шведова. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 640 с.
284. Ширяев, Е.Н. Примыкание / Е.Н. Ширяев// Русский язык. Энциклопедия / Ю.Н. Караулов (гл. ред.). — 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Большая российская энциклопедия, Дрофа, 1997. – С. 384.
285. Шодиев Р. Феъл дар “Шохнома”-и Абулкосим Фирдавсӣ / Р. Шодиев. – Душанбе, 2010. – 152 с.
286. Штайн, К.Э. Гармония поэтического текста / К.Э. Штайн. –Ставрополь: Издательство СГУ, 2006. – 646 с.
287. Шукуров, М. Забони мо – ҳастии мо / М. Шукуров. – Душанбе: Маориф, 1991. – 228 с.
288. Шукуров, М. Хуросон аст ин чо / М. Шукуров. – Душанбе: Ирфон, 1996. – 320 с.
289. Эдельман, Д. И. К генетической классификации иранских языков / Д. И. Эдельман // Вопросы языкознания. – М., 1984. –№6. – С. 50-55.
290. Эмомалӣ Раҳмон. Забони миллат – ҳастии миллат. Китоби 1 / Раҳмон Эмомалӣ. – Душанбе, 2016. – 491 с.

291. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон//Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 193–230.
292. Якобсон, Р. Избранные работы / Р. Якобсон. – М., 1985. – 454 с.
293. Якобсон, Р. Работы по поэтике / Р. Якобсон. – М.: 1987. – 460 с.

Литература на персидском языке

294. البرزی، پرویز. مبانی زبانشناسیِ مطن. – تهران: امیر کبیر، 1386. - 315 ص.
295. بهالدین خرّمشاهی. کژتابیهای زهنی و زبانی. – تهران: نهید، 1374. - 311 ص.
296. جلال الدین همای. فنون بلاغت و صناعات ادبی.. – تهران: نشر هما، 1367. - 448 ص.
297. خسرو فرشیدورد. جمله و تحول آن در زبان فارسی. – تهران: امیر کبیر، 1378. - 556 ص.
298. خسرو فرشیدورد. در باره ادبیات و نقد ادبی (جلد اول). – تهران: سپهر، 1378. - 371 ص.
299. رضا قاسمی. معانی و بیان تطبیقی. – تهران: فردوسی، 1378. - 534 ص.
300. سیروس شمیسا. بیان. – تهران: انتشارات فردوسی، 1373. - 276 ص.
301. سیروس شمیسا. کلیات سبک شناسی. انتشارات فردوسی، 1375. - 328 ص.
302. ضیا قاسمی. سبک ادبی از دیدگاه زبان شناسی. – تهران: امیر کبیر، 1392. - 277 ص.
303. محمد الطالب الامولی. نفایس الفنون فی عرایس العیون. – تهران، 1338. - 783 ص.
304. محمد تقی بهار. ملک الشعرا. سبک شناسی (جلد 3). – تهران: امیر کبیر، 1373. - 441 ص.
305. محمد رضا شفیع کدکنی. مسیقی شعر. – تهران: آگاه، 1370. - 679 ص.
306. مصطفی علی پور. ساختار زبان شعر امروز. – تهران: انتشارات فردوسی. 1340. - 420 ص.

Иностранная литература

307. Ashen, N. The semantics and pragmatics of presupposition / N. Shaer, A. Lascarides // Journal of semantics, 1998. N 15. - P. 239 - 299.
308. Austin, J. How to Do Things with Words. - New York, Oxford University Press, 1973. - 166 p.
309. Chafe, W. Language and Consiousness//Language. 1974.-No. 50.-P. 111-113.
310. Chomsky, Noam. Aspect of the theory of the syntax. – Cambridge – Massachusets, 1973. – 251 p-s.

311. Cobuldt, Collins. Basic grammar / Collins Cobuldt. – Birmingham, 2001. – 236c.
312. Danes, F. Functional Sentence Perspective and the Organization of the Text// Papers on Functional Sentence Perspective. Prague: Academia, 1974. P. 106 – 128.
313. Eco, U. Semiotics and the philosophy of Language. - Bloomington: Indiana Univ. Press, 1985. - 242 p.
314. Firbas, J. Functional Sentence Perspective in Written and Spoken communication. Studies in English Language. - Cambridge: Cambridge University Press, 1992. - P. 317 - 334.
315. Grice, H. P. Logic and Conversation // Syntax and Semantics / Cole P. and Morgan J. L. (eds.). New York, 1975. Vol. 3. P. 41 - 58.
316. Humboldt, Wilhelm von. Briefe an Fridrich Wolf. Ed. Ph. Matsot. – Berlin-New York: de Gruyter, 1990.
317. Kristeva, J. Desire in Language. - New York, 1980. - 240 p.
318. Mathethius V. A. Functional Analysis of Present-day English on a General Linguistic Basis. Prague, 1975. - P. 239-245.
319. Richard, K. L. Grammar as Science. - London, 2010. – 433c.
320. Scholes, R. Semiotics and Interpretation. -New Heaven: Yale Univ.Press,1982.-161p-s.
321. Searle, J. R. Expression and Meaning (Studies in the Theoiy of Speech Acts) N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1979. - 187 p.
322. Searle, J. R. Introdaction// Philosophy of Language. N.Y.: Cambrige Univ. Press, 1979. - 134 p.
323. Sepir, E. The status of linguistics as science//Language, 1929,№5.-P. 207-214.
324. Whorf, B.L. Language, Thought and Reality. – New York: The technology Press, 1956. – 278 p-s.

325. Weinreich, Urien. Languages in contact. Finding and problem. – New York. Columbia University. 1953. – 148 p-s.

Интернет-ресурсы

326. <http://www.grammarology.ru>

327. <http://www.jstor.org/stable>

328. <http://www.krugosvet.ru>

329. <http://www.ksma.ru/news/document>

330. <http://www.philol.msu.ru>

Словари и источники

331. Айнӣ, С. Куллиёт. Ҷилди 8. – Душанбе: Ирфон, 1981. – 521 с.

332. Ахманова, О.Х. Словарь лингвистических терминов. - М., 1966. – 598 с.

333. Бобомуродов, Ш., Мухторов, З. Фарҳанги истилоҳоти забоншиносӣ / Ш. Бобомуродов, З. Мухторов. – Душанбе, 2016. 428 с.

334. Ганчи Зарафшон. Тартибдиҳанда А.Абибов. – Душанбе, 1991. – 544 с.

335. Гулшани адаб. Намунаҳои назми тоҷики асрҳои XVIII – XX. Ҷилди V. – Душанбе: Ирфон, 1980. - 461 с.

336. Муҳаммад Ғиёсуддин. Ғиёс–ул–луғот. Ҷ.1. / Ғиёсуддин Муҳаммад. – Душанбе: Адиб, 1987. – 480 с.

337. Муҳаммад Ғиёсуддин. Ғиёс–ул–луғот. Ҷ.2. / Ғиёсуддин Муҳаммад. – Душанбе: Адиб, 1988. – 416 с.

338. Туғрали Аҳрорӣ. Навоӣи кибриё. Куллиёти ашъор. – Душанбе: Адиб, 2014. - 440 с.

339. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷилди 1. -М.: Сов. энциклопедия, 1969. -951 с.

340. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷилди 2. -М.: Сов. энциклопедия, 1969. -950 с.

341. Ҳайрат. Ашъори мунтахаб. – Душанбе, 1964. – 253 с.

342. Ҳочӣ Ҳусайни Кангуртӣ. Куллиёт. - Душанбе: Ирфон, 1998. - 524 с.

343. Шамсиддини Шохин. Мунтахабот. – Душанбе: Адиб, 2016. – 320 с.

30.05.2018